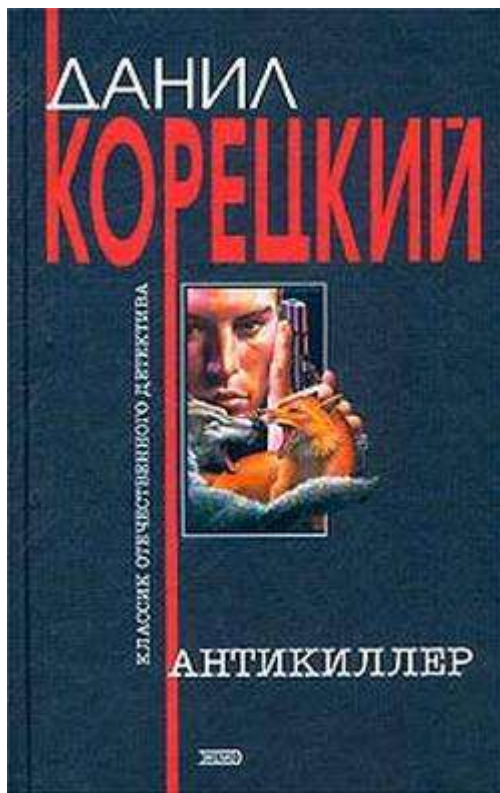

Данил Аркадьевич Корецкий
Антикиллер

Серия: *Антикиллер – 1*

«Антикиллер»:
ЭКСМО; Москва; 2003; ISBN 5-699-03025-5

Аннотация

События романа Данила Корецкого, в котором активно действуют «молодежные» команды, «бригады», группировки, сообщества «воров в законе», разворачиваются в 1995 году. В центре повествования попытка ряда политиков, тесно связанных с организованной преступностью, сорвать задевающие их экономические интересы переговоры между двумя странами СНГ, гарантом которых выступает президент России, который является основной мишенью для наемного убийцы.

ДАНИЛ КОРЕЦКИЙ АНТИКИЛЛЕР

Если история чему-нибудь и учит, то только тому, что убить можно кого угодно.
Майкл Корлеоне. Крестный отец-3.

Глава первая УРОВНИ КРИМИНАЛИТЕТА

Преступный мир таков, каким государство позволяет ему быть.
Джон Крамник – сопредседатель американской Ассоциации начальников полиции.

Марику Рынду приняли в бригаду, и он собирался на первую рабочую смену. Раздавленная «льготным» двадцатилетним стажем по горячей сетке и неподъемными чугунными болванками мать обрадовалась известию, так как вопреки собственному опыту считала, что бригада – это вторая семья, дом родной. Такими были многочисленные рабочие коллективы в фильмах, книжках, газетах и песнях. И то, что ей самой не повезло – пили все кругом, матерились, норовили трахнуть в душевой после смены, – не меняло общего впечатления. Просто есть мир красивый И правильный – он всегда подальше, а есть уродливый и грубый – до него обычно почему-то рукой подать. Все от руководителя зависит. Из Петьки Буракова какой бригадир? Первый пьяница и бабник, к тому же на руку нечист! А вот поди ж ты – продержали до пенсии, значит, начальству подходил... Ну ничего, она за двоих оттерпела, Марику в жизни больше должно повезти.

– Бригадир-то у тебя хороший? – спросила она у Рынды, с усилием втискивавшего нога в разношенные кроссовки сорок четвертого размера.

– Нормальный, – буркнул сын. – А там видно будет – работа покажет... Раздался треск – шов лопнул, обнажив носок явно не первой свежести.

Рында выругался. Впрочем, вспышка злости сразу прошла. На новой работе такие мелочи легко решаются.

– Пока, мам!

Он подошел к зеркалу, погладил бритую, всю в буграх, как передержанная в земле картофелина, голову, застегнул «молнию» спортивной куртки и сунул в карман короткую складную дубинку.

– Это еще зачем? – всполошилась мать, но он уже щелкнул замком двери.

– Надо, маманя, не знаешь, сколько хулиганья развелось!

Дверь захлопнулась.

Во дворе сидели Попугай с Амбалом. Курили одну за другой, разбрасывая окурки и заплывавая прилегающую территорию.

– Иди сюда! – по привычке крикнул Амбал.

В уличной команде Рында за два года так и не набрал авторитета. Может, потому, что гладко говорить не умел, может, из-за того, что в армию не взяли по психушечной статье, а скорей всего, на приеме облажался. Хотя его вины вроде и не было. Били его вчетвером, как положено, он не ойкнул ни разу, не закрылся, но не по-настоящему вышло... Кровянку из носа пустили и все, даже на ногах устоял.

Объяснение тому простое: Томку Федотову одновременно с ним в команду принимали, а для девок испытание другое: харят вдвоем-втроем, а все остальные смотрят. Ясно, что интересней! Вот и оказался Рында скучной лекцией перед киношкой. Башка и Валек спешили и Амбал особо не старался, потому и проскочил он без переломов и контузий, что Томка уже сидела на краешке затащенной в подвал кушетки.

Амбал на нее первым залез, потом Башка, Валек, потом снова Амбал. А когда все закончилось, Амбал сказал, застегиваясь:

– Она и за тебя отработала! Я, помню, две недели отлеживался, а ты на ее... проскочил! Может и тебя как бабу принимать надо было?

И все обидно расхохотались, принялись поддерживать и развивать эту тему.

Не обращая внимания на окрик. Рында вышел из двора. Все уже знали, что он в бригаде Баркаса, а потому хвосты подождут, даже вякать не будут, что без выкупа ушел. Подумаешь, команда! Конечно, два-три года назад это была сила, если ты один, сам по себе, то и ходишь, как голый. Томке три «зверя» проходу не давали: подстерегут – и тащат к себе в хату, кричи не кричи... А потом Амбал с Башкой, Ржавым и с ним, Рындой, так палками отмудохали этих черных, что они вообще из города пропали.

Но сейчас появились люди покруче... Команды распадаются, кого в бригаду взяли – тот не только защиту имеет, но и заработок хороший! И не надо мотоциклы угонять или шапки с прохожих сдергивать!

Через десять минут Рында пришел к месту работы. Довольно большая заасфальтированная площадка, на ней двадцать два коммерческих киоска. Почти все торгуют круглосуточно. Его задача – охранять коммерсантов. Собственно, их-то здесь и нет, наемные продавцы оставлены один на один с ночью и в реестр охраняемых ценностей не входят: товар должен быть в сохранности, стекла ларьков.

А если продавцы хотят, чтобы и их рожки находились под защитой, обязаны сами подсуетиться, дежурному внимание оказать.

Сегодня – его смена. Должность Рынды называется «контролер». Почти все с нее начинают, как в армии с рядового. А там – как служба пойдет...

Сейчас на всю ночь он здесь самый главный. Приедут пару раз менты, но они вроде как сбоку припеку. Остановятся, возьмут пива, водки или хавки

– и покатили дальше. Весь район под ними, хотя ни за что не отвечают: обворуют кого, ограбят, убьют – им-то что!

А здесь что случится – Баркас сразу шкуру спустит!

Раньше Рында хотел в ментовку поступить – гоняй по ночному городу и от имени власти твори что хочешь... форма, пушка, дубинка, наручники, радиосвязь на случай подмоги. Но объяснили – берут только после армии, а с его статьей – вообще голый вассер. Ну и ладно, ментовская власть пошатнулась: их самих все чаще замачивать стали...

Рында обошел киоски, наблюдая за порядком. К Самвелу то и дело заходили небритые земляки, да и русаки ныряли с иссушенно блестящими глазами, получив дозу, умиротворенно выныривали, оглядывали подобрешший до поры мир и исчезали в темных переулках. У Ивана пили ликер две проститутки, чуть позже пойдут клиенты. Тут никаких нарушений нет – и Самвел, и Иван платят за свой бизнес.

Справа послышался шум. Трое пьяных, отчаянно матерясь, дергали решетку ларька, что-то требуя от напуганной вконец девчонки.

– Чего надо?! Хотите без бошек остаться?! – громовым голосом, давшим ему кличку, заорал Рында, направляясь к месту конфликта.

Он даже не достал дубинку. Крупная фигура, уродливая шишковатая голова, обритая специально, чтобы эту уродливость подчеркнуть, выражение лица, за которое в школе его называли уголовником, действовали очень убедительно: нарушители спокойствия немедленно скрылись. Рында понимал: испугались они не его лично, в конце концов, лбы здоровые и рожки не подарок, да в карманах наверняка какие-нибудь смертоносные железки, вполне могли дать оборотку... Но знают, хоть и бухие: он не сам по себе, за ним бригада, а за ней вся группировка, завяжешься – обязательно найдут и придется ответ держать... А это тебе не суд – и адвокаты не помогут, и условных приговоров не бывает...

– Чего хотели? – грубо спросил он у продавщицы – молодой смазливой девчонки со светлыми волосами, затянутыми в два небольших «хвостика».

Девчонок ночью оставалось мало – четыре или пять, почти все приводили для подстраховки дружков и трахались с ними до утра, совмещая приятное с полезным.

– Будто бы вчера вместо водки самогон у нас купили! Ято при чем – только заступила...

– Значит, сменщики химичат, – по-прежнему грубым голосом сказал Рында.

– Не знаю, – девчонка пожалала плечами. Она все еще была напугана. Рында вспомнил, что когда он стажировался, то никогда не видел в этой палатке парней.

– Как зовут?

– Нина, – она протянула банку. – Хочешь пива?

Пива Рында мог взять в любом киоске просто так, за общее расположение. Прогнав хулиганов, он оказал услугу и мог рассчитывать на вознаграждение. Например, новые кроссовки. Или эту светленькую курочку.

Наверное, ход размышлений Рынды отразился на его лице, потому что девушка поставила пиво на прилавок и отодвинулась в глубину киоска, приготовившись выслушать очередное из предложений, которые ей приходилось отклонять по двадцать раз за день.

Но Рында никаких предложений сделать не успел. Сзади тормознула иномарка, он привычно шарахнулся в сторону, готовый мгновенно упасть на землю. Но это оказался Баркас.

– Как обстановка?! – зычным голосом старшины второй статьи гаркнул он.

«Поддатый», – определил Рында.

– Нормаль... Три козла к девчонке лезли – прогнал...

– Ты сам от Нинки подальше держись. Понял? – Баркас захохотал. – Она со мной будет любовь крутить! Правда, Нинок?

Девушка в сердцах захлопнула окошко.

– Пушку возьмешь? – шепотом сказал Баркас. – ТТ новый – любой бронежилет пробивает... Полтора лимона!

Обалдевший от столь резкого изменения темы, Рында уставился в широкое, с оспинами, лицо бригадира. Оно выглядело серьезным, но это ничего не значило: Баркас резко перескакивал с одной мысли на другую, любил разыгрывать собеседника, и никогда нельзя было понять – шутит он или нет. Говорили, что когда он еще плавал, то получил какой-то балкой по голове.

– Что вылупился? Не веришь? Гляди!

Нырнув в обтянутый красной кожей салон автомобиля, Баркас вытащил из-под сиденья большой черный пистолет, похоже и правда новый.

– Берешь? – он не таясь вертел в руках опасную игрушку – Когда-нибудь пригодится!

– Да нет, – Рында отступил. – Откуда деньги... И вообще...

– Не созрел значит... Пистолет исчез.

– Ну смотри... А то закопают, как Психа...

Баркас захохотал неизвестно чему, выудил из кармана гильзу и швырнул в стекло примеченного киоска, а выглянувшей светловолосой голове погрозил пальцем.

– Ладно! – лицо бригадира вдруг сделалось непроницаемым. – Завтра день расчета. Обойди всех и предупреди – ставка увеличивается на двадцать процентов. Инфляция! Да, за блядей – сорок процентов, за наркоту – пятьдесят. Пусть платят, суки!

Баркас с шумом развернулся, и красная «тойота», мигнув подфарниками, рванула по Большому проспекту.

«К чему он Психа приплел?» – тяжело заворочалась тревожная мысль.

Бывшего контролера рынка замочил неизвестно кто, убийство осталось нераскрытым, как и много других. Но в отличие от всех остальных не менты подозревали кого-то из блатных, а блатные были уверены, что руку приложил майор Коренев, хотя и выкрутился: не доказали ему ничего, как часто сейчас бывает...

Вспомнив Лиса, Рында поежился, заныла челюсть в месте сросшегося перелома и холодок по спине пошел – такой зверюга мог и его, и Баркаса замочить. Да что Баркас! Щептались, что он самого Шамана пообещал списать. И тот поопасился, слинял до поры...

Только майора свои же менты и схавали за какое-то говно. Видно, многим мешал...

Рында потерял челюсть. Настроение испортилось. Правда, имелась возможность подправить его, портя настроение другим. Он стал обходить ларьки, сообщая о предстоящем повышении ставок.

* * *

Попугай стоял на стреме, Амбал с Башкой ждали припозднившегося фраера. На пустыре было темно, огоньки сигарет, разгораясь при затяжках, высвечивали квадратные челюсти, нервно кривящиеся губы и подрагивающие ноздри. Вряд ли Амбал и Башка при свете дня обнаружили большое сходство, но сейчас ночное ожидание «дела» превращало их в

близнецов. И мысли были почти одинаковыми.

– Рынду в бригаду взяли, – смачно сплюнул Амбал. – «Пятачок» охранять. Сегодня не поздоровался, не подошел, когда я позвал...

– Сука, – отозвался Башка, но довольно вяло.

– И выкуп за уход не заплатил! – зло Продолжил Амбал. – Тамарка ушла, теперь Таньку за собой тянет... А мы что делать будем? Бабки им за харево отстегивать?

Башка молчал. Он зная, что Амбал пытался по старой памяти подкатиться к Томке, но получил от ворот поворот. А он этого не любит. Но допытается сам не лезть в дерьмо, а использовать кого-то другого. Например его, Башку, если не сумеет выкрутиться.

– Тамарка теперь центровая. Кто мы для нее? – как можно нейтральной сказал Сашка.

– Кто? А вот смотри...

Костистая рука ухватила Башку за затылок, огонек сигареты описал полукруг и прижался к щеке.

– Ты что, омудел?! – ощущая острую боль и запах горелого мяса. Башка задергался, с трудов вырываясь из цепкой хватки. Правая сторона лица ощущалась огромным нарывом.

– Сейчас посмотрим, кто омудел!

Щелкнул, выбрасывая клинок, пружинный нож и двенадцать сантиметров отточенной стали ворохнули воздух у самых глаз.

– Шкифы выну, падла! Я главарь команды, а не ты, и не Рында, – страшно шипел Амбал. – Центровые, верховые... Срал я на них! Кто ушел без разрешения и выкуп не внес – тем разборка будет! А Томку делал и делать буду! Бесплатно! Иначе писану поперек рожи – пусть покрасуется!

Попугай свистнул один раз. Амбал замолк. От автобусной остановки, сокращая дорогу, через пустырь шел человек.

– Идет... Ну!

– Я не могу... Башка держался за щеку, ясно давая понять, что толку от него не будет.

– Хрен с тобой! Я и без тебя обойдусь!

Хищная тень мотнулась прохожему наперерез, и сразу послышались быстрые, вязкие, как в тесто, удары. Человек неловко попытался защититься, но был сбит на землю. Рыча и невнятно матерясь, Амбал топтал его ногами. Когда тело перестало шевелиться, он привычно обшарил карманы, снял часы, сунул за пазуху бумажник.

Попугай свистнул два раза.

– Атас!

Амбал и Башка, стараясь громко не топать, перебежали на другую сторону пустыря, пролезли сквозь дыру в заборе, не торопясь прошли два квартала.

– Хорошо в сторонке стоять? – настроение у главаря улучшилось, поэтому в вопросе не было злобы – обычная издевка. – Я его за минуточку замесил!

– Сколько хоть ему лет? – обиженно оглаживающий ожог Башка позволил себе подковырку: мол, может, ему уже девяносто, тогда чем хвалиться?

– Хер его знает, – Амбал подковырки не понял. – Я ему в паспорт не смотрел. В лопатник заглянул – нашел целый пресс хрустов. Но твоей доли там нет!

Башка недобро промолчал.

«Уработать его, что ли? Сколько можно терпеть? Уже пятый шрам будет! И подъебки без конца... Завести на левый берег, дать кирпичом по затылку, его же пикой приколоть – и все дела!»

– Постой здесь, тебе не надо, ты все в штаны пустил, – гыгыкнул Амбал, ныряя в круглосуточный платный туалет.

Зайдя в кабинку, он осмотрел добычу. Часы японские, дорогие... Деньги, посчитаем – пятьсот пятьдесят тысяч. Лопатник кожаный – можно продать... Какое-то удостоверение...

Амбал раскрыл темно-вишневую корочку. На фотографии – незнакомый человек лет сорока пяти, в военной форме. Подполковник госбезопасности Галенков, начальник отдела Управления Федеральной службы контрразведки по Тиходонской области. И запаянный в пластик вкладыш с фотографией, фамилией, поперечной красной полосой и черным оттиском «КД 1178».

Ноги главаря команды ослабли, в животе заурчало, и если бы он не стоял в туалете, то

не избежал бы греха, в котором глумливо обвинил Башку.

Когда наконец Амбал вышел на улицу, мрачный подельник не удержался от ехидства.

– Видно, ты сам в штаны наложил от страха...

– Держи, – главарь сунул ему комок купюр. – Твоя доля – двести пятьдесят штук.

И пояснил:

– Нам с тобой поровну, Попугаю пятьдесят. Нам еще часы, ему – лопатник.

Потом хлопнул по плечу.

– Не дуйся, я пошутил... «Видно, почувствовал мои мысли», – решил Башка, а вслух сказал:

– Какие шутки – полморды разнесло!

– Оно и к лучшему: скажем, если что – этот хмырь первый начал, сигаретой в рожу ткнул... Они зашли в темный сквер, в условленном месте у фонтана их ждал Попугай.

– Ну как? – нетерпеливо подпрыгивал он.

– Ну и мудак попался! Мы еще слова не сказали, а он схватил Башку за волосы, да как припалит сигаретой, – возбужденно рассказывал Амбал. – Завоняло, будто кабана смалят! Ну, Башка взбеленился! Как даст ему, как даст! Молодец! С ног сбил и замесил как положено... Я даже не успел приложиться ни разу!

Преуменьшать свою роль и превозносить кого-то другого было совсем не в привычках Амбала. Башка отнес это на счет того, что он замаливает свои грехи.

«Бойтся, падла», – с удовлетворением подумал Башка, а вслух сказал:

– А чего я – деловать его буду? С левой – раз, справа – два! Потом в солнечное, по шее! Потом ногами!

Амбал смотрел с жадным любопытством. Попугай в этом деле – стопроцентный свидетель.

– Держи, твоя доля! – главарь протянул трофеи. – В случае чего – ты на атаке не стоял, не свистел, ничего не делал.

– Вы его не угрохали? – деловито спросил Попугай, вкладывая полученные пятьдесят тысяч в новый бумажник.

– Да нет, очухается, – уверенно сказал Амбал, хотя в душе опасался совсем другого результата.

* * *

Любой шифровальщик, не говоря о начальнике шифроргана, является секретноносителем высшей категории. Это определяет особый режим его жизнедеятельности. В зарубежной резидентуре такой бедняга не выходит за пределы посольства, даже из помещения спецслужбы не выходит, чтобы исключить нежелательные контакты. Так и просиживает два-три года загранкомандировки в пяти – восьми комнатках, общаясь с резидентом и несколькими офицерами.

Внутри страны режим, понятно, другой, хотя все равно живет под колпаком: и телефоны на прослушке, и периодически «хвост» привешивают, и связи, само собой, проверяют. Документы, естественно, под роспись утром принял, под роспись в конце работы сдал. Вот то, что в черепе, приходится из-за стальных дверей выносить и даже домой нести – здесь борцы за секреты пока ничего не придумали.

Конечно, по логике вещей, набитую секретами голову надо бы от двери до двери автомобилем доставить, да под охраной двух вооруженных «волкодавов», способных и агентов иноразведок обезвредить, и всякую местную уголовную сволочь, если что, – в землю вогнать. Но логика – одно, а материально-техническое и ресурсное обеспечение – совсем другое. То дежурная машина сломалась, то на заправке, то бензина нет, то водитель заболел. Потому начальник шифротдела Управления ФСК, как простой российский гражданин, на автобусе до своей остановки доезжал, через пустырь проходил и звонил на службу:

– Я дома, все нормально.

Через десять минут после того, как подполковник Галенков встретился на пустыре с неизвестным контрразведке Амбалом, дежурный сам позвонил ему на квартиру, после чего объявил тревогу.

Еще через десять минут труп подполковника обнаружили на полпути между автобусной остановкой и квартирой.

Сержанты патрульного наряда выполнили обычную рутинную работу – осмотрели тело и доложили дежурному УВД: признаков жизни нет, карманы вывернуты, часы, деньги и документы отсутствуют. Дежурный записал в журнал: ограбление с причинением телесных повреждений, повлекших смерть, и приказал патрулю оставаться на месте, дожидаясь следователя с экспертами.

Обычно опергруппа приезжала через полчаса – час, но на этот раз сержанты соскучиться не успели: на пустырь выскочили три черные «волги» и молодые люди в штатском оцепили место происшествия, потом, мигая синими «маячками», подтянулись ПА с соседних патрульных участков, в рекордное время прибыл микроавтобус следственной группы, а в довершение картины понаехало руководство УВД и УФСК, включая обоих генералов.

Милицейский генерал Крамской – сам бывший опер, осмотрел труп, перекинулся парой фраз с экспертами и отошел в сторону. Картина ясная – разбойное нападение, повлекшее смерть. Тем более, сегодня контрразведчик получил зарплату. Но «соседи», конечно же, выдвинут ряд своих, специфических версий, предположив, как всегда в подобных случаях, участие ЦРУ, МИ-6, Моссад или кого-то еще. Поднимется большой шум и пресечь его можно лишь одним способом: быстрее взять мутноглазых с грязными обкусанными ногтями ублюдков, один вид которых опровергает их причастность к уважающим себя специальным службам развитых государств. Подозвав начальников управлений и отделов, Крамской привычно давал необходимые указания.

Группа руководителей УФСК стояла неподалеку. И – хотя они видели ту же картину происшедшего, что и Крамской, версия о случайном разбойном нападении находилась в самом конце длинного ряда традиционных для контрразведывательного ведомства предположений.

Дело в том, что три часа назад подполковник Галенков расшифровал своим личным, высшей сложности ключом правительственную шифрограмму, помеченную грифом «государственной важности» и содержащую информацию и перечень мероприятий по плану «Зет», вводимшемуся на территории Северного Кавказа со следующей недели.

О плане «Зет» в регионе были осведомлены всего восемь человек: командующий военным округом и его начальник штаба, командующий и начальник штаба округа внутренних войск МВД России, начальник шифровального отдела военного округа, начальник Управления ФСК генерал-майор Лизутин, начальник оперативного отдела Управления Карнаухов и начальник шифротдела УФСК Галенков, труп которого ворочали сейчас следователь с судмедэкспертом.

Поэтому для контрразведчиков самоочевидной являлась версия о нападении с целью захвата особо важного государственного секрета, замаскированном под заурядную уголовщину.

«Если информация попала к противнику, то план „Зет“ подлежит отмене»,

– привычными оборотами размышлял Лизутин, хотя вряд ли смог бы объяснить, кого обозначает сугубо военным термином «противник».

– Сколько времени Галенков находился вне контроля? – спросил генерал у Карнаухова.

Начальник оперативного отдела, как и все присутствующие контрразведчики, ждал этого вопроса: профессионалы прекрасно представляли ход мыслей любого из руководителей Системы при подобной исходной ситуации.

– От десяти до пятнадцати минут, – четко доложил Карнаухов и пояснил:

– В зависимости от того, сразу сел на автобус или ждал некоторое время.

– Да-а-а, – неопределенно выдохнул Лизутин.

Это был крупный мужчина сановитого «номенклатурного» вида, который сейчас утратил изрядную долю присущей ему уверенности. Потому что драма на пустыре ставила под удар дальнейшую карьеру. Когда пятидесятилетний начальник Управления ФСК докладывает об утечке информации из своего аппарата, в результате чего приходится отменить план государственной важности, судьба его решается однозначно.

– Для «потрошения» времени мало и обстановка неподходящая, – успокаивающе про-

говорил Карнаухов. – Да и методы...

– Эффективность методов определяется полученным результатом, – раздраженно бросил Лизутин, как на строевом смотре оглядывая крепко сбитую фигуру подчиненного. Придаться было не к чему. Короткая спортивная стрижка, обязательный костюм с галстуком, озабоченный взгляд.

Но генералу не нравилось, когда кто-то заглядывал ему в душу, а тон Карнаухова показывал, что тот уловил и растерянность, и тревогу начальника.

– Могли перехватить по дороге, всадить укол и выпотрошить в машине, – по-прежнему раздраженно продолжил генерал. – Могли примитивным отбиванием внутренних органов развязать язык прямо здесь...

– Следов уколов на теле нет, я специально обратил внимание эксперта. А что до второго варианта... Извините, но так не делается...

Для всех сотрудников милиции и ФСК, находящихся на освещенном фарами машин и яркими переносными лампами пустыре был предпочтительней вариант случайного разбойного нападения.

Крамской и его люди сразу пришли к такому выводу, и хотя Лизутин был обязан выдвигать и отрабатывать самые экзотические версии, временные рамки и обстановка происшествия не давали ему возможности развернуться.

Похоже, что это действительно трагическая случайность, никакой утечки информации не произошло, оснований к отмене плана «Зет» не имеется... Если только...

Если только Галенков не был предателем, которого убрали после того, как он сделал свое черное дело!

– Его досье безупречно, материалы негласного контроля – тоже, – сказал Карнаухов, будто читая мысли начальника.

Ничего удивительного: тема предательства в спецслужбах, суть работы которых сводится к вербовке, перевербовке, противодействию вербовочным подходам – стоит очень остро. И что самое обидное: у всех предателей прекрасные личные дела и отличные характеристики. Иначе как бы они могли получать доступ к государственным секретам?

– Вместе с начальником сектора внутренней безопасности тщательно, изучите личность, образ жизни, связи погибшего, – сказал Лизутин то, что был обязан сказать, хотя прекрасно знал: личность несчастного шифровальщика тщательнейшим образом изучалась на протяжении всей службы. Но генерал страховался на случай всевозможных осложнений. Он уже решил исходить из того, что секретная информация ушла вместе с ее носителем. Значит, нечего поднимать ненужный переполох. Значит, удастся избежать неприятностей.

Но если решение окажется ошибочным, запахнет не только пенсией, но и трибуналом. Поэтому очень важно отдать все команды, какие только возможно.

Подойдя к Крамскому, начальник УФСК изложил, какое содействие требуется от милиции. Через минуту начальник УВД дал соответствующую «накачку» подчиненным.

Основная нагрузка ложилась на Центральный райотдел – убийство произошло на его территории. Начальник райотдела Симаков негромко переговаривался с заместителем по оперработке Савушкиным. Кое-что им было ясно: пока дело не раскрыто, зарегистрировать его как причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, чтобы не вешать себе на шею «глухое» убийство.

Оно вроде что в лоб, что по лбу, ан нет – графы в статотчетности разные и за убийства сильнее лупят!

Но такой примитивной хитростью в с голь гнилом деле не спасешься, надо раскрыть как можно быстрее, да расколоть этих тварей до самой жопы, чтобы все сомнения контрразведки снят. А кто раскроет, кто расколется? Сейчас марафетчиков и «химиков» развелось куда больше, чем настоящих сыскарей.

– Сюда бы Коренева, – пробурчал Савушкин – Он весь блат знал, до утра бы за яйца притащил с полным раскладом.

– А ты вытащи его из зоны на сутки, – раздраженно ответил Симаков.

– Так только в американском кино бывает... Я вообще не пойму: за что засадили парня? За то, что эту мразь, убийцу расколел?

Симаков покашлял.

– Тогда все на ушах стояли. И ты с выпученными глазами бегал. А тут еще эта пленка...

– Да, шум подняли большой... Но ничего особенного онто не сделал... Пуганул маленько... Я б его опять на службу взял, если б приговор отменили.

– Если бы да кабы, – Симаков понизил голос. – А кто, по-твоему, этого выблядка пришил?

– Откуда я знаю! Небось свои же...

Карнаухов тоже вспомнил Коренева. С ним можно было снять все вопросы в течение суток... Но начальник оперативного отдела сам обеспечивал разработку против майора.

А следователь прокуратуры Горский, который сейчас громко разглагольствует возле трупа, взял его под стражу и отдал под суд.

Все руку приложили, чего теперь вспоминать... Карнаухов отогнал неприятные мысли.

* * *

Ресторан «Сапфир» располагался на углу Богатынской и Большой Садовой, в двух первых этажах высотной гостиницы «Интурист». Время шло к полуночи, входная дверь была заперта.

Баркас сильно подергал – так, что задребезжало толстое тяжелое стекло. Из глубины вестибюля важно выплыл швейцар – надутое ментовское или комитетское мурло: они любили после отставки сюда пристроиться, на теплое место, в кормушку... Стучали, конечно, по привычке старым друзьям, и те им помогали, если надо. Лет семь назад Баркас опасался этой публики...

Тогда «Сапфир» был центровым кабаком – солидные посетители, костюмчики-галстучки, интеллигентные рожи. В «адидасе» и маечке его бы никогда сюда не пустили. Да и в костюме, пожалуй, тоже. Но с тех пор многое изменилось!

Баркас снова заколотил в стекло. Швейцар его не знал, видно, из новых, но понял что к чему, опасливо подошел, взялся за задвижку, чуть помедлил.

Бригадир саданул изо всей силы, собираясь выбить стекло, чтобы этот вахлак хорошенько его запомнил. Стекло устояло, но дверь наконец открылась.

– Хотел стекло разбить, а в следующий раз морду тебе разобью!

Оттолкнув остолбеневшего швейцара, Баркас направился к винтовой лестнице. Просторный вестибюль был почти пуст. В прожженных сигаретами кожаных креслах сидели, выставив голые до трусов ноги, три пьяные проститутки. Несколько кавказцев тащили оторопевшего гражданина в туалет «разбираться».

За фикусом охраняли порядок три милиционера. Это были не настоящие милиционеры: девятнадцатилетние пацаны из батальона срочной службы. Оружия почти никогда им не выдавали, набраться силы и заматереть мальчишки еще не успели, особая «ментовская» психология у них отсутствовала: просто каждый день гулять по городу, есть мороженое, знакомиться с девчонками лучше, чем гнить где-нибудь в тайге на «точке» или куковать в опостылевшем гарнизоне, дожидаясь увольнения раз в месяц – и то, если повезет.

Но форма и поставленные задачи заставляют влезать туда, где пахнет жареным. Несколько лет назад двое таких мальчишек ввязались задерживать пьяного грузина, хулиганившего в коктейль-баре. У того оказался старый браунинг и он, недолго думая, отправил одного мальчишку напрямиком на тот свет.

Через пару дней его взяли и он снова хватался за «пушку», если бы не перекосило патрон – неизвестно, как бы закончилось... Но теперь перед ним были три «волкодава» из городского уголовного розыска, они прострелили мерзавцу руку и отобрали оружие.

Задержанному оказалось двадцать лет, строгий коммунистический суд приговорил его к расстрелу, хотя и ходили слухи, что за оставление жизни многочисленная родня обещала миллион – сумму астрономическую по тем временам. Вначале не помогло: газеты сообщили о суровом, но справедливом приговоре, граждане встретили его с одобрением, но потом дело начало гулять по инстанциям: проверки, протесты, жалобы, опять проверки... Время идет, острота сглаживается, мальчишечка тот в земле лежит, а убийца – сучонок – живет,

воздухом дышит, передачи от родственников хавает.

Командование батальона все ждет сообщения, что приговор в исполнение привели – надо же довести до личного состава: вот она, справедливость, он нашего убил, а государство его – к стенке!

Но сообщения не поступило, то ли миллион тот где-то нашел могущественного чиновника, то ли общая гуманизация наступила, но выводы о справедливости этого мира и мать убитого милиционера сделала, и его товарищи по безоружию.

– Сказал – в следующий раз морду разобьет, – пожаловался швейцар мальчишкам в милицейской форме. Вроде просто так пожаловался, но в тайной надежде: вдруг поставят они на место наглеца...

– И разобьет, – кивнул сержант с покрытым юношескими угрями лицом. – На днях двух наших у «Спасательного круга» избили. Задержали их, сдали, а через два часа те бары в бары водку пьют. А наши – у одного челюсть сломана, у второго – сотрясение мозга...

Из туалета вышли три кавказца, следом выбрался гражданин с разбитым в кровь лицом.

– Задерживаем! – скомандовал сержант и, вызывая по рации машину, направился к участникам драки.

Милицейский наряд батальона срочной службы обязан давать показатели – количество задержанных правонарушителей. От этого зависит оценка каждого солдата, количество увольнительных, а может, и краткосрочный отпуск.

В зале второго этажа в основном мелькали спортивные костюмы, только несколько десятков человек не носили униформы: постояльцы гостиницы, по незнанию забредшие поужинать и только за столиком осознавшие, что оказались в волчьем логове.

Ели они быстро, без аппетита и старались как можно скорее убраться отсюда.

Зато постоянные посетители чувствовали себя хозяевами. Официанты летели по легкому движению пальца через весь зал и склонялись в почтительном поклоне. Они помнили печальную участь Славки Белобровкина, которому Блин вилкой проткнул живот. И если тот же Блин, подсаживаясь за столик к незнакомым лохам делал большой заказ «на один карман», они (Изображали полное непонимание ситуации, мгновенно несли водку, икру и балыки, как будто обслуживали лучших друзей, один из которых буквально горит желанием оплатить щедрое угощение.

«Спортивные костюмы» расхаживали по залу, бесцеремонно заходили на кухню взять бутылку водки или банку пива, вытаскивали из-за столиков, будто собачонок, на площадку для танцев понравившихся женщин.

Устойчивый дамский контингент состоял из профессионалок, они с готовностью шли танцевать и с такой же готовностью направлялись за очередным кавалером в «дежурный» номер на третьем этаже.

На прошлой неделе Семка Бык учудил еще невиданную хохму: подошел к парочке, жмущейся за угловым столиком, и молча потащил за собой симпатичную блондинку. Кавалер попытался возмутиться, но Бык так саданул его в грудь, что парень побледнел, плюхнулся на стул и застыл, массируя область сердца.

Блондинка как загипнотизированная шла за Быком, думая, что он собирается с ней танцевать, но Семка притащил ее в «дежурный» номер и использовал в сексуальном плане со всеми возможными извращениями, о чем он охотно и с подробностями сообщил, вернувшись в зал.

Девушка в ресторане больше не появилась, парень, расплатившись за ужин, скособоченно доковылял до выхода и тоже исчез.

К происшедшему «спортивные костюмы» отнеслись поразному. Одни одобрительно ржали и грозились повторить такой славный номер, другие посчитали это беспределом и сказали, что парень имеет теперь законное право замочить Быка.

Сам Семка хорохорился до тех пор, пока кто-то ему не сказал:

– А помнишь, что с Психом получилось? Его за блядь в землю закопали... Тогда он поскуцнел, выпил два стакана водки и ответил:

– Тот, кто закапывал, сейчас далеко... Да я его и тогда не шибко боялся.

Впрочем, все знали, что последнее утверждение не соответствует действительности.

Баркас прошелся по залу, отыскивая нужных людей. Съемщик был ему должен тысячу баксов и отдал все, как положено. Рэмбо почему-то не оказалось, очевидно, еще на деле.

Перетолковав с Тренером о «наездах» дагестанцев и отдав четыре ампулы морфина Черепу, Баркас покончил с делами и приступил к отдыху. Не спеша оглядев зал и ни на ком не задержав взгляда, он плюхнулся за свободный столик, махнул рукой и привычно заказал мгновенно появившемуся халдею:

– Водки, пива, пожрать, икру обязательно!

При этом он откидывался назад так, чтобы официант видел торчащую за поясом «пушку». Кого бояться? А уважать больше будут!

– Сходи вниз, там сидят три бляди, приведи среднюю, – небрежно скомандовал он.

Официант растерянно заморгал.

– А если они пересели?

– Тогда веди всех троих! – рыкнул бригадир. Ему нравилось внушать страх. А от халдея, отчетливо представлявшего совершенно реальную возможность в любой момент получить пулю в живот или в лоб, исходили волны животного ужаса.

Поэтому, увидев на винтовой лестнице решительные фигуры в характерной омовской форме, официант обрадовался так, будто встретил горячо любимых родственников.

– Внимание, всем оставаться на местах! – громко скомандовал низкорослый квадратный капитан, руководивший операцией. – Кухня и остальные выходы перекрыты.

«Спортивные костюмы» метнулись все же попытать счастья, но один тут же вернулся с лестницы черного хода, зажимая лицо ладонями, между которыми обильно сочилась кровь, двое спинами вперед вылетели обратно в зал из-за кухонной перегородки и с деревянным стуком растянулись на полу.

– Убедились? – весело спросил капитан, стремительно обходя столики. – Всем занять свои места! Иначе жалобы не принимаются!

Многоопытные завсегдатаи «Сапфира» знали, что ОМОН никогда не принимает жалоб, хотя поводы к ним раздает щедро. Поэтому потерявшая уверенность публика нехотя расходилась по местам.

* * *

В небольшом комфортабельном и очень дорогом частном ресторане «Охотник» зал сегодня почти пустовал. У камина под оленьими и лосиными рогами за овальным столом лакомились Дичью восемь делового вида мужчин. По манерам и осанке каждого было заметно, что они привыкли держаться уверенно и независимо, сейчас эта привычка старательно подчеркивалась.

– Каждый из нас ест свой маленький кусок хлеба с маслом, – рассудительно говорил кучерявый, черноволосый молодой человек с выпуклыми, блестящими как маслины глазами. Внешность определила прозвище – Итальянец, хотя он являлся стопроцентным чалтырским армянином.

– Сегодня покушал и сказал Богу: спасибо, завтра покушал – опять спасибо... Зачем же жадничать? Откусил большой кусок, подавился, умер. Кому спасибо говорить?

Итальянец старательно вымочил в соусе ломтик оленины и быстрым движением отправил себе в рот. Пухлые губы лоснились жиром.

– Я тоже считаю, что нам это объединение на хер не надо, – без кавказских замысловатостей высказался Валет – высокий худощавый Шатен с мощным, как у дятла, носом. – Когда мне хорошо, я чужого дядю не приглашаю, чтобы и ему хорошо стало. И если меня куда-то зовут – не верю, что от большой заботы. Скорей всего обуть хотят.

Валет налил стопку водки и тут же выпил. Итальянец промакивал салфеткой губы и изображал сразу два чувства: неодобрение нарушения застольного этикета и согласие с существом сказанного.

– Значит, каждый сам по себе. Урвал, что смог – и сгрыз! А о завтрашнем дне думать не надо. Так получается?

Иван Павлович Воронцов единственный из присутствующих был в костюме аппаратчика с обязательным галстуком. И хотя сейчас он руководил крупнейшей богатяновской

группировкой, курирующей центральный район Тиходонска, и имел громкую, известную во всем городе и за его пределами кличку Шаман, начинал он свой путь не с улиц, как остальные, а из кабинетов, потому внешний вид, одежда, манера держаться резко отличали его от коллег по ремеслу. И язык подвешен – не сравнить.

– Как нахичеванские считают?

Хотя в Нахичевани заправляли земляки Итальянца, все знали, что они прислушиваются к мнению Шамана.

– Кодла зайцев льва побила, так? Когда все вместе, легче дело делать. Смотрите, что получается: беженцы приезжают отовсюду – из Осетии, Грузии, Дагестана, дома строят, родственников, друзей вызывают...

Рубик Карапетян, по прозвищу Карпет, выглядел старше своих лет, возможно, из-за трехдневной щетины на лице и мешков под глазами. Черная рубашка тоже его не молодила.

– У нас уже целые улицы приезжими заселены! Думаете, они пошли на заводы работать? Нет! Камазами спирт привозят, бутылки, этикетки – водочные цеха открывают! Мак, коноплю везут на переработку... На площади наперсточный «станок» поставили...

– Это не только нахичеванцев касается, не только их проблема, – вмешался Шаман. – У меня на рынке дагестанцы шустряют, уже не раз их предупреждал. На северном въезде два бензовоза стоят. Чьи они? Кому платят? И вообще, бензином у нас только Артур занимался, в последнее время и Миша немножко начал, наверное, по договоренности с Артуром.

«Подставляет, сука! – подумал Валет, поймав ненавидящий взгляд Итальянца. – Знает, что у нас давние счеты и специально льет масло в огонь!»

– Никакой договоренности не было, – зло сказал Итальянец. – Каждый норовит по-шакальи чужой кусок урвать!

– Когда каждый по себе и договориться трудно, – охотно согласился Шаман. – Потому надо создавать единую тиходонскую организацию, что я и предлагаю! Конечно, каждый останется хозяином на своей территории.

– Это только разговоры, – угрюмо отмахнулся Валет. – Когда одна организация, то и хозяин один. А кто будет этим хозяином?

– Кого выберем, тот и будет, – горячо заговорил Карпет. – Надо чтоб человек был грамотный, рассудительный, со связями, с людьми говорить умел... И справедливый, конечно, чтобы не обижал никого!

Тарелки опустели, водка в рюмках оставалась, но никто не пил. Четыре авторитета высказали свое мнение. Каждого сопровождал ближайший помощник, собственного мнения не имеющий.

– Так что решаем, мужики? – властно спросил Шаман. – Будем по своим нормам сидеть или объединимся в один кулак? По всей России группировки укрупняются.

– Знаем, – холодно бросил Валет. – Мочат друг друга и соединяют территории.

– Я за то, чтобы всем вместе, – Карпет сжал ладони и потряс ими для убедительности. – Пусть всем будет хорошо. Но обижать никого не надо.

– Я должен со своими ребятами посоветоваться. Дело серьезное, тут важно не ошибиться. И поддержку у товарищей получить.

Итальянец встал.

– Но как можно с шакалами объединяться, которые твой хлеб воруют? Таким положено руки отрубать...

* * *

На окраине Тиходонска в одном из поселков, в которых уклад жизни ближе к деревенскому, чем к городскому, спать ложатся рано. Задраивают наглухо ставни, спускают с цепи злых матерых псов, и с наступлением темноты улицы вымирают. Разве что пробежит под тусклыми фонарями девчонка на свиданки, да парень припозднившийся проскочит, лаская в кармане складной нож, газовый баллончик или другую столь же бесполезную в серьезном деле штуковину.

И удивятся беспечности людей, бросивших у добротного кирпичного забора новенькие автомобили, и «семерки», и «девятки», и иномарки – как раз те, которые, если верить газе-

там, чаще всего воруют.

Но хозяева привлекательных для злоумышленников машин вовсе не тревожатся об их сохранности. Может, потому, что маячит у ворот тень молчаливого Гангрены, а может, оттого, что Лакировщик, который руководит кражами автомобилей в городе, собственной персоной здесь присутствует, вод очку пьет, закусывает квашеной капусткой, выдержанной в прохладе глубокого подвала, и не беспокоится о своем «мерседесе», стоящем рядом с остальными «тачками».

В жизни, конечно, всякое бывает – и у Лакировщика как-то раз угнали «мере»: залетные клюнули на фраерскую привычку не запирают дверцы. Только не учли простой вещи – по-дурости можно «запорожец» открытым бросить, а с дорогим лимузином не так просто – раз не заперт, значит, его авторитет хозяина охраняет!

Гангрена все доходчиво разъяснил, они поняли и штраф выставленный приняли: угнали по наводке для Лакировщика перламутровый «ситроен». Работа сложная, опасная и бесплатно, но деваться-то некуда... Зато наука на всю жизнь и радость: повезло, легко отделались!

Тиходонск – город особый, традиции древние, правила соблюдаются, с нарушителей спрос строгий. Здесь на «фуфу» никого не возьмешь!

А уж если тачки стоят у дома Ивана Сергеевича, самого Черномора, они вообще в полной сохранности. Да что тачки! Штабель из золотых брусков сложи – никто не тронет, себе дороже! Ну, штабель не штабель, а тарелку золотую Иван Сергеевич возле входной двери прибил – на счастье! И вот уже три года висит – сколько новый дом стоит, трехэтажный, красивый, под черепичной крышей.

– Улица плохо освещается, Иван Сергеевич, – степенно сказал солидный, в годах, мужчина с редящими седыми волосами. – И дорога разбитая. Может, поправить как положено?

Маленький щуплый человечек, сидящий во главе стола, перевел на него царапающий взгляд. Черномору исполнилось шестьдесят, но выглядел он моложе – густые черные волосы, подтянутая фигура, быстрые движения.

– Нам не годится в дела властей вмешиваться, Король. Да и деньги общественные за так выкидывать. Ты лучше скажи: твоему сыну сколько лет?

– Шестнадцать, в этом году школу заканчивает, – если Король и удивился вопросу, то вида не подал.

– Куда дальше его определять думаешь?

Голос у Ивана Сергеевича тихий, хрипловатый, никак не скажешь, что принадлежит он одному из влиятельнейших людей города, а может, и всей области.

– Да хотел в часовую мастерскую посадить. – Столь пристальное внимание к сыну встревожило Короля, который «держал» азартные игры и бытовой сервис.

– Учиться его надо отдавать. Учиться! И всем, у кого дети, внуки, племянники, об учебе надо думать!

Шестеро руководителей крупнейших тиходонских кланов недоуменно переглянулись.

– Так мой, Иван Сергеевич, к учебе не того... – промямлил Король.

– А на кого учиться? – поинтересовался проницательный Хромой.

– На юриста!

Хозяин внимательно осмотрел гостей, наблюдая за их реакцией.

– Не следите за жизнью, по старинке прожить хотите, – укорил он. – Сейчас экономическая реформа, у университета денег нет, вот они и набирают платное отделение. Отдай сорок пять лимонов, а через пять лет получи диплом и пожалуйста – все дорога открыта, милиция, прокуратура, суд. Да и во власть с юридическим дипломом выйти можно: администрация, законодательное собрание, куда еще?

– Так тут желание надо, способности, – повторил Король. – Мой в школу из-под палки ходит...

– Пусть и в университет из-под палки! Когда такие деньги заплачены, никто его не выгонит! Перетопчется пять лет и пойдет судить не хуже других!

Иван Сергеевич заметно разгорячился.

– Мало олухов дипломы получают? Только раньше должности, положение, связи роль играли, а сейчас – голые бабки! Что такое для нашей кассы сорок пять лимонов? Король их за неделю с казино снимает! Так давайте пользоваться моментом! Это же не купленные будут, наши люди, полностью свои! Совсем другое ведь дело!

Король вдруг широко улыбнулся.

– А ведь правда! Пусть будет судьей или прокурором! Почет и уважение, не надо в мастерской сидеть, от рэкета отбиваться! Золотая голова, Иван Сергеевич!

Остальным непривычная идея тоже понравилась.

– Я племянника отдам, – кивнул Хромой.

Немногословный Лакировщик одобрительно улыбался, бездетный Север о чем-то размышлял. Только Гангрена недовольно набычился.

– Гангрена от учебы освободим, у него другие дела есть, – Сказал хозяин, и все поняли, что он переходит к следующему вопросу.

– Крест малевку прислал Ему время «откидываться», а оставлять вместо себя некого. Пишет, чтоб кто-то с воли пришел...

Наступила напряженная тишина. Крест был королем зон Северного Кавказа. Он доматывал двенадцатилетний срок и держал в руках нити управления всеми колониями, тюрьмами, следственными изоляторами. Требование его было справедливо, для зарабатывания авторитета вор должен «топтать в зоне». Там его со всех сторон видно. И порядок поддерживать обязан, воровской «закон» блюсти, молодых учить. Раньше вор раз в пять лет должен был садиться. Сам Крест свой срок на четыре года продлил. Теперь устал, «звонок» близко, замены просит.

Только в последнее время все меньше охотников в зоне топтаться. Есть воры, которые кроме шести месяцев в СИЗО ничего за душой не имеют. И из присутствующих ни у кого не было желания уходить за колючую проволоку.

– Молчите? – Иван Сергеевич обвел кодлу тяжелым взглядом. Он и сам крепко задумывался. Одно дело Черномор на воле, а Крест в зоне. Другое – оба на воле! Два медведя в одной берлоге... К тому же тот – вор старой закалки, он за «закон» двумя руками держится. А ведь за двенадцать лет мир так изменился, что «закон» на сходках много раз поправляли, да и соблюдают его уже не так строго. Но зоновские поправки не признают и смягчений не допускают...

В восьмидесятом Черномор с Крестом от тиходонской общины поехали в Сухуми на похороны Кето – авторитета союзного уровня. Походил Крест, посмотрел: просторный дом с гаражом, хрусталь, ковры, много добра всякого... Подошел к гробу, дернул Кето за ухо, сказал:

– Так партийные начальники живут, а вор – не должен!

И уехал. Вроде как корону с покойного снял, а деньги, что семье привезли, с собой увез и в общак вернул. А ведь дом у Кето был поскромней, чем у Ивана Сергеевича...

Потому побаивался Черномор возвращения Креста, хотя никому в том не признавался, даже самому себе.

– Кто хочет в зону пойти, Креста заменить?

Король отвернулся, Лакировщик отвел глаза, даже Гангрена потупился. Только Север смотрел прямо, чуть посверкивая золотой фиксой.

– «Законы» эти когда составлялись? Тогда еще с наганами на пролетках ездили! Зачем сейчас самому нарочно садиться, если можно любые дела делать и на свободе гулять!

Север сказал то, что и было нужно Черномору.

– Да, многое изменилось, «закон» кое-где устарел. Крест его поправок не признает, а на воле – почти все признали. Ну а мы куда рулить будем?

– Я думаю так, – вскинулся пребывавший в оцепенении Хромой. – Отпишем ему: обстановка сложная, люди все на счету. Пусть назначает Смотрящим кого-то из зоновских.

– Так пишет же: оставлять некого, – пробубнил Гангрена. – И правда, беспредел в зонах. Значит, надо кому-то идти. Хотите, я пойду...

– Решим как Хромой предложил. Беспредела и на воле стало много твориться, – сурово проговорил Иван Сергеевич. Он был, как и Крест, вором в законе союзного когда-то уровня и кличка Черномор в свое время гремела в уголовном мире всей страны. Сам он это-

го прозвища почему-то не любил, поэтому в глаза его звали по имени-отчеству, а между собой называли Отцом.

– Шпана порядка не знает, старших не слушает, «новые» никаких законов не соблюдают, народ обозлен, хорошо власти пока терпят. Но и власть, падлы, за нос дергают! Сегодня вечером в центре большую шишку из КГБ насмерть затоптали! Все на ушах стоят, документы какие-то ищут, что ли... Город трусят: облава за облавой! наших много попадается... Нам такой базар ни к чему!

Гангрена слушал с открытым ртом, вытирая тыльной стороной ладони набегающую слюну. Остальные тоже слушали внимательно и делали свои выводы: Отец не выходил из дома целый день, а знает то, чего они не знают, хотя посъезжались только что!

– Поэтому того, кто комитетчика замочил, надо как можно быстрее найти!

– И на нож? – утвердительно спросил Гангрена.

– Зачем? Сдать и все! Пусть расскажет чекистам то, что их интересует. Раз он нам вред приносит, имеем право ментам подмогнуть. «Закон» позволяет!

Присутствующие с таким мнением согласились. Тем более, что речь шла не о члене общины, а о постороннем.

– И еще. Ко мне недавно пришли с жалобой.

Иван Сергеевич многозначительно поднял палец.

– Не в милицию, не в прокуратуру, не в суд, – с расстановкой сказал он. – Ко мне. В «Сапфире» кто-то из «новых» девчонку изнасиловал. Прямо из-за столика в кабаке вывел, притащил в гостиницу и отшпокал во все отверстия. Это неслыханный беспредел! Ну ладно, менты не хотят порядок навести, но мы-то на такое смотреть не можем! Иначе наших жен и дочерей начнут шпокать прямо на улице, а то и в дома наши войдут! А потом и общак отнимут, братву в зонах заморозят!

– На нож! – без вопросительной интонации сказал Гангрена.

– Надо им всем разбор учинить, чтобы свое место знали, – хрипло проговорил Лакировщик.

Хромой несогласно задвигался.

– Запустили мы это дело, дали им силу набрать. Разбор – он большой крови потребует.

– Мы старались всегда без крови обходиться, – сказал Отец. – Попробуем и дальше, пока можно будет. Но урок надо дать хороший.

– На нож, – повторил Гангрена и закрыл рот. – Иначе уважения не вернуть.

Иван Сергеевич покачал головой.

– Зачем мы за ментов будем работу делать? Пусть идет в камеру, в суд, срок получает, на этап отправляется. А в камере его надо петухом сделать и на волю весть подать – пусть знают!

– Заметано, – гулко глотнул Гангрена.

Он очень хотел есть. На столе стояла простая, но привычная и сытная пища: вареная картошка, миска с винегретом, соленые огурчики и квашеная капуста, на тарелке начинали оплывать ломтики розового сала. И литровая бутылка водки едва почата, видно, по одной и выпили, пока он контролировал вход. Закусили, конечно, понемногу, а он пришел уже к разговору-тут жевать нельзя... Гангрена еще раз сглотнул.

С утра он разбирался с азербайджанцами, приехавшими сбывать наркоту, обошлось нормально: те отстегнули положенную долю и стали на точки, указанные Севером. Потом объявились двое с малевкой из Владимирской тюрьмы, но никому не известные и сами не рубящие в обязательных вопросах. Не успел с ними закончить, прибыли питерские с претензиями: две бригады их карманников в Тиходонске опалились... За целый день крошки во рту не держал.

– Ты перекуси, сынок, сегодня у тебя дел много было...

Иван Сергеевич сделал знак И Север налил полную стопку водки. Благодарный Гангрена припал к столу. Остальные тоже потянулись к тарелкам.

– Что там с питерскими? – лениво поинтересовался Отец.

– А ничего, – с набитым ртом отвечал Гангрена. – Они в общине не объявлялись, наши их не видели.

Отец кивнул. Значит, действовали на свой страх и риск, никто из местных за них не

ответчик.

– Как пришлые? – спросил Иван Сергеевич уже без лени. – Эти, кавказские беженцы...
Слушаются?

– Кто как, – угрюмо отозвался Север. – Когда заставишь – слушаются. А так норвят свою кашу варить.

– Это еще поначалу, не освоившись, – впервые нарушил молчание Лакировщик. – Скоро начнут права качать... Король провел ладонью по лысеющей голове.

– Уже были стычки. Наперсточники «станки» ставят, каталы. Пока без шума обходились.

Гангрена задержал у рта вилку с ломтиком сала.

– Сегодня Шаман сходняк собирает. Хочет объединять всех под себя. Но ничего не выйдет: Валет против, Итальянец.

– Шаман их дождет. Не сегодня, так завтра по-своему сделает, – задумчиво сказал Хромой. – А вобщак они мало дают. Только чтобы отмазаться... За столом замолчали. Слышалось только громкое чавканье Гангрены.

– Смутные времена, смутные... Надо к худшему готовиться, – печально произнес Иван Сергеевич.

Он отодвинулся от стола, вытащил из нагрудного кармана маникюрную пилочку и принялся обтачивать ногти.

– Как у нас со стволами?

Хотя Отец ни к кому конкретно не обращался, но, ожидая ответа, повернулся к Северу.

– Нормально, – хладнокровно ответил тот.

– Автоматов мало, – встрял Гангрена. – И старые все. Сейчас есть маленькие, под пиджаком носить можно.

– Давайте выпьем, чтоб не пригодилось, – поднял стопку Хромой.

Север усмехнулся.

– Отвыкли от горячего? А ведь не обойдется! Такое пойдет мочилово – только держись!

Стопки повисли в воздухе. Слова прозвучали пророчески и зловеще.

– Стволов еще запасите, – Отец продолжал опиливать ногти. – И спеца по мокрухам надо подобрать. Классного спеца. А лучше – двух или трех!

* * *

Удачное «дело» полагается обмыть.

– Айда на «пяточок»! – предложил Амбал. – Возьмем чего надо, может, с Рындой разберемся...

– Хватит на сегодня, щека болит – силы нет, – процедил подельник.

Амбал повернулся, но сдержал обидные слова. Злить Башку не следовало.

– Ну-ка покажи... Да-а-а...

На землистого цвета коже горело красное воспаленное пятно в полщеки с багровым углублением посередине.

– Ссаками надо! Лучшее средство.

– Точно, – авторитетно подтвердил Попугай.

Башка оживился.

– Правильно! Надо было сразу... Как я не скумекал!

Не сходя с места, на глазах у заинтересованно наблюдающих сотоварищей пострадавший легко добыл целительную жидкость, набрал в пригоршню и произвел лечебную процедуру.

Попугай захихикал.

– Ты чего?

– Слышь, Башка, давай и мы с Амбалом тебе отольем! Вдруг у нас полезней окажется... Попугай давился смехом.

– Заткнись!

Амбал несильно смазал ему по затылку.

– Наш друг на «деле» пострадал. Благодаря ему мы при бабках! А ты лучше вспомни, как тебя в команду принимали...

Башка благодарно тронул главаря за локоть. Они пошли впереди, Попугай плелся, отставая на несколько шагов. Фонари рисовали на асфальте скачущие тени: две плотные, будто сросшиеся, и третью – узкую и жалкую.

Им всем было по двадцать. Но Амбал и Башка – ширококостные, крепкие по природе, дерзкие, могли постоять за себя и любили вступать в уличные драки, в то время как худосочного Попугая можно было перешибить соплей. Когда его принимали в команду, от побоев он обмочился, но не издал ни одного звука, благодаря чему его посчитали прошедшим испытание. Он очень хотел получить защиту и первые дни ходил по двору и прилегающей улице с надменным вызывающим видом, задирая тех, кто еще вчера не давал ему проходу.

Он дорожил дружбой и даже внешне пытался измениться под стать команде. Все стриглись почти наголо, и он пожертвовал панковским гребнем, послужившим основанием для намертво приставшей клички. Но если крепкие черепа на могучих шеях Амбала, Башки, Веретена подтверждали их мощь и жизнестойкость, то лишенная волос головенка Попугая вызывала только жалость...

Но он старался и охотно брал на себя рискованную роль «причины конфликта», требуя у посторонних парней сигарету или деньги и нарываясь на оплеуху, дающую повод для вмешательства дружков. К тому же он не помнил обид. Вот и сейчас он вприпрыжку догнал приятелей и, как ни в чем не бывало, сказал:

– А хорошо бы сейчас пива с тарашкой да картошечки!

– А водки с бабой не хочешь? – отозвался Башка, и Попугай опять сник. Дело в том, что он до сих пор оставался девственником, а поскольку

половая жизнь членов команды проходила на виду, этот факт был общеизвестным и, конечно, не укреплял репутацию.

Девчонки команды после процедуры посвящения вовсе не становились общей ответственностью и вольны были сами выбирать партнера или партнеров. Но практически получалось так, что они спали со всеми.

И психологические механизмы женского сознания играли с Попугаем злую шутку. Защитные мотивы самооценки требовали отрицательного ответа на периодически возникающий у девчонки вопрос: «А не блядь ли я?» И Попугай – единственный, кому было отказано – помогал спасительный ответ получить.

Именно поэтому обходили его вниманием и Томка, и Танька, и совсем невзыскательная Ирка. Каждой из них надо было гордиться тем, что она кому-то не дала. И Попугай идеально подходил для этой роли.

На приеме девчонка права выбора не имела, Попугай пытался этим воспользоваться и договорился с Амбалом насчет Светки.

Дело происходило зимой, Светка долго раздевалась и Попугай путался в одежде, чертыхался сквозь зубы, поминутно оглядываясь на плотное полукольцо сотоварищей в расстегнутых пальто – в подвале было тепло, почти жарко. Ободранная кушетка стояла вплотную к исчерченной непристойными словами и рисунками стене и, хотя Попугай неоднократно видел происходящие на ней соития, никак не походила на ложе любви и не пробуждала никаких желаний. Как, впрочем, и сама Светка, сложившая на спальное место шапку, шарф, пальто, кофточку, – юбку, зеленые с начесом рейтузы, лифчик и трусы.

«Куда же она собирается ложиться?» – тоскливо подумал он, ощущая полное бессилие и неспособность к предстоящему испытанию.

– Чулки снимать? Они не мешают... – спросила Светка, и он понял, что вопрос обращен к нему и речь идет о допотопных коричневых чулках в резинку, пристегнутых перекрученными подвязками к высокому черному поясу.

А поскольку он не был готов к такому вопросу, то повернулся и спросил у стоящего впереди всех Амбала:

– Снимать чулки-то?

Амбал почему-то заржал и остальные загоготали в пятнадцать глоток, а он разозлился и, чтобы протянуть время, скомандовал:

– Конечно, снимай! Живо!

Смех сразу прекратился, Светка стащила чулки и сняла пояс, обнажив тонкие белые ноги и такой же белый живот с глубоким пупком и густым треугольником волос.

Наступила томительная пауза. Зрители затаили дыхание. Следовало переходить к главному, хотя он совершенно не представлял, как это сделать, тем более что кушетка была завалена Светкиными вещами. Шагнув вперед, он взял Светку за грудь, потом потрогал густые жесткие волосы.

Она тоже стеснялась и хотела, чтобы все быстрее закончилось, а потому, взглянув вниз, ойкнула и тонким голосом сообщила зрителям:

– У него совсем не стоит...

Подвал загрохотал. Попугай покрылся краской не то стыда, не то унижения, буркнул что-то типа:

– Я не буду, – и начал нашаривать свои цветастые трусы.

– Замена на поле, – спокойно сказал Амбал.

Взяв по-хозяйски Светку за руку, он подвел ее к кушетке, сбросил вещи на грязный цементный пол, ловко уложил девчонку и привычно взгромоздился сверху.

Попугай вместе с остальными досмотрел процедуру до конца. Но когда Амбал предложил ему вторую попытку, только молча покачал головой. Оттолкнув его, к кушетке подошел Ржавый...

Сейчас забытое чувство публичного фиаско ворохнулось вновь, но ненадолго.

– Если пожрать, то можно и бабу! – весело ответил Попугай Башке.

* * *

Трое пьяных, которых Рында отогнал от Нинкиного киоска, никогда не покупали там самогон вместо водки. Это была обычная приколка, чтобы, взяв на понт, выбить бесплатную бутылку. Неудача обозлила, и они двинулись дальше по ночному Тиходонску, выбирая улицы потемнее. Они не ставили определенной цели, хотя были готовы ограбить, изнасиловать, избить встретившуюся жертву. Вполне могли и убить. Это были шакалы, хотя называли друг друга человеческими именами и прозвищами.

На Соляном спуске они увидели подвыпившего парня и попытались его ограбить. Но парень оказался крепким и тертым, завязалась драка, шакалы ретировались ни с чем.

На набережной их высветили фары патрульного автомобиля, попытка убежать ни к чему не привела. На рубашке одного имелись следы крови, у двух других оказались сбитыми костяшки пальцев.

На вопросы шакалы отвечали невнятно, но суть была ясна: напали на неизвестного мужчину и били его. Этого оказалось достаточно для того, чтобы они были освидетельствованы, допрошены и задержаны по подозрению в нападении на подполковника госбезопасности Галенкова.

* * *

На «пяточке» шла обычная ночная жизнь. Некоторую нервозность вносила повышенная активность милиции: трижды подъезжали патрульные машины и угрюмые сержанты расспрашивали про подозрительных людей.

Рында значительно прохаживался вдоль ларьков, с удовольствием рассматривая новые кроссовки – подарок Самвела. Тот предложил и уколоться бесплатно, но Рында колеса глотал под настроение, а на иглу садиться не хотел.

Он выпил пять банок пива, съел три порции шаурмы. Угощали его от чистого сердца: ночь сгущалась, милицейские патрули наводили на мысль о тревожных событиях за пределами освещенного «пяточка», единственным защитником которого являлся доблестный Рында.

Несколько раз он пытался завести разговоры с Ниной, но ничего не получалось: и сам он не отличался особым красноречием, и девушка не была расположена к общению.

– Я здесь временно, – сказала она. – В проектной конторе сократили, а жить-то надо. Подруга пока сюда сосватала. Сейчас на курсы английского записалась, на компьютере

учусь – чтобы на хорошую работу устроиться. Не нравится мне торговать... И вообще все это, – девушка обвела рукой «пяточок». – К тому же у меня жених есть, – она прямо взглянула Рынде в лицо.

Глаза у Нины были большие, серо-зеленого цвета.

«Красивая», – подумал он, отходя.

Нина не походила на девчонок команды. Рында трахал и Таньку, и Ирку, и Светку, только Томка выделялась, вспоминая его конфуз при вступлении.

– Я уже на тебя отработала, – усмехаясь, повторяла она слова Амбала. Но если б он захотел, никуда бы не делась; Сколько раз лежала пьяная

– что хочешь, то и делай. Но особого интереса не было. Бляди – они бляди и есть.

А как можно трахать Нину, он просто не представлял.

Когда он подошел к киоску Ивана, тот открыл заднюю дверь и показал, как его девочки на топчане за занавеской обслуживают клиентов. Ничего особенного он там не увидел, но разгорелся, только опасения за свое здоровье заставили отклонить предложение Ивана пользоваться любой, на выбор, И от импортной резины отказался – порваться может самая козырная.

Хотелось выпить водки, трахнуть какую-нибудь приличную бабу и лечь спать. Вместо этого приходилось в который раз обходить ряды киосков. Рында присел в тени, прислонился к железному боку очередного ларька и закурил подаренный кем-то «Кэмел».

Город спал, на «пяточке» наступила тишина, только из киоска Ивана доносилось слабое повизгивание. Последний клиент недавно ушел, Значит, Иван развлекается сам. Покупателей не было. Надо бы построить специальную будку для охранника, чтобы в спокойное время немного вздремнуть...

Но Рында тут же пресек ленивые мыслишки. Небось не на заводе лямку тянет, не в порту мешки ворочает. Ему повезло – попал в бригаду!

Только одному из десяти пацанов, "что мотаются в дворовых и уличных командах выпадает такая удача! Ему помог чистый случай: вместо убитого Психа на рынок ушел дружок – Генка Божко, а на свое место присоветовал Рынду. У них с Баркасом есть общие расклады – и бригадир послушал совета, хотя мог, конечно, и на хер послать.

Повезло! Почет, уважение, защита... Хавка и выпивка бесплатно, бабы бесплатно, настоящий «адидас» можно носить. А если Попугай, или Валек, или Ржавый, или тот же Амбал такой костюм наденут – любой из бригады на куски изорвет, да по голове настукает за нарушение формы!

Живешь, считай, на всем готовом – и четыреста штук зарабатываешь, плюс «левые» набегают: защитил кого, мелкий спор разрешил – за все хрусты капают.

Так он еще салага! А зарекомендует себя хорошо – продвинется: и возможности другие, и бабки побольше, и тачка... Через два года будет на иномарке ездить, шаровары с косями полосками носить, девок каких хочет выбирать...

А одноклассники – кто водитель троллейбуса, кто каменщик, кто токарь... За копейки пуп рвут... Двое или трое коммерцию подались, но там можно круто залететь – костей не соберешь!

И здесь, конечно, риск есть, Психа вот закопали с пульей в переносице. Но Псих старших не слушал и попал под пулю не за общее дело, а за личные делишки... Тут надо головой шурупить не так, как в школе, потому многие отличники ему – отпетому двоечнику, только завидовать могут.

Издали послышался смех и дурашливые выкрики. Рында встрепенулся и встал. К «пяточку» приближались несколько человек. Трое? Точно, трое!

На освещенное пространство вынырнули три фигуры: две мощные, волчьи, и хлипкая до несуразности... Да это же Амбал с дружками! Неужели за ним?

Сердце забило сильнее, но принадлежность к бригаде Баркаса защищала, как рыцарские доспехи, и он взял себя в руки. Вытащил из кармана дубинку, раскрыл, надел на руку ремешок.

Но троица недавних сотоварищей подошла к крайнему ларьку.

– Водка есть?

– И пиво! Я пива хочу! И пожрать!

– А этому бабу!

Мишка распахнул прикрытое окошко.

– Водка и пиво у меня, шаурма напротив, баба – вон в том киоске.

Компания набрала выпивки и закуски, после чего напрямик направилась к ларьку Ивана и вступила с ним в переговоры.

«С чего они гуляют? – подумал Рында. – И на какие бабки?»

Он больше не мог скрываться в тени. Следовало обозначить себя, как хозяина «пяточка».

Рында медленно направился к шумной компании.

– Все в порядке, Иван? – властно спросил он.

– Вроде да. Ребята при деньгах...

– Ладно.

Он двинулся дальше.

– Постой, Рында! – раздался голос Амбала, и он резко обернулся. – Чего-то ты важный стал... Не здороваешься, не подходишь, – губы Амбала нервно кривились. Он считался чумовым, потому многие парни, даже сильнее его, боялись с ним связываться.

Рында вдруг вспомнил, что когда Амбал трахал бабу или кого-то бил, он рычал по-звериному.

– Рожу воротишь, командира не узнаешь...

Он явно был не в себе – или бухой, или уколотый. Но водкой не пахло, а на игле он вроде не сидел.

– Ты здесь главного из себя корчишь? Дубину таркаешь...

Рында вдруг понял, что Амбал «на взводе» и с трудом сдерживается, чтобы не «замесить» его прямо сейчас.

– А против ножичка сможешь махаться?

Они были почти одного роста, но Амбал пошире в плечах и грудь, как бочка. К тому же в драке он не обращал внимания на кровь: ни на свою, ни на чужую. И сейчас от него пахло неудержимой ненавистью и кровью. Рында почувствовал страх и понял: как ни развернутся события, он проиграет.

– Что молчишь?

Амбал сунул руку в карман. Он всегда носил при себе пружинный нож и действовал им решительно и умело. Чтобы опередить его, надо немедленно ударить дубинкой по ключице, что, бы лопнула кость, потом въехать ногой в промежность и молотить, молотить куда ни попадя, пока он не превратится в утробно мычащий кусок окровавленного мяса.

Амбал неоднократно поступал так с людьми на глазах у Рынды, да и тому приходилось превращать противника в котлету. Он знал, как это делается, и умел это делать. Но сейчас стоял, словно парализованный.

– Ты почему выкуп за уход зажал?

Это было похоже на последний вопрос перед расправой.

Скрывая страх. Рында попробовал прикрыться доспехом своего нового положения:

– Когда уходят в бригаду, выкуп не платят. А я теперь у Баркаса.

Прозвучало несолидно и жалко, как оправдание.

– Кто тебе сказал такую херню? – рука в кармане шевельнулась. – Кто такой Баркас? Будь ты хоть у крейсера, а выкуп давай!

Рында молчал. Ноги были ватными, а тело большим и уязвимым. Доспехи оказались мнимыми.

– Раз ты стал таким богатым, назначаю тебе пятьсот штук. Срок – три дня.

Амбал медленно вынул руку из кармана. В ней ничего не было.

– Сейчас мы с друзьями отдохнем, развлечемся и я к тебе подойду. А ты думай, что мне сказать.

Остолбневший Рында смотрел в широкую спину. Он вдруг обратил внимание, что руки Амбала почти достают до колена, как у обезьяны.

Как же так? В живом уличном мире существуют свои законы и порядки. Если член команды хочет уйти, он платит выкуп. Но переход на более высокий уровень однозначно освобождает от любых «отступных». Это правило все знают. И оно всегда соблюдается. Во

всяком случае, никому не известно о его нарушении. А Амбал внаглую требует пол-лимона! И сумма несусветная – обычно речь идет о пятидесяти, редко – ста тысячах.

Но главное не это! Он умышленно нарушает правила, плюет на Баркаса... Без солидного прикрытия так себя не ведут... Но кто есть Амбал? Главарь уличной команды, не больше. Если бы у него было прикрытие, все бы об этом знали. По положению он ниже его. Рынды. А уж с Баркасом его и сравнивать нельзя – плевок какой-то, кусок дерьма!

Нет, ничего не понятно... Рында не привык размышлять и анализировать, у него даже голова разболелась. Сказывалось и пережитое напряжение. Хорошо, что никто не слышал, как вшивый Амбал разговаривал с контролером бригады Баркаса! Но скоро беседа возобновится...

Рында механически пошел вдоль киосков, стараясь не приближаться к веселящейся троице. Судя по выкрикам, они уже изрядно поддали и вплотную подступали к Ивановым девицам. Зазвенело разбитое стекло. Киоск?! Нет, бутылка... Все равно нарушение порядка, которое он должен пресечь... Ладно, сделаем вид, будто не заметил по старой дружбе...

Когда Амбал натешится, он подойдет за ответом. Вариантов два: склонить голову, согласиться на выкуп и признать его превосходство, либо послать на хер и получить пику в бок. Выбор небогатый, и Рында не знал, что делать.

Если бы они начали громить киоски, он бы позвонил диспетчеру и через пять минут поднятая по тревоге бригада неслась к «пяточку». Но здесь личная проблема, из-за нее тревоги не объявляют... И потом, кому нужен контролер, не способный решить свои проблемы?

Рында вспомнил про пистолет Баркаса.

Оружие помогает вмиг взять ситуацию под контроль. Упер «дуру» в живот этой обезьяне – она и отскочила... Да нет, Амбал такой дурной, что полезет на рожон. Что ж, тогда шевельнул пальцем – и все дела! Не нужно размахивать дубинкой, выбивать нож, драться. Дело сделано! Никто ничего не видел, а кто видел – не квакнет; быстро стер пальцы и спрятал игрушку.

Если и заподозрят менты – хрен чего докажут! Главное – стоять на своем: я не я, хата не моя... Когда был у них этот черт Лис, тот любого мог расколоть. Но сейчас его нет. Вы спросили, я ответил. До свиданья. Многие ребята так делают. И отпускают!

Амбал с Башкой уже побывали у Ивана за занавеской, теперь внутрь запустили Попугая. Занавеску, очевидно, откинули, потому что они заглядывали в витрину и оглушительно ржали.

Рында знал о проблемах Попугая и в другое время с удовольствием бы понаблюдал за ним. Но сейчас подходить к бывшим друзьям не хотелось, к тому же приближалась развязка, а он так и не решил, как себя вести.

На «пяточек» выскользнула из темноты еще одна фигура, в раскачивающейся походке было что-то знакомое. Рында двинулся навстречу. Баркас!

Тот был возбужден, зол, левый глаз заметно оплыл.

– Кто, шеф? – мужественно спросил Рында. – Пойдем, на куски падл порвем!

Затаенная, какая-то животная хитрость подсказала ему правильную линию поведения. Баркасу явно была необходима разрядка, а он сразу исключил себя из числа возможных объектов.

– Порядок, братуха, – Баркас обнял его за плечи, устремив, взгляд на закатывающихся в хохоте парней. – Омон «Сапфир» прошерстил. Забрали многих. Я легко отделался, выскользил. Тачку, суки, на штрафную стоянку поставили – пьяный, говорят... От Баркаса действительно сильно несло спиртным.

– А игрушка?

– Вот, – бригадир хлопнул по левому боку. – Я ее халдею на поднос положил, под салфетку. Он и унес. Потом вернулся, забрал.

Баркас, глубоко вздохнул, провел ладонью по лицу.

– А это что за обезьяны?

Тон его не предвещал ничего хорошего.

– Справа Амбал – мой бывший командир, – объяснил Рында. – Пришел, гад, выкуп требовать. Не знаю, говорит, никакого Баркаса и бригада мне по херу, мне даже крейсер

должен выкуп платить.

- Крейсер? Интересно... Бригадир как будто протрезвел.
- А второй?
- Башка нормальный парень. Но он под Амбалом ходит.
- Разберемся...

Глаза у Баркаса чуть сузились, но когда он направился к цели, походка была совершенно трезвой и очень стремительной.

Рында наблюдал, с трудом сдерживая охватившее его ликование. Он думал, что бригадир вытащит пистолет и заставит веселящихся дружков напустить в штаны. Но вышло иначе...

– Здорово, братухи, – вежливо поздоровался он и приобнял Амбала за плечи, как только что обнимал Рынду. – Ты, меня знаешь?

Вопрос был адресован одному Амбалу, но кивнул за него Башка.

– Иди, что-то по секрету скажу... Амбал чуть повернулся.

Баркас резко боднул головой, раздался звук, напоминающий столкновение бильярдных шаров.

Амбал всплеснул руками, будто действительно услышал что-то из ряда вон выходящее и быстро засеменил спиной вперед, причем верхняя часть туловища опережала ноги и крепилась к земле.

Через пару секунд мощное тело с глухим ударом шлепнулось на асфальт. Рында подошел, пощупал на шее пульс. Жив. Сунув руку в правый карман

штанов, он вытащил пружинный нож с белой пластмассовой рукоятью. Сердце учащенно билось. Отвлечшись, он упустил дальнейшее развитие событий и только услышав металлический щелчок взведенного курка переключил внимание на превратившегося в столб Башку, в живот которому упирался взведенный пистолет.

– Иди сюда, братуха, – будто через вату услышал он голос бригадира и послушно пошел, готовый к тому, что непредсказуемый Баркас пристрелит Башку прямо у Него на глазах.

– Замочить его или просто зубы выбить? – задумчиво спросил совета бригадир.

– Не надо, Иваныч, он нормальный парень. Это тот выступал... Рында кивнул на бесчувственного Амбала.

– Раз нормальный, ладно... – благодушно сказал Баркас и убрал пистолет.

– Но если твой друг против правил прет, ты его обязан остановить. Или отколоться, пусть прет сам по себе. Иначе и тебе головы не сносить! Понял?

Башка кивнул. Пережитый ужас смертельной угрозы так исказил лицо, что узнать его было трудно.

– Хорошо понял?

Башка кивнул еще раз.

– Ну ас этим хреном что делать? – лениво размышлял вслух Баркас. – В землю закопать или в Дон бросить? Или просто пику в сердце загнать – и пусть лежит... Будто сам напоролся... Как считаешь, братуха?

– Не надо его мочить, – сказал Рында. Он не мог понять – то ли бригадир пугает Башку, то ли всерьез обсуждает способы убийства. Оба варианта были равновероятны.

– Очухается, сам все поймет...

– Ну раз братуха считает, – Баркас Махнул рукой: мол, так тому и быть. – А что они там делают, – как всегда мгновенно он переключился на происходящее в киоске Ивана. – Ай, бесстыдники – и занавесочку открыли... Ну дают!

На топчане Попугай возился с голой девчонкой. Обычно Проститутки не раздевались догола, для Попугая явно было сделано исключение, скорее всего за дополнительную плату. Видно, он твердо решил стать мужчиной и, похоже, ему это удавалось.

Вторая девчонка курила на улице, за открытой дверью, в темноте виднелся огонек сигареты. Пресыщенный сценами секса Иван обошел киоск и наблюдал за происходящим «разбором», но от комментариев воздерживался и вид сохранял сугубо нейтральный.

– Слушай, братуха, тебе уже харево до смерти надоело, – обратился к нему бригадир. – Хочешь, возьму в тотализатор кулачных боев?

Иван усмехнулся.

– Какой смысл? Навар один и тот же. Тут мне сладенькое перепадает, а там разве что морду набьют.

– Морду и здесь могут набить, – недовольно сказал Баркас, и Иван перестал улыбаться.

– И через сладость твою теперь уже не в диспансер, а прямо на кладбище попасть легко. Ты мне лучше вот что скажи...

Бригадир доверительно понизил голос и осмотрелся. Башка возился с проходящим в себя Амбалом, Рында хотел отойти, чтобы не мешать, но Баркас придержал его за локоть.

– Ты с чего больше имеешь: с торговли или с блядей?

Иван на секунду замешкался.

– Пожалуй, так на так выходит. Но тут же места мало... И только ночью... И солидный клиент не пойдет. А можно ого-го развернуться!

– Вот и молодец, братуха, правильно мыслишь. Разворачивайся. Помещение дадим, «крышу», «шестерок» не берешь, а сам руководи, да организовывай! Какой процент нам – договоримся. Подумай до завтра. Решись – с хозяином сведу. Хватит тебе сутками в ларьке сидеть!

– Тань, ты скоро? – позвала девчонка с улицы.

– Откуда я знаю, – раздраженно отозвалась вторая изпод Попугая. – Он мне уже надоел! Может, подменишь?

– На сегодня хватит с меня. Еле на ногах стою...

– Я тоже свое отработала! Зови Ивана, пусть его снимает... Мы на сухостой не договаривались...

– Иди, Иван, разбирайся, – Баркас дружески хлопнул его по плечу. – И думай!

Иван стал обходить киоск, а бригадир наклонился к уху Рынды.

– Надо все время мозгами шевелить, дело расширять. Я тебе показал, как предложение делать. Самвел сам ширяется?

– Точно не знаю, я ведь первый день сегодня. Кажется, нет.

– Правильно. Иначе он бы нам не подошел. Переговори с ним. Пусть идет под нас на сбыт наркоты, лабораторию делает, розничных торговцев набирает... Чем шире дело, тем навар больше. И ему хорошо, и нам... А места в киосках освободятся – мы их продадим. Опять хорошо. Так деньги и делаются. Учись!

Хотя от бригадира по-прежнему разило спиртным, он производил впечатление совершенно трезвого.

– Глянь, как глаз? Синеет? У, падла! Это все он!

Подбежав к вставшему на колени Амбалу, Баркас ногой ударил его в бок. Внутри что-то екнуло и тот опять повалился на асфальт, на этот раз ничком.

– Крейсер, говоришь, сука... Он замахнулся на Башку, тот отскочил.

– Они всегда норовят сзади подкрасться, но меня хер возьмешь! Работай, братуха! Наши в обиду не дадут...

Очевидно, бригадир расслабился и пропитавший организм алкоголь снова взял верх. Перед Рындой стоял совсем другой человек.

– Пока! Я пойду Нинку отдеру...

Нетвердой, враскачку, походкой он направился к ларьку девушки и постучал в стекло.

Рында подумал, что Баркас является настоящим хозяином «пяточка» – киосков, находящихся в них товаров, продающих эти товары людей. И если он собрался оттрахать Нину, то сделает это. Ей просто некуда деваться, так как она – частица этого ночного мира и хочет или не хочет, но обязана жить по его законам. И все же ему не верилось, что светловолосая, девчонка так же легко, как Ивановы проститутки, Даст пьяному бригадиру.

Она вначале разговаривала через окошко, но Баркас что-то настойчиво и убедительно говорил и окошко открылось.

Башка снова поднял Амбала и поставил на колени. Тот стал громко блевать.

– Уводи его к ебаной матери! – приказал Рында.

Башка поспешно закивал и потащил командира с «пяточка». Возле своего киоска Иван урезонивал возмущенного Попугая.

– Девчонки не железные, сколько можно, им тоже отдыхать надо...

– Я же ей сто штук заплатил, у ребят занял и заплатил! И бумажник подарил...

– Она все отработала! Ты ее что, до утра собирался мучить? Мы так не договаривались! Давай завтра приходи! Пораньше. Если с одной не получится, я их тебе в две смены организирую!

Без поддержки приятелей Попугай «качать права» не стал, тем более, что дальновидный Иван рассказал, как Баркас обошелся с Амбалом.

И Рында, постучав дубинкой по железу киоска, строго сказал:

– Кончай базар! Лавочка закрыта!

Подтянув штаны, Попугай покинул место своего чуть не состоявшегося триумфа. Но твердо, решил на следующий день завершить начатое. Для этого надо было вытащить из кармана беспомощного Амбала оставшиеся деньги, да так, чтобы не заметил Башка. Задача вполне выполнимая. Попугай вприпрыжку бросился догонять товарищей.

Развлекавшие ночных торговцев представления подходили к концу. Оставалось последнее действие. Все исподволь наблюдали за Нинкиным киоском. Баркас был уже внутри и о чем-то говорил с девушкой.

Рында подошел к Семену взять шаурмы.

– Холодная, – предупредил тот, а когда контролер кивнул, спросил: – Как думаешь, отдерет он ее?

– Оно тебе надо? Чего нос суешь не в свое дело!

Рында сам удивился внезапному приливу злобы. Семен нормальный парень и вроде ничем его не обидел.

В отличие от других зрителей он имел преимущество: мог перемещаться по «пяточку», обходить киоски со всех сторон. Давясь холодной шаурмой, он прошел мимо объекта общего наблюдения, коснулся краем глаза.

Баркас протягивал Нине стакан с розовой жидкостью, скорей всего ликером, она отказывалась. Помещение киоска было маленьким, два человека там едва размещались. Ни топчана, ни занавески, все на виду, как в аквариуме.

«Голой вассер, – подумал он. – Ничего у него не выйдет».

Неизвестно почему настроение улучшилось и шаурма стала вкуснее.

Рында подошел к Мишке, взял пару банок пива, потом вернулся к Семену и заказал еще шаурмы.

– Ничего ему не светит, – сказал он и ткнул пальцем за спину.

Семен испуганно кивнул. Хрен знает, что у них за расклады. Нет ничего хуже, чем лезть в дела бригады.

Перекусив и выпив пива, Рында отошел в кусты прилегающего к «пяточку» парка и помочился. Сюда бегали все торгующие, некоторые, правда, хитрили: отдирали доску в полу и дули туда, но тогда в павильоне рано или поздно начинало вонять мочой.

Когда он вернулся, на «пяточке» что-то изменилось. Почти все окошки закрыты, во многих продавцы пристроились для короткого прелюдного сна.

Значит, представление окончено? Он повернулся в нужном направлении. В киоске Нины свет не горел. Ясно: Баркас, наконец, ушел, а она устроилась подремать...

Но свет не выключают и во время сна: теряется смысл ночной торговли – к темному ларьку поздний покупатель не подойдет.

Рында пригнулся и, бесшумно ступая, подкрался к спящему киоску. Металл боковой стенки заохлололо ухо. Тихо? Но тут же он понял, что там внутри идет своя жизнь. Чуть слышно потренькивал ящик с бутылками, и в этом звуке угадывался смутно знакомый ритм.

Осторожно приподнявшись, он заглянул внутрь и чуть не отпрянул: прямо перед ним лежала на прилавке светлая голова и двигалась взад-вперед в такт дребезжанию бутылок. Теперь было слышно и тяжелое прерывистое дыхание Баркаса в глубине киоска. Девушка никаких звуков не издавала, словно мертвая.

Рында отполз в сторону, встал и отбежал в темноту. Ему хотелось кого-то избить. Баркас был его шефом, он взял его в бригаду, сегодня спас его от Амбала. И все равно Рында испытывал к нему острую неприязнь.

Глава вторая УРОВНИ ПРАВООХРАНЫ

Крепость цепи определяется крепостью самого слабого ее звена.
Пословица.

Аварийный трехэтажный дом довоенной постройки на старой, изрядно обветшавшей улице с вечно гремящим трамваем капитально отремонтировали в девяносто втором. Реконструкция оказалась странноватой: окна первого этажа заложили кирпичом, установили телекамеру над входом, закрыли подворотню массивными стальными воротами. Здание стало напоминать крепость.

Дотошные бабки из соседних домов не – могли взять в толк: зачем на стеклах второго и третьего этажа натянуты сети вроде рыбачьих, явно неспособные задерживать комаров, мух и даже бабочек.

Никаких вывесок у подъезда не было, но входили и выходили явно «служивые» люди – молодые, подтянутые, в строгой «официальной» одежде. Иногда мелькали и джинсовые. или спортивные костюмы, но прически, манеры и главное – выражение лиц их обладателей все равно выдавали принадлежность к государственным структурам.

Аналитичный наблюдатель мог вычислить, что процент – использования поясных сумочек «кенгуру» мужчинами, входившими в похожее на крепость здание, гораздо выше, чем у остальных тиходонцев, но вряд ли сумел бы объяснить причину этого, хотя она была достаточно проста: летом такие сумочки позволяют скрытно носить оружие.

Столь же просто объяснялось наличие крупноячеистых сеток на окнах: они должны отбрасывать наружу запущенную в кабинет гранату.

В отличие от любопытствующего обывателя, преступный мир Тиходонска знал, что в реконструированном здании из красного кирпича располагается Севере-Кавказское региональное Управление по борьбе с организованной преступностью, что во дворе с недавнего времени разместился СОБР, один взвод которого постоянно находится в состоянии боевой готовности.

Рослые парни в камуфляже и со снаряженными автоматами выходили к ближайшему ларьку за колой или сигаретами, курили или болтали у фасада своей крепости, привлекая внимание прохожих и контролируя обстановку на прилегающей территории.

Однажды они отловили «глаз» Итальянца и разбили его фотокамеру, несколько раз проводили «профилактическую работу» с подозрительными людьми, вздумавшими отдыхать в машинах напротив входа в Управление.

Но все равно – как у руоповцев имелись фотографии и досье Итальянца, Валета, Шамана и их подручных, так и у тех были снимки оперсостава и руководства.

И когда из машины Выходил плотный коренастый мужчина с густыми черными, аккуратно подстриженными усами, то для заинтересованных лиц не являлось секретом, что это Колорадский Жук, или просто Жук – полковник Нырков, начальник Управления, сорока девяти лет, женатый, отец двух взрослых сыновей.

Знали в лицо Крылова, Волошина, Гусарова, да и всех остальных. Управление отслеживало организованные преступные группы, те, в свою

очередь, изучали сотрудников РУОП. Граната в окна – крайний аргумент, куда проще договориться «по-хорошему»: поставить сотрудника «на подкормку», купить ему машину, отправить отдыхать на Кипр...

Нырков постоянно опасался утечки информации, и недаром: службе безопасности Шамана было известно, что оперативный отдел РУОП возглавляет Крылов, а Волошин – его заместитель, что СОБРОм командует Литвинов – отчаянный боец, набравшийся опыта в Афганистане, были известны и другие сведения, не имеющие права выходить за железные ворота управления.

У сыщиков информации о подучетном контингенте было, конечно, побольше.

Организованная преступность в Тиходонске развивалась по тем же законам, что и во всем мире, потому что закономерности, лежащие в основе этих процессов, практически

одинаковы повсюду, только специфика конкретной территории накладывает свой отпечаток.

Корпорация воров – традиционных уголовников, с татуировками, «фиксами», условным языком, суровыми «законами» и обычаями имела самые глубокие корни, уходящие в дореволюционную эпоху. Они всегда «держали» тюрьмы Я зоны, хотя в первые военные годы и в начале пятидесятых им дали хороший укорот, физически уничтожив «паханов», лагерных бандитов и злостных нарушителей режима.

Эта акция была незаконной, но эффективной: до конца семидесятых зонами управляла администрация, а не авторитеты.

На воле вору занимались традиционными уголовными ремеслами: кражами, грабежами, разбоями, держали воровскую кассу – общак, используемый для подкупа должностных лиц, «подогрева» сотоварищей, находящихся за колючей проволокой, и общие нужды сообщества.

В последние годы, когда пришла всеобщая гуманизация, Воровские общины пышно расцвели по всей стране, как на свободе, так и в колониях, где пахан вновь стал полноправным хозяином.

В Тиходонске воров возглавлял Иван Сергеевич Козлов, клички Черномор, Отец, в миру – шестидесятилетний инвалид. Специализация, да и внешний вид «старых» криминалитетов изменились. Они подминали под себя торговлю, строительство, лезли в банковское дело. Татуировки многие прикрывали модными костюмами и заменили «фиксы» фарфором. На смену лихим извозчикам и отчаянным таксистам пришли личные БМВ и «мерседесы».

Но теперь у них появились конкуренты. Эпоха «новой волны» начинается с казанской банды «Гяп-ляп», раскрытой в семидесятые годы; К удивлению милиции, в нее входили ранее не судимые, хорошо характеризующиеся молодые люди, спортсмены. Они не пили и не курили, не ругались, поддерживали строгую дисциплину. Носили спортивные костюмы и мягкие борцовки на высокой шнуровке. Зато на вооружении банды имелись пистолеты, автомат и гранаты – невиданное дело по тем временам!

«Гяп-ляповцев» расстреляли, но через несколько лет изо всех щелей полезли их братья, воспользовавшись тем, что сила и оружие позволяют добиться чего угодно, а расстреливать за такую деятельность перестали, следуя великим гуманистическим идеалам человечества.

«Новые» неизбежно должны были столкнуться с традиционной криминальной гвардией, и такое столкновение произошло. В прокатившихся по стране разборках победу одерживали, как правило, «новые». Они были сильнее, лучше подготовлены и вооружены, к тому же обладали мощным щитом – неиспорченной судимостью биографии.

Воровские сходки выработали компромиссную линию взаимоотношений с конкурентами, но в жизни это выглядело по-разному.

В Тиходонске действовали четыре крупные группировки «новой волны», из которых наиболее мощной была богатяновская, возглавляемая Шаманом, в миру – Иваном Павловичем Воронцовым, тридцати пяти лет, генеральным директором акционерного общества «Донской рынок».

Все группировки пока признавали верховенство воров, вносили средства в общак, крупных трений между криминальными кастами до сих пор не было.

Как считали в РУОП, положение это долго продолжаться не могло. По имеющейся информации Шаман собирался подмять под себя речпортовцев, ленгородцев и нахичеванцев, создав крупную организацию, способную противостоять ворами. После этого неизбежно произойдет столкновение с общиной из-за, власти в городе.

Тиходонск ожидала война.

Пока же оперативная обстановка была относительно спокойной. Когда-то Тиходонск задавал тон в уголовной хронике. Про банды «призраков» и «сицилийцев» написали все центральные газеты СССР, даже фильм сняли. Теперь положение изменилось. Но не потому, что снизилась преступность в городе, просто вся Россия и СНГ взорвались тысячами дерзких и жестоких преступлений. На таком криминальном фоне Тиходонск затерялся и в сводках МВД стал приводиться в качестве положительного примера профилактической работы милиции.

Руководители областного и городского УВД не опровергали подобных оценок, гйрди-

лись отсутствием молодежных преступных формирований, перерастающих в организованные криминальные группировки.

Начальник отдела областного УВД полковник Гребковский напрямую связывал этот факт с собственной деятельностью.

– Я тогда был замначем в Пролетарском, – любил вспоминать он. – И вот объявляется у нас группировка бритоголовых. Кожа, заклепки, цепи, бошки до синевы выбритые... Начинают погоду в районе делать: драку в кафе учинили, танцплощадку разогнали. Вдруг узнаем: собираются в Голубином парке тусовку устроить, отвязаться на полную катушку, чтобы весь город о них заговорил!

Здесь полковник усмехался.

– Тогда ни ОМОНа, ни чертона не было – за все отвечали территориальные органы. Собрал я своих людей – человек тридцать, в штатском, с дубинками, помните, маленькие, раскладные, с шариком на конце... Как дали! В пух и перья! А потом патрули в форме прибыли – похватили, кто остался, и на пятнадцать суток! И все – кончились бритоголовые! Без фуражек на улицу не высывались, пока не заросли! И вот уже двадцать пять лет никаких молодежных стай!

Такое объяснение грешило прямолинейностью и не вполне соответствовало действительности.

В Тиходонске имелись дворовые и уличные команды, но были они малочисленными, раздробленными и не делали погоды. За последние двадцать лет только однажды произошел массовый эксцесс: возбужденная выступлением популярной столичной рок-группы толпа молодежи после концерта устроила дикий марш по центральной улице, разбив несколько стекол и повредив пару автомобилей.

Все остальные молодежные преступления совершались мелкими группами и носили традиционный характер, что выгодно отличало Тиходонск от Казани или Набережных Челнов.

Не случалось до поры до времени в городе высокопрофессиональных «заказных» убийств, демонстративных взрывов и других актов, характерных для организованной преступности. Но это не означало отсутствия организованных преступных групп.

Из четырех имеющихся группировок наиболее дерзко действовали ленгородская и речпортовская.

Лентородцев возглавлял Артур Пахальян по прозвищу Итальянец – двадцати восьми лет, не судимый, в прошлом профессиональный картежник катала. В последние годы занимался полукриминальным и чисто криминальным бизнесом: «держал» огромный вещевой рынок «Супермаркет», заставлял оптовиков по дешевке сдавать товар его реализаторам, получал дань с каждого места, курировал всю проституцию в районе. Ядро группировки составляли тридцать человек, для разборок с конкурентами имелись двенадцать бойцов...

У речпортовцев старшим был Валет – двадцатипятилетний Миша Квасков, его влияние охватывало набережную, грузовой порт и круизные пассажирские теплоходы. Активных членов около сорока, пятнадцать боевиков.

На счету ленгородцев были похищения людей, пытки, требования выкупа. Имелись данные о совершенных ими нескольких убийствах.

Люди Валета сожгли три коммерческих ларька и обстреляли дом неуступчивого начальника порта. В их активе имелись также разбойные нападения и тяжкие увечья.

Несколько раз руповцы хватали группировщиков, но дела разваливались: умышленные преступления превращались в неосторожные; тяжкая статья оборачивалась легкой, свидетели вдруг меняли показания, потерпевшие забывали обиды, гуляющие на свободе «под подпиской» обвиняемые уезжали неведомо куда...

(Отсутствие реальных уголовных дел превращало Тиходонскую организованную Преступность в мираж. Она была, но вместе с тем как бы не существовала, хотя специалисты РУОП уже ощущали приближающийся вал насилия.

Неизвестные взорвали бомбу под дверью коммерческой фирмы «Весна»; Коммерсанты заявили, что не знают, кому это понадобилось.

Кто-то заложил взрывчатку в «мерседес» банного короля Карамелько, но, благодаря случайности или низкой квалификации исполнителя, хлопнул только взрыватель, основной

заряд не сработал. Карамелько тоже выразил полное недоумение по поводу случившегося, однако тут же продал новую сауну конкуренту.

Конечно, это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило даже в городах области.

В молодом Степнодонске, поднявшемся двадцать лет назад посередине прожженной яростным южным солнцем ковыльной степи вместе с атомным заводом, так и не запущенным в строй, выстрелы и взрывы гремели постоянно. Около десятка разномастных группировок то и дело сводили между собой счеты, делили сферы влияния, убирали конкурентов.

Это было наглядно, зримо и привлекало внимание общественности, журналистов, юристов. На фоне Степнодонска еще отчетливее бросалось в глаза благополучие областного центра, что особо подчеркнула специальная группа по изучению тиходонского феномена.

* * *

Специальная группа была создана Комитетом по безопасности Государственной думы. Решение о ее формировании носило гриф «секретно», персональный состав известен очень узкому кругу высших должностных лиц страны.

Начальник Севере-Кавказского РУОП Василий Михайлович Нырклов был вызван в Главное управление по борьбе с организованной преступностью МВД России по обычным рабочим вопросам. Два дня он бегал по кабинетам, «решая», «увязывая», «согласовывая» и «выбивая». Командировка подходила к концу, когда его вызвал начальник Главка.

Генерал-майор Сиротин всегда лично встречался с начальниками региональных управлений, поэтому Нырклов вызову не удивился. И встреча прошла как обычно.

– Во сколько у тебя поезд? – спросил генерал, прощаясь.

– В восемнадцать пятьдесят, – ответил Нырклов.

– Значит, времени еще много, – Сиротин смотрел внимательно, и Нырклов почувствовал, что сейчас услышит что-то необычное.

– Поедешь в одно место, там все узнаешь. Машина ждет. Потом водитель отвезет в гостиницу за вещами и на вокзал. Успеешь... Сиротин ободряюще хлопнул полковника по плечу.

«Одно место» оказалось спецобъектом. Осматривая длинный глухой забор из желтого кирпича, глаз телекамеры над автоматически сдвигающимися воротами, замаскированно укрепленный КПП без вывески, опытный Нырклов пытался определить: какому ведомству принадлежат гектары огороженной, территории неподалеку от центра Москвы, симпатичный трехэтажный особняк, вышколенная подтянутая охрана. Но подобные «точки» не имеют индивидуальных примет, хотя родовая принадлежность определяется достаточно четко: хозяином в равной мере может быть Федеральная служба контрразведки или Служба внешней разведки, с меньшей вероятностью – МВД: там все проще, хотя это правило имеет и ряд исключений.

«Ладно, увижу людей – разберусь», – решил Нырклов.

В небольшом уютно-комфортабельном конференц-зале собралось около полутора десятка человек. Хотя все были в штатском, Нырклов безошибочно определил трех гражданских: офицеры не носят длинных волос, бород и не одевают на ответственные совещания джинсы с кроссовками. Знакомых лиц полковник не видел до тех пор, пока в президиум не прошли министр внутренних дел, директор ФСК, председатель комитета по безопасности Госдумы Ильюшков и представитель администрации Президента России со звучной фамилией Князев.

Первым занял место за трибуной Ильюшков.

– Борьба с преступностью из правовой проблемы превратилась в проблему политическую, – без предисловий начал он. – Страх за свою безопасность испытывает большая часть населения, люди недовольны властью, неспособной их защитить. Это может сыграть негативную роль во время следующих выборов и вызвать антиправительственные выступления уже в самое ближайшее время.

Ильюшков отхлебнул из хрустального стакана густо-янтарный чай.

– Крайне недовольны свободой действий преступников деловые круги. Невозможность

заниматься нормальным бизнесом, постоянный прессинг со стороны криминальных структур, реальная угроза жизни – все это отталкивает влиятельных, состоятельных предпринимателей от органов государственной власти... О каких долгосрочных перспективах можно говорить, если и население, и бизнесмены тяготеют к популистским обещаниям этого клоуна Закатовского?

Председатель поставил стакан на место.

– Далее. Лоббирование криминальных кругов достигло такой силы, что ни один действенный закон не может быть принят! Проекты вязнут в комитетах и комиссиях, обрастают сотнями поправок, уточнений, дополнений – и тонут под их тяжестью!

Ильюшков обвел собравшихся внимательным взглядом.

– Вы понимаете, что это значит?

– Что принимаются законы, выгодные преступникам, и проваливаются опасные для них, – громко сказал один из гражданских – длинноволосый, с нездоровым испитым лицом. Голос у него был скрипучий, – силовые" министры поморщились.

Нырков подумал, что скорее это реакция не на голос, а на смысл сказанного.

– Ну, может, не совсем так, но довольно похоже, – нехотя признал выступающий и продолжил: – В подобных условиях очень важно найти новые, эффективные методы борьбы с преступностью. Ведущим криминологическим учреждениям страны было дано задание комплексно изучить проблему, и они обнаружили необычную закономерность, получившую название «феномен Тиходонска».

Нырков вздрогнул.

«Сейчас драть будут! – подумал он. – Что же они такое откопали? Раз вытащили на высокий уровень» могут и погоны сорвать...»

Но обстановка не походила на привычную кадровую расправу. Никто не приказывал встать, не тыкал пальцем, не требовал объяснений.

– Дело в том, что Тиходонск – город высокой деловой активности с традиционно преобладающей долей, теневых доходов. Множество национальных общин. Господствующее географическое положение – ворота Северного Кавказа. Обилие мигрантов. Близость к «горячим точкам» – зонам боевых действий. Все эти факторы должны были вызвать бурный рост преступных сообществ и связанных с их деятельностью преступлений. Тиходонск в оперативных сводках по организованному криминалитету должен стоять в одном ряду с Москвой, Санкт-Петербургом, Екатеринбург, Владивостоком!

Ильюшков сделал паузу.

– Но на самом деле Тиходонск относится к числу благополучных в этом смысле городов! Значит, существует мощный антикриминогенный фактор, который следует обнаружить и использовать в предупредительно-профилактической работе. Для этого и создана наша группа...

Собравшихся представили друг другу. Трое гражданских оказались экспертами института Прокуратуры России, присутствовали также ведущие ученые из НИИ МВД и ФСК и руководители оперативных подразделений этих ведомств.

После Ильюшкова выступил Князев – дородный, средних лет мужчина, «представитель Президента России» – назвалса он, опустив слово «Администрации». Ныркову показалось, что это не случайная оговорка.

«Политическая проблема... Недовольство народа... Интересы законодательной и исполнительной власти совпадают... Грядущие президентские выборы...» Во многом он повторился и лишь заканчивая короткую речь сказал:

– Законопроект «О борьбе с организованной преступностью», заимствовавший зарубежный опыт Сочиень эффективный, уже два года не может преодолеть рогатки законодательной власти. Поэтому сейчас подготовлен Указ Президента о борьбе с бандитизмом, в который вошли некоторые положения законопроекта. Несмотря на очень мощное противодействие, Указ в ближайшее время будет подписан. Он выполнит роль пробного шара, проявит силы, чьи интересы совпадают с интересами преступников. Ваша задача – накапливать информацию о противодействии Указу и доводить эти данные до сведения своих руководителей, – Князев повел рукой в сторону президиума. – А можете передавать их непосредственно Ильюшкову или мне...

«Силовые» министры встрепнулись. Руководители не любят, когда информация уходит из ведомства" минуя их.

– У нас система передачи данных отлажена, – успокаивающе сказал министр внутренних дел. – Недавно составили списки судей, которые выпускают на свободу бандитов, передали в Верховный Суд. Только толку нет, там честь мундира крепко отстаивают:

– Скоро будет толк, – многозначительно произнес Князев. – Президент настроен на самые решительные меры по наведению порядка. Ему надоели упреки в мягкотелости и бездействии. И раз в Тиходонске сложилась столь благоприятная обстановка, надо, наряду с изучением ее причин, именно там начинать наступление.

Министр кивнул, заглянул в лежащий перед ним список и почти дружеским тоном сказал:

– Василий Михайлович, задержитесь после совещания.

– Есть! – отозвался Нырков, понимая, что на поезд он наверняка опоздает.

* * *

– Так и сказал. «Выберите наиболее засвеченные группы, документируйте и отдавайте следствию. А параллельно фиксируйте – кто будет вмешиваться: из своих, прокурорских, местной власти... И всех – на карандаш!» Нырков оглядел подчиненных.

Саша Крылов рисовал загогулины на листе бумаги. Волошин слегка улыбался. Они давно знали друг друга и чувствовали, что Нырков не до конца откровенен. Значит, получил такой приказ. Значит, затевается что-то серьезное. Что?

Вопрос не был задан, но Нырков достаточно долго находился на оперативной работе, чтобы его почувствовать.

– Со дня на день будет принят Указ о борьбе с бандитизмом и организованной преступностью, – пояснил он. – Мы должны под него сработать.

– Очередной наскок на мафию? – саркастически спросил Волошин. – Статьи, фотографии, телерепортажи, а в тюрьме, никто не сидит!

– На этот раз похоже на изменение курса...

– Ну-ну... А кто менять-то будет?

Нырков раздраженно Махнул рукой.

– Слушай, Леша, философов нынче до хрена – пахарей нет! Давай попробуем закрутить гайку под новый Указ. Получится – мы и изменим курс! По крайней мере, в Тиходонске...

– Попробовать можно, – не отрываясь от бумаги, произнес Крылов. – Надо брать на серьезном, с оружием, вменить бандитизм и раскручивать на полную. А всем, кто будет лезть к этому делу – давать по рукам. Вот и посмотрим, что получится.

– Да что... – хмыкнул Волошин. – Выгонят нас к чертовой матери. А может, пристрелят. Ну, давайте рискнем, даже интересно.

– Думаю, надо начинать с Итальянца. – Крылов перестал рисовать и посмотрел Ныркову в глаза. – Я так предлагаю сделать...

– Пиши, Леша, – кивнул Нырков. – План операции «Капкан»...

Через несколько дней президентский Указ был опубликован. А еще через неделю Северо-Кавказский РУОП начал широкомасштабную наступательную операцию на организованную преступность Тиходонска.

Начало «Капкана» было строго секретным, незаконным и ни в каких планах и отчетах отражения не нашло.

В два часа ночи Гусаров с Волошиным подъехали на оглушительно рычащей «яве» без номера к шикарному трехэтажному особняку на Богатынском спуске, натянули на головы чулки и сильным стуком в ворота вызвали хозяина.

Акоп Вартамян – мужик тертый, на испуг его взять нелегко; вышел с двустволкой наготове и свирепым ротвейлером.

– Чего надо?! – рыкнул он, но, увидев направленные стволы, несколько сбавил тон: – Ошиблись, ребята, не на того наехали. Спросите у своих старших, вам объяснят, да еще задницы надерут...

– Почему не платишь? – измененным голосом спросил Гусаров. – Хочешь, чтобы бензовозы сгорели, «волга» сгорела, дом сгорел...

Акоп дрогнул. Разговор пошел о вещах серьезных, где ошибка или недоразумение могут вылиться в большие неприятности.

– Вы что, парни, как не плачу? Всегда в срок, ни разу не задержал! Три дня назад последний взнос сделал!

– Кому? – гнусаво произнес Волошин. – Кому ты бабки отстегиваешь?

– Артуру, как положено. – Акоп почти опустил двустволку, надеясь, что недоразумение разъяснилось и инцидент исчерпан.

– Хрен так положено! – выругался Гусаров. – Это все равно что в Дон бабки бросать. Ты на нашей территории! Нам и плати! Два дня тебе срок!

– Подождите, друзья, это ваши трудности. – Вартанян ошалел от такого поворота дела. – Вы между собой разбирайтесь, мне все равно кому платить...

– Два дня!

Гусаров пальнул в воздух и дал газ. Ротвейлер зарычал, рванул поводок вслед катящемуся по ночным улицам грохоту, Акоп чуть не выронил ружье, виртуозно выругался и захлопнул калитку. По всполошенной округе остервенело лаяли собаки...

Сделав круг по набережной, оперативники загнали мотоцикл во двор тещи Волошина и отправились спать. Часовой механизм «Капкана» включен.

Дело в том, что бензозаправка Акопа стояла на стыке зон влияния ленгородских и речпортовских, хотя фактически хозяином здесь был Пахальян. Ночной «наезд» означал требование передела территорий и исходить оно могло только от группировки Кваскова. Те как раз любили использовать мотоциклы без номеров, чулки вместо масок, стрелять в воздух для устрашения, грозить поджогами.

Ранним утром Вартанян добрался до главара ленгородской группировки, через час тот послал гонца к речпортовцам, вызывая их на разборку. В принципе, Артур с Мишкой могли договориться без нагнетания обстановки, с глазу на глаз, но мешало одно личное обстоятельство: не поделив когда-то женщину, они люто ненавидели друг друга. И этот нюанс учитывался оперативниками как фактор, определяющий развитие событий.

В восемнадцать ноль-ноль семь иномарок подкатили к песчаному карьере на западной окраине Тиходонска. Бойцы противостоящих сторон заняли позиции. Почти все были вооружены модными «помповыми» ружьями крупного калибра, мелькали несколько автоматов Калашникова различных модификаций.

По ритуалу старшие с наиболее приближенными из своих людей должны были сойтись для переговоров, от итога которых зависело все остальное, в том числе и самое главное: жить бойцам или умирать.

Артур Пахальян вышел из огромного вездехода в сопровождении толстяка по кличке Паровоз, оба держали руки в карманах широких штанов и раскачивающейся презрительной походкой направились к черному БМВ, у которого стоял Квасков в окружении ближайших помощников.

Как бы нехотя Мишка пошел навстречу конкуренту. За ним потащился мучимый дурными предчувствиями Носач.

Бойцы замерли, напряженно наблюдая за происходящим. Наступила тревожная тишина, только скрипел песок под рифлеными подошвами кроссовок.

– Значит, мою территорию захотел?! – истерически заорал Итальянец, когда расстояние сократилось до десятка метров; – Получи, сука!

Он резко выдернул руку с зажатым в ней пистолетом и выстрелил навскидку.

Валет резко остановился, а шедший следом Носач упал ничком, крепко прижимая обе руки к солнечному сплетению и подергивая Ногами.

Все произошло мгновенно, эхо выстрела еще отражалось от песчаных стен карьера, а шеренги бойцов застыли в ступоре, потому что монета выпала решкой и им предстояло умирать, но делать первый шаг по ведущему в небытие пути не хотелось никому. Вместе с тем, и промедление губительно, осознание этого шевельнуло стволы на выбор целей, через минуту заброшенная разработка должна была превратиться в арену невиданной Тиходонском кровавой бойни. Но тут их накрыл СОБР.

Вначале рванули светозвуковые гранаты «заря» – они не давали осколков, только Ослепительная вспышка и чудовищный Грохот оказывали шокирующее воздействие, да такое, что несколько, «крутых» справили нужду прямо в штаны. И тут же из песка выпрыгнули люди в масках, пустынном камуфляже, бронжилетах, с короткими автоматами наперевес.

Вряд ли их было много больше, чем группировщиков, но ни один ствол не направился в сторону атакующих. Потому что по выправке, экипировке, манерам сразу ясно – это не участковые, наскоро втиснутые в пуленепробиваемые костюмы и вооруженные непривычными автоматами, это – спецподразделение, натасканное силой ломать силу. Не бросил «пушку» – пуля, медленно поднял руки – прикладом в лоб, полез в карман – пуля или ковальным ботинком в промежность...

Все кончилось в три минуты, но и за это время ленгородские и речпортовские успели потерять немало зубов и приобрести ушибы, вывихи и переломы. Зато вели себя исключительно дисциплинированно, даже от оружия не отказывались, как обычно, наоборот – каждый разрядил свою игрушку и зафиксировался в группе документирования: фамилия, имя, отчество, вид и модель оружия... А фотограф тут же и снимки делает, будто захват не в провинциальном Тиходонске происходит а где-нибудь в штате Северная Дакота!

А на базе уже десяток оперативно-следственных групп дожидается: в раскрутку их, пока горячие! Допрос, обыск на дому – и в камеру. Следующий! Всю ночь работали, раскрутили столько всякого... И похищения людей, и разбои, вымогательства, четыре убийства...

Газетчиков позвали, телевизионщиков – весь Тиходонск загудел!.. Правда, гудели по-разному: и про массовые репрессии вспомнили, про нарушения демократических норм, права человека...

Друзья-знакомые даже у бомжей бывают, а тут предпринимателей РУОП схватил! Пыхальян Артур Ервандович – генеральный директор закупочно-сбытовой ассоциации «Свет», Михаил Георгиевич Квасков – генеральный директор акционерного общества «Алмаз». Значит, РУОП против предпринимателей? Против экономической реформы?

Нырков как скала держался, но дело трескалось: гладкоствольные ружья законом не запрещены, а у многих они и вовсе на, легальных основаниях были. Раз так – нет состава преступления, из-под стражи освободить!

Начальник СК РУОП заносил в свой секретный список и прокуроров, отказывающихся в санкции, и судей, изменявших меру пресечения, и представителей органов власти, проявляющих интерес к судьбе задержанных, и коллег, сующих нос в скандальное дело. Список разросся и спецсвязью был отправлен министру. Но ничего не произошло, только еще пятеро группировщиков под различными предложениями оказались на свободе.

– Знаете, что надо было сделать? – азартно спросил Гусаров, когда Волошин доложил, что за решеткой остались всего семь человек. – Не вмешиваться! Пусть бы они перемочили друг друга. А мы бы им помогли с обрыва... Толку куда больше бы было!

Крылов хмыкнул.

– Кто возьмет на себя такое? Это же не сорок седьмой год. Тогда бандитов не убеждали и адвокатов к ним не приглашали. Оказал сопротивление, пытался убежать – пуля! А задержали – тоже разговор короткий: в течение десяти дней судили и расстреливали. За пять лет покончили с послевоенным бандитизмом и все оружие изъяли!

– Да, Игнат Филиппович, царствие ему небесное, много лихих историй о тех временах рассказывал, – кивнул Нырков. – Кстати, он вполне мог всех этих ублюдков в карьере закопать. Старые опера – люди другой закалки. Сейчас таких нет...

– Совсем нет? – снова хмыкнул Крылов. – А Лис?

Нырков тяжело вздохнул.

– Лис, конечно, парень крутой. Ну и где он?

В кабинете наступила тишина. Бывший начальник Центрального уголовного розыска Корнев, по прозвищу Лис, отбывал срок в ИТК-13 Свердловской области.

– Операция «Капкан» навела шороху в криминальном мире Тиходонска. Пахальян и Квасков содержались не в обычной следственной тюрьме, а в изоляторе ФСК, где действительно обеспечивалась изоляция арестованных, потому руководить своими группировками не могли.

Потрепанные, деморализованные ленгородцы и речпортовцы «залегли на дно», несколько дней никто даже не собирал дань с торговцев «Супермаркета» и obsługi пассажирских теплоходов и грузового порта, что вызвало у тех сильное беспокойство. К тому же свято место пусто не бывает и рэкетом занялись заезжие бригады.

А тут еще Крылов наложил арест на счета АО «Алмаз» и ассоциации «Свет», назначив подробную ревизию их финансово-хозяйственной деятельности, привлекая к этому налоговую инспекцию.

Вконец растерянные группировщики попытались как обычно «наехать» на ревизоров, но оказалось, что те прикрыты спецназом. В результате бригадир и три «быка» с травмами различной тяжести оказались на нарах следственного изолятора.

Под надежной физической защитой находились свидетели по делу и следователи, причем люди Ныркова подвергали жесткому прессингу каждого, кто пытался войти с ними в контакт. Такого в Тиходонске еще не было.

По городу пошел слух, что за двух авторитетов взялись всерьез и «отмазаться» на этот раз им не удастся. А если так, то завтра могут ущучить и других.

Всерьез встревожило заинтересованных лиц вторжение на исконные территории зачетных чужаков. Стоит промедлить – и за свои же зоны влияния придется воевать!

Одним словом, существующая в криминальном мире стабильность нарушилась, что грозило большими осложнениями.

Человек, который в период всеобщей растерянности и бездействия попытается поставить ситуацию под контроль, может приобрести большой авторитет. Руководитель богатяновской группировки Шаман это понимал и потому решил сыграть по высшей ставке.

* * *

Несмотря на громкое «импортное» название; «Супермаркет» представлял из себя довольно гнусный вещевой рынок, который в былые времена обозначали более соответствующим словом «толкучка».

Огороженный хлипким заборчиком участок вытоптанной, утрамбованной земли был тесно заставлен павильонами, палатками, крытыми торговыми рядами и импровизированными прилавками из ящиков, табуреток или составленных в ряд стульев, завешанных стандартным товаром: ширпотребом из Турции, Китая и Эмиратов.

За каждое торговое место надо было платить дважды: в кассу рынка при входе и контролерам территории, регулярно обходящим шеренги продавцов. Уже три дня дань собирали какие-то новые молодчики, которых никто в Тиходонске не знал. Впрочем, обитателям «Супермаркета» было все равно, кому отдавать деньги.

На четвертый день к открытию рынка на пяти машинах прибыли люди Шамана.

Рынду впервые взяли на «дело».

– Присмотримся, как ты в махаловке, – сказал Баркас.

Он регулярно приходил на «пяточок», заходил в киоск к Нине. Минут через двадцать свет гас. Потом этот промежуток стал сокращаться и наконец совсем исчез: зашел, свет погас, через десять минут вышел, свет зажегся опять. Однажды Рында, влекомый болезненным любопытством, подкрался сбоку: Баркас сидел на прилавке и громко кряхтел, Нина возилась внизу.

– С девчонки получай половину ставки, – приказал Баркас после этого случая.

Рында молча кивнул. Ему не хотелось разговаривать о бригадиром. Тот не обратил внимания на перемену в настроении контролера, по-трезвому он и сам не был склонен к разговорам.

Рында проработал в бригаде уже месяц. Он склонил Самвела полностью переключиться на реализацию наркоты под Шаманом. Когда заезжие чеченцы неожиданно «наехали» на «пяточок», Рында вкрутую схлестнулся с ними – махался ножом и дубинкой против

трех ножей, пока не подоспели Череп с Тренером. Что интересно: страха не было, только злость и желание уничтожить врага. Теперь он не боялся и Амбала, если бы вдруг вернулась самая первая ночь дежурства, он бы смог сделать то, что следовало: и ключицу перебить, и яйца – всмятку, и ногами добить...

Наверное те, кто к нему присматривался, остались довольны. Баркас неожиданно заехал утром и привычно скомандовал:

– Собирайся. Все вроде у тебя нормально. Присмотримся, какой ты в махаловке.

В машине сидел Рэмбо – накачанный красавчик, когда то он занимал призовые места в соревнованиях культуристов. Потом Баркас это запретил:

– Пусть бабы и пидоры голыми показываются! Нам уважение нужно. И страх!

Кроме Рэмбо в салоне находился мрачный увалень Доска и незнакомый крепыш, под курткой которого ощущалось что-то твердое.

– Запомни, – не здороваясь сказал Рэмбо, – когда едем на «дело», очень важна точность. Опоздали на разборку – считаемся проигравшими: все на нас вешается. Раньше – тоже не надо: могут подумать, что подлянку затеваем, и сразу начнут мочить. Важно – минута в минуту. Ты понял?

– Понял, – сказал Рында.

– Минута в минуту! – строго повторил Рэмбо. – Нет хороших часов – купи. Нет денег – скажи, мы купим. Но не подведи – тогда разбор, и можешь головой ответить. Ты понял?

– Да понял я все, – раздраженно ответил Рында.

– Я не от себя говорю. Мне Баркас поручил. Это его слова. Повторять их больше никто не будет. Ты все хорошо понял? Если не понял – спроси.

– Точность главное. Я не буду опаздывать. Часы у меня хорошие, – послушно повторил Рында. Внезапно он понял: разговор очень важен, его начинают посвящать в правила бригады. Значит, доверяют и думают продвигать на следующую ступеньку.

– Я все хорошо понял.

– Молодец. Теперь дальше. Итальянца посадили, его бригада напустила в штаны. «Супермаркет» прибирают донецкие. Мы должны их убрать. Теперь это будет наша точка" Держись ближе ко мне и к Доске. Вы с Кентом на подхвате. Делайте то, что мы скажем.

Рында понял, что Кент – это незнакомый крепыш с железом под курткой.

– Ты все понял? Перепутать ничего нельзя.

– Как их «убирать»?

– Брать, сажать в тачку и везти куда надо. Будут сопротивляться – вырубать. Но без крови и тихо. Если они начнут стрелять, тогда и мы ответим, но осторожно, без лишних трупов. Ты понял, Кент?

– Понял.

– Почти приехали. Держимся вместе. Рыба пока ждет в машине. Если закрутится все-рьез – выйдешь. Понял?

– Понял, Рэмбо, – кивнул водитель.

Рында лихорадочно размышлял, чтобы ничего не перепутать.

– А как мы их узнаем?

– Очень просто. Они такие же, как мы, только рожи незнакомые. И еще: они будут собирать бабки. Ясно?

– Ясно.

Пять машин подъехали к «Супермаркету» одновременно. Двадцать человек в спортивных костюмах двинулись к двум входам в рынок. Это было похоже на облаву. Собственно, это и была облава.

Стоявшие у входов служащие рынка, которые в штатном расписании именовались громким словом «контролер», а на самом деле являлись обычными продавцами входных билетов, без звука пропустили настоящих контролеров.

Пять четверок растворились в человеческом море: здесь толклись несколько тысяч человек.

Рэмбо и Доска шли впереди, Рында и Кент отставали на два шага. Спортивные костюмы первых двух бригадиров имели яркую расцветку и косые полосы на колене. Молодые были одеты в фирменные, но скромные одноцветные «аидасы». Опытный глаз мгно-

венно определял их разное положение на иерархической лестнице.

Четверка двигалась вдоль длинных рядов торгующих, внимательно глядя по сторонам. Рында ничего подозрительного не замечал и не мог представить, как в такой толчее можно обнаружить чужаков.

Но Рэмбо время от времени задавал продавцам вопросы, а те, чуть помешка, испуганно отвечали. После этого курс поиска изменялся.

– Вот двое, – сказал наконец старший четверки.

Рында увидел, как высокий парень в спортивном костюме, пошептав что-то пожилой женщине, торгующей турецким ширпотребом, получил от нее несколько купюр. За ним в таком же наряде стоял крепыш с шеей и ушами борца и меланхолично жевал резинку.

– Берем, – скомандовал Рэмбо. – Ваш – длинный.

Метнувшись вперед, Рында схватил высокого за руку, взял на излом. Тот пытался ударить другой, но ее перехватил Кент.

– Тихо, сука, иначе нож получишь! – жарко выдохнул Рында в ухо чужака.

Тот сразу обмяк.

– Пошли!

Рэмбо и Доска на удивление быстро справились с «борцом».

Со стороны вряд ли кто-то мог разобраться в происходящем. Просто в плотной толпе вдруг возникла свалка, как в курятнике, когда гибкий и сильный хорек бросается на выбранную жертву. Все быстро закончилось, и четверо в спортивных костюмах выволокли ошарашенных и испуганных чужаков в таком же наряде, протащили к выходу и забросили в одну из ожидающих машин.

Мгновенно рядом оказался Баркас. Недобро щурясь, он ошмонал чужаков, вытащил смятые пачки денег, нож и свинчатку.

– Свяжите – и куда положено.

– Да вы что! – оскалился «борец»; первый испуг у него уже прошел и вернулась привычная нахрапистость и наглость. – Надо разбираться по понятиям! Что вы хватаете, будто менты? Смотрите, нас здесь много!

Бац! Кулак Баркаса врезался ему в нос, кровь обильно залила спортивный костюм.

– Какие понятия, сука! Я у тебя в Донецке рэкетирую или ты у меня в Тиходонске? Чья земля? К кому ты подошел? Кому долю заплатил? По понятиям тебя надо на нож ставить!

Он еще раз замахнулся, но сдержал руку.

– Ну, где твои дружбаны? Думаешь, я их боюсь? В рот я их делал!

Баркас засмеялся глумливым смехом.

– А вот и они! Полюбуйся!

Четверка Черепа волокла еще двух донецких. Лицо одного напоминало сырой бифштекс.

– Пику Дятлу засунул, пидор! – пояснил Череп. – Сразу, без разговоров, только подошли – раз! По самую рукоятку!

– А где пика? – спросил Баркас.

– Не вынимали. Дятел там лежит, «скорую» вызвали. Кровь наружу почти не течет...

– Жалко, нет пики. Я бы ему ее прямо здесь в сраку вогнал. Ну ничего, сочтемся...
Еще есть?

– Несколько убежали. Вроде за подмогой.

– Ладно, подождем их подмогу. Где Кент?

– Здесь я, – отозвался крепыш. Они с Рындой накрепко связали своим подопечным руки тонким нейлоновым шпагатом.

– Остаешься. Рында отвезет их – и назад.

– Куда везти?

– Рыба знает.

Рында сел рядом с водителем и полуобернулся к чужакам, держа в проеме между спинками сидений нож, чтобы они его видели.

– Не дергаться, падлы.

Рыба подъехал к Центральному рынку, через неприметные, всегда закрытые железные ворота въехал на территорию и, медленно протираясь сквозь толпу, подрулил к мясному

павильону.

– Сюда давай, – грузчик в заляпанном кровью черном халате показал на узкий проезд к холодильным камерам.

Там, в отсутствии посторонних взглядов, донецких вывели из машины.

– Теперь немного остыньте, – грузчик с усилием распахнул громоздкую дверь морозильной камеры. Внутри висели одревеневшие то ли свиные, то ли коровьи туши.

– Да вы что, ребята, – запричитал длинный. – Мы же там сдохнем!

– Сдохнете – закопаем, – философски ответил «черный халат» и, пинками загнав обоих в холодильник, закрыл дверь.

Рыба развернул машину и осторожно двинулся через толпу в обратный путь. Навстречу проехал автомобиль Весла, в котором везли еще двоих.

Они успели к «Супермаркету» вовремя, как раз к началу разборки. Донецких приехало человек двенадцать. Их главарь чуть в стороне беседовал с Баркасом. Рядом с каждым стояли по три человека. Кент держался чуть в стороне и постоянно перемещался, будто выдерживал определенную, только ему известную позицию.

– Мы ничего не нарушили, – втолковывал здоровенный, как штангист-тяжеловес, главарь Баркасу. – Всех пересадили, точка освободилась, мы ее заняли.

– Ну ты даешь, братуха, – засмеялся Баркас, и Рында понял, что он не боится тяжеловеса и, если понадобится, сшибет его головой с ног, как когда-то Амбала.

– Прямо шел по улице и нашел ничейный кусок золота. У нас здесь свои расклады. Итальянец сидит, теперь это точка Шамана. Вот такие дела, братуха!

– А кто это так решил? – нагло спросил «штангист». – Я знаю, что точка ничейная. А ленгородцы соглашались нам ее сдать.

– Да нет, братуха, – Баркас перестал улыбаться. – В Тиходонске не ленгородцы решают и не ты!

– А кто? Скажи, кто? – напирал главарь.

– Это тебе твои люди скажут. Если их отпустят, конечно. Они ведь нашего парня замочили...

– С этим еще разбираться надо – кто виноват. А моих – отпущай! По-хорошему отпущай!

«Штангист» расстегнул куртку, чтобы показать то, что находилось у него за поясом.

Баркас опять улыбнулся.

– Вон ты какой страшный, братуха! Ну, глянь сюда!

Он, в свою очередь, расстегнул куртку.

– А теперь посчитай – сколько вас, сколько нас! И посмотри на того парнишку, – Баркас ткнул пальцем в сторону настороженно передвигающегося с места на место Кента. – Знаешь, что у него в руке? «Узи»! В две минуты вас перекосит!

Баркас оскалится.

– И не забывайте, падлы, на чьей вы земле! Убирайтесь к себе к ебаной матери и наводите свои порядки!

У главаря донецких задергалось веко.

Баркас сунул руку к поясу.

Кент, окаменев лицом, распахнул куртку.

– Атас!

У кого-то из донецких не выдержали нервы и несколько человек рванулись к своим машинам.

– Правильно, братишки. Дергайте, пока целы!

– Ладно! – «штангист» сделал шаг назад. – За мной должок. Еще встретимся!

– Хоть три раза в день, братуха!

Баркас с холодной улыбкой наблюдал, как чужаки убираются восвояси. Потом повернулся к своим.

– Поехали. У нас очко крепче оказалось. Молодцы!

Когда подходили к машинам, он подозвал Рынду и Кента.

– Шаман сбор назначил. Съездите с Рыбой, позовите ленгородцев и речпортовцев. Нахичеванцы знают, сами придут. Адреса я сейчас дам.

* * *

Александр Крылов перелистывал страницы оперативных дел по разрабатываемым преступным группировкам. Здесь было все: шантаж и вымогательство, торговля наркотиками и кражи, грабежи, разбои, нападения на водителей автомашин, нанесение увечий, незаконное владение оружием, большое число хулиганств и избиений.

Иногда приводились только факты преступлений, но встречалась и полная раскладка: кто, когда, с кем, где, почему, как...

Для официального использования эти материалы не годились: суду нужны свидетели, потерпевшие, вещественные доказательства, заключения экспертов, а не обрывки разговоров, пересказ слышанной от кого-то истории, пьяные откровения либо даже наблюдения самого толкового и заслуживающего доверия агента.

Тщательно процеживая оперативную информацию, сыщики уголовного розыска или РУОПа могут выявить совпадающие сообщения и материализовать их в виде ножа с отпечатками пальцев, ограбленного, но не заявившего о том гражданина, свидетеля, наблюдавшего поножовщину с собственного балкона, то есть отыскать доказательства, предусмотренные законом. Тогда свидетеля и потерпевшего допросит, следователь, нож исследуют эксперты и перед судом предстанет не набор бессвязных и несистематизированных баек сомнительного происхождения, а столь любимые улики, позволяющие вынести приговор.

Однако в последнее время оперативные службы, следователи и суды захлестнуты таким валом непровержимых свидетельств преступлений: трупами с признаками насильственной смерти, взломанными сейфами, ограбленными квартирами, бесконечными заявлениями о хулиганствах, изнасилованиях, избиениях, – что не успевают обрабатывать массив о ф и ц и а л ь н о й информации.

К тому же вызванное многими причинами и тщательно скрываемое от общественности явление, научно именуемое «снижением интереса к результатам служебной деятельности», а в повседневности называемое похуизмом исполнителей, приводит к укрытию явных фактов преступлений, незаконным отказам в возбуждении уголовных дел, опусканию «на тормозах» возбужденных, издевательски несоразмерным приговорам и другой подобной хреновине.

При таких обстоятельствах реализовывать оперативные материалы не имеет никакого смысла, так как надо быть полным идиотом, чтобы выудить из кучи агентурных сообщений и повесить себе на шею новое преступление, от которого может отказаться не только преступник, что привычно, но и потерпевший со свидетелями, что тоже становится привычным в последнее время.

Но в отличие от территориальных органов милиции, идущих вслед за совершенными преступлениями, РУОП работает «на опережение», поэтому Крылов всегда внимательно изучал и систематизировал оперативную информацию. К этому его приучил первый наставник – Игнат Филиппович Сизов по кличке Старик, который считал, что если не рыться целыми днями в навозе, то никогда не найдешь жемчужину.

Сейчас Крылов изучал оперативные дела еще и по специальной телефонограмме Управления ФСК: «Просьба использовать оперативные возможности СК РУОП для раскрытия убийства сотрудника Управления подполковника Галенкова и максимально полного установления всех обстоятельств совершенного преступления».

Что конкретно можно искать в папках с грифом «сов. секретно», исходя из этого запроса? Что выбирать из сотен машинописных страниц? На что обращать внимание в сообщениях «источников»? Телефонограмма не давала ответов на эти вопросы, их следовало додумать.

По делу уже были задержаны трое подозреваемых, и, в принципе, они даже признались. «В принципе», потому что признавая избиение неизвестного мужчины, они отрицали его убийство. Ничего удивительного: так бывает почти всегда. Признаются в малом, чтобы избежать ответственности за большее. Подобные ублюдочные полупризнания обычно трактуются судом как полные – если человека хотят осудить, либо как отсутствие признания вообще – когда нет желания выносить обвинительный приговор.

Поскольку в жизни ничего не делается просто так, Крылов размышлял: что заставило УФСК рассылать тревожные телефонограммы по делу, которое в принципе раскрыто? Безутешность от потери и желание покарать убийцу?

Но учреждениям обычно не свойственны эмоциональность и человеколюбие, Управление ФСК вряд ли является исключением из общего правила...

Значит, служебный интерес? Утеря «сов. секретных» документов, подозрение в предательстве, наличие косвенных данных об утечке важнейшей информации...

«... максимально полного установления всех обстоятельств совершенного преступления».

Да, точно... Утеряна папка со строгим грифом, или один листок с красной поперечной полосой, или дискета, магнитофонная кассета, любой другой носитель информации...

Но сообщений об обнаружении подобных предметов не попадалось. «...избивал продавца коммерческого ларька и грозил убить, при этом кричал, что работает на Итальянца...»

«...по слухам, исходящим из окружения Черномора, им дано задание на приобретение партии оружия, в том числе автоматов новейших систем...»

«... на углу Державинского и Красных Зорь нашел пистолет системы „браунинг“ в кобуре, но без обоймы, который предположительно хранит у своей тещи по адресу...»

Сведений, интересующих УФСК, в изучаемых Крыловым документах не было. Но одно сообщение он обвел красным карандашом.

«... Когда мы выпили с ней бутылочку водки, девушка стала жаловаться на жизнь и рассказала, что в мае этого года в ресторане „Сапфир“ познакомилась с парнем по прозвищу Бык, который под предлогом катания на машине привез ее на городское кладбище, где распивала спиртные напитки большая компания мужчин, предположительно гробокопателей; с ними была еще одна девушка, находившаяся в состоянии опьянения. Бык и еще несколько человек увели эту девушку за пределы помещения и отсутствовали больше часа. За это время к ней стали приставать оставшиеся четыре парня, требуя вступления в половую связь. Она отказывалась и сопротивлялась до тех пор, пока не вернулся Бык и ушедшие с ним люди, но девушки не было. Бык ударил ее по лицу и в грубой форме сказал, что ту девушку они убили и закопали в могилу и что если она не даст им всем, то ее тоже убьют и закопают. Ввиду безвыходного положения она была вынуждена выполнить требования Быка и его друзей. По условиям обстановки выявить установочные данные девушки не представилось возможным...»

Крылов задумался. Информация была практически непроверяемой. Нет данных предположительно убитой, нет данных свидетельницы. Отправная точка – Семка Бык, отпетая скотина. Все, о чем говорится, очень на него похоже. Как раз его стиль.

С другой стороны, никого могли не убивать и не закапывать – просто напугали рассказчицу, чтобы была сговорчивей. А ту, первую девушку, использовали и отпустили. Или она убежала. Или... Объяснений может быть много...

Но речь идет об убийстве! Причем совершенном с участием бригадира группировки Шамана Семена Плотникова по кличке Бык! Значит, надо заниматься...

Крылов наложил резолюцию: «т. Гусаров! Тщательно проверить. Доложить мне план мероприятий по реализации данного сообщения».

В это время тренькнул телефон внутренней связи.

– Можно к вам, Александр Семенович? – голос Королева казался возбужденным.

– Заходи.

Через минуту высокий с узким треугольным лицом оперативник вошел в кабинет.

– Звонит дежурный, – без предисловий начал он. – Пришла заявительница. Ну ладно, спускаюсь. Девушка, блондинка, симпатичная. Завожу в комнату приема: по какому вопросу? – Изнасиловали. – Это не к нам, надо в райотдел по территориальности. – Нет, там я уже была, направили к вам. – Странно, думаю. Ну, рассказывайте.

Королев расплылся в улыбке.

– И что вы думаете?

– Давай, Костя, не тяни кота за одно место.

– Она дает заявку на Семку Быка!

– На кого? – Крылову показалось, что он ослышался. Таких совпадений просто не бы-

вает!

– На Семку Быка! – торжествующе повторил опер. – Достаяю альбом с фотографиями, зову понятых – она его опознает!

– А свидетели? – кисло спросил начальник оперативного отдела.

– Парень с ней вместе пришел. Его Бык чуть насмерть не зашиб.

– А еще?

– Дежурная по этажу видела, как он ее в номер затаскивал. Официант слышал, как он потом хвастался. Да многие слышали.

– А показания они дадут?

Крылов был настроен скептически. Он не знал ни одного случая, чтобы нашлись охотники свидетельствовать против бригадира. Да и против рядового «быка» не идут. А если скажут в горячке – потом отказываются. Запуган народ, что сделаешь! Бандиты друг за друга горой стоят, а кто порядочного человека защитит? Может, сейчас, под шум нового Указа удастся его загнать в камеру? Да по кладбищу заодно покрутить?

– Так дадут показания-то?

– Потерпевшая с ними говорила, уверяет, что дадут...

– Странно. Ну смотайся в «Сапфир», да побеседуй с ними. А материалы давай, я пока изучу...

Через час Королев привез три объяснения. Официанты Сулин и Паськов видели, как Бык ударил парня и силой увел его девушку. Вернувшись, Бык рассказывал, что изнасиловал ее, в том числе и в извращенных формах. Дежурная по этажу Савкина подтвердила, что Бык затаскил девушку в номер, оттуда доносились крики и плач.

Удивительно!

Крылов набрал четыре цифры внутреннего телефона, соединясь с командиром СОБРа.

– Литвинов слушает! – резко отозвалась трубка.

– Слушай, Валя, мы собрали материалы на Семку Быка, – не здороваясь сообщил начальник оперативного отдела.

– А свидетели?

– Потерпевшая, четыре свидетеля. Надо организовать всем охрану.

– Сделаем. А когда брать эту жабу?

Литвинов ненавидел преступников любой «окраски» и готов был охотиться на них днем и ночью, без еды и сна, тем более, что ему нравилось выбивать бронированные двери, уворачиваться от выстрелов и стрелять в ответ, схватываться в рукопашной и побеждать, побеждать, побеждать...

– Сейчас доложу начальнику и решим... Да, вот еще что... Возьми под прикрытие и следователя, который примет дело.

– Сделаем, – на этот раз в голосе командира СОБРа чувствовалось меньше уверенности.

– Шесть постов, – рассуждал он сам с собой, как бы приглашая в советчики и Крылова. – Если по два человека, получается двенадцать на смену, при круглосуточном режиме – тридцать шесть... А мы же еще свидетелей по Итальянцу с Валетом прикрываем! И ревизоров... Тяжко, однако, придется...

– Ничего, я своими людьми помогу, если надо – территориалов попросим! Кстати...

У Крылова имелся вопрос к Центральному райотделу и сейчас он о нем вспомнил.

– У вас остались какие-нибудь материалы по обращению Ковалевой? – спросил он у озабоченного дежурного Центрального. – Заявление, объяснение или что-то еще?

– Какой Ковалевой?

– Сегодня к тебе приходила девушка, блондинка, изнасилование в «Сапфире»!

– Не было такой, – невозмутимо отозвался дежурный. Крылову показалось, что он что-то жует.

– Как не было?! Вы ее направили к нам!

– Никого я не направлял. Подождите... На другом конце провода дежурный что-то спрашивал.

– И помощник ее не видел. И дежурный опер – тоже...

Странно! Не могла же сама Ковалева знать, что Бык – член группировки, а ими занимается РУОП, не имеющий, кстати, вывески...

Но поскольку странность была небольшой, Крылов забыл о ней, отправившись докладывать новости Ныркову. Вспомнит он об этой неувязке позднее, когда по делу Семки Быка накопится много больших и маленьких странностей.

Нырков выслушал доклад с интересом.

– Значит, люди нам поверили! Видят, что мы взялись за «крутизну», и пожалуйста – смело идут и заявляют. Вызывайте следователя, документируйте, задерживайте подозреваемого.

Быка взяли вечером, когда он, разомлевший от дневных трудов, подходил от автостоянки, где оставил свой БМВ, ко входу в «Сапфир».

Это был здоровенный детина крайне необузданного нрава, поэтому Литвинов избрал силовой вариант задержания.

Конечно, Крылов знал, что плановый захват одного человека, сколь бы силен и грозен он не был, можно провести без внешних эффектов. Но эффекты являлись слабостью командира СОБРа и ничего плохого в этом не усматривалось.

Бык уже почти подошел к тяжелой стеклянной двери, как откуда-то сбоку незаметно появился Валя Литвинов. Вид он имел не геройский: чуть выше среднего роста, обычного телосложения, с обманчиво-медленными движениями и спокойным лицом скромного парня-работяги, на котором уже почти не выделялся шрам, полученный в годы командования десантно-штурмовой группой в Афгане.

Шрам являлся единственным внешним признаком «крутости» майора, потому что послужной список, две Красные Звезды и кучу афганских орденов он никому не показывал.

Несмотря на это, весь криминалитет Тиходонска знал, чего стоит майор Литвинов и тщательно избегал с ним конфликтовать.

– Эй, Бык, – негромко позвал он, и ошарашенный такой фамильярностью бригадир с грозным величием повернулся к отмеченной краем глаза серенькой затрапезной фигурке, не вписывающейся в обычный облик посетителей «Сапфира» и заведомо не представляющей, никакой опасности.

Когда он наконец понял, кто перед ним, настроение резко изменилось, и если бы майор приказал, то девяносто процентов за то, что бригадир безропотно проследовал бы к машине.

Но Литвинов никогда не давал бандитам даже одного шанса для сопротивления и не упускал случая потренироваться и заодно укрепить репутацию.

Раз! Сдавленно крикнув, Бык присел. Два! Резко выпрямившись, он выполнил пируэт и хлестко шмякнулся на бетонные ступени. Три! Висящий на заломленной руке Бык, подламываясь в коленях, семенил к машине РУОПа, бессмысленными глазами глядя в вечернее небо. Никуда больше он глазеть не мог, потому что рука Литвинова с силой натягивала волосы, как бы собираясь содрать скальп.

Страхающие командира бойцы, видевшие, как майор управляется с ножом, не сомневались, что он действительно мог оскальпировать Быка. Если бы тот попался ему несколько лет назад в другой стране.

* * *

Центральный рынок, или как принято говорить на юге – базар, являлся городом в городе. Высокий капитальный забор огораживал среди трущоб старого Тиходонска прямоугольник шириной в квартал и длиной в четыре.

За забором шла своя жизнь, невидимая покупателям, но хорошо известная тысячам продавцов. Здесь были свои законы, свое правительство, заседавшее в здании администрации рынка, собственные карательные органы в виде красноповязочных горластых теток и разбитных мускулистых парней с волчьими глазами.

Вплотную к рынку примыкал большой собор с золочеными куполами, но сказать, что «чрево Тиходонска» имело и своего бога, было нельзя, потому что священнослужители отгородили храм собственным забором и устроили вход с противоположной стороны.

Богом здесь были деньги и молились этому богу истово даже в те времена, когда офи-

циальная идеология ставила на первое место совсем иные, идейно-патриотические ценности. Директор рынка считался миллионером во все времена, потому что с каждого полтинничка за торговое место, с двугривенного за весы, рубчика за камеру хранения капали копеечки рыночному правительству, в соответствии с табелью о рангах.

А за другие, более важные одолжения, например, торговлю овощами без справки о наличии приусадебного участка, черноусые молодцы передавали увесистые пакеты из рук в руки.

С рынка жили многие. И врачи санэпидслужбы, городские и районные чиновники, мошенники и воры, картежники, сбытчики наркотиков, проститутки. Кроме профессионалок здесь встречалась интересная категория дамочек, отправляющихся за деликатесами с объемистыми сумками, но без кошелька, а чтоб удобней было расплачиваться, не надевающие трусиков.

В прилегающих домишках с прохладными подвалами любили останавливаться торговцы нежным товаром: мандаринами, персиками, гвоздиками. Менялись поколения хозяев и постояльцев, но уклад оставался прежним и потомки давно умершего дяди Сандро с неизменной хурмой по-прежнему поселялись у наследников почившей в бозе тети Нины.

Связанные с рынком профессии передавались по наследству: сыновья грузчиков или подсобных рабочих занимали в конце концов места отцов, тетя Вера варила обеды для мясников, как ее бабушка и мать, молодой Хрыкин гонял три карты не хуже мастера этого дела деда Хрыкина. «Старожилы» цветочных рядов помнят Людку-Помойку молоденькой красивой девчонкой, азартно исполняющей минет прямо на торговых местах, теперь цветочников обслуживают дочери – Надька и Ленка, а недавно пустили в дело внучку – тринадцатилетнюю Светку.

Все тянутся к рынку, потому как кроме живой копейки тут есть главное, что нужно человеку для жизни: и парное мясо, и свежайшее молоко, и фарфоровой прозрачности яйца, и еще бьющаяся рыба, отборные овощи и фрукты, прополис, маточное молочко, барсучий жир, целебные корни и травы.

Регулировать сложную и запутанную жизнь столь благодатного места официальная администрация была не в состоянии, поэтому всегда существовало параллельное управление, осуществляемое «теневым правительством» – воровской общиной Тиходонска.

Воры не интересовались крестьянами, продающими собственный товар, курируя только криминальную сторону жизнедеятельности рыночного организма: собирали дань с перекупщиков, торговцев наркотиками, проституток, разрешали сложные споры, мелкая уголовная шелупень обворовывала зазевавшихся продавцов или резала карманы у посетителей. До сих пор живет история о большом шухере, устроенном тиходонскими жуликами вскоре после войны.

Ветер быстро гнал по небу низкие облака и в разных местах рынка подставные дядьки и тетки принялись метаться и истошно орать: «Колокольня падает! Падает колокольня!»

Люди вскидывали глаза на высоченную колокольню собора, которая на фоне движущихся облаков, казалось, и вправду потеряла устойчивость и рушится на землю. Началась паника, продавцы, бросив товар и опрокидывая прилавки, рванулись к выходу, в давке потрошили сумки и карманы юркие «щипачи», по торговым местам шмонали шустрые огольцы, набивая в огромные чувалы ценные по тем временам продукты и засовывая за пазухи забытую в спешке выручку...

Потом колокольню снесли, но в последние годы поднимающийся на ноги собор, позолотив купола, принялся ее восстанавливать, что дало повод для шуток бывалому прибазарному люду: опять жульманы шмон наведут, как в сорок седьмом...

Но с тех лет методы «работы» криминалов сильно изменились. Долгое время официальная рыночная власть и «теневое» управление существовали в разных плоскостях и не затрагивали друг друга.

В середине шестидесятых интересы «по-крутому» пересеклись. Тогда в Тиходонске объявилась группа Кнута, не характерная для своего времени. Она будто каким-то образом оказалась переброшенной из бурных девяностых. Сам Кнут всегда ходил с пистолетом, несколькими паспортами и астрономическими суммами денег – пятнадцатью-двадцатью тысячами рублей.

Он был очень мобилен и, заподозрив неладное, сажился в самолет (благо, спецконтроля на оружие в те времена еще не существовало) и улетал в другую точку Союза, так как имел много конспиративных квартир с преданными ему сожительницами.

Подбирая сообщников на местах, Кнут изрядно наследия по стране. Во Львове устроил стрельбу в ресторане, потом скрылся на захваченном такси, водителя которого запер в багажник. Тяжело ранил милиционера в Риге. Среди бела дня ограбил сберкассу в Москве. Забрал казну у картежников в Одессе...

В Тиходонске Кнут с двумя соучастниками «наехал» на рынок. Тогда еще не знали слов «наезд» и «рэкет», но Кнут опережал свое время. Он требовал по две тысячи с водителей кавказских рефрижераторов, привозивших цитрусовые и цветы. Те тоже были достаточно крутыми парнями и взялись за монтировки, но Кнут извлек пистолет, одному раздробил рукояткой челюсть, второму прострелил ногу. После этого водители стали платить.

Добившись успеха в одном, Кнут назначил оброк торгующим. Тут вмешался воровской авторитет Мулик, который «держал» рынок и не собирался терпеть беспредел чужаков на своей территории. Наглецу предложили покинуть город, в противном случае грозили устроить «правилку» и посадить на нож.

Сообщники сразу же вняли предупреждению и «отошли» от своего вожака. По всем нормам и понятиям того времени Кнуту ничего не оставалось, как убраться с горизонта. Но он поступил по-другому: пришел к Мулику домой и после короткой разборки засадил ему две пули в голову. Потом вернул в подчинение сообщников.

Воля у Кнута была железная, рука твердая, характер беспощадный. Он умел подавлять других, организовывать, поддерживать жесткую дисциплину.

Наверное, он мог стать королем преступного мира Тиходонска, как легендарный Доктор двадцатых годов или Козырь сороковых. Но он не знал границ дозволенного и не имел «тормозов». Решив полностью подмять под себя рынок, он «наехал» на дирекцию.

Директором в то время уже десять лет был Артем Багдасаров – пятидесятипятилетний человек с заметным брюшком и начинающейся одышкой. Внешне он явно проигрывал жилистому и дерзкому Кнуту, но не уступал в решительности и твердости характера. Выслушав предложение выплачивать ежемесячно по пять тысяч, он тонко улыбнулся и сказал:

– Что ты, дорогой, откуда такие деньги? У меня зарплата сто пятьдесят рублей. И потом, ты кто – фининспектор?

Два громадных парня вывели Кнута из кабинета и проводили до выхода, сказав на прощанье:

– Больше сюда не ходи. У тебя свой кусок, у нас – свой.

И опять по существующей логике Кнут должен был отступить, окунуться в «теневую» жизнь рынка, позволяющую безбедно существовать до конца своих дней. Но он был бандитом из будущего, а потому ответил:

– Я не приду. Он сам ко мне придет.

И похитил жену Багдасарова, назначив выкуп – сто тысяч рублей и дав три дня срока.

На второй день Артем выкуп заплатил. Может, тем бы дело и кончилось, но Кнут допустил ошибку, самую большую ошибку в своей жизни.

Жена Багдасарова была молодой и красивой. Привыкший делать все, что он хочет, Кнут ее изнасиловал. И тем подписал себе приговор.

Он надолго скрылся из города и как всегда мотался по стране, очевидно, чувствуя, что перегнул палку. Тогда еще не было частных сыскных контор и детективных бюро, но через Несколько месяцев какой-то человек принес в приемную МВД СССР толстую папку с материалами о Похождениях Кнута. Там было и про львовский ресторан, и про" рижского милиционера, и про московскую сберкассу, и про Мулика.

Все систематизировано: даты, факты, соучастники, свидетели. Здесь же адреса конспиративных квартир Кнута и его предполагаемое местонахождение в ближайшие дни.

Кнута арестовали и осудили на пятнадцать лет. В зоне его зарезали и освежевали как свинью: перехватили горло и распорол живот. Кто и почему это сделал, осталось загадкой – среди уголовников Кнут был в авторитете и рассчитывал «отстоять срок на одной ноге». Его тиходонских соучастников зарезали точно таким образом и уложили одного у восточных, другого – у западных ворот рынка.

Заинтересованные люди поняли что к чему, и больше «теневые» авторитеты не протягивали руки в сферу интересов официальной рыночной власти.

А занимавший директорское кресло с восемьдесят девятого по девяносто третий год Воронцов подчинил себе криминальный мир Центрального рынка и стал единовластным официальным и «теневым» хозяином.

В девяносто четвертом он создал акционерное общество, объединившее все четыре городских рынка.

Сейчас Шаман стоял в своем кабинете на втором этаже административного корпуса и" глядя в окно, ожидал прибытия представителей основных группировок.

Рынок закрылся, огромная территория была пуста, ветер носил обрывки газет, капустные листья и другой мусор. Специально посланные им люди обходили торговые ряды и говорили что-то устраивающимся на ночлег продавцам, не успевшим распродать свой товар, перекупщикам, оставшимся повеселиться: выпить и развлечься с девочками, бомзам, рассчитывающим чем-нибудь поживиться и переночевать в одном из многочисленных закутков, картежникам, вытрачивающим азартных южан в закрытых павильонах, базарным проституткам, отправляющимся на ночной заработок...

И хотя правилами, которые никогда не соблюдаются, ночлег на рынке запрещен и всем об этом известно, после специального предупреждения завсегдатаи ночного базара начинают выполнять распорядок и немедленно покидают территорию.

Предусмотрительный Шаман опасался шпионов.

– Я нужна, шеф?

В кабинет заглянула розовощекая Надя, преданно глядевшая красивыми блудливыми глазами. Каждое утро она выпивает два стакана каймачного молока, которое специально приносят из молочного павильона.

«Стала жиреть, скоро придется менять», – подумал Шаман, а вслух спросил:

– Звонил кто-нибудь?

– Из городской администрации. Завтра в десять совещание по трихинеллезу. Я все записала.

– Ладно, иди.

Еще через десять минут зашел Толстяк.

– Собрались, шеф.

– Все?

– Вроде все.

«Даже раньше времени, – подумал Шаман, спускаясь по лестнице. – Значит, понимают, что дело серьезное».

Опасаясь микрофонов, он решил проводить сходняк в мясном павильоне. Впрочем, на это имелась еще одна причина.

Под высоким стеклянным потолком пустого павильона гулко отдавался каждый звук: слово, кашель или скрип сдвигаемого стула. На уровне второго этажа по периметру проходила галерея, здесь торговали птицей. Середина огромного зала была свободна от каменного пола до толстого стекла крыши, что иногда напоминало Шаману московский ГУМ.

На этом сходство заканчивалось. Вдоль стен тянулись мраморные, скользкие на вид широкие прилавки. Между ними были устроены два мраморных овала, за которыми мясники как бы занимали круговую оборону от жаждущих мяса тиходонцев. Сейчас хозяев торговых мест в зале не было, только орудия их ремесла: большие, почерневшие от крови и жира деревянные плахи да косо вогнанные в изрубленную поверхность огромные мясницкие топоры. Зловеще блестели острые стальные крючья, на которые в начале рабочего дня насаживаются филейки, ребра, окорока.

Между овальными прилавками на принесенных из администрации неудобных стульях застыли в ожидании шесть озабоченных мужчин. Перевернуто отражаясь в высоком стекле, эта кафкианская сцена принимала совершенно фантазмагорический характер.

Когда в павильон быстрым шагом вошел Шаман, Карпет и его сопровождающий, как и было договорено, встали. Гарик и Степашка – представители речпортовских, замешкались, но, поддавшись примеру, поднялись тоже. Развалившиеся на стульях Паровоз и Еж не двинулись с места, но это большой роли не играло – Шаман махнул рукой: «Сидите, не надо

церемоний», и вышло так, что именно он разрешил им сидеть.

– Что ты сегодня устроил у нас на «Супермаркете»? – враждебно спросил Паровоз.

– Почему «у вас»? – удивился Шаман. – «Супермаркет» давно захватили донецкие.

И вновь властным движением руки прервал возмущенно открывшего рот Паровоза.

– Об этом позже. Сейчас о главном: кто был прав?

Все молчали, потому что не понимали, о какой правоте говорит Шаман.

– Смотрите, что получилось: вы перессорились, Итальянец завалил Носача, сейчас он и Валет в тюрьме, с ними еще ребята... Кстати, почему вы их не вытащили? Хотя бы под залог?

– Пробовали, не вышло, – угрюмо сказал Гарик.

– Не сумели, значит, – удовлетворенно произнес Воронцов. Он сел на стул верхом, сцепив руки на высокой спинке, и эта развязная поза не вязалась с его обычным официальным видом. – А ты, Паровоз, почему отдал «Супермаркет»?

– Что я отдал! – огрызнулся тот. – Я в камере три дня парился! Сейчас хотел заняться, а ты уже налетел!

– Хотел заняться, говоришь? А сколько ты можешь человек выставить? Луна сидит, Грек – сидит, Костик и Бидон перешли ко мне... Сколько осталось? Шесть, семь?

Паровоз молчал.

– А донецких – двадцать! Да со стволами! Да крутые – моего парня пришили на месте! Ну, что скажешь?

Паровоз по-прежнему молчал.

– Нечего говорить! А я скажу: проорали важную точку! Думаете, это только ваше дело? Нет, это не твой дом или машина. Это всех касается!

Шаман встал и подошел к Паровозу вплотную.

– Вы донецким «Супермаркет» отдали, я Шамилю рынок отдам, у Гарика чечены точно порт отберут – и что получится?!

– Ладно, не ори, – повысил голос и Паровоз. – Что ты предлагаешь? Шаман усмехнулся и не торопясь вернулся к своему стулу, но не сел, а поставил ногу на перекладину и согнулся, оперевшись о колено.

– Сначала ты что-нибудь предложи! Или ты, – он ткнул пальцем в Гарика.

Воронцов знал: ни один из них не способен принимать решения. Умные решения.

И точно: предложений не последовало.

– Скажи, Гарик, ты сможешь порт удержать?

Тот пожал плечами:

– Не знаю. Чечены насаждают. Откуп предлагают...

– Ты им за откуп свою квартиру отдай, – сказал Карпет. – Или машину. А порт не твой. Он общий! Не можете удержать – я его себе возьму!

Карпет взглянул на Шамана.

– Если Палыч разрешит, – тут же добавил он.

Паровоз выругался.

– Выходит, Палыч уже всем распоряжается! И «Супермаркетом», и портом!

Карпет крякнул.

– Если ты бабу б руках удержать не можешь, ее другой к делу пристроит. Так и здесь.

– Значит, никаких предложений нет? – подвел итог Шамай. – Тогда слушайте, что я предложу! Разобраться с донецкими – раз! Кто это сделает?

Молчание.

– Я. Отмазать Итальянца и Валета – два! Кто возьмется?

Снова молчание.

– Тоже я! Отогнать чечен от порта – три! Кто? Опять я!

Шаман подошел к Гарику со Степашкой.

– Устраивает?

Степашка вопросительно взглянул на Гарика, тот кивнул.

– Вроде бы, но... Не дослушав, Шаман обратился к Паровозу.

– А вас устраивает мое предложение?

– Смотря...

Паровоз вытащил платок и потер вспотевшую лысину. В павильоне было не жарко и жест привлек к нему внимание собравшихся.

– Смотря что ты за это хочешь...

– Ясно чего! Вы все идете под меня.

– Нет!

– А на хер тогда мне все это надо? Сами решайте свои проблемы. А я пока решу свои. Смотрите и учитесь... Шаман холодно улыбнулся.

– А не научитесь, я и за вас решать буду!

В некотором отдалении стоял Толстяк. Он отвечал за безопасность группировки. Днем он допросил четверку задержанных: фамилии, адреса, главари, адреса главарей. После двух часов в холодильнике трое рассказали все правильно, тот, кто заперол Дятла, соврал. Когда три человека говорят одно, а четвертый – другое, определить ложь очень легко. Правдивых перевели в кладовку, лгуна вернули в холодильник.

Шаман сделал знак Толстяку, тот – маячившему в дверях Рыбе.

Через несколько минут Рында и Кент втащили полуживого чужака. Его била дрожь, волосы заиндевели, разбитое утром лицо превратилось в жуткую маску.

– Нашего парня убил, сука! За это ответить надо!

Сзади шел Баркас. Он взял донецкого за ворот и втащил в мраморный овал прилавка, к черной иззубренной колоде и матово блестящему топору с захватанной ручкой.

Рында не знал сценария, но понял, что сейчас произойдет что-то страшное. Колода вдруг превратилась в плаху, а топор – в орудие палача.

«Голову отрубит», – мелькнула невероятная мысль.

Но Баркас задрал парню рукав.

– Не тот, левый, – приказал Шаман.

Баркас повернулся.

– Он же в правой пику держал...

– Вот именно. На рукоятке пальцы остались. Зачем ментам работу усложнять!

Чужак вдруг завыл, дернулся.

Баркас лениво ударил в живот – словно футбольный мяч врезался в кирпичную стену.

Тот обмяк.

Баркас поискал глазами Рынду, кивнул:

– Иди, помоги!

Плохо соображая, Рында подошел, придавил тело к колоде. Баркас вытащил из-за пазухи резиновый жгут и перетянул оголенную левую руку чуть выше локтя. Потом с усилием выдернул тяжелый топор.

– Разверни поудобней... Рында повиновался.

Топор описал полукруг. Хряп!

Крепкая кисть с синей татуировкой – солнце, восходящее над чуть волнистым морем, – отлетела в сторону и упала на каменный пол, пачкая все вокруг обильно хлынувшей кровью. Человеческая кровь впервые оросила колоду, на которой было разделано бесчисленное множество говяжьих, свиных и бараньих туш.

Шаман подумал, что такого здесь еще не происходило, хотя мясной павильон видывал виды.

Несколько лет назад старшина мясного цеха Гришка Лукин справлял свое пятидесятилетие. Столы накрыли прямо между прилавками, а когда большая часть спиртного была выпита, начались развлечения: раздели девчонок и запустили танцевать на мраморный овал.

Танцев особых не получилось: некоторые старались, вскидывали ноги, изображая канкан, но большинство девчонок бестолково бегали по кругу и визжали, когда их обливали шампанским.

Потом Гришка взгромоздил свою постоянную покупательницу – двадцатилетнюю Катьку, голой жопой на разделочную колоду и объявил, что желает доказать всем свою мужскую силу. Катька подставилась, и он действительно доказал, только использовал не собственный рабочий орган, а специально припасенный бычий. Пьяная Катька разницы не чувствовала, зато гости умирали со смеху.

Но и этим не кончилось: девок разложили на прилавке, развернутыми, как куриные

тушки, а мужики передвигались вдоль, пробуя каждую, по очереди...

Грубое развлечение, но забавное, и сейчас его Шаман вспомнил не без удовольствия, хотя ситуация не располагала: Баркас замотал тряпкой кровавую культю, а Рыба вместе с Рындой и Кентом тащили бесчувственное тело на улицу.

Отрубленная кисть теперь белела на черной колоде, причем татуировка выделялась особенно ярко.

Начался новый этап не только в жизни мясного павильона, но и в его. Шамана, жизни. А может быть, и в жизни всего «теневого» Тиходонска. Шаман это понимал, но не испытывал ни особой тревоги, ни жалости, ни сомнений. Даже тошноты не было. Наоборот: он с удовольствием выпил бы сто пятьдесят хорошей водки под прожаренный толстый бифштекс. Но сначала надо закончить дело.

– Ведите остальных! – громко скомандовал он, незаметно осматривая группировщиков, на которых происшедшее явно произвело сильное впечатление.

Трое донецких и без того имели жалкий вид, а увидев кусок человеческого тела со знакомой татуировкой, и вовсе впали в панику.

– Вас рубить никто не будет, – холодно успокоил Шаман. – Пока... – И резко сказал: – Семье убитого – двадцать лимонов. Один останется у нас, пока не привезете деньги. И передайте вашим: в Тиходонск больше не соваться. Если что – пришьем в Донецк бригаду: адреса известны... Он сделал паузу.

– И чтоб все знали: за «супермаркет» отвечает... – Шаман повернулся к ленгородцам: – Кто отвечает, Паровоз?

– Ты, – после короткой заминки отозвался тот.

– ...отвечает Шаман.

Дело было сделано. В Тиходонске образовалась единая группировка.

Когда Шаман собирался уходить, к нему подбежал озабоченный Толстяк:

– Только сообщили: у «Сапфира» Быка забрали. Сам Литвинов закрутил...

– За что?

Толстяк пожал плечами.

– Выясни за что. И Начинай отмазывать.

* * *

Гражданин Плотников по кличке Бык сидел в камере номер три изолятора временного содержания. Он был здесь впервые. Хватали его многократно, доставляли в ближайший райотдел, какое-то время мурыжили – и отпускали.

Бык ошарашено осматривался. Три метра в ширину и пять в длину. Справа вдоль стены сплошные деревянные нары, отполированные до лакового блеска телами его многочисленных предшественников. Постельные принадлежности здесь не выдавались. Сзади толстая, обитая железом дверь, впереди зарешеченное, закрытое «намордником» и густо заплетенное проволокой окно, почти не пропускающее ни света, ни воздуха. Бетонные стены покрыты грубыми ноздреватыми наплывами. Все. Он шагнул вперед, в углу нар что-то шевельнулось. Нет, не все. Тщедушный замызганный мужичонка лет сорока пяти. Сокамерник. Возможно, «наседка».

Бык еще раз осмотрелся.

– А хезать куда?

– Так выводят три раза в день, – пояснил сосед. – Приспичит, постучишь, может, лишний раз выведут.

– А могут не вывести?

– Могут. Лишний раз не положено.

– Куда ж тогда?

Сокамерник вздохнул.

– Тогда, милоч, только в штаны. Потому как в хате опраться нельзя... Мужичонка подполз поближе, взгляделся.

– А у тебя с животом неладно?

– Нормально...

– Чего ж этим интересуешься? Главнее всего, что ль?

И правда! Бык повалился на нары.

«Вот суки! Чего ж это они так осмелели? И мартышка белобрысая, и ухажер, и халдеи... И Ленка с этажа... На очнях внаглую идут, не собьешь, на испуг не возьмешь... Что-то здесь не то», – лихорадочно размышлял он.

– Слышь, мужик! А сколько здесь держат?

– Когда как, – охотно объяснял сосед. – Когда три, когда десять.

– А потом что?

– Ясное дело – в изолятор везут. В тюрьму.

– Как в тюрьму? – взвился Семка. – А выпускают когда?

– Ну даешь! Отсадишь срок – тогда и выпустят.

«А ведь действительно, этот мент, Крылов, так и сказал: на этот раз не выкрутишься, под суд пойдешь и на всю катушку получишь...» Бык заколотил громадным кулаком по нарам. Раздался глухой гул.

– Суки! Неужели из-за этой бляди срок мотать! И зачем она мне сдалась!

– Ты что, насильничал кого? – строго спросил сосед.

– Прошмандовку одну трахнул во все дырки! А она заявила!

– Это плохо.

– Еще бы не плохо! Ну да ей пасть заткнут...

– Насильничать плохо, – с осуждением сказал сокамерник и отполз обратно в угол.

От неожиданности Бык даже осекся.

– Чего? Ты что, прокурор? Почему «плохо»?

– Да потому, что в дому люди таких не любят, – неохотно отозвался мужичонка.

– А если я тебе сейчас башку расшибу? – угрожающе прогудел Бык.

– Здесь мы вдвоем, твоя сила, – смиренно произнес мужичонка. – А когда в дом придем, люди нас рассудят...

– Трекнутый какой-то! Какой дом, какие люди?

– Попал, а не знаешь. Тюрьма – дом, а живут в нем люди, – объяснил курьер Гангрены. Он нес малевку, напрямую касающуюся Быка и определяющую его дальнейшую судьбу. – Тяжело тебе придется...

– Ты за меня не беспокойся! Меня дружбаны отсюда вытащат! А если и попаду в тюрьму – что мне кто сделает? Срал я на твоих «людей»! Всем кости поломаю!

Сосед тяжело, с осуждением, вздохнул и ничего не сказал. Бык бушевал еще долго, но мужичонка не обращал на него никакого внимания. И за семьдесят два часа, что они просидели бок о бок, не произнес больше ни единого слова.

Бык не зря надеялся на помощь друзей-приятелей. Известие о том, что его задержали за изнасилование, вызвало в бригаде бурю возмущения. Если бы он замочил кого-то по пьянке, лопухнулся с «пушкой» – тогда хоть понять можно... Но за бабу, которая для того и предназначена! Мало ли что у нее не спросили! Если каждую спрашивать... И эта рука имела наглость заявить!

– За это проучивать надо! – негодовал Пинтос – правая рука бригадира.

– Я ей всю рожу порежу!

– Давай лучше ее «на хор» поставим, – предложил Голяк. – Отдерем всей бригадой и бутылку в манду забьем!

Идея понравилась.

– И эту, этажную, Ленку – тоже!

– Годится!

Адреса потерпевшей и свидетелей были известны. Их вычислили без особых ухищрений – простым наблюдением за зданием РУРПа, куда привезли Быка. Смотришь, кто зашел вышел из гражданских, а когда рожки знакомые, еще проще, «глаз» следом пустил – тот и довел до самого дома.

Начать решили с заявительницы – она, как-никак, главная фигура, да и посимпатичней Ленки.

Подогнали к дому тачку, стали ждать. Пинтос за рулем, Голяк на заднем сиденье, Слон гуляет у подъезда.

Вдруг подкатывает обшарпанный «жигуль», выходит двухметровый, коротко стриженный мордворот с ментовскими глазами, осматривается – и прямым к ним.

– По Семке соскучились? – спрашивает с издевкой и улыбается. – Что-то быстро. Ему лет пять париться... И вдруг, перестав улыбаться, гавкает:

– Пошли на хер! Еще раз увижу – всех продырявлю!

А у самого «пушка» в кармане прыгает.

Делать нечего, отъехали, издали смотрят.

– Зверь! – Слон поежился. – Видно, из литвиновских...

– Ничего, – успокоил Пинтос. – Просто так он шмалить не станет. И круглые сутки с ней не будет. У них людей не хватает.

Через несколько минут охранник вывел Ковалеву, посадил в машину и отвез в больницу – она врачом работает. А сам сел в коридоре и смотрит по сторонам.

– Чего ему на глаза попадаться, только морду набьет, – говорит Голяк.

– Давай лучше за Ленкой сгоняем.

Приехали в гостиницу, а ее нет! Уволилась. Куда пошла – не знают. Домой – нету! Спрятали, суки.

– Поехали пообедаем, – предложил Пинтос. – А вечером к врачихе домой. СОБР, как и предполагал Литвинов, оказался не в состоянии обеспечить

круглосуточное прикрытие всем объектам. И территориалы отказались, мол, мы не можем просто так пост держать. Людей не хватает улицы патрулировать. Пусть звонит, если что...

После работы охранник привез Ковалеву домой, проводил в подъезд, завел в квартиру.

– Дверь лучше бы железную поставить, – посоветовал он. – Ну ничего, запирайтесь на все замки, если что – звоните. Не будут же они дверь ломать! Наши быстро придут... – И попрощался: – До завтра без меня не выходите... Пинтос с друзьями все это отследил.

– Подождем часок, чтоб меньше ходили, и возьмем сучонку за сиськи... Они собирались именно взломать дверь и приготовили для этой цели лом

и кувалду. А кого бояться? Вывалили колоду, стащили сучку в машину, и ищи-свищи!

Татьяна наскоро перекусила, нырнула в ванную и после душа принялась простиравать трусики с бюстгальтером. Вода льется, телевизор шумит – ничего не слышно. Дверь на два замка, телефон под рукой – все как научили!

А по лестнице поднимается Пинтос с кувалдой на длинной ручке, следом Слон с ломом, последним Голяк электрошокер баюкает.

Татьяна достирала, отжала, развесила бельишко, собралась к телевизору на очередную серию, тут чайник засвистел. Побежала на кухню.

– Спорим, я ее без лома двумя ударами высажу, – предложил Пинтос.

– Давай, – согласился Слон. – На кабак.

Выключила Таня чайник, заварку кипятком залила, пена коричневая поднялась, теперь пусть настоится, а сама бегом к экрану – музыка знакомая уже играет, начинается. Одета по-домашнему – халатик на голое тело, тапки, волосы мокрые... Из кухни в комнату надо по коридору мимо двери пробежать, а Пинтос уже занес кувалду, к замкам примеряется...

Он бы действительно с одного удара высадил, но Гангрена сзади за кувалду как дернет!

Пинтос назад опрокинулся, а кувалда в руках у Гангрены осталась, он ею Слона по плечу – трах! Плечо всмятку. Лом загремел по ступенькам, Слон заорал благим матом – и вниз, чуть Голяка не сбил, тот следом за другом понесся.

А внизу, на площадке, Черт с Фомой поджидают с арматурным прутком и трубой. Гангрена сказал: мокряков не надо, но проучить хорошо. Черт Слона прутком поперек лба перетянул, тот кровью залился и с копыт. Фома трубой Голяку руку с электрошокером перешиб, а Черт и его арматуриной по шее – трах! И тот рядом улегся.

А Гангрена с Пинтосом задушевный разговор ведет:

– Что же ты, фуфло позорное, к моей сеструхе вяжешься! Неужель жить не хочешь?

С Пинтосом много раз по душам беседовали: и учителя, и инспектор детской комнаты, и участковый, и опера угрозыска, и сыщики из РУОПа, и сам начальник оперотдела Крылов однажды пытался до души его достучаться. Ни у кого не получалось.

А сейчас – проняло Пинтоса до печенки и душа полностью для убеждения раскрылась. Может, тому лицо Гангрены способствовало, может, взгляд или кувалда, которая вот-вот мозги вышибет... Только пожалел Пинтос, что не слушал учителей и участкового, и проклял тот день и час, когда связался с группировкой, а особенно тот момент, когда подписался Быка выручать.

Гангрена долго не разговаривал – понял, что убедил человека, провел ладошкой по щекам и ушел вместе с кувалдой. А поскольку между пальцев у него была половинка бритовки зажата, какой и карандаша толком не подточишь, то щеки Пинтоса обвисли, кровянка двумя потоками хлынула и заверещал он, как закалываемая свинья.

Татьяна крики и шум услышала, позвонила. Через полчаса приехали – и милиция, и «скорая». Но милиции-то особо работы не нашлось, а докторам возни много: Слона и Голяка в реанимацию, Пинтосу в хирургии щеки зашили, лежит печальный, на бульдога похожий, о жизни думает.

Охранник утром за Татьяной пришел:

– А что весь подъезд кровью забрызган?

– Да хулиганы подрались...

– А-а-а... Ну вам-то бояться нечего, до вас никто не доберется...

Крылову после селектора доложили: мол, дружки Быка к Ковалевой стучали, а ее брат их вдребодан разделал...

– А у нее есть брат? – поинтересовался Крылов.

Королев плечами пожал.

– Да вроде не говорила... Тоже небольшая странность, потому значения не придали.

А в команде Быка всему, что шкуры касалось, большое значение придавали. Зашли бойцы к Пинтосу, поговорили – Слон-то с Голяком пока не разговаривают и смогут ли – неизвестно, узнали про охрану СОБРа да про страшного брата и решили в это дело не ввязаться. Нечистое тут что-то, гнилое. Для здоровья полезней в стороне постоять...

А потому надежды Быка не оправдались и через трое суток отвезли его плановым автозаком в следственный изолятор, попросту говоря, в тюрьму.

Попал он в камеру сто четыре – большая хата, на сорок человек, а сидят почти шестьдесят. Железные шконки в два яруса, духота, влажность, воздуха не хватает, полуголые ээки в татуировках – преисподняя!

Подвели его «шестерки» к местному пахану – здоровый, мускулистый, вокруг сосков синие звезды, на груди собор о семи куполах, оскал железный. Сидит на почетном месте у окна, на койке, ноги поджал, курит.

Осмотрел он Семку внимательно, хмыкнул.

– Какой же ты могучий да красивый!

Вроде восхитился, хотя Быку показалось, что издевается.

– А расскажи-ка ты нам, за что сюда попал?

Вспомнил Бык своего сокамерника и хотел что-нибудь соврать, но глядь

– мужичонка тот – вот он! Предыдущим автозаком его отправили – а вот он уже сидит рядом с паханом, на почетном месте и сейчас не кажется ни замызганным, ни тщедушным, вроде напитался силой в этом аду.

«Дом, люди, – вспомнил Бык. – Видно, и вправду ему здесь дом родной...» А вслух грубо сказал:

– За бабу попал!

Вот так! Понимайте: клал я на вас с прибором! Если надо – и постоять за себя смогу!

Знай Бык, что его ждет, он, пока при силах, разбежался бы и виском об угол стола. Но привыкнув другим зло делать, на себя его он не примерял никогда.

– Неужто изнасиловал? – притворно удивился пахан.

– Точно, – вызывающе глянул Бык.

– Хвастал: во все дырки, – сообщил недавний сокамерник. – На людей, говорит, срал. Кости обещал поломать.

Со всех сторон раздался ропот, будто ожил пчелиный рой. Быку стало не по себе.

– Это плохо. Очень плохо.

Пахан покачал головой.

– У нее родинка тут была? За ушком?

Бык сглотнул.

– Не знаю никакой родинки... Пахан сузил глаза.

– Так ты, петух, мою сестренку изнасиловал! – голос его был страшен. Из рассказов о зоне Бык запомнил одно: «петух» – тягчайшее оскорбление, оно смывается только кровью. Сейчас эта мысль проскользнула в глубине сознания, наполняемого предчувствием чего-то ужасного.

– И его дочку! – пахан показал на бывшего соседа. – И его жену! Кольцо горячих тел вокруг смыкалось.

– Так что с тобой делать?! Давай людей спросим, которых ты обосрал! Что с ним делать, люди?

– То, что он сделал! Потушить! Во все дырки! – понеслось со всех сторон.

– Слышал? Вот что люди говорят. Значит, так тому и быть...

Бригадира схватили за руки, он рванулся и, наверное, сумел бы вырваться, но сзади ударили по голове, на миг свет померк, а когда зрение вернулось, локти были крепко связаны за спиной, а штаны спущены. Чей-то скользкий палец нырял в задний проход.

– Дай еще масла...

– Хватит, перегибай через шконку...

– Подождите, – раздался голос пахана, и Бык решил, что сейчас весь кошмар закончится. Но он только начинался.

– Ему же надо пасть подготовить, чтоб не укусил... Дайте мне кость!

В руку пахану сунули костяшку домино.

– Переворачивай!

Опрокинутому навзничь Быку оттянули губу, пахан приставил – кость к переднему зубу и чем-то сильно ударил сверху. Голова дернулась, молния вонзилась в мозг, сломанный под корень зуб влетел в гортань, Семка забился в кашле. Еще удар – и хрустнул второй зуб.

– Теперь нижние...

Рот наполнился обломками зубов и кровью, сознание мутилось от боли и ужаса, происходящего.

– Теперь порядок, – донеслось откуда-то издалека. – Мы так на Сезере собачек готовили... Быка положили поперек шконки.

– Начинайте двойной тягой, потом поменяетесь. И по кругу...

Семку схватили за волосы и запрокинули голову. Рядом с лицом он увидел толстую, раздваивающуюся на конце сардельку. Она приблизилась... Бык закрыл глаза. Это было все, что он мог сделать.

Узнав, что Быка вытащить не удалось, Шаман позвонил Черномору и попросил поддержать группировщика в тюрьме.

– Воры людей поддерживают, – отозвался Черномор. – Беспредельщикам нет нашей защиты.

Встревоженный Шаман соединился с начальником тюрьмы. Как городские руководители, они были знакомы, неоднократно встречались в кабинетах власти.

– Иван Иванович, там к тебе попал спортсмен, Семен Плотников. Присмотри, чтоб не обижали...

– Плотников... Вот как раз рапорт... В санчасти он. Изнасиловали со всех сторон, зубы выбили. Зверье! А что мы можем? Лимит – тысяча эков, а сидит почти две...

Через две недели полностью деморализованный следственно-заключенный Плотников, бывший бригадир по кличке Бык, а отныне и навсегда пассивный камерный педераст по прозвищу Света, полностью признался в изнасиловании Ковалевой. Крылов расколол его и на кладбищенский эпизод.

Плотников показал могилу, в которой под гробом с официальным покойником находился труп девушки, убитой тремя ударами ножа. Назвал и соучастников, всех арестовали.

Крылов и Королев получили по благодарности и окладу за раскрытие по оперативным материалам тяжкого преступления.

Плотников получил двенадцать лет и навсегда сгинул в петушиных углах камерных барачков.

Размышляя об этом деле, Крылов удивился еще одному обстоятельству: криминальные «законы» смягчились, насильники уже не загоняются под нары, живут как все, бывает и авторитетами становятся... Почему же столь непримиримым оказался преступный мир к Быку?

Он не мог найти ответ на этот вопрос, пока не сопоставил все странности дела в одну цепочку. И понял: с Быком расправились воры. Но использовали для этого не финку или удавку, а сыщиков РУОПа, суд и закон.

Эта догадка здорово испортила ему настроение.

* * *

Дело о причинении тяжких телесных повреждений гражданину Галенкову находилось в производстве следственного отделения Центрального РОВД. Вел его лейтенант Зубриков, оперативное обеспечение осуществлял оперуполномоченный УР капитан Макаров.

И следователь и опер понимали: дело непростое, шею на нем сломать ничего не стоит. Не только потому, что погиб контрразведчик. Уже отгремел траурный марш военного оркестра, грохнул прощальный залп комендантского взвода, печальный факт ушел в прошлое. А из УФСК звонят, приходят, интересуются... Непонятно, чего они хотят, но чего-то хотят. Обычно бывает не так: похоронили, погоревали – и забыли.

А недавно сам Карнаухов приезжал, по часу наедине толковал с каждым обвиняемым. И до этого их опера из контрразведки крутили, а следователь УФСК допрашивал – официально, на бланках протоколов...

Значит, они свое дело ведут? А о чем? Тут можно только догадываться, но одно ясно: когда контрразведка ведет параллельное расследование, ничего хорошего не жди! Мало ли что они раскопают, какой «прокол» поймут... И бухнут Крамскому на стол! А то и министру...

От такого гнилого дела лучше всего избавиться. И возможность есть: преступники задержаны, признались, невнятно, правда, да так почти всегда признаются... Значит, вполне можно направить дело прокурору для переквалификации на убийство из корыстных побуждений. А это их подследственность, вот пусть прокурорский следователь и занимается!

Но не передают почему-то! Кучеров, замнач по следствию, так объяснил: с доказательствами хреново, все на признании держится, а если им начнут убийство втыкать, они от всего откажутся к едреной фене и дело вообще лопнет!

Оно, конечно, похоже на правду, но еще большая правда состоит в том, что прокурорский следак, которому показатели раскрытия по фигу, может и без всякого их отказа дело развалить!

Конечно, все трое шакалы, по две-три судимости, пьянь подзаборная, глаза зальют – ничего не соображают, кого угодно забьют – это верно. Но... Задержали их где? На набережной. А труп где найден? В Нахичевани. Как они попали из Нахичевани на набережную? Не говорят почему-то, темнят... Но как бы не было, добираться пешком им не меньше получаса, а то и минут сорок. Успеют остыть от драки, обмыться. А патруль, что их задержал, утверждает: только что махались, еще потные, дышат тяжело... И шли с другой стороны – не из Нахичевани, а с вокзала.

Мелочь, конечно. И следы возле трупа двух человек. Кроссовки, размеры сорок три и сорок четыре. Потом цепочка следов по песку к забору – те же кроссовки. А у задержанных – туфли, и размеры совсем другие. Тоже мелочь... Можно на них внимания не обращать, глядишь – дело в суде и проскочит. А можно дергать за каждую ниточку: это почему? А это где? И это не сходится! И развалится все к чертовой матери, и никакого суда, выпустят шакалов – и все! А уже раскрытое преступление снова станет «глухарем», повиснет на райотделе, собьет процент и надо искать виновных... Скорей всего потому и не хотят передавать дело в другое ведомство.

Понимали это и «зеленый» Зубриков, и опытный Макаров. Работали, не отвлекаясь на ерунду, готовились к концу месяца троих шакалов в суд направить. Потому к концу месяца, что итог подводится по службам, а у следствия главный показатель – количество направленных в суд уголовных дел.

* * *

У РУОПа тоже реализация тогда успешной считается, когда фигурант оперативной разработки осужден: значит, все правильно, суд вину подтвердил и никакой «химии» со стороны сыщиков не обнаружил.

Но если дело Плотникова-Быка проскочило без сучка без задоринки: и следствие – как по маслу, и суд – никаких сбоев, то по Итальянцу с Валетом долго не удавалось поставить последнюю точку. То один заболит, то другой. Тюремные врачи особой предупредительностью никогда не отличались, а тут сразу – раз! – и направление на госпитализацию выписывают. Обвиняемые болеют, дело стоит, а круглосуточная охрана – тут уж Крылов взял Литвинова за горло – всех свидетелей и потерпевших прикрывает, подойти к ним близко не дает.

Так что как ни кантовались обвиняемые, а наступил день, когда прокурор обвинительное заключение утвердил и направил дело в областной суд, по подсудности. Теперь от судьбы все зависело. Крылов к председателю приехал, ситуацию объяснил; тот задумался, лоб нахмурил, губами пожевал.

– Шпарковой дадим, – наконец сказал он. – Пусть рассмотрит перед пенсией.

Крылов удовлетворенно кивнул и едва заметно улыбнулся. Баба Вера Шпаркова была живой легендой не только тиходонского, но и всего российского правосудия. Никто не знал точно, сколько ей лет, зато абсолютно всем было известно, что первый приговор она вынесла в тридцать четвертом году, десятого октября.

– Женщина, трое детей, мужа нет, – многократно пересказывала ту историю баба Вера. – Набрала на колхозном поле в подол картошки, три килограмма шестьсот граммов. Уборочная уже прошла, что осталось в земле – все равно вымерзнет, а детишки есть просят... Как раз Указ вышел от седьмого августа: за кражу социалистической и колхозной собственности – от десяти до двадцати пяти лет лагерей... Баба Вера разводила в этом месте руками.

– Я-то еще девчонка, зеленая, опыта нет – даю три года условно. И чувствую – что-то не так: конвой ее не освобождает, начальник конвоя – тоже молодой парнишка, растерялся – к председателю нашему побежал... Что тут началось! Указы не исполняешь, вредителям способствуешь, что всю страну по винтику да колоску растаскивают! Короче, отменили приговор, дают мне на новое рассмотрение и я с учетом смягчающих обстоятельств назначаю минимальный срок – десять лет!

Здоровая крепкая женщина, Шпаркова и в старости не потеряла уверенной осанки, властных манер и командного голоса, хотя годы неумолимо брали свое. Кожа на изборожденном морщинами лице обвисла, глаза выцвели, на руках и ногах выступили узлы вен.

Ее называли «Феликс в юбке». В сорок третьем баба Вера застрелила на улице урку, вырвавшего у женщины сумку с хлебными карточками.

Рассказывала она об этом предельно обыденно:

– Тогда процедура была простая: милиционер документ прочитал, козырнул, я – наган в сумку и домой...

А в сорок восьмом на процессе о лагерном бандитизме подсудимые напали на конвой. Это были отпетые уркаганы, и неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не Шпаркова. Обежав судейский стол, она громоподобным голосом страшно обматерила взбунтовавшихся зэков и, взметнув стул, хряснула по голове самого здорового из них, который уже царапал по кобуре конвоира. Зэки на миг оторопели, что и решило исход схватки.

Шпаркова была бескомпромиссна и неподкупна, верила партии и правительству, что не помешало ей обложить матом секретаря обкома, пытавшегося руководить судьей по крупному хозяйственному делу в сторону смягчения приговора.

Крылов знал, что дело Пахальяна и Кваскова попало в надежные руки. К бабе Вере сразу приставили охрану, хотя она против этого и возражала.

– Лучше бы наган отдали! Какой наган был... С двадцати метров в арбуз попадала...

Говорили, что в свое время она была красивой женщиной и имела много бурных романов. Замужем не была, хотя в последние годы почти сошлась с одним из коллег. Жила

всю жизнь в коммуналке и лишь несколько лет назад перевезла ордена и грамоты в малосемейку на окраине города.

Защиту обвиняемых осуществлял адвокат Хасьянов – молодой человек с довольно темной для своего возраста биографией и скверной репутацией. Юрист он был никудышный, но пользовался большой популярностью в кругах, считающих, что главное в защитнике не правовая эрудиция и красноречие, а умение находить контакты с судьей.

Наладить «Контакт» со Щпарковой считалось делом заведомо безнадежным, но Хасьянов как всегда уверенно подкатил к старинному особняку, в котором располагался областной суд, взбежал по лестнице, обошел плечистого молодого парня у кабинета, но тот взял его за руку и отпустил, лишь увидев, удостоверение адвоката.

По-прежнему уверенно Хасьянов зашел к Щпарковой и громко поздоровался.

– У меня есть вопросы по делу Пахальяна и Кваскова, интересы которых я представляю, – выложив на стол квадратик ордера, подтверждающего допуск к делу, он без приглашения опустился на стул.

– Действия моих подзащитных квалифицированы неверно, доказательства собраны недостаточно...

У бабы Веры болела голова и ныло в правом боку, поэтому она почти не слушала, что говорил посетитель.

– Вы знакомились с делом, заявляли ходатайства, в процессе будете отстаивать свою позицию, – дежурной фразой она отмахнулась от монотонной тяготины защитника, как отмахивалась в кухне своей малосемейки засаленным полотенцем от назойливых мух.

Пенталгин и но-шпа – вот что ей сейчас нужно. В графине оставалось немного мутной и теплой воды, хватило на четверть стакана. Взгромоздив на стол перед собой допотопную клеенчатую сумку, баба Вера принялась рыться в ее захламленном чреве, откровенно отгородившись от уверенного молодого человека, слишком молодого и, по ее понятиям, недопустимо развязного для адвоката.

Новые времена! Раньше в адвокатуру попадали сквозь сито придирчивого отбора. Собственно, имелось только два пути: или рекомендация административного отдела обкома партии или пять тысяч председателю коллегии. Тогда столько стоил автомобиль. Большая часть суммы уходила в тот же адмоддел: без одобрения партии председатель не мог даже пикнуть. Так что, строго говоря, все приходило одним путем, зато адвокаты отвечали стандартным номенклатурным требованиям. Солидные, зрелые, почтительные...

Невозможно представить, что кто-то из них продолжал долдонить свою ахинею после того, как судья дал понять, что не желает ее слушать! А можно представить, чтобы те генеральные директора похищали людей, стреляли друг в друга, совершали убийства?! Новые времена. Какие подзащитные, такой и адвокат.

Баба Вера нашла, наконец, лекарства, привычно разжевала горький пенталгин, забросила в рот две маленькие желтые таблетки но-шпы, запила противный вкус медикаментов не менее противной водой.

«Противно, но привычно», – вспомнилась вдруг философская присказка Каспарчика, которой он амортизировал руководящие указания независимому правосудию. Она вытерла рот тыльной стороной ладони. Пора выставить этого хмыря...

– Молодые парни – ладно, их и осудить можно к условной мере, но генеральные директора – очень солидные люди, они должны быть оправданы...

"Смысл того, что говорит молодой человек, наконец дошел до бабы Веры и она замерла с открытым ртом. Нижний зубной протез раздражающе сдвинулся вперед.

– Вы невнимательно слушали? – участливо осведомился адвокат. – Понимаю: возраст... Здоровье надо беречь... Баба Вера присосала челюсть на место.

– Повторю основное: меня прислал очень влиятельный и уважаемый человек. Некоторые называют его Шаманом. Он хочет, чтобы Пахальян и Квасков получили оправдательный приговор. Это будет нетрудно: свидетели изменят показания. Остальные могут быть осуждены. Но условно. За это вы получите один миллион рублей. Можно полтора.

Молодой человек обаятельно улыбнулся.

В следующую секунду баба Вера перегнулась через стол и звезданула его в челюсть. Когда-то такой удар сшибал обнаглевшего урку на пол и его приходилось отливать водой.

Но это было давно. Кулак уже не имел прежней силы, да и в правом верхнем ящике стола не было любимого нагана.

Адвокат слегка отшатнулся и потер скулу.

– Помилуйте, как вам не стыдно! Вы же судья, а ведете себя по-хулигански.

– Ты, сука! – бешено закричала баба Вера. – Я тебе матку вырву!

Она вскочила, затопала ногами и рванула все же правый ящик, но чуда не произошло, тогда она швырнула в негодяя стакан.

– С вами невозможно вести переговоры, – молодой человек отряхнул брызги. – Не согласны – так и скажите! Зачем скандалить?!

– Я тебя, я тебя... Баба Вера повалилась в кресло.

В кабинет влетел охранник, замер недоуменно, глядя на спокойно сидящего адвоката и находившуюся вне себя Шпаркову.

– В чем дело?

Следом вошли судьи из соседнего кабинета – верткая, яркая Васильева и флегматичный увалень Оглоблин.

– Что случилось, Вера Ивановна?

Шпаркова только грозно таращила глаза и хрипела.

– Поспорили насчет квалификации, так она мне чуть голову не разбила,

– пожал плечами Хасьянов. – Разве так можно?

С оскорбленным видом он вышел из кабинета. Охранник на миг напрягся, но процессуальные споры – не повод для задержания, и он отступил в сторону.

Адвокат прошел по длинному пустому коридору, спустился на два пролета по широкой мраморной лестнице, вышел на улицу к оставленной новенькой «девятке» престижного среди коммерсантов и бандитов цвета «мокрый асфальт».

Сев за руль, молодой человек развернулся под запрещающий знак и через два квартала притормозил у телефона-автомата.

– Это я, – почтительно доложил он – Бабка отказалась.

И добавил, хотя это не имело отношения к делу:

– Даже по морде мне дала. И стаканом бросила.

Напившись валерьянки и нитроглицерина, баба Вера пришла в себя.

– За пятьдесят лет судейской работы такого не видела! – бусевала она.

– Он мне приговор диктует и миллион обещает! Вот сука! В сорок седьмом он бы отсюда и не вышел... Ну ничего, сейчас напишу рапорт! Он у меня посидит!

– У них каждый эпизод вымогательства – по пятьдесят – сто лимонов, – почему-то шепотом говорила Васильева. – А судье за все дело один предлагают... Наглецы!

– И ничего не боятся, – так же тихо отвечал Оглоблин. – Открыто приходят, называют Шамана... Когда такое было?

Происшествие взбудоражило весь областной суд. Сегодня пришли к «Феликсу в юбке», а завтра могут к любому. И что делать?

В спасительную силу рапорта кроме бабы Веры не верил никто. Один на один – доказательств нет. Раньше додушили бы этого, как его, Хасьянова через коллегия, выгнали бы правдами и неправдами или отправили куда-то на периферию... Теперь к частным коллегиям не подступишься, да и рычагов воздействия нет...

– С этой публикой надо по-другому, – по-прежнему шепотом говорил Оглоблин. – Как тот начальник Центрального угрозыска, Коренев...

Фамилию Коренева ностальгически вспоминали и в других кабинетах, хотя не очень давно та же баба Вера вкатила майору шесть лет за превышение власти и принуждение к даче показаний, и все судейские приговор одобрили. Правда, тогда никому из них ничего не угрожало.

Повесив трубку, Хасьянов купил в ближайшем ларьке пять банок холодного пива и с чувством исполненного долга поехал домой. Своя часть работы выполнена. Остальное будут делать другие.

Сообщение адвоката принял Иван Павлович Воронцов лично. Благоприятное разрешение дела обеспечивало рост его авторитета у утративших самостоятельность группировок и показывало, кто в городе хозяин. К тому же возвращенная Итальянцу и Валету свобода

должна была подсластить горечь понесенных потерь.

Шаман находился в служебном кабинете и, размышляя, смотрел в окно. Сейчас рынок был полон. Пестрые людские потоки текли вдоль торговых рядов, сталкивались на перекрестках овощной и рыбной или фруктовой линий, образовывали водовороты у выносных лотков, захлестывали входы в огромный мясной павильон, бились о высокие ступени павильона молочных продуктов.

Нейтрализация старухи являлась очень ответственной акцией, ее нельзя провалить, – как в случае с Быком. Хотя сейчас никаких дополнительных охранников с арматурой И бритвами на горизонте не предвидится.

Размышляя о том, кому из бригадиров дать поручение, Шаман все больше склонялся к личности Баркаса. Пока он не провалил ни одного дела. Слов на ветер не бросает и завалить может кого скажут. С башкой после травмы не все в порядке, но до сих пор это работе не мешало.

– Баркаса ко мне, – сказал он в решетку селектора.

– Понял, шеф, – отозвался сидящий в приемной Толстяк.

Бабу Веру «пасли» вдвоем: Рында и Рыба.

– Вывести из строя – и все! – приказал Баркас.

– Можно руку сломать или ногу, чтоб на работу не ходила... По башке лучше не бейте, старая, еще очокурится... И имейте в виду – она под охраной, надо выбрать момент.

Упоминание об охране насторожило. Пример бригады Быка очень впечатляет: Слон до сих пор лежал в больнице, Голяк стал инвалидом, а Пинтос распугивает девок шрамами на роже.

Но два дня наблюдения успокоили: обычная ментовская охрана. Казенная служба и исполняется казенно. В худшем случае морду набьют.

Шпарковой постоянное сопровождение не нравилось. Особенно то, что ночной охранник как пес сидит под дверью. С другой стороны, пускать его в десятиметровую комнату, да не раз-другой, а несколько месяцев кряду, тоже нес руки.

– Ты вот что, – сказала баба Вера, напоив ночного дежурного чаем. – Иди себе домой и спи как человек. Если что – позвоню.

Так и договорились.

Каждое нарушение имеет свойство разрастаться, увеличиваться в масштабах.

Как-то ночной отпросился к товарищу на День рождения и, с благословения Шпарковой, покинул пост в девятнадцать – ровно через полчаса после того, как судью привезли с работы. А в девятнадцать пятнадцать баба Вера пошла за хлебом. В девятнадцать тридцать, убедившись, что старуха осталась без охраны, боевики, Баркаса пошли ей наперерез.

«Феликс в юбке» мгновенно среагировала и опустила руку в сумку, где вместо нагана лежала широкая, остро отточенная стамеска.

Рыба сунулся первым и, забыв наставления Баркаса, ударил бабу Веру в лицо. В тот же миг холодная сталь скользнула под ребро и мягко вошла ему в печень.

– Ах ты сука!

Метивший дубинкой по ключице Рында изменил траекторию и угодил набалдашником в прикрытый седыми волосами висок. Сухо треснула кость, баба Вера тяжело завалилась на бок.

– Рвем когти!

Но побелевший Рыба медленно опустился на колени, а потом упал рядом с судьей.

Рында бросился бежать. Никто его не ловил, не стрелял вслед и даже не свистел в милицейский свисток.

Бабу Веру торжественно похоронили, Рыба понемногу очухивался в тюремной больнице, а дело Пахальяна и Кваскова передали члену облсуда Эльвире Васильевой, которой немедленно была выделена охрана.

За несколько дней до начала процесса, предъявив охраннику удостоверение личности, в кабинет к Васильевой зашел как всегда корректный и вежливый адвокат Хасьянов. Через четверть часа он вышел и, попрощавшись с охранником, покинул здание. А Васильева долго сидела за столом, оцепенело глядя в одну точку.

В день судебного заседания прилегающие к старинному особнячку улицы были забиты

иномарками. Люди специфической бандитской внешности прогуливались вокруг суда, курили на ступеньках, толклись в вестибюле. На доставляемых под охраной свидетелей это производило сильное впечатление. Предугадать результат психологической акции, придуманной Шаманом, было нетрудно.

Нырков, Крылов и Литвинов выехали на место и осмотрелись.

– Хорошо придумали, падлы, – сказал Литвинов и щека его дернулась.

– Что делать будем?

Крылов пожал плечами.

– А что тут сделаешь, – мрачно проговорил Нырков. – Порядок они не нарушают... –

И – повторил: – Что тут сделаешь...

– Как что? – холодно улыбнулся Литвинов. – Сейчас я подниму дежурный взвод и уберу их всех за полчаса.

– Каким образом?

– Да очень просто. Четверо пойдут с этой стороны, четверо – с той... И будут проклявывать скаты и бить по стеклам. А кто подбежит – в морду и в автобус. Полчаса. Гарантирую.

– Превышение власти, злостное хулиганство, повреждение личного имущества, – перечислил Нырков. – Может, ты их еще посжигаешь? За это недолго и самому в тюрьме оказаться.

– Ясно, – сказал Литвинов и щека у него опять дернулась. – Они ничего не нарушают, а я – нарушаю. Ладно, не буду. – И пошел к машине, бросив на ходу: – Я у себя, жду команды.

Никакой команды СОБР не получил. Процесс длился неделю. Пахальян и Квасков были оправданы, остальные отделались символическими наказаниями.

Авторитет Шамана сильно возрос.

Нырков доложил в Москву, что акция по наступлению на преступность закончилась пшиком.

Недобросовестного охранника отчислили из СОБРа и уволили из органов внутренних дел. Теперь он работает частным телохранителем, зарабатывает в три раза больше, чем на старом месте.

Поскольку родственников у бабы Веры не было, памятник ей поставили за казенный счет, самый дешевый – металлическую пирамидку с красной звездой наверху. Уже к зиме краска облупилась и во многих местах густо проступила ржавчина.

Глава третья ПРОФЕССИОНАЛЫ СМЕРТИ

С технической точки зрения убить человека очень легко. Сложность состоит в том, чтобы сделать это наиболее эффективно.

Капитан Утенков – старший инструктор учебно-тренировочного отряда десантно-штурмовых групп Ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистан.

С некоторых пор глубинный и спокойный Северо-Кавказский округ стал пограничным и очень напряженным. Добившиеся суверенности автономии Северного Кавказа и полностью отделившиеся республики Закавказья повели себя крайне странно: вместо того чтобы богатеть и процветать, о чем десятилетиями тайно или явно мечтали, они начали длительные кровавые войны, острые кровавые конфликты, не имеющие разрешения, но опять-таки кровавые разбирательства о земле, исторической вине, религиозных приоритетах...

Ни богатства, ни процветания все это, естественно, не приносило, и имперской России – виновнице прошлых и нынешних бед маленьких, но гордых народов, приходилось то и дело выступать в ролях миротворца, арбитра, поставщика гуманитарной помощи, гаранта неприступности границ. Приходилось беспокоиться и о своих собственных границах, потому что единственным наглядным следствием самостоятельности соседей стали набеги с их территории вооруженных банд, плотные потоки оружия, боеприпасов и наркотиков да по-

стоянные угрозы захлестнуть волной террора бывшую метрополию.

Поэтому никого уже не удивляют перемещения войск, заслоны ОМОНа на дорогах, проверки документов и багажа в поездах и тому подобные меры безопасности.

Тем проще оказалось, не привлекая лишнего внимания, проводить развертывание первого этапа оперативного плана «Зет», задействованного точно в срок, предусмотренный его составителями.

Суть плана составляло обеспечение безопасности секретных переговоров на высшем уровне между Арменией и Азербайджаном, которые должны были окончиться подписанием мирного договора. Переговоры планировались в Тиходонске, а гарантом их успешного на этот раз завершения являлся российский Президент, прибытие которого ожидалось одновременно с высокими договаривающимися сторонами.

Политическую, экономическую и военно-стратегическую важность плана трудно было переоценить. К тому же успех значительно укреплял положение всех трех политиков и выбивал почву из-под скандально известного представителя оппозиции Закатовского, громко гласно обещавшего в случае избрания президентом немедленно разрубить карабахский узел с помощью двух нейтронных бомб малой мощности.

Первый этап реализации плана «Зет» предусматривал полное блокирование Тиходонской области войсками и силами безопасности. По спущенным на исполнительский уровень залегендированным директивам завертелась сложная машина военного механизма округа.

Рыча двигателями и оставляя сизые облака выхлопов, выползали за пределы военных городков мощные грузовики, в кузовах которых находились стрелки, разведчики, пулеметчики, гранатометчики, радисты, саперы, дозиметристы и представители других армейских специальностей.

Широкие двойные скаты с глубоким протектором ровно гудели по асфальту, потом плюхали, оставляя рубчатые следы, по пыльному бездорожью и, наконец, замирали в отмеченной на карте твердым командирским карандашом точке дислокации.

Выкрашенные защитной краской вертолеты десантировали группы спецподразделений внутренних войск на горные перевалы, и стволы пулеметов РПК и СПГМ брали на прицел крутые узкие тропинки.

Усиленные наряды территориальной милиции прочесывали населенные пункты области в поисках беглых заключенных, преступников, находящихся в розыске, дезертиров и прочего опасного люда.

Подвижные заслоны транспортной милиции обрабатывали транзитные поезда, идущие с севера – выборочно, с юга – сплошную.

Федеральная служба контрразведки по своим оперативным каналам отслеживала националистические, ультраправые и фашистские группировки с целью пресечения возможных террористических актов.

Тиходонское Управление ФСК для очистки совести завершало проверять версию об утечке информации по плану «Зет» от подполковника Галенкова. Как ни крутили, с какой стороны ни подходили – версия не подтверждалась.

* * *

А между тем о плане «Зет» было известно посторонним лицам, причем не просто посторонним, а самым что ни на есть заинтересованным в его срыве. Подполковник Галенков не имел к этому ни малейшего отношения, утечка информации произошла на более высоком уровне – из кабинета Министерства обороны России.

Точнее, в кабинете офицер по особым поручениям майор Малинкин изучил полученный под расписку план и под расписку вернул его секретчику. А поздним вечером, находясь в изрядном подпитии в постели со своей любовницей Таей, между делом сообщил, что скоро на несколько дней уедет в Тиходонск по важному делу. Так что непосредственно информация утекла из постели, вслед за происшедшим истечением семенной жидкости майора.

Процессы эти настолько часто взаимосвязаны, что лежат в основе классического метода всех разведывательных служб планеты, именуемого «медовой ловушкой».

Майор попался в ловушку, расставленную резидентом Информационного бюро Ар-

мянской национальной армии Гарегином Петросовым. Именно он изучил образ жизни, склонности, вкусы и пристрастия Малинкина и в качестве меда подставил ему Таю Попцову – то ли манекенщицу, то ли проститутку. В общении с майором Тая выступала только в своей первой ипостаси и сумела даже влюбить его в себя, что облегчило дальнейшее «потрошение».

Через два дня на фешенебельной подмосковной даче встретились руководители двух крупнейших национальных землячеств столицы. Ашот Геворкян командовал армянской общиной, Эльхан Абдуллаев – азербайджанской.

Следует отметить, что криминальные группы очень часто интернациональны. Не редкость, когда разбойное нападение на квартиру совершают осетин с ингушом, изнасилование – армянин и азербайджанец, обувают лохов в карты грузин и абхазец. Если любознательный опер поинтересуется: «Как же так, на родине вы друг в друга стреляете, а здесь вместе дела делаете?» – они недовольно махнут рукой: «Там одно, здесь – другое... Мы сами по себе!»

И Ашот с Эльханом мирно кушали хороший, по-настоящему приготовленный люля-кебаб, пили нейтральную голландскую водку и неторопливо говорили, как принято на Кавказе – пока не на главную тему.

Недавно на Черемушкинском рынке застрелили человека Эльхана, и Ашот выразил глубокое сочувствие и долго возмущался этим фактом.

Эльхан в ответ возмутился убийством двух подручных Ашота и пообещал, если надо, помощь в разборке.

Стол был накрыт в беседке посередине просторного участка; вокруг росли ели, заслоняющие трапезу; специалисты проверили все вокруг на микрофоны, бойцы несли тщательную охрану окрестностей. Раскалялась, набирая жар, сауна, в доме, дожидаясь своего часа, смотрели видешиник свежие девчонки.

И Эльхан, и Ашот прекрасно говорили по-русски, знали русские анекдоты и обычаи, они давно и прочно пустили корни в интернациональной Москве: здесь жили их жены и родители, дети учились в элитных школах, а потом – в престижных вузах. Но деловые интересы каждого уходили в родную республику и были тесно связаны с войной.

Не так давно Ашот организовал отправку на родину крупной партии автоматов и двух установок залпового огня «Град». Доходы от этой операции существенно дополнили прибыль от цветочной торговли, которую он почти официально курировал. И авторитет на родной земле поддерживается, а это немало значит!

Эльхан транспортировал наркотики военными самолетами без лишних проблем с милицией и таможней и, кстати, без лишних расходов, достигающих при ином раскладе сорока процентов от прибыли. Он же провел переговоры с представителями Иранского исламского движения о помощи добровольцами, и помощь была оказана.

Если наступит мир – отпадет существенная статья доходов. К тому же начнут наводить в республиках порядок, посажают там всех ребят и, рано или поздно, обязательно дотянутся до Москвы...

Нет, существующее положение устраивало их и еще многих деловых влиятельных людей гораздо больше...

Ведя светскую беседу, кушая и выпивая, они размышляли – как нейтрализовать план «Зет».

Обед подходил к концу. Эльхану принесли крепкий, густо-янтарный чай в маленьком фарфоровом чайнике, грушевидную хрустальную армуду и пиалу с мелко наколотым сахаром. Перед Ашотом поставили мельхиоровый кофейник с черным кофе и чашку из китайского сервиза. Там, где вкусы расходились, каждый придерживался своих привычек.

– Может, все это туфта? – спросил Эльхан, осторожно отхлебывая из армуды обжигающую жидкость. – Ну соберутся, побазарят – сколько раз это было... Почему сейчас должны обязательно подписать?

Ашот покачал головой.

– Мне давно говорили: Левону это надоело. На него давят со всех сторон – кончай войну! Народ обнищал, устал... Всю мебель на дрова порубили, деревья... Вах!

Он сокрушен но взмахнул рукой.

– На Гейдара тоже давят... Но Ашот перебил собеседника:

– А главное в другом! Большой Папа туда приедет. Он зря кататься не будет. Значит, все оговорено и согласовано.

Эльхан согласно кивнул:

– Да, это главное!

И, подняв голову, внимательно посмотрел в глаза Ашоту.

Тот отвел взгляд.

– С главного надо и начинать! – продолжал Абдуллаев, наливая себе вторую армуду чая. Он взял кусочек сахара, обмакнул, сунул в рот, сделал маленький глоток. – Как ты думаешь, друг?

Ашот отставил чашку.

– А будет ли нам лучше? Если этот с бомбами придет... Он всех повысылает! И границы закроет!

– Э-э-э, – презрительно протянул Эльхан. – Что нам так далеко смотреть! Если придет... А если нет? Это дело далекое. А мы говорим о деле близком!

– Нужен специалист отличный. И не из наших, и не из ваших...

– Очень правильно. Найдем такого. Сейчас смелых парней много.

Эльхан продолжал рассматривать сотрапезника, и тот наконец прямо взглянул ему в глаза. Оба улыбнулись.

– Надо это не здесь делать. Надо там делать. В Тиходонске!

– Хоп, – сказал Ашот.

– Тогда давай выпьем! – Эльхан поднял предупредительно наполненную обслугой рюмку.

– За успех!

– За успех!

Коротко звякнул хрусталь.

* * *

У человека, который прибыл фирменным поездом «Тихий Дон» из Москвы, заградительные группы не проверяли ни документов, ни багажа, потому что он не вызывал никаких подозрений. Хороший Темно-синий костюм, светло-голубая сорочка, галстук в цвет костюма, аккуратная прическа и властные манеры – он был похож на высокопоставленного комсомольского аппаратчика без выраженных возрастных признаков. С одинаковым успехом ему можно было дать и двадцать семь лет и сорок два, хотя много повидавшие глаза склоняли к верхней границе оценки.

Проверок он не боялся: документы находились в полном порядке, а в багаже не было ничего лишнего. Собственно, весь багаж состоял из небольшого дорожного чемоданчика с замысловатым бронзовым замочком.

Когда-то он купил его в Австрии и впоследствии ездил на соревнования только с ним, вроде как с талисманом, приносящим удачу.

Человек был известным несколько лет назад спортсменом, заслуженным мастером спорта по пулевой стрельбе из винтовки. Он работал почти во всех видах. Выполнял упражнение «МВ-9», требующее крайнего напряжения и сосредоточенности, – из положения лежа следовало выстрелить шестьдесят раз и на пятидесяти метрах уложить пули в сантиметровой кружок «десятки», все остальные попадания считались потерями, так как отбрасывали от рекорда. У него обычно получалось две потери, когда пули уходили в «девятку», на тренировках иногда удавалось выбивать шестьсот очков, но на соревнованиях добиться этого он не мог.

Он стрелял по «бегущему кабану», когда все решала скорость: прицеливания, выстрела, перезарядки, умение определять и выдерживать упреждение, хладнокровие и точный расчет.

Стрелял из снайперской винтовки, где очень важно посадить кружок мишени на острие пенька прицела и, удерживая цель между горизонтальными рисками, добиться равномерного теневого кольца в окуляре.

Он стрелял на тренировках и соревнованиях, на соревнованиях и тренировках, на сбо-

рах и во время каникул. Он любил стрелять и сжег сотни тысяч патронов с удовольствием, а не для того, чтобы исполнить изнурительную обязанность. Потому и результаты были стабильно высокими, а прозвище приклеилось выразительное: Мастер.

Международный класс спортсмена обеспечивал достойное существование, поездки за границу, что в те времена очень многое значило, высокий социальный статус. Но времена менялись. Денежное содержание отставало от стоимости жизни, за границу стали ездить все кому не лень, престижность спорта растаяла, как дымок «мерседесов», за руль которых сели ушедшие в рэкет спортсмены.

В первую волну переквалифицировавшихся, ветеранов вошли в основном "силовики – штангисты, боксеры, борцы. В начале новой криминальной эры мускулы и техника единоборства еще обеспечивали достижение необходимых целей.

Носила ничего не значит против специфических инструментов, в основе действия которых лежит принцип быстрого расширения пороховых газов. А таких инструментов в криминальном обороте становилось все больше и больше. Значит, рано или поздно должна была появиться потребность в людях, умеющих виртуозно пользоваться оружием.

Первый заказ Мастер получил в июле девяносто первого. Толстый Хамай насолил многим, но отгородился от всех обиженных и недовольных столь плотной стеной мускулистых телохранителей, что достать его было невозможно. Во всяком случае, сам он считал именно так.

Но ошибался. Маленькая свинцовая пулька калибра 5,6 миллиметра попала ему прямо в рот, когда он пил чай на веранде своей дачи. Выстрела никто не слышал, и окружающие думали, что он подавился печеньем, или в мозгу лопнул сосуд. В таком заблуждении они пребывали до приезда «скорой». К этому времени никаких следов пребывания на чердаке соседней дачи посторонних лиц уже не осталось.

Мастер не был ни чувствительным, ни сентиментальным, поэтому никаких мучений или угрызений совести не испытал. К тому же Хамай – отпетый мерзавец, и то, что он отправился на тот свет, принесло облегчение многим.

Потом поступали еще заказы. Все они касались опасных и нехороших людей, потому что разделаться с обычным гражданином не представляло никакого труда и без высокооплачиваемого снайпера.

Мастер работал с условием: точная информация о местонахождении цели, доставка инструмента к точке прицеливания, обеспечение прикрытия стрелка лежит на заказчике. Сам он появлялся налегке, в свободной одежде и тонких нитяных – чтобы пропускали воздух – перчатках. Совместив местонахождение пули и объекта цели, он так же налегке уходил к ожидающей его машине.

Он считал, что таким образом сводит риск к минимуму, но столкнулся с непредвиденной проблемой. Работая с лестничной площадки пятого этажа по движущейся от автомобиля к подъезду цели, он допустил промах. Инструмент был десятизарядный – охотничий вариант карабина СКС, поэтому он немедленно повторил выстрел, но с прежним результатом. Такого не могло быть, точнее, могло, но лишь в одном случае: если сбит прицел. Цель, почуввав неладное, побежала. Мастер положил карабин на подоконник и открыл беглый огонь, будто выполнял упражнение «бегущий кабан». По следам рикошетов он вносил корректировки в стрельбу и восьмым выстрелом поразил цель.

Излишний шум и задержка во времени затруднили отход, а карабин вынести вообще не успели. Но главное не в этом, на следующий день газеты сообщили о бойне во дворе жилого дома: оказывается, кроме цели рикошетирующими пулями были ранены три человека.

Заказчик остался не вполне доволен. Впрочем, если бы он не достал все-таки объект заказа, то, возможно, отправился на тот свет вместо него. Мудрая предосторожность: иначе он мог раскрыть клану заказанного, кто сделал заказ...

Установить причину происшедшего сбоя по причине утраты карабина не удалось, но он был уверен: доставлявший его олух не соблюдал правил обращения с точными инструментами и ударил оружие о стену, а может, бросил на пол. Из случившегося следовало сделать выводы. И он их сделал.

Теперь он работал со своей командой. Три человека, завязанные на общий результат. Посторонние, в том числе и заказчик, не могли проникнуть во внутреннюю «кухню» бри-

гады. Они лишь Давали исходные данные, оставляли деньги – и все.

В такой организации работы имелся свой риск. «Знают двое – знает свинья», – говорил опытный киностюпач папаша Мюллер. Наличие нескольких полностью осведомленных человек повышало уязвимость исполнителя. И хотя Мастер хорошо платил, он знал – это лишь относительная гарантия безопасности.

Бизнес, которым он занимался, вообще представлял значительную опасность. Конечно, друзей и родственников больше интересует, кто отдал приказ, а не кто нажал на спуск. Но встречаются щепетильные в подобных вопросах субъекты. Чеченцам, например, обязательно надо отомстить тому, кто непосредственно пролил родную кровь.

Опасность исходит и со стороны заказчика. Есть соблазн обрубить канал, по которому может уйти вредная информация. Поэтому приходилось страховаться. Все переговоры велись через людей, которым Мастер безусловно доверял. Он регулярно менял адреса, имел телохранителей, проверялся даже на обычных повседневных маршрутах, успокаивал себя мыслью, что в специалисте его уровня заинтересованы все, кому приходится решать специфические вопросы устранения конкурентов. И понимал, что по большому счету все это ровным счетом ничего не значит.

В конце концов его обязательно уберут!

Он разработал свой план спасения жизни. Для реализации его был необходим крупный заказ, большая сумма денег и двойник – «болван», «кукла», «подстава». Полное сходство необязательно, достаточно совпадения наиболее бросающихся внешних признаков: рост, телосложение, возраст. Именно по таким признакам был включен в команду Свистун, хотя ни он, ни кто-либо другой об этом и не подозревали.

Последний заказ Мастера ошеломил, но только поначалу. Поначалу все выглядело необычно. Он закончил очередную тренировку в закрытом тире в Лужниках, где арендовал на восемь часов в неделю пятидесятиметровую галерею. Здесь можно было пользоваться только малым калибром, и он расстреливал из целевой спортивной винтовки пластиковые шарики диаметром с теннисный мячик. От плоских мишеней он отказался, ибо в жизни приходилось работать по объемным целям. Еще восемь часов в неделю он проводил на открытом стрельбище за городом, стреляя из армейской снайперки калибра 7,62.

После тренировки Мастер позволял себе расслабиться. Пил он исключительно мало: рюмку-другую водки или несколько бутылочек немецкого пива. Любил женщин, но из осторожности опасался заводить постоянную подругу. По его заказу Вист приводил отвечающую определенному стандарту девушку из полупрофессионалок: худенькую, высокую, с длинными ногами и плоской грудью. Чтобы не возникало недоразумений, Мастер начинал знакомство с подарка; от трех до пяти сто долларовых банкнот – в зависимости от впечатления, произведенного очередной красавицей.

Закончив очередную тренировку в закрытом тире, Мастер выходил к машине. Карауливший у входа Свистун выглянул на улицу и сделал знак рукой, обозначающий, что все в порядке, Крол стоял впереди автомобиля и внимательно осматривался по сторонам. Вист держал открытой заднюю дверь серебристого «мерседеса-600». В проеме двери виднелась девушка; даже издали было видно, что она симпатична, белокура и длиннонога.

Все в порядке. Мастер быстро направился к автомобилю и ловко запрыгнул на кожаное сиденье. Вист захлопнул дверь и скользнул за руль. Свистун и Крол сели в точно такой же «Мерседес», и машины тронулись с места.

В салоне пахло дорогими духами, девушка немного напряженно улыбалась. В такого рода приключениях равновероятно вернуться домой напоенной, накормленной, удовлетворенной и с «баксами» в сумочке либо оказаться спущенной по кускам в канализационный коллектор.

Мастер дружелюбно улыбнулся в ответ.

– Давайте знакомиться... Вист резко затормозил.

– Шеф!

Он заворочался на сиденье, тревожно шаря под пиджаком.

На проезжей части стоял невысокий толстенький человек и «голосовал», старательно поднимая над головой и вторую руку. Человек улыбался, хотя знал, чем чревата внезапная остановка «мерседеса-600». Но и его знали в лицо все, кто ездил в бандитских экипажах и

мог не задумываясь выстрелить одновременно со скрипом тормозов.

– Возьмем! – приказал Мастер.

Вист, перестав шарить под мышкой, сказал в микрофон портативной рации:

– Все в порядке... После чего открыл толстяку дверцу.

– Здравствуйте, дорогие, подвезите немножко, а то такси не останавливаются, – затахтел он, забираясь внутрь. – Хорошо, когда добрые люди остановятся, а то совсем пропадаю... Приторный резкий запах одеколона перебил тонкий волнующий аромат духов.

– Поехали, – сказал Мастер. Вист тронул автомобиль с места. Казалось, он жметя к левой дверце, чтобы подальше отстраниться от внезапного пассажира.

На веселом маленьком толстячке висело не меньше пятидесяти трупов. Правда, собственными руками он не убивал уже давно.

– Витя, познакомь с красавицей, – продолжал болтать тот. – Никак не могу жену найти, может, это и есть судьба... Девушка вежливо хихикнула.

Мастер поморщился. Он не любил, когда называют его настоящее имя.

– Куда подвезти, Керим? – спросил он. – Здесь метро близко...

– Зачем обижаешь? Какое метро? Сколько не виделись, надо шашлык кушать, немного водки пить, о большом деле говорить...

Керим был одним из тех, от кого Мастер принимал заказы. Но чтобы он сам пришел...

– А где твои люди?

Ни впереди, ни сзади не было видно посторонних машин.

– Какие люди? Один я!

Это окончательно убедило Мастера, что речь идет о деле чрезвычайной важности.

Через час с небольшим на втором этаже кирпичного, украшенного цветной глазурью дома, больше похожего на дворец, Керим положил на покрытую ковром тахту новую, пахнущую смазкой винтовку с толстым стволом и сложным прицельным приспособлением.

– Ухты!

Мастер утратил обычную невозмутимость и бережно взял точнейший инструмент.

– «ВСС»... Встроенный глушитель, лазерный целеуказатель... – восхищенно проговорил он. – Я ее только на фотографиях видел...

– Твоя будет, – буднично сказал Керим. – И это тоже... Он бросил на тахту средних размеров чемоданчик, распахнул крышку.

– Считай!

Чемоданчик был до отказа наполнен пачками стодолларовых купюр, перехваченными строгими бандеролями Центрального банка США.

Мастер присвистнул.

– Сколько здесь?

– Ровно миллион. Лимон. Крупный зеленый лимончик.

– И за кого?

– А как ты сам думаешь?

Керим улыбался, но улыбка получалась натянутой.

– За Большого Папу, конечно! – Он ткнул пухленьким пальцем в потолок, за которым находилась мансарда, потом косая, крытая черепицей крыша, а потом – небо.

Снизу доносилась веселая музыка. Там плавала в голубом бассейне голышом длинноногая блондинка, на веранде в мангале тлел древесный уголь, шустрые земляки Керима заканчивали сервировку стола, время от времени заглядывая в отсек с бассейном и возбужденно облизываясь.

А Мастер, чтобы скрыть замешательство, низко склонился к винтовке, оттягивая мягко скользящий затвор и осматривая оптику.

С этого момента он был обречен. В случае отказа его пришьют прямо сейчас, вместе с телохранителями и затесавшейся на свою беду девчонкой.

Если же он согласится... Провернуть такое дело практически невозможно, но если даже удастся – ему все равно конец. Это как раз тот случай, когда свидетелей не оставляют.

– Да ты не бойся! План есть, место удобное, охрану дадим, вертолет, заграничный паспорт сделаем. Да можно безо всякого паспорта: переправим в Иран, а там по нашим каналам дальше, куда захочешь...

Керим нервничал. Он тоже был обречен и прекрасно это понимал. Хотя наверняка не смирился и строит хитроумные планы... Мастер внимательно смотрел на Керима, тот – на Мастера.

– Ну, если паспорт и вертолет...

– Вот и хорошо, дорогой, пойдем к столу!

Керим обрадовался. Сейчас он был настроен на хороший шашлык больше, чем на убийства. К тому же убивать старых знакомых всегда немного неприятно...

* * *

Безопасность тиходонской воровской общины были призваны обеспечивать Север и Гангрена. Причем если первый должен отслеживать и отражать внешнюю угрозу, то второй противодействовал внутренней. Если проводить аналогию с государственными структурами, то Север олицетворял Министерство обороны, а Гангрена – контрразведку.

Они были непохожи друг на друга. Гангрена имел вид классического урки, босяка: выдвинутая вперед челюсть, низкий покаты лоб, маленькие мутные глазки, стальные зубы. Он был весь расписан татуировками, которые понимающему человеку раскрывали пройденную их обладателем жизненную дорогу. Одевался Гангрена затрапезно, не следил за собой, иногда ударялся в трех-четырехдневные запои с такими же урками в грязных, заплыванных притонах. Он много лет провел за решеткой и, как ни странно, чувствовал там себя лучше, чем на воле.

Объяснялось это тем, что камерная жизнь примитивна, как жизнь животных, а Гангрена прекрасно разбирался в животном существовании зэков, так как сам являлся неотъемлемой частью этого душного, вонючего и опасного мира.

Он был специалистом по выявлению «наседок» и добился, в качестве такового, признания и авторитета, обеспечивающего дальнейшую карьеру.

Приходя по этапу в новую «хату», Гангрена молча сидел в углу, наблюдая за сокамерниками. Он знал все обычаи и традиции, а потому сразу мог расколоть баклана, выдающего себя за урку. Знал направление этапов, дислокацию тюрем, колоний, следственных изоляторов и пересылок, фамилии начальников и кликухи паханов. Обмануть его было невозможно.

Особенно внимательно следил Гангрена за чисто физиологическими проявлениями, которые в животном мире могли дать самую неожиданную информацию.

– Ты где был шесть часов? На допросе? Да, длинные допросы пошли... А почему ссать не хочешь?!

Действительно, если тебя следователь «крутил», то, вернувшись, сразу бежишь к параше – в следственных кабинетах сортира нету. А если с опером местным беседовал – Другое дело, у них в отсеке и сортир, и холодильник.

Некоторые «наседки» на жратве прокалывались. Придет с длинного допроса, а от обеда оставленного нос воротит... Не проголодался, значит! Подсядет к нему Гангрена, обнимет доверительно, задушевный разговор заведет. А сам втягивает носом воздух, аж ноздри раздуваются по-звериному.

– А почему от тебя колбасой пахнет?! Какие ел? Давай руки сюда!

И щелочкой под ногтями – раз! Не хуже эксперта-криминалиста.

– А это что? Не колбаса разве?! Ну вот и расскажи, за какие заслуги тебя колбасой прикармливают?!

Троих по его наводке задавили. А скольким ливер поотбивали или петухами сделали!

Имя разоблачителя «наседок» гремело по тюрьмам и пересылкам. Что имело печальные последствия и для него самого. Только прибудет на новое место – сразу волокут в оперчасть:

– Так ты и есть тот самый? Попробуй только тут наших людей валить!

Да кулаком в живот или стулом по голове для пушшего устрашения! Бесплезно! Отлежится Гангрена, очухается – и снова стукачей поганых раскалывает!

И на воле его талант общине не раз пригодился. Мало ли шпионов к людям засылают! А Гангрена поговорит немного – и любая легенда лопається, шкура маскировочная слазит, и

сразу видно – кто под ней!

При ходьбе Гангрена одну ногу подтягивает, руки вдоль туловища болтаются, по сторонам настороженно зыркает... На губах шелуха от семечек, через слово матюги вылетают... Нормально! Вот если вежливо Гангрена заговорит, дело плохо: значит, настрой у него такой, что вполне может и завалить кого-то...

Север тоже урка, но другого розлива. Не босяк, а фартовый налетчик. Они отличались, как и их любимые блатные песни. У Гангрены: «Гоп со смыком – это буду я! Воровать – профессия моя...» А у Севера: «В сером костюме, в петлице с цветами, в темном английском пальто ровно в семь тридцать покинул столицу я, даже не взглянув в окно...» Плотного телосложения, симпатичное лицо с расплюснутым носом и наглыми глазами, тщательно подобранная одежда... И татуировок намного меньше, на руках всего два перстня, на одном два луча, на другом – четыре. Визитная карточка: две судимости, шесть лет отбытого.

Север любил кабаки, центровых телок, с шиком разъезжал на БМВ. Гангрена же когда-то выучился водить грузовик и дальше не пошел, а к личному транспорту испытывал явное отвращение.

Сейчас они сидели на скамейке в маленьком скверике рядом с гостиницей «Интурист» и шептались об общих делах.

– Может, не знали? На вид-то все нормально, – шумно дышал Гангрена.

– Если бы один... Или два, – Север мастерски сплюнул сквозь зубы. – И потом, когда такие вещи задвигаешь, обязан все знать...

Недавно в Тиходонск поступила партия пистолетов ТТ, которые за последнее время вошли в моду. Оружие было совершенно новым, в явно заводской смазке. Север взял десять штук, по полтора лимона каждая. Ввиду явной новизны оружие не отстреляли, что, как выяснилось, было существенной ошибкой: все пистолеты имели редкий дефект – после одного-двух выстрелов затвор клинило в переднем положении, и продолжать, огонь можно было лишь передернув его рукой.

Нашли спеца, тот дал заключение:

– Не работает автоматика перезарядки. Дефект ударноспускового механизма. Видно, со склада бракованной продукции... Теперь предстояло найти двух продавцов.

– Вроде из Владикавказа. У одного кличка Калинка, – Север описал приметы.

– Калинка, Калинка... – Гангрена наморщил лоб. – Пока не припомню... Они еще несколько стволов продали. Но никто не жаловался. Ладно, отыщем, никуда не денутся... Север опять сплюнул и закурил.

– Теперь слушай сюда, – возбужденно зачастил Гангрена. – Игла вышел из КПЗ, он сидел с этим, который вроде комитетчика замочил... Так тот клянется, что дело внаглую шьют! На суду собираются в отказ идти...

– Ну и что?

– А помнишь, Отец сказал? Найти падл и сдать! Чего ж было искать, если уже сидят? А видишь как оно... Я своих подниму, ты своих поспрошай....

– Ладно. А что это менты шмон наводят? В поездах, на дорогах... Мне партия «колес» идет, а как принимать?

– Может, из-за Шамана все? Судью пришили, Итальянца с Валетом вытащили, вот и раздразили...

– Может... Они все нагледят. Три штемпя в мой магазин приходят: что у вас за крыша? Отвечают: Север. А это кто?

Гангрена выругался.

– Скорее залетные. Как те, из Донецка. Шаман им хорошо дал просратья.

– Все равно... Зачем руку рубить?

Север встал.

– Ищи этих хмырей. А я с Отцом посоветуюсь – что с ними делать...

– А чего делать? – привычно заладил Гангрена. – На нож – и все дела...

* * *

На плоской крыше девятиэтажного дома лежал молодой человек в камуфляжном ком-

бизнесе. Рядом с ним на чехле лежала большая винтовка с мощным оптическим прицелом. В руке молодой человек держал рацию, слушая интенсивные переговоры.

– Первый, я двенадцатый, дверь заблокирована...

– Я седьмой, соседей вывели...

– Ах ты сука... В дверь саданул, чуть Ваську не зацепило...

Если прозвучит его позывной, он возьмет винтовку и наведет на окно седьмого этажа дома напротив, где то и дело мелькала какая-то тень.

Если поступит команда, он эту тень достанет.

Виктор Акимов служил в СОБРе и имел специальность «снайпер первой категории». Это означало, что он всегда поражает цель – и в тумане, и ночью, и в движении...

Акимов работал со снайперкой Драгунова – СВД. Он привык к ней с Афгана, где тоже являлся снайпером, только категория у него тогда была еще вторая... Но и со второй категорией снял «духа» – пулеметчика с девятисот метров!

Иногда, когда требовала обстановка, он использовал малокалиберку – и звук тише, и рикошет меньше.

Год назад два зэка захватили женщин-контролеров в заложники. Одной заточку под горло, на другую удавку – и давай требовать как обычно: водку, автомат, машину...

Акимова это особо не интересовало – что требуют, да как переговоры ведут... Он приготовил малокалиберный карабин и ждал. А когда приказ поступил – начал действовать.

Зэки находились во внутреннем дворике, и достать их можно было только через небольшое окошко, расположенное под потолком хозяйственной пристройки. Вначале поставили стол, на него стул, а на него залез Виктор с карабином. Пирамида неустойчивая, хотя и держат внизу, а надо еще приложиться да прицелиться...

Зэков отвлекают всюю, затеялись им водку передавать, а он мостится под потолком, неудобно – зверски!

Опасней был тот, кто с заточкой – он вмиг горло проткнет, и как раз он отвлекся на водку... Щелк! И свинцовая пулька в голове. Щелк! И второму в башку. А повалились трое: и зэки, и одна из заложниц!

И Акимов, потеряв равновесие, сверзился спиной вперед, хорошо ребята подхватили и карабин удержал! Вскакивает как ошпаренный, и туда, во дворик! А там оббежать чуть ли не триста метров, да еще решетки, замки... В голове одна мысль: неужели и ее убил? Вроде не должно, но когда люди вплотную стоят и маленькая безоболочечная пуля может дел надевать!

Когда побежал – перевел дух: женщина уже сидела, улыбалась... От страха в обморок плюхнулась!

Виктор во многих операциях участвовал и всегда сохранял спокойствие. Подберет оружие, зарядит – и ждет команды. Чаще обходится: сдались или по-другому решили – собаку пустили, «черемухой» придушили... Тогда разрядил винтовку, спрятал в чехол – и обратнo на базу...

Ну а если поступила команда снайперу, то протирает он еще раз оптику и берет жизнь преступника в свои руки. Потому что сейчас все от него зависит. Ни адвокат, ни прокурор, ни друзья-приятели не помогут! И ни судебной волокиты, ни кассационного обжалования! Все будет так, как старший лейтенант Акимов решит: может засадить пулю в руку или в ногу, а может – в голову или сердце.

Ранил – закутилась следственно-судебная машина: постановления, жалобы, передачи, свидания... А вклеил пулю в лоб – и конец! Отвезли, зарыли, и все дела...

Виктор волокиты не любил, а потому решал радикально: команда – выстрел – труп. И сам бандит больше никогда заложников не захватит, оружия не поднимет, да вообще ничего плохого не сделает, и другим наука! Ведь такой пример куда убедительней профилактических бесед и телевизионных передач на правовые темы. Потому как наглядней и доходчивей. Только что Сашок-корифан куражился, гранатой размахивал, ментам грозил. И вдруг – трах! И он лежит спокойно рядом с собственными мозгами... И второй тут же пушку бросил, будто руки обожгла, на колени упал, голову обхватил с одной мыслью: хоть бы не положили рядом, хоть бы пожить еще малость... Сразу все понимает, до самой души это понимание продирает и соседям по камере потом будет убедительно рассказывать...

Как и каждый снайпер, Виктор свой счет вел. Там, на войне, шестнадцать и здесь семь. Здесь чаще стремились без снайпера обходиться, «пр-хорошему» решать.

Об одном таком случае он особенно жалеет.

Четверо ублюдков детей захватили в заложники, целый класс. И автобус с водителем захватили. Детей в автобус – и на аэродром. Вертолет потребовали и деньги, пять миллионов долларов.

Закрутилась обычная карусель: переговоры, высокое начальство, к аэродрому каких только сил не подтянули – и батальон внутренних войск, и ОМОН, и СОБР, и территориальная милиция, и транспортная... Группу антитеррора «Альфа» вызвали, спецподразделение МВД...

А шестерка снайперов выгодные позиции выбрала, ожидает. Тут бандиты допустили ошибку: вышли все четверо из автобуса, курят, советуются...

Акимов, старший снайперской группы, берет на прицел одного, а ребята уже докладывают: готов, готов, готов...

В результате – все на мушке. В двух по одной винтовке нацелено, в двух – по две, для страховки.

Виктор говорит в микрофон:

– Готовы к поражению целей, ждем команды.

А сам уже представляет: залп – и лежат эти долбаные террористыдохлыми, все их требования – в заднице, СОБР одним броском у автобуса, детишек ведут к родителям... Те, бедные, убиваются за воротами, с ума сходят.

Но команды нет.

Минута, две, три... Ребята из группы на связь выходят:

– Второй поразить цель готов...

– Четвертый Готов...

– Шестой готов... Все готовы.

Старший лейтенант Акимов снова в микрофон:

– Цели захвачены, ждем команды.

– Вас понял. Ждите команды.

А команды нет.

Когда долго целишься, затекает рука, палец на спуске немеет, глаз начинает слезиться.

Если поправляться – прицел собьешь, надо терпеть. Чем дольше терпишь, тем больше вероятность промаха.

Эти четверо докурили, огоньки окурков рассыпались по бетону. Один вернулся в автобус. Трое стоят, спорят. Четвертый вышел, вынес еще пачку сигарет. Скучились над зажигалкой. Сейчас не то что снайпер, любой собровец из своей засады двумя очередями их покрошит!

Нет команды!

А тем временем руководители совещались.

Литвинов свое мнение сразу высказал:

– Валить!

Командир ОМОНа:

– Валить!

Но у них вроде совещательный голос. Не им решение принимать. Старший оперативный начальник командует – генерал-майор Крамской. По своей линии он здесь главный. Но тут же и областная власть – глава администрации, бывший партийный начальник Лыков.

Начальнику УВД непривычно с ним не посоветоваться. Хотя только что к бандитам сам ходил, никто ему советов не давал. Но личная храбрость – одно, а управленческая смелость – другое.

Советуется. Задумался Лыков.

– А стопроцентную гарантию вы даете, что заложники не пострадают? Стопроцентных гарантий вообще на свете не бывает. Особенно в таком

деле, объясняет Крамской. Лыкова это не радует. Он ведь о чем думает? "Вот санкционирую я сейчас стрельбу, а вдруг детей перебьют... И окажусь крайним... А вслух говорит:

– Я должен с Президентом посоветоваться.

Старая партийная привычка. С одной стороны – лишний раз о себе напомнить, вот, мол, я каков – на переднем крае, с террористами воюю! С другой – поддержку получить. Или, наоборот, неодобрение: смотрите там дров не наломайте! В любом случае с решением не ошибешься... Пошел Лыков с Президентом связываться.

Литвинов аж зубами скрипит:

– Неужели за каждого бандита надо с Президентом советоваться? На хрена тогда местные начальники нужны?

Раньше за такие выпады ему в характеристику «незрелость» вписывали, что на партийном новоязе означало нелояльность к руководящей и направляющей силе. И продвигаться не давали, только в Афган и продвинули под ножи и пули. Сейчас записывают «невыдержанность» и тоже не шибко им довольны.

Четверка бандитов по второй сигарете докуривает. Смеркается. Расплываются детали, но вероятность поражения целей все равно высока. Пока.

Лыков добрался до помощника Президента, тот отвечает: связаться можно будет через два часа...

Спрятаться бы на эти два часа, да некуда, надо что-то говорить. Такое, чтобы пообтекаемее...

– Без стопроцентной гарантии действовать нельзя... Гениальная фраза. При любом исходе не придерешься.

– Жду команды, – напоминает Акимов.

– Огня не открывать!

Ну и хер с вами! Передал группе:

– Огня не открывать!

А уже и не в кого открывать, террористы в автобус залезли и через несколько минут начали детей в вертолет переводить.

Шесть онемевших пальцев снялись с чутких спусковых крючков, шесть слезящихся глаз оторвались от окуляров прицелов.

Лопаста вертолета раскрутились, вскоре машина взмыла в чернеющее небо.

Лыков вздохнул с облегчением: улетели, и слава Богу!

И Крамской перевел дух: теперь другому генералу брать на себя ответственность.

Лишь родители детишек-заложников волосы на себе рвут. Да «незрелый» Литвинов матерится:

– А если они их выкидывать по одному начнут? Что тогда?!

Но в тот раз все обошлось. И тиходонские руководители героями стали: как же, умело провели операцию, не допустили кровопролития. Вроде все хорошо. О! Через три недели еще захват заложников, на Ставрополье. Опять вертолет требуют и доллары. Через месяц еще захват, третий! Через месяц

– четвертый! И выстрелы, и трупы...

Каждый раз схема одна, сценарий один, умные головы из МВД и ФСК размышляют: почему так происходит, да кто всем руководит, да какая цель целой череды однотипно спланированных акций...

А простой снайпер первой категории старший лейтенант Акимов знает – что да почему!

Если бы шлепнули бандитскую четверку, то ничего дальше и не было бы... Ни второго захвата, ни третьего, ни четвертого, ни крови, ни трупов. Потому что пример крайне убедителен. И все знают: начнешь захват заложников – расшлепают на месте!

А так пример обратный получился: возьми под прицел невинных людей и сразу превратишься в важную фигуру! Большие начальники с тобой почтительно говорят, все просьбы выполняют. Хочешь вертолет – на! Оружие – бери! Наркоту – пожалуйста! Деньги? Выбери – доллары, марки, фунты... Красота! А то, что у тех до конца не вышло, так они сами дураки! А мы-то умные, у нас выйдет...

Снайпер мог только жалеть о том, что зло осталось безнаказанным. Он был таким же орудием в руках руководителя операции, как СВД в его собственных руках. Винтовка не выстрелит, пока он не нажмет на спуск, а он не нажмет на спуск, пока не поступит команда.

На крыше было жарко, Виктор достал платок, хотел прикрыть голову, но передумал и

накрыл оптику. Опыт подсказывал, что сегодня обойдутся без него. Мелькание в окне прекратилось, эфир успокаивался.

- Кажется, отпирает...
- Точно, дверь открылась... Выходит...
- Все!

Через пару минут дали сигнал общего отбоя. Акимов разрядил винтовку, захехлил ее и направился к чердачной двери.

Когда вернулись на базу и он переоделся, Литвинов сказал:

- Я тебя поставил спецмероприятие обеспечивать на той неделе. Готовься.
- Что за спецмероприятие?

Литвинов пожал плечами.

- Приказ: обеспечить. А что – сам не знаю.
- Ну и ладно, обеспечим.

Пожал старший лейтенант командиру руку и пошел домой – в коммуналку с сохнувшими посередине комнаты пеленками. Платили ему в СОБРе куда меньше, чем Мастеру, и жил он не так комфортно и красиво.

* * *

Амбал пролежал пластом два дня, на третий стал ворочаться, садиться, а на шестой встал на ноги.

Карманы оказались пустыми, ни любимого ножа, ни отобранных у мужика денег. Башка сказал: когда, его бесчувственного тащили, Попугай вроде шмонать прикладывался. И потом на «пяточок» к проституткам бегал. На какие шиши?

Попугай с возмущением от всего отперся, а на Башку буром попер, тот хотел уже морду бить, но Амбал запретил, защитил Попугая и вроде даже ему поверил. Это была хитрая и дальновидная политика, но не понимающий ее Башка психанул и хотел уйти.

– Погодь, – успокоил Амбал. – Большие дела намечаются, на хер обиды разводить. Собирай ребят на вечер. Валька, Ржавого, Морду не надо... Веретено тоже позови.

- А баб?
- У тебя одно на уме! Кого сказал – и все!

Попугай присутствовал здесь же, и подразумевалось, что он тоже придет.

Бросив недобрый взгляд на Попугая, Башка хлопнул дверью.

– Жрать охота, – Амбал открыл холодильник. – Посмотрим, что маманя напиздила...

Мать работала поваром в кафе за углом, проблем с продуктами в доме никогда не знала. Продуктовые карточки и многочасовые очереди семьи не коснулись. Амбал в те времена подчищал холодильник и продавал хозяйкам другого квартала яйца, масло, колбасу. Матери он объяснял опустевшие полки хорошим аппетитом и угощением друзей. Но она как-то дозналась правду, устроила скандал, несколько раз вытянула сына шваброй по спине и громко ругалась матом, крича, что из-за такого ублюдка может легко оказаться в тюрьме.

В конце концов Амбалу это надоело, он вырвал швабру и сказал:

- Заткнись, а то ночью удавлю!

Тогда он еще не вошел в силу и ножиком не обзавелся, а мать весила за центнер и легко ворочала мешки с сахаром, но угроза подействовала.

- Эх, нет отца, он бы с тебя шкуру спустил, – устало сказала она, выходя из комнаты.

Отец был шофером и разбился, когда Саше Сомову исполнилось пять лет и он еще не стал Амбалом. Хотя он с первого класса понял, что легче всего добиться желаемого силой, кличка прилепилась в четырнадцать, когда его расперло вверх и в стороны и даже старшеклассники стали оказывать знаки уважения и дружеской расположенности. Тогда же он первый раз украл мопед и впервые попал в милицию.

Оказалось, что ничего особо страшного там нет. И хотя пацаны постарше рассказывали, как буркают в кабинетах уголовного розыска, инспектор по несовершеннолетним ничем не отличался от учительницы: такая же полная усталая тетенька; только в форме. И говорит то же, что и училка.

Амбал пожарил яичницу и ел ее ложкой, вытирая губы тыльной стороной ладони. По-

пугай от угощения отказался. Ему была неприятна запущенная, никогда не убиравшаяся квартира с ржавыми трубами в ванной и засаленной раковиной на кухне, да и Амбал, никогда не моющий руки...

Попугай брезговал. В отличие от приятелей он рос в полной и вполне благополучной семье: отец заведовал лабораторией проектного института, мать работала там же конструктором. Семья выписывала много газет и журналов, участвовала в заочных конкурсах радиослушателей и однажды выиграла в какой-то викторине. Их фамилию назвали несколько раз и сыграли любимую песню «Подмосковные вечера».

Родители неплохо зарабатывали, каждый год Пикотины выезжали на море, и маленький Игорь с удовольствием строил крепости из песка и «пек блины», зашвыривая плоские камни так, чтобы они давали рикошет от водной поверхности.

Уделяя внимание развитию сына, они обучали его музыке, фигурному катанию и большому теннису. Ни к чему из перечисленного способностей у Игоря не было, он с трудом тянул ляжку утомительных обязанностей и злился на свою беспомощность, а еще больше – на родителей, заставляющих его эту беспомощность ощущать.

Он хотел быть «таким как все». Дворовые пацаны, свободные от бесконечных обязательств, целыми днями гойдали по проходнякам, чердакам и подвалам, мастерили рогатки, и никто им ничего не запрещал.

Несколько раз Игорь устраивал истерики, требуя свободы, но родители в один голос объясняли, что полностью свободны только хулиганы, а у него есть долг перед чудесной семьей, фамилию которой объявляли на весь Союз.

Но та давняя победа в радиовикторине не помогла Игорю, когда у него выворачивали карманы в туалете, отпускали щелбаны на лестнице или кололи булавкой прямо на уроке. Он пытался самоутвердиться за счет унижения слабых: репрессировал младшекласников, больно таскал за косы девчонок, а с Маринки Воропаевой на физкультуре стащил трусы.

Это вызвало страшный скандал, обсуждение на педсовете и угрозу исключения. Будущий Попугай испугался, сник и убедился в несправедливости мира: то, что делали нехорошего ему, не привлекало внимания взрослых, а когда невинно пошутил он – на него обрушились все силы педагогического коллектива.

Ожидал он своей участи в компании грозы всей школы Сомова по кличке Амбал. Общие переживания сближают, и Амбал, ожидавший неминуемого исключения за оскорбление директора, угостил Игоря сигаретой и назвал «корешем». Сам он тут же про это забыл и вспомнил несколько лет спустя, когда Попугай стал проситься в команду. Если бы не покровительство Амбала, то обмочившемуся при испытании Попугаю не видать команды как своих ушей.

Обретший защиту Попугай испытывал к Амбалу, Башке и другим чувство благодарности, хотя постоянно переносил от них насмешки и оскорбления. Сейчас к этому добавлялось ощущение вины перед обворованным жожаком. Правда, деньги пошли на благое дело: с каждым новым визитом в ларек к Ивану возня на топчане за занавеской доставляла ему все большее удовольствие. В конце концов проклятый психологический барьер был сломан, и Попугай посчитал, что стал настоящим мужчиной.

– А на какие бабки ты к Ивану ходил? – спросил Амбал, доедая яичницу.

Попугай кашлянул.

– Дома шепнул.

Украсть дома крупную сумму денег было невозможно по самой простой причине: семья Пикотиных бедствовала. Проектный институт закрылся, родители лишились работы. Мать устроилась уборщицей в гастроном на первом этаже, отец сторожил склад стройматериалов. От предложений приятелей мотаться «челноками» в Турцию или реализовывать привезенные шмотки они отказывались, хотя эти занятия полностью решали материальные проблемы.

Имея столь наглядный пример перед глазами, Попугай сделал вывод, что радиовикторины и большой теннис – не те занятия, на которые стоит тратить время. Это полная фигня, как и конструкторская работа, газеты и журналы. А "если уж ездить к морю, то к Эгейскому.

Родители были умными, начитанными людьми с высшим образованием, но оказались в дураках. А Амбал, изгнанный из девятого класса и не прочитавший ни одной книжки, может

за вечер раздобыть пятьсот тысяч. А если повезет, то и больше.

Вопроса «с кого делать жизнь» перед Попугаем не стояло.

– Слышь, Амбал, – шепотом сказал он. – Я знаю одного дядьку, коллекционера. Богатый! Сейчас квартира пустая стоит...

Амбал вымазал хлебом сковородку и бросил ее в раковину, а хлеб отправил в рот.

– А он где?

– В санаторий уехал.

– Квартира на сигнализации?

– Нет.

– Откуда знаешь?

– Был там несколько раз...

Точнее, много десятков раз. Дядя Юра – давний друг отца. Сколько раз показывал Игорю монеты, ордена, надеялся заинтересовать, увлечь..."

– Ладно, покажешь... Нам сейчас надо казну собрать.

Амбал вышел куда-то, вернулся, держа руку за спиной.

– Гражданин Пикотин? – Он попытался изобразить официальный тон, но вышло плохо – проскальзывали привычные блатные интонации.

«Чего это он»? – подумал Попугай и на всякий случай сделал шаг назад.

– Вы арестованы!

Амбал выставил перед собой удостоверение Галенкова и ощерился в веселой, по его мнению, улыбке.

– Покажь!

Попугай выхватил красную книжечку.

– Ух" ты! Подполковник госбезопасности? Где взял?

– Нашел.

Попугай недоверчиво покрутил головой.

– Ну да! Такими ксивами не разбрасываются!

Амбал, не отвечая, спрятал документ и вместо него извлек картонный прямоугольник с красной полосой.

– А это что?

В глубине души Амбал понимал, что у Попугая башка работает лучше, чем у кого-нибудь из команды. Но признавал это он крайне редко. Сейчас был как раз такой случай.

– Это?

Попугай вертел карточку в руках. Проявить свою неосведомленность было нельзя. И он ляпнул набум:

– Внутренний пропуск.

– Да?

Амбалу это ничего не сказало.

– И какой с ним можно поиметь навар?

– Навар?

Попугай лихорадочно думал.

– Позвонил в квартиру, показал: госбезопасность, будем делать обыск! Или на улице: пройдемте! И в подворотню... Он понимал, что говорит полную ерунду, но Амбалу идея понравилась.

– А что, здорово! Только фотография не годится... Он совсем старый...

– Можно переклеить... Только... Если там будет твоя фотка или Ржавого... Молодые ведь! А написано «подполковник». Подполковников таких не бывает!

Амбал отмахнулся.

– Херня! Когда за яйца берут, кто будет разбираться! А фотку переклеим! У Башки есть керя, который ксивы мастырит... Только ты про это молчи!

Вечером в подвале Амбал предложил корешам новые дела...

– Сколько можно огрызки хватать, – ругаясь через слово, начал он. – Сейчас у кого сила – у того все! Сраного дебила Рынду видели? Раньше я бы ему за пазуху нассал, а теперь – по башке получил!

– А я чуть пулю не схлопотал, – обиженно вякнул Башка.

– Короче! Надо собирать казну, покупать стволы и посылать всех к долбаной матери! Чем мы хуже этого долбаного Рынды? Или этого долбаного Баркаса!

Злобно оскалившись, Амбал плюнул в угол.

– Если бы у меня была пушка, я бы их на месте положил!

Валек, Ржавый и Башка развалились на универсальной кушетке, Веретено и Попугай сидели на ящиках. То, что говорил Амбал, нравилось всем, кроме Попугая. Он понимал: окружающая криминальная жизнь развивается по своим законам, там все взаимосвязано, и если даже жалкий недоумок Рында, став частью бригады, получил надежную защиту, то Баркас, которого знает весь город, окажется не по зубам ни Амбалу, ни всем им вместе взятым.

Остальные не были склонны к абстрактным размышлениям и долгосрочному прогнозированию. Они опирались на простой опыт: если шесть против троих, то троем дадут трендюлей. Но если у этих троих арматурные прутья или ножи, то выйдет наоборот. Два кулака сильнее одного, нож – сильнее кулака, пистолет – сильнее ножа!

– Правильно, Амбал, – поддержал Ржавый – высокий крепкий бугай с темно-рыжими, стриженными «горшком» волосами. – Пушки достанем – наведем шороху!

Веретено с остервенением почесал маленькую пулевидную голову.

– Болтали, что какие-то залетные предлагали стволы. По полтора лимона... Амбал насторожился.

– От кого слышал?

– От Шершня. Он их знает.

– Нам нужно... Амбал ткнул в каждого, не считая Попугая, пальцем.

– Пять дур. Хотя бы четыре...

– Шесть лимонов.

Башка выругался.

– Это надо двенадцать гоп-стопов сделать... Наткнувшись на окаменевшее лицо Амбала, он осекся.

– А если бесплатно взять? – сказал Ржавый. – Они не обидятся?

– Правильно! – оживился Башка.

– Что ж тут правильного, – угрюмо возразил Веретено. – Они ж не с улицы придут – через Шершня... А он меня знает.

– Значит, придется тебя грохнуть, – загоготал Ржавый. – Или Шершня. Это выгодней, чем шесть лимонов платить!

– Заткнись, мудила! – обиделся Веретено.

– А ты что скажешь? – вдруг обратился Амбал к Попугаю.

Все удивленно замолкли. Попугай напрягся.

– У мента проще отобрать. Прыснул газом – и все!

– Смотря какой мент, – поежился Веретено. – Если тихий – такой пустой ходит. А если омоновец или опер вроде Лиса... Такой тебе яйца вмиг оторвет!

– Что ты этого дьявола вспоминаешь, – выматерился Ржавый. – Он у меня здо-о-ровый кусок здоровья забрал! Хорошо, что его свои упрятали...

– Наш участковый спит на ходу, – снова заговорил Попугай. – А из кобуры рукоятка торчит... Его внимательно слушали, и Попугаю это нравилось.

– По субботам он в восемнадцатую квартиру шастает, к Лидке-буфетчице. Это в тупике, за углом, под лестницей. Возвращается поздно и под газом.

– Ладно, – подвел итог Амбал.

– Вначале попробуем бабки собрать. Не получится – посмотрим... Квартиру дяди Юры по наводке Попугая взяли легко. Денег нашли немно-

го, около ста тысяч, зато орденов и монет выгребли целую наволочку. Но сбывать столь специфический товар оказалось непросто. На городской толкучке Веретено сдал золотые и серебряные монеты перекупщику, тот же взял несколько орденов, содержащих драгоценные металлы.

Все остальное Попугай, зайдя во двор с заведомо ложной надписью на заборе: «Туалета во дворе нет» – спустил в выгребную яму.

Башка собирался вертануть чемодан у иностранных туристов, выгружающихся из ав-

тобуса возле гостиницы. Но удалось схватить только дамскую сумочку. После чего он бежал по главной улице города – Большой Садовой до ближайшего проходняка, радуясь, что прохожие намертво отучены реагировать на крик "держи вора!".

В сумочке оказались очки, пудреница, носовой платок, мятные конфеты от кашля, записная книжка и маленький серебристый фотоаппарат. Когда его раздвигали, раздался мягкий щелчок взводимого затвора, при нажатии на спусковую кнопку – двойной шелестящий звук открывающейся шторы.

Мятные конфеты Башка сосал, пудреницу и кружевной платочек отдал Светке, сумочку подарил матери. Очки и записную книжку он выбросил, а фотоаппарат оставил себе. Пленку на всякий случай вынул и сжег. Где достать новую – Башка не знал, поэтому щелкал вхолостую, дурача приятелей и пугая девчонок, застигнутых в не слишком целомудренных ситуациях. Когда забава наскучила, он забросил фотоаппарат на шифоньер и забыл о нем до поры до времени.

Если бы Башке сказали, что эта игрушка плюс некоторые его слова поломают совершенно секретную правительственную операцию «Зет», нарушат планы киллера высокого класса по прозвищу Мастер и изменят развитие политических событий на Кавказе, он бы никогда не поверил. Да и никто бы не поверил.

* * *

Курьер, посланный Гангреной в следственный изолятор с малевкой насчет Быка, вернулся через восемь дней. Официально он был арестован за кражу вывешенной на просушку шубы, одна женщина его опознала, да и он не отпирался – признался, что взял шубу и обещал показать, куда спрятал.

Но вдруг положение изменилось: свидетельница заявила, что не уверена в точности опознания, арестованный отказался от ранее данных показаний, шубу так и не нашли – дело лопнуло как мыльный пузырь.

Привычно пройдя колготную процедуру освобождения из-под стражи, курьер оказался за высокими железными воротами, выкрашенными зеленой краской, пошурился на яркое солнце. Поглазел на гремящие трамваи, на пестрые одежды прохожих, адаптируясь к воле. И хотя переходить из одного мира в другой и обратно ему приходилось многократно, каждый раз он испытывал острое чувство происходящих в нем изменений.

В затхлом вонючем полумраке зарешеченного «дома людей» он имел большой вес и сразу занимал место Смотрящего, если, конечно, в «хате» не оказывалось «законника». Но и в этом случае он становился правой рукой, потому что любой вор в законе знал, кто такой Клоп.

Он имел самое удобное место и лучший кусок, к его услугам были «петухи», а если захотеть – то можно попасть на пару часов в карцер вместе с эчкой помоложе из женского отделения.

Но главное – власть. Одно его слово имело большее значение, чем целая речь секретаря обкома, или как их там сейчас называют, потому что без всяких преувеличений касалась жизни и смерти обитателей камерного мира.

В киче не было неожиданностей: устоявшийся распорядок дня, одинаковый во всех «домах» от Москвы до Магадана, обязательная пайка, хорошо знакомые «законы» и обычаи, толкователем которых он же и являлся.

Вонь, непереносимая духота, влажные испарения, вши, тараканы и крысы не доставляли Клопу не то что страданий, но даже неудобств, он воспринимал их как обыденный элемент окружающей действительности.

И все же, выходя за железные ворота СИЗО или ряды «колючки» ИТК, он радовался воздуху, свету, солнцу, ветру, запросто проходящим рядом женщинам и другим приметам мира, в котором он не представлял собой ничего. Здесь не кормили по часам, жизнь не была известна наперед, никто не подкладывал кусок сала и не спрашивал совета. Все вокруг вертелось по непонятным, а в последнее время еще более непонятным правилам и законам... Ему не было здесь места. Из большого мира воли он стремился в узкий мирок общины, но там Клоп – Только рядовой «брат», не входящий в число авторитетов.

Долгие годы имелась у него тайная сила, потому что состоял на связи у Лиса, чувствовал себя нужным и значимым не только «шестеркам» «дома». Лис держался уважительно, здоровался за руку, советовался... Эта секретная связь стала для Клопа необходимой, а Лис из курирующего офицера превратился в друга. Единственного друга за всю жизнь, пожалуй.

Ни с кем другим Клоп работать не хотел и Лису о том сказал. Майор поступил как друг – нигде его официально не зарегистрировал, начальству про него не сообщил. Так что в официальной сети секретных агентов Клоп не числился, и когда Лис сел, единственная ниточка оборвалась – никто из ментов его дернуть не мог.

Клоп по Лису тосковал и за ним бы в зону пошел, но тот в особой, ментовской, не попадешь...

Поозиравшись у железных ворот, привыкнув к яркому дню, Клоп перешел наискосок трамвайную линию, выпил у уличного ларька три кружки пива и отправился к Черномору. Сегодня он мог прийти к нему напрямую, в обход Гангрены, потому что нес важное сообщение.

Ему пришлось подождать.

Дежурившие у ворот Черт и Фома сказали, что у Отца представители донецких воров; Клоп сел на табуретку рядом с крылечком, зажмурился от блеска золотой тарелки и погрузился в ожидание. Он умел ждать очень долго.

Наверху, у Черномора, шел довольно неприятный разговор.

– Они не правы, что полезли в чужую зону – факт! И местного замочили в горячке – тоже неправильно... Но!

Низенький и широкий Петрусь – пахан донецких – вскинул к небу короткий толстый палец.

– И Шаман ваш не прав! Во-первых, это была и не его зона. Во-вторых, надо с разбора начинать, а не нападать – тогда и пики в ход не пойдут! А в-третьих, разве можно руки рубить! Это уже беспредел! Наши сильно возмущались, хотели Тиходонску кровь пускать... Черномор нахмурился.

– Если жить надоело!

– И потом, он же двадцать лимонов за убитого назначил! А руку не посчитал! То, что нашими заработано и отобрано – не посчитал! – вмешался в разговор Трезубец – мощный хлопек с обритым черепом и могучими покатыми плечами.

– А чего вы мне предьяву делаете? – недовольно спросил Черномор. – Те

– не ваши, эти – не мои. Пусть между собой и разбираются! Наши общины не ссорились, претензий друг к другу нет.

– Так-то оно так, – кивнул Петрусь. – Да не совсем. За город кто отвечает? Воры отвечают, община. Зачем тебе тут стрельба и взрывы? И нам ни к чему. Потому мы должны все раздоры прекратить.

Трезубец громко высморкался в мятый платок.

– Мы у себя уже прекратили. У нас просто: сказали – закон! Но двадцать лимонов пока в воздухе висят! И заложника Шаман оставил!

Черномор задумался. Еще полгода назад Шаман выполнил бы его указание. Сейчас он не был в этом уверен. Но терять лицо перед донецкими ворами он не мог.

Придвинув телефон, Черномор набрал номер.

Шаман находился в кабинете над рынком. Напротив окна возвышалась громада собора, ярко сверкали под солнцем золоченые купола. Внизу толклись тысячи покупателей – временных подданных его царства, сотни постоянных обделывали свои делишки, набивая карманы деньгами, из которых он обязательно получит долю. Но сейчас он не смотрел в окно, не обращал внимания на натужно гудящий человеческий муравейник.

Он рассматривал большой, пахнувший типографской краской плакат с собственным портретом и биографией кандидата в Законодательное собрание области Воронцова И. П.

– Теперь Лучше, – наконец сказал Шаман, и державший плакат юристконсульт рынка Хасьянов, он же руководитель инициативной группы по выдвижению кандидата, с облегчением перевел дух.

Плакат печатался в третий раз, но первые два хозяин забраковал. Теперь с плаката смотрел молодой энергичный мужчина, прямой взгляд и открытое лицо говорили о его

несомненной честности, а программа кандидата не могла оставить равнодушным ни одного избирателя.

«Я вас накормлю вкусно, сытно и дешево!» – крупные буквы предвыборного обещания бросались в глаза и намертво западали в душу.

По субботам и последние три дня перед выборами рынок будет торговать по сниженным на двадцать процентов ценам. Это подкрепит убежденность домохозяйки, сделавшей дешевые покупки, в искренности обещания, повысит настроение пенсионеру, даст пищу для размышлений вечно сомневающимся интеллигентам, расположит рабочих, заинтересует безработных.

Кстати, три дня перед выборами у мясного павильона будут бесплатно кормить наваристым борщом всех желающих – и неимущих, и имущих. Если глава областной администрации, бывший товарищ, а нынче господин Лыков захочет отведать – и ему без всякой дискриминации поднесут полную тарелку...

А Лыкова предусмотрительный Воронцов пригласил. Вместе с другими руководителями, газетчиками, телевизионщиками. Пусть все увидят заботу о народе: еще и не выбрали в депутаты, а кандидат уже свою программу реализует, кормит население! Значит, и дальше кормить будет!

Народ доверчив, особенно когда сытость почувствует. Проголосуют на «ура»! И станет Иван Павлович Воронцов неприкасаемым: ни задержать его, ни обыскать, ни телефон прослушать...

– Развешивайте плакаты и крутите всю эту лабуду, – сказал Шаман. – Кого надо в помощь – берите. Только Толстяка не трогайте, у него сейчас здесь уйма работы!

Да, Толстяку и четверем бригадирам предстояло поработать с продавцами. Убедить их несколько дней торговать в убыток. И не допустить, чтобы они, суки, забастовали, оставив голыми прилавки! Впрочем, за такой исход Шаман не волновался.

Зазвонил телефон. Шаман привычным жестом снял трубку.

– Слушаю! – отвечал он всегда важным баритоном ответственного работника.

– Рад приветствовать, Ванечка, – раздался чуть глуховатый голос Черномора. – Поговорить бы надо.

Черномор звонил крайне редко. Если что было нужно – присылал обезьяну с отвратительной рожей и кличкой – Гангрена, от которого исходили такие биоволны явной угрозы, что и Толстяку, и самому Шаману становилось не по себе.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич, – чуть помедлив, отозвался Шаман. – Поговорить всегда с вами рад.

– Вот и хорошо. Подъезжай ко мне прямо сейчас.

– Чего не могу, того не могу. Меня же в Законодательное собрание выдвигают. Через полчаса встреча с избирателями.

Несмотря на внешнюю обтекаемость и почтительность, ответ был исключительно дерзкий. Если Черномор приглашал к себе, отказываться нельзя. А упоминание об избирателях вообще выделка чистой воды. Черномор тебя и твоих избирателей в гробу видал, политик хуев!

– Эхма... Может, и мне в депутаты выдвинуться? – с явной издевкой спросил Черномор.

– И правда, попробуйте...

В голосе Шамана тоже проскальзывали насмешливые нотки. Он поймал себя на мысли, что впервые разговаривает с главарем воровской общины на равных.

– Ладно, Ванюша, хватит шутки шутить, – доброжелательно продолжил Черномор. – Тут ко мне друзья приехали из Донецка. Постарше тех, что ты на «Супермаркете» взял. Поавторитетней. Моего уровня. Ты понял?

– Да, – Шаман постарался сказать это как можно безразличней, хотя сердце учащенно забилося. История с донецкими могла иметь самые неожиданные последствия. Особенно если вмешались тамошние воры.

– Они просят, Ванюша, парнишку донецкого отпустить. Зачем он тебе? И, от денег просят отступить. Ты тоже в чем-то не прав. Мальчонка ихний теперь инвалид. Пошумели, покричали, подрались – и хватит. Квиты!

Шаман ждал.

– Как считаешь, Ванечка? Надо просьбу уважить? Помоему, надо. Есть в ней свой резон!

С самого начала разговора Шаман понял, о чем пойдет речь. И лихорадочно размышлял: стоит ли идти на уступки? С одной стороны, можно залупиться. Но выигрыш небольшой – двадцать лимонов... Авторитета не добавится. А неприятностей наживешь! Пожары на рынке начнутся, может, взрывы... Больше потеряешь!

– Раз вы просите, Иван Сергеевич... Надо согласиться. Только вы своим друзьям и нашу просьбочку передайте: пусть ихние сюда не лезут.

Шаман выдержал паузу и усилил нажим:

– Мои-то ребята обозлены, друга потеряли, золотого парня. Поймают чужака – могут что угодно сделать, у меня не спросят. И я не услежу... На том конце провода собеседник гулко откашлялся.

– Спасибо, Ванюша, что просьбу моих друзей уважил. И к моему мнению прислушался. Но уследить мы за всем обязаны, для того и поставлены. Ты как освободишься, подъезжай, мы как раз об этом поговорим... Положив трубку, Черномор повернулся к Петрусю.

– Все решили. У нас, как и у вас: сказали – закон.

Он pokrивил душой, но донецкие воры ушли внешне удовлетворенные и уверенные в том, что Черномор по-прежнему полностью контролирует Тиходонск.

Почти сразу же появился Клоп.

– Знаю, Петенька, ты все правильно передал, люди все как надо сделали. Опустили беспредельщика, пусть будет другим наука.

Черномор старался всегда говорить приветливо и ласково, оправдывая прозвище Отец. Но многие имели возможность убедиться в обоснованности его основной клички. И все знали, что пахан очень чуток.

– Вижу, ты мне тоже весточку принес, – проговорил он, внимательно вглядываясь в лицо Клопа. – И не очень хорошую!

Клоп кивнул, подивившись пронительности пахана.

– Крест малевки разослал. И в тюрьмы, и в зоны, и на волю.

– У нас пока не было, – настороженно произнес Черномор, – И не слышали.

– А по тюрьме ходит...

– И что же там?

Клоп опустил голову, чтобы не встречаться с главарем взглядом.

– Пишет, что ты «закон» не блюдешь, замену ему не прислал. Что вобщак кто хочет – дает, кто не хочет – не дает. А ты глаза закрыл и не видишь. Что зоны плохо греешь, ему помощи не даешь.

– И что? – ледяным голосом спросил Черномор.

– Хочет всеобщий сходняк собрать. Выйдет, осмотрится и соберет!

– Пусть собирает, – пахан пожал плечами. – Я «закон» не нарушал, казну не присваивал, это всем известно. А если что не так – пусть люди спросят, я отвечу!

Но, когда Клоп ушел, маска спокойствия сползла с Черномора. Проблемы с беженцами, залетными, неизбежная стычка с «новыми» и теперь еще это... Очевидно, Крест ждал, что они поменяются местами: один на волю, второй – в зону. Единственный вариант, когда не приходится делить власть.

Однако в шестьдесят лет не хочется идти на нары. Особенно из нового уютного дома, в котором уже наметил провести старость. За это Крест и уцепится: не оброс бы имуществом, как «закон» велит, не держался бы за волю, исполнил бы свой долг «законника»...

Сходки Черномор не боялся, никто не поддержит старорежимных требований Креста.

Но «зоновский вор» опасен и без сходки, сам по себе. Если он решит, что Черномору надо сделать «правилку»...

Заглянувший в комнату Фома не узнал хозяина. За столом, оперевшись щекой о ладонь, сидел удрученный, усталый человек, которому легко можно было дать его шестьдесят лет. А может быть, и больше.

Повидавший виды Клоп понял, что принесенная им весточка огорчила пахана. Ясно и то, что предстоят большие внутренние разборки. Лис в таких ситуациях оживлялся и с азартом

инструктировал его: что кому сказать, да что узнать, да кому передать.

Когда у воров сумятица, у ментов самая работа!

Клоп медленно брел по улице, мысленно Пересказывая Лису происшедшие события. Лис улыбался, потирал руки, хлопая его по плечу, и говорил: «Ну ты даешь, Петруччо! Придется тебя брать в штат, на зарплату. Форму наденешь – все девки твои будут!»

Он любил так шутить. А теперь парится в зоне. В то время, как мордатый участковый Гапаськов уже много лет берет взятки со всех с кого можно. И спокойно гуляет на свободе, только разжирел настолько, что мундир трещит по швам.

«Нет в жизни справедливости!» – подумал Клоп.

Не очень свежая мысль, и пришла она в голову не одному Клопу.

Глава четвертая ЗОНЫ

Очень часто за решеткой оказываются совсем не те люди, которым там место. Столь же часто на воле спокойно живут отъявленные негодяи, которым самое место в тюрьме.

Наблюдения автора.

Утро в любой зоне начинается одинаково. Даже если это специальная зона и кнопку побудочного звонка нажимает прокурор, советчик юстиции. Конечно, бывший. А ныне спецзоновский «петух» Маргарита.

В специальной зоне эски отличаются от обитателей обычных зон только прошлым, где они имели чины и звания, должности, кабинеты, персональные водители, секретарш. Эта шелуха отлетела, сдутая приговором, а за проволоку пришли обычные люди из мяса и костей, в обычной эсковской одежде

– черных бушлатах, непомерно широких, обязательно лоснящихся на заднице штанах и тяжелых ботинках.

Удостоверения, власть, ордена и медали, многочисленные подхалимы, привычное окружение – все это кануло в вечность и никакой роли не играет. Важна только сила духа, крепость характера, умение постоять за себя. И прежняя должность может сыграть роль, только совсем не такую, к которой привык ее обладатель.

Зона есть зона «Бывшие» создают точно такой же мир, как обычные эски в обычной колонии. Так же выстраивается иерархия авторитетов, мужиков, петухов, обиженных.

В авторитете бывшие сотрудники исправительно-трудовой системы оперативники тюрем, режимники СИЗО, начальники отрядов колоний. Они лучше других знают зоновскую кухню, да и отношение к ним местного начальствующего состава сочувствующее: «Сегодня ты, а завтра я.»

В авторитете и оперативники, особенно оперсостав уголовного розыска. Парни резкие, крученые, много чего знают – с ними лучше не связываться.

Следующая козырная масть – сотрудники «силовых» подразделений. ОМОНа, спецназа, групп захвата, специальных отрядов быстрого реагирования, особых оперативно-поисковых групп. Тут все ясно чуть что не так, вмиг на инвалидность переведут.

Нейтральное отношение к основной массе эсков, следователям, гаишникам, паспортникам, патрульным, участковым, кадровикам, дежурным, дознавателям... Это рабочий слой, «мужики». Они занимают промежуточное положение между авторитетами и презираемым человеком.

На ступенях, идущих вниз, располагаются вначале адвокаты – хитрая, пронырливая и никчемная братия, не умеющая ничего, кроме как «стричь» клиента, обещая ему полное оправдание. Когда-то они ломали дела оперативникам, ставили палки в колеса по работе, потом «остригали» их как клиентов и ни хрена не смогли сделать. Или не захотели. Или не сумели Это не важно. Обещал вытащить и не вытащил – вот главное.

Самая презираемая категория осужденных, копошащаяся на нижней ступени иерархии специальной зоны, – судьи и прокуроры. Кабинетные чиновники, бумагомараки, они всегда пили из ментов кровь, то представление загонят, то частное определение, то уголовное дело

возбуждают. Да и сюда кто всех позагонял? Прокуроры дело раскручивали, срок требовали, а судья свой проклятуший приговор нарисовал, неразборчивой закорючкой подмахнул, гербовую печать тиснул и... здравствуй, спецзона!

И пусть это другие судьи и прокуроры делали, не те, что тут, «петух» обязан всех желающих обслуживать и освобождение капитана через шесть лет ничего не изменит.

Жизнь «петуха» не только ночью, но и днем невеселая. За малейшее нерадение любой может трендюлей навешать, и начальник отряда либо помощник дежурного без церемоний сапогом в копчик угостят. Мечется он меж двух огней, мельтешит, и тем и другим угодить старается. Подъем и построение

– важный пункт режима, тут дневальному облажаться нельзя.

Потому старается Маргарита, жмет изо всех сил кнопку, дребезжит звонок, вырывая эзков из спасительных снов в паскудную действительность.

Лису как раз любимый сон снился, как он с Натахой сексом занимается. Не в самом начале, когда она стеснялась ноги как следует раздвинуть и показать, что у нее там такое есть. Тогда ему позволялось лишь войти и сделать свое дело, а она воспринимала это как некую обязательную безболезненную процедуру, связанную со стаскиванием трусиков: гинекологическое зондирование или клизмирование, которую нужно терпеливо перенести. Так и переносила: лежала спокойно, смотрела в потолок, иногда ногти рассматривала – не надо ли маникюр поправить, а такая необходимость частенько была...

Лис отдергается, отхрипит свое, а она спокойно спрашивает, как у доктора: «Можно одеваться?» И в зависимости от ответа либо быстро, как солдат, натянет трусики и, если зима, колготки, а больше, как правило, ничего и не снималось, либо лежит в прежней позе, только белые тонкие ножки плотно сведет, ожидает повторной процедуры.

Хотя Лис свое получал и она послушно делала все, что он говорил: перевернуться, на четвереньки, сверху сесть – его мужское достоинство страдало. И не оставляло ощущение, что рядом с ним специальная кукла для секса, которые в изобилии производятся на глестворном развращенном Западе.

«Фригидная она, что ли? – спрашивал он себя. – Или темперамент северный тому виной, латышка как-никак, хоть родилась и выросла в Тиходонске...»

Большинству мужчин наплевать, что чувствует партнерша. И сам Лис никогда раньше этим не интересовался, да и Натаха привыкла: кончил мужик – и доволен, а до нее дела нет. Поэтому удивлялась: что он выспрашивает да интересуется? И отвечала одинаково: не волнуйся, все нормально...

Раз у Лиса потерпевшим доктор-сексолог проходил, он и объяснил: скорей всего у нее «позднее зажигание». Ты уже отстрелялся, а она еще и не разогрелась. В принципе ей «долгоиграющий» мужик нужен. Но ты тоже вполне справишься. Надо просто предварительную подготовку проводить, прелюдию...

Натаха Лису была безразлична, иногда он ее даже любил, поэтому начал стараться, разогревать девочку. И сразу дело на лад пошло.

Такой вариант ему и снился: Натаха раскинулась настежь, длинные ножки в коленях согнула, а он между ними сидит, средним пальцем правой руки в нежную скользкую плоть ныряет. Сколько раз Лис замечал, если у женщин соски розовые, то и здесь розовое. А у Натахи соски коричневые и внизу все коричневое. Вначале ему это не нравилось, потом привык.

Ныряет палец в горячую щель между вытарчивающими складками, левая рука на пушистом лобке, а большой палец поглаживает бугорок там, где эти складки соединяются.

Лис, конечно, заведен до предела, ждет с нетерпением, лаская Натаху не только руками, но и взглядом.

А она уже не бесчувственная кукла: напряглась вся, зубы стиснуты, кулачки сжаты, глаза закрыты, румянец на щеках, дышит тяжело, даже тазом начала двигать, чего никогда раньше не бывало... Значит, скоро конечная станция, застонет, охнет паду раз грубым голосом, ей обычно не свойственным и к нежному облику не подходящим, и расслабится, улыбнется, откроет глаза: «Я уже. Теперь давай ты...» Или он раньше присоединится, и они одновременно влетят на конечную станцию...

Звенит звонок, врывается в сон. Лис удерживает сладостную картинку потому, что

надо облегчиться, «петухами» он брезгует и онанировать не хочет, только во снах разряжается. Сознание раздваивается: одна половина понимает, что он спит, но от подъема никуда не деться, и он уже полупроснулся, раз осознает происходящее. Во второй половине он прикивает к Натахе, соединяется с ней, яростно вгоняет в нее воспаленную плоть, чувствует ответные толчки и... Получилось, успел!

Натаха исчезает, остается понимание полусна и происшедшего облегчения, ощущение мокроты в трусах и мысль, что надо срочно вымыться. Цепляться за сон больше нет смысла, и Лис вываливается в реальный мир.

Отряд медленно просыпается, все матерят Маргариту, бросают в него килограммовыми ботинками, но больше для порядка над зоной резко взрывает ревун и мощный динамик с короткими промежутками грохочет. «Московское время шесть часов. По ИТК-13 объявляется подъем!»

Лис поднимается, натягивает эсковскую робу, уже не испытывая к ней такого отвращения, как в самом начале срока, втискивает ноги в негнущиеся ботинки и привычно отправляется по утреннему маршруту: туалет с неизменной очередью жмущихся с ноги на ногу «мужиков» и умывальник с такой же, только уже не пересиливающей физиологическую потребность очередью.

Лис в очередях не стоит, он «в авторитете», перед ним расступаются. Обмывшись до пояса холодной водой, он подмылся, не снимая, простирнул спереди трусы, оттянув, выжал ткань. Высохнет на теле, не впервой.

– Обтрухался? Тебе везет! – к соседнему крану стал Зотов, бывший коллега, тоже начальник розыска. – У меня так не получается. И Маргарита с остальными надоели.

Он осторожно сполоснул глаза, шумно высморкался, повернулся.

– Слышь, кореш, в четвертый отряд майор с Украины прибыл, говорят, классно за щеку принимает. Хочешь, сходим перед отбоем?

Лис дочистил зубы, сплюнул.

Ну и рожа! Настоящий матерый зэчара! Он привык к мысли о предстоящем сроке – вот в чем дело. И переродился. А может, всегда был таким внутри, а сейчас маскировочная шкура благопристойности сползла...

– Без меня сходишь!

Главное, не притерпеться к роли зэка, иначе – пропал! Он, Лис, не будет бить зону шесть лет! Недаром написал столько жалоб во все прокурорские и судебные инстанции! Вон копий – целая папка. И ответы: оснований к пересмотру приговора нет!

Как же нет, псы поганые, когда есть! Вы только дело поднимите да доводы жалоб проверьте – все сразу ясно станет!

Нет, не хотят возиться. Бил задержанного? Пистолетом угрожал? Даже на видеопленку записано! Чего же в приговоре копать...

– Объявляется утреннее построение! – рявкнул динамик.

Лис занял свое место в строю. Плечом к плечу на плацу НТК-13 стояли бывшие должностные лица, в основном менты. Статьи у них разнообразием не отличались: причинение телесных повреждений, превышение власти, получение взятки, у сотрудников вневедомственной охраны часты кражи охраняемого имущества...

У сержантов патрульно-постовой службы – в основном мордобой, мелкие поборы, случаются изнасилования. У следователей, начальников подразделений и служб наиболее распространены взятки. У прокурорских и судебных – сплошь взятки и должностной подлог. Советско-партийные бонзы – тоже сплошняком за взятки попадают. Они-то никакого отношения к правоохранительным органам не имеют, по всем правилам должны в обычные зоны идти да идейно-воспитательную работу проводить с уголовниками, Но нет – выхлопотали себе льготу...

Сам Лис всех, кто здесь парился, на две категории делил. Те, кто за исполнение службы попал, – дело одно. Пусть неумело или нерадиво долг правил, но умысла гадкого, своекорыстного не имели. Вон Павлов, дежурный, связал буйствующего хулигана, да не уследил, тот на спину перевернулся и захлебнулся в собственной блевотине. Сенченко, участковый, домашнего Дебошира задерживал, тот активно сопротивлялся, пришлось взять на прием, а шейный позвонок – хрусть! И лопнул... Патракиев, опер, квартирного вора гнал,

выстрелил вслед, а пуля тому плечо насквозь пробила и прохожему в грудь. Сопкин, один против двоих, увидел нож – застрелил обоих. А у второго ни ножа, ни кастета...

По убеждению Лиса таких вообще сажать нельзя. Ну, а если все же государство считает нужным как опасных преступников от общества изолировать, то для них и должна быть специальная колония с облегченным режимом, а еще правильнее – просто поселение.

Зато другие... Сержанты Петров и Заславский хватали у ресторана подвыпивших мужчин в приличном «прикиде», завозили за город, избивали палками до полусмерти, ценности, деньги, вещи забирали и выкидывали бедолаг в придорожную канаву. Разбойники в форме, еб их мать! Дудорин из спецприемника задержанных баб трахал. Метелкин, участковый, по пьянке к гражданину пристал, драку затеял, глаз выбил. Иванов, опер, любовника жены избил и по сфабрикованному материалу на три дня в КПЗ засунул Лескин, судья, за взятки преступникам меру пресечения смягчал да условные приговоры выносил. И остальные хищники, которые хапали что могли, гребли под себя изо всех сил, должность как кормушку использовали во вред закону...

Вот эту вторую категорию Лис бы в общие зоны направил. Раз они обычные уголовники, то пусть с уголовниками и разбираются, хотя результат таких разборок известен заранее... Или в спецзону, но другую, на каторжные работы!

– Корнев!

– Я! – гаркнул Лис как и положено.

– Костиков!

– Я, – отозвался младший лейтенант, осужденный за шесть квартирных краж и два грабежа.

– Котенев!

– Я, – откликнулся сержант, изнасиловавший четырнадцатилетнюю девочку.

– Котелевский!

– Я, – пробасил гигант-старлей, неправильно применивший оружие.

– Кофейкин!

– Я, – вякнул боров-прокурор, выпускавший за взятки преступников, которых с таким трудом устанавливали и задерживали Лис и его товарищи.

Сейчас все стояли бок о бок в одной шеренге, и закон не делал между ними никаких различий.

Лис считал это крайней несправедливостью.

Свое осуждение он тоже считал несправедливым. Хотя действительно сделал то, что написано в приговоре. И даже больше. Но, во-первых, все, что он делал, было направлено на обуздание уголовной сволочи. Никаких шкурных, корыстных интересов он не имел. И если приходилось нарушать закон, то только потому, что он связывал руки. А если закон мешал наказать опасного негодяя, он действовал вопреки закону.

Во-вторых, многие переступают через закон, когда он им мешает, и причем совершенно безнаказанно. А его подставили. Хряк Бобовкин – вот кто это сделал. С мальчишки-эксперта какой спрос заснял на свою камеру и отдал пленку. Хотя тоже должен соображать что хорошо, что плохо. Трупто при нем выкапывали.

Переключка закончилась. Отряд строем двинулся в столовую. Там было душно, гремели ложки, миски и кружки. Привычно покрикивали раздатчики. В углу у своего стола жалась «петухи», им предстояло получать еду в последнюю очередь. Бац! Бац! Главный «петух» Котенев съездил по мордасам Зинке и Маргарите. Остальные засмеялись. У них тоже существовала своя иерархия, а главпетух поддерживал строгую дисциплину.

К Лису подошел маленький шустрый Шворкин – дежурный вытрезвителя, насмерть забивший «выступавшего» клиента.

– Из Тиходонска бумага пришла насчет тебя, – зашептал он в самое ухо.

– Чтоб проверили причастность к убийству какого-то Сахно или Сихно... Ты чего, правда, кого-то грохнул?

Лис оскалился.

– А тебе поручили проверить?

– Что ты, я так спросил, – испугался Шворкин. Он убирал в помещениях штаба колонии и слышал много разговоров, не предназначенных для посторонних ушей. А Лис всту-

пился за него, когда трое зэков вознамерились учинить расправу с несостоятельным карточным должником.

Драка вышла отчаянной, с применением палок и заточек, потому произвела на Шворкина сильное впечатление. Благодарность к спасителю перевесила страх перед администрацией, и бывший дежурный стал исправно передавать Лису интересующую информацию. Он, конечно, не знал, что схватка не на жизнь, а на смерть была искусной имитацией, да и никто, кроме Лиса и трех его агентов, не мог об этом догадаться, потому что палки, заточки, удары и синяки – все было настоящим.

Мастер оперативных комбинаций, майор Коренев проводил их всегда очень убедительно, чтобы самый хитрый и изощренный противник не мог ничего заподозрить. Кроме тщательной подготовки, успех ему обеспечивала внутренняя решимость добиться цели любой ценой. И если бы на Шворкина напали по-настоящему, он все равно встрял бы и дрался всерьез, до конца. И все равно Шворкин исправно носил бы ему сообщения о происходящем в штабе, так же, как делали это многие другие обитатели специальной колонии.

В служебных аттестациях майора Коренева отмечались блестящие способности к оперативной работе. После осуждения они никуда не исчезли, потому он заплел зону агентурной сетью более плотной, чем сеть четырех сотрудников оперчасти ИТК-13, возглавляемых майором Сазоновым. Вдобавок ко всему многие секретные агенты администрации делились информацией и с ним, поэтому Лис был в курсе большинства разработок Сазонова.

Поскольку информация имеет обыкновение утекать в обе стороны, начальник оперчасти знал о деятельности Лиса, несколько раз вызывал его к себе и окольными путями заводил разговоры о сотрудничестве.

Лис отшучивался:

– Если узнаю о заговоре против власти или о подготовке убийства, обязательно сообщу. А остальную информацию я не запоминаю.

В обычной колонии «кум» обязательно запрессовал бы несговорчивого зэка. Но Сазонов поулыбался в ответ и проводил бывшего коллегу до дверей кабинета.

Вообще, и начальник «тринадцатой», подполковник Жистовский, и его подчиненные находились в довольно двусмысленном положении. С одной стороны, они должны были «исправлять и перевоспитывать» обычных уголовных преступников, осужденных областными и верховными республиканскими судами. Процесс исправительно-трудового воздействия включал в себя и целый букет репрессий – от штрафного изолятора до дубинок охочих до расправы прапорщиков войскового наряда.

С другой стороны, к «обычному уголовному преступнику» мог заехать с визитом какой-нибудь министр, сопровождаемый начальником УВД или прокурором области. А бывало, что приговор вдруг отменяли, и вчерашний зэк взлетал опять в высшие сферы власти... А как прикажете «перевоспитывать» недавнего первого зама министра внутренних дел – фактически главную фигуру в системе МВД, у которого в высоких кабинетах остались многочисленные друзья-приятели?

Администрации спецзоны приходилось проявлять гибкость и дипломатичность, направляя острие перевоспитания в основном на младший и средний начсостав, осужденный за кражи, грабежи и рукоприкладство. Ибо чем выше прошлая должность нынешнего зэка и чем крупнее сумма полученных им взяток, тем большая вероятность отмены приговора или помилования с полной реабилитацией. Так, полностью оправданы и вернулись на родину героями матерые расхитители и взяточники, осужденные по узбекским делам. Не имеющий собственного родственного клана, первый зам МВД протоптался в зоне подольше, но в конце концов дружеские связи сработали и ему тоже скостили оставшуюся часть срока.

Лис, конечно, не относился к «сильным мира сего», но хороший опер тоже способен доставить зоновскому коллеге немало неприятностей, поэтому дальновидный Сазонов прессовать его не стал, предпочтя сохранить нейтральные отношения.

И по-прежнему часть информаторов на встречи с сотрудниками оперчасти спешит, а часть с Лисом информацией делится.

– Еще что?

Лис гипнотизирующим взглядом впился в Шворкина, и тот сморщил маленький лобик, искренне стараясь не забыть ничего важного.

– Запрос прислали: дать предложения по статьям, подпадающим под амнистию. Вроде к концу года объявят...

– Еще!

– Циркуляр по усилению борьбы с побегами... И вроде все...

Лис кивнул, и Шворкин исчез с облегчением человека, выполнившего сложную, но необходимую работу. Сегодня еще пять-семь доверенных лиц сообщат Кореневу, что делается в отрядах, какие задачи ставит перед секретными сотрудниками оперчасть, что произошло в администрации, какие официальные и неофициальные вести поступили с воли.

Лишенный специального звания «майор милиции» и разжалованный с должности начальника уголовного розыска Центрального РОВД города Тиходонска, осужденный Коренев продолжал заниматься работой, составляющей смысл его жизни.

Коренев прослужил в милиции четырнадцать лет. Специфика этой службы такова, что каждый день она преподносит тебе уроки, дает богатейший жизненный материал, который следует хорошо усвоить и уметь использовать в дальнейшем. Если ты умеешь делать выводы из ситуаций, преподносимых службой, то останешься в живых и можешь продвигаться по должностным ступеням. Если нет – сгниешь в яме либо засохнешь на исполнительских ролях.

В двадцать один год он надел милицейскую форму и сел на заднее продавленное сиденье раздолбанного патрульного УАЗа. Старшим патрульной группы был двадцативосьмилетний старшина Кирсанов, баранку крутил милиционершофер Веснин.

Запомнился первый нарушитель – крепкий, расстегнутый до пояса мужик, который в изрядном подпитии учинил дебош на Большой Садовой. Гуляющий народ обходил бурный водоворот человеческих тел, из которого доносилась отборная матерщина вперемешку со страшными угрозами.

Когда скрипнули тормоза патрульного автомобиля, мгновенно собралась толпа, жаждающая острого зрелища. Коренев не знал, как следует поступать в таких случаях, и рассчитывал поучиться у старших товарищей, но те, оказывается, не собирались ничему учить, а хотели сами посмотреть, каков новичок в деле.

– Давай, – лениво бросил Кирсанов, облокотившись на открытую дверцу, вот и вся учеба.

Полукруг зевак предупредительно расступился, и Коренев увидел двух мужчин с разбитыми носами и победителя, того самого крепкого мужика с распахнутой волосатой грудью. Он двинулся вперед, решив, что сориентируется по ходу развивающихся событий; когда расстояние сократилось до двух метров, он испугался собственного незнания: какие слова говорить, как именно выступать от лица закона, представителем которого он, по словам командира взвода, теперь является.

Но, опьяненный кровью противников и сладкий вкусом победы мужик бросился на него и тем спас положение, потому что отслуживший два с половиной года в оперативной бригаде дивизии внутренних войск рядовой Коренев хорошо знал, как себя вести в случае прямого нападения.

Сделав обманный выпад, он ушел с линии атаки, захватил мужика за руку и выполнил подсечку. Когда тот врезался мордой в асфальт, Коренев завернул ему руку к затылку, подхватил локтевым сгибом под горло и резко поставил на ноги, после чего повел хрипящего хулигана к машине.

Кирсанов уже распахнул заднюю дверь, и Коренев забросил задержанного в «собачник» – крохотный отсек, отгороженный от салона густой проволочной сеткой.

– Молодец!

Старший наряда хлопнул новичка по плечу.

За этот вечер их экипаж произвел еще несколько задержаний. Дубинок тогда не было, приходилось обходиться руками и ногами. Кирсанов и Веснин специальными приемами не владели, но управлялись с правонарушителями сноровисто и быстро.

Потом они выехали на вокзальную площадь, въезд на которую по бюрократическому чиновничьему идиотизму был запрещен, что не мешало провожающим, встречающим, таксистам и частным извозчикам поступать вполне естественно и удобно, подъезжая поближе к перрону.

Кирсанов проверил документы у водителей трех стоящих с краю автомашин и оштрафовал каждого на один рубль. Корнев удивился, так как в их функции такая работа не входила, периодически на вокзальной площади свирепствовали гаишники. К тому же здесь скопилось несколько сотен автомобилей.

– Почему только троих? – поинтересовался он.

– Так нас же трое, – не вполне понятно объяснил старшина.

Все прояснилось немного позднее. Патрульный автомобиль остановился у служебного входа вокзального ресторана. Вслед за коллегами Корнев вошел в небольшой зал с четырьмя столиками, один из которых был тут же накрыт проворной официанткой, явно знающей, что от нее требуется.

Она принесла каждому по овощному салату со сметаной, тарелке наваристого борща и шницелю с жареной картошкой В завершение поставила на стол стаканы с вкусным горячим чаем.

Следуя примеру новых товарищей, проголодавшийся Корнев с аппетитом ел, стараясь не думать, что в кармане у него только сорок копеек.

– Два девяносто, – сообщила официантка, когда пришло время рассчитываться, и Кирсанов широким жестом положил на стол три рублевых бумажки.

– Я отдам с получки, – сказал Корнев, когда они вернулись к машине.

Коллеги рассмеялись.

– Чудик, мы же на всех заработали, – пояснил старшина Новичок, обуреваемый сомнениями, некоторое время молчал, но потом не выдержал.

– А так разве можно?

– Конечно, – уверенно кивнул Кирсанов. – У нас ночное дежурство. Нас обязаны накормить горячим обедом. Но никто этого никогда не делал, не делает и делать не будет. Значит, надо самим о себе позаботиться. Ты согласен?

Корнев пожал плечами.

– За деньги граждан? Не знаю...

– Они же нарушили, – вмешался в разговор Веснин. – Заехали под знак. Гаишник сдернул бы с каждого тройку. А так они довольны – легко отделались.

– Самое главное – не зарываться, – продолжил Кирсанов. – Никогда не наглей, имей совесть, веди себя по-человечески. Если бы мы всех здесь остригли, это было бы хамство. А то, что вынужденно взяли себе на обед, ничего страшного.

– Но не по закону...

– Законы очень хитро написаны. Ты лучше на людей смотри. Зря их не обижай. Вот сейчас кто-нибудь возмущался, скандалил, грозился жалобой?

– Да нет...

– Это главное. Потому что я с подходом, вежливо, культурно. «Вы нарушили, штраф один рубль». А человек сам знает, что нарушил. И что рубль – по-божески. Он на нас не в обиде. Значит, все в порядке.

Это был первый урок житейской милицейской мудрости, полученный молодым Корневым. Впоследствии он понял, что ему повезло с экипажем. Многие «потрошили» задержанных, снимали с пьяных часы, норовили трахнуть подвернувшуюся женщину. Кирсанов и Веснин вели себя очень умеренно и довольствовались минимально необходимым. Кстати, жалоб на них никогда не поступало.

Немало полезных уроков получил Корнев, перейдя в уголовный розыск. Поначалу его прикрепили к Ларченкову, но тот никогда не расставался с Босяковым, поэтому стажировку молодой опер проходил сразу у двоих.

Так втроем они и выехали на заявку о бытовом хулиганстве. Вроде мелочь

– не разбойное нападение, не ножевое ранение, не групповая драка. Приехал, забрал перебравшего мужика, отвез в отдел и посадил в клетку – пусть охолонет, пока протокол составляют. Так бывает в девяносто пяти случаях из ста.

Но случаются особые ситуации, когда сталкиваешься не с подвыпившим дебоширом, а замордованным работой, водкой, семьей и опостылевшим бытом до ручки самоубийцей, пока еще дышащим и активно функционирующим, но уже поставившем крест на своей неудавшейся жизни, налитым опасной черной злобой на весь окружающий мир и тех, кто

собирается его пережить.

На эти пять процентов и приходится нелепые дикие случаи, когда прибывший на рядовую семейную ссору наряд в упор расстреливается из двустволки, либо сунувшийся в дверь участковый получает топором по голове... Каждый такой факт вызывает резонанс в милицейской среде, но постепенно забывается как нетипичный. И при выезде на бытовое ориентируются на стандартные, не представляющие опасности, развязки.

Они подъехали к неказистому частному дому, маленький кругленький Ларченков и высокий худощавый Босяков переговорили с встретившей машину хозяйкой и махнули в глубину двора.

– Там, в сарае... Коренев понял, что его снова испытывают, и пошел в указанном направлении.

В сарае был полумрак, пьяный до остекленения мужик сидел на табуретке, привалившись к верстаку, заставленному пустыми бутылками и остатками жалкой закуски. Коренев хотел подойти к нему и вывести к машине, но что-то заставило обернуться, за дверью стоял еще один, с бледным до синевы лицом и растрепанными волосами, в поднятой руке он сжимал молоток.

Коренев поймал кисть и без особого труда выдернул инструмент, после чего толкнул противника, и тот повалился на пол рядом с собутыльником.

В это время в сарай ртутным шариком вкатился Ларченков, в дверном проеме мрачно застыл его напарник.

– Ну что, молодой, получилось? – покровительственно спросил маленький опер и вдруг увидел молоток, который Коренев так и держал в руке.

– А это что? – угрожающе процедил он.

– Вон у того отобрал, – показал Коренев. – Стоял сзади, замахивался...

Ртутный шарик накатился на растрепанного и стал множеством рук и ног, замелькавших с невиданной скоростью. Сильные удары сотрясали скорчившееся тело, раздавались хрипы, стоны, утробное мычание.

– Не надо, Иван, – проговорил Коренев – Он же мне ничего не сделал!

– Когда сделает – поздно будет! – Босяков переступил порог и присоединился к товарищу. Они преимущественно работали ногами, и впечатление было такое, будто месят глину.

«Насмерть забьют!» – подумал Коренев и еще раз попытался прекратить расправу. Но опера знали какой-то неизвестный еще ему предел и внезапно оставили бездыханное тело в покое.

Нагнувшись к стеклянному мужику, Босяков расчетливо бухнул его под глаз и по сопатке. Брызнула кровь.

– Обоюдная драка, – удовлетворенно сказал опер – Потащили их в машину...

Вечером, в конце смены, когда распили для снятия стресса бутылку водки на троих, Коренев вернулся к вопросу, мучившему его весь день.

– За что вы этого алкаша так? Он мне ничего не сделал. Только поднял молоток, и все. Даже не сопротивлялся.

– Думаешь, мы его за тебя били? – скривился Ларченков. – Нет! Мы ему урок давали, на мента свою грязную лапу не поднимай! Особенно с железкой! И будь спокоен, он этот урок запомнит на всю жизнь! И другим расскажет, и те тоже задумаются!

– Он же пьяный. Небось и не запомнил за что.

– Не-е-ет! Все, что их касается, они прекрасно помнят! Вот если бы он тебе череп проломил, ты бы сейчас валялся в реанимации или в морге, а он бы клялся, что ничего не помнит!

А ведь верно! Не обернись он интуитивно – вполне мог получить молотком по башке! Коренев ощутил холодок запоздалого страха. И расправа над лохматым пропойцей уже не казалась бессмысленной и жестокой.

В то время менты еще горой стояли друг за друга. Любой выпад против милицейской формы воспринимался как личное оскорбление. И урки боялись не абстрактного закона – плевали они на закон, – а вполне конкретных людей – Ларченкова, Босякова, Сизова, Голованова. Позже, лет через пять-шесть, стали бояться и Коренева.

В восемьдесят первом участковый Сартанов остановил угнанный «москвич». Заявле-

ний об угоне еще не поступило, капитан действовал интуитивно, чем-то не понравился крадущийся по темным улицам автомобиль, насторожил угрюмый, в низко надвинутой на глаза кепке водитель. Это был Лешка Осин, сын директора крупного гастронома, прибалтанный штемп, считающий, что ему море до колена и сам черт не брат. Основания для таких представлений давала физическая сила, полное пренебрежение к окружающим, деньги и связи отца и немалый опыт вседозволенности и безнаказанности. Сейчас он ехал «рассчитаться» с отвергнувшей его девушкой и ее парнем, но на пути случайно оказался Сартанов, вежливо спросивший документы и тем перечеркнувший дальнейшие планы.

Двумя выстрелами из обрез Лешка разворотил капитану живот и рванул с места, потому что привык доводить то, что хочется, до конца, несмотря на любые препятствия.

Скорее всего ему удалось бы скрыться, а может, и застрелить «провинившуюся» парочку, но участковый был не один, в тени стояла машина с внештатником, тот рванул в погоню, ревя без остановки сигналом, словно сиреной. Среагировавшие на шум патрули перекрыли дорогу «москвичу», и не успевший перезарядить обрез убийца был задержан на северном выезде из города.

К месту задержания подъехали Ларченков, Босяков и Коренев, а на другой машине – Голованов и Карнач. «Москвич» стоял на обочине у высокого кювета. Прикованный наручниками к рулю, Лешка презрительно рассматривал стоящих полукругом ментов.

– Эй! кто-нибудь, отцу позвоните! – приказным тоном распорядился он.

– Отец за это заплатит, хорошо заплатит!

– Как там Сашка? – спросил в микрофон рации Ларченков.

– Вместо живота месиво, – донеслось сквозь треск эфира. – Кишки вперемешку с ключьями шинели. Не жилец!

– Так ему, пидорасту, и надо! – зло сплюнул Осин. – Чтоб не лез!

Это он сказал напрасно. Четыре фигуры в форме отстегнули наручники и вытащили его из машины.

– Вы что, охуели?! – ярился он. – Отец – член горкома, друг первого секретаря!

Все знали, что сынок говорит правду. Но сейчас дружба отца с секретарем горкома не могла помочь Лешке Осину. Его били вчетвером, Коренев только пару раз врезал в перекошенный, выкрикивающий ругательства и угрозы рот и отошел в сторону, наблюдал.

Очень быстро Осин перестал ругаться и угрожать, теперь он выл с обреченностью загнанной в угол бешеной собаки, потом стал плакать и молить о пощаде и, наконец, замолчал, дергаясь на пыльном асфальте загородного шоссе в такт расчетливым безжалостным ударам.

В наблюдавшем расправу Кореневе поднималось чувство протеста перед столь явной жестокостью, но он подавлял его, понимая необходимость воздаяния соразмерно тяжести содеянного.

Чинящие суровую справедливость коллеги обессилели настолько, что промахнувшийся мимо цели Ларченков растянулся на асфальте рядом с бесчувственным убийцей. Остальные уже тоже не могли продолжать экзекуцию, но чувство справедливости еще не было утолено.

Босяков вернулся к «москвичу» и вытащил из салона запримеченный ранее старый аккумулятор. Шатаясь, он дотащил тяжеленную черную коробку до нужного места и уронил на что-то мягкое. Потом они с Ларченковом вдвигали аккумулятор на вытянутых руках вверх и со всхлипом облегчения отпускали. Произведя это несколько раз, опера плюхнулись на жухлую траву обочины – дрожащие ноги не держали и долго чиркали отбитыми руками спички, пока не смогли закурить. За аккумулятор взялись Голованов и Карнач...

Коренев был уверен, что Осин убит, но ошибся. Отдохнув, Ларченков с напарником подтащили его к «москвичу».

– Помоги! – бросил Ларченков, и Коренев подбежал открыть дверцу.

Изуродованное лицо убийцы оказалось совсем рядом, и в свете фар Коренев увидел, что зрачки глаз Осина «плавают», описывая круги в разные стороны.

Усадив убийцу за руль, «москвич» столкнули под откос. Несколько раз перевернувшись, машина замерла на боку. Нелепо крутились колеса.

– Может, поджечь? – размышлял вслух Карнач.

– Меру знать надо! – устало выдохнул Ларченков.

Через несколько минут прибыла машина со следователем, начался осмотр места происшествия. А вскоре прикатил и Осин-старший, собственной персоной, видно, кто-то из ментов все же соблазнился посулами и позвонил.

Но он уже не мог помочь своего ублюдку-сыну. И никого из присутствующих не волновало – удастся ли привлечь Лешку к ответственности да сколько ему дадут. Ментовская справедливость восторжествовала, а это главное.

Через час весь милицейский гарнизон, а через три – криминальный и околориминальный мир Тиходонска знали, что убийца мента получил по заслугам. И это имело большое профилактическое значение.

Лешкин папаша поднял большой шум, прокуратура начала проверку, Коренева, как и других присутствовавших на месте события, вызывали для дачи объяснений.

Объяснения у всех сходились: пытаюсь избежать задержания, преступник не справился с управлением и свалился под откос. Этой версии держались намертво, хотя врачи дали заключение о том, что количество и характер травм не соответствуют картине дорожно-транспортного происшествия. Но врачам насчет травм виднее, а менты что знали – сказали. Так дело и заглохло.

Это тоже послужило молодому оперу хорошим уроком.

Завтрак в ИТК-13 закончился, отряды строились для развода на работу.

* * *

Олег Васильевич Калашников собирался на любовное свидание. Лизавета была уже подготовлена: выкупана с шампунем, spryснута одеколоном, вкусно накормлена и меланхолично дожидалась своего часа. Любовные утехи с ней Оплачивались по высшим ставкам, хотя она не отличалась особым искусством или темпераментом, скорее наоборот, предельно безразлично относилась к партнеру, позволяя беспрепятственно копошиться в себе – и только. Не отличалась она и привлекательностью: самая замухрышистая проститутка с Центрального рынка рядом с ней казалась бы королевой красоты.

Дело в том, что Лизавета была свиньей, не в переносном, а в самом прямом смысле. Она имела вес почти полтора центнера и до сих пор избегала ножа только потому, что зэки, обслуживающие подсобное хозяйство ИТК-8, приспособили ее для других целей.

Спокойный характер и противоположный обитателям зоны пол обеспечивали ей постоянный успех, а ее покровителям – весьма ощутимый доход. Правда, им тоже приходилось трудиться: тщательно вымыть, поскрести щеткой, наодеколонить. На крестец Лизавете клали порнографические фотографии, которые очередной счастливчик рассматривал во время «сеанса». Ну и, конечно, приходилось быть рядом, чтобы обеспечить ее хорошее поведение.

Визит самого Креста был ответственным испытанием для обслуги, хотя он ничего и не платил. Для пахана зоны могли и бабу привести, но он не хотел тратить на подобные мероприятия общаковые деньги, а самое главное, за двенадцать лет отсидки отвык от баб, приспособившись к зэковским способам интимной жизни: «петухам», посаженным в валенном, чтобы не кусались и не царапались, кошкам да Лизавете.

Но свидание не состоялось.

Прибывший с последним этапом зэк неожиданно объявил себя вором в законе. Поскольку Крест готовился к освобождению, он должен был передать вновь прибывшему обшак и верховную власть в зоне. Но пахан не собирался этого делать.

– Я такого вора не знаю, – сказал он своим приближенным. – С ним еще разобраться надо!

Хотя высокий ранг прибывшего подтвердили в поступившей малевке известные урки, решение Креста не изменилось. Он вызвал претендента к себе для разбора.

Тот явился один, хотя уже имел собственную свиту. Но поскольку слово Креста являлось законом, до его одобрения никто не посмел бы поддерживать неизвестного авторитета.

Крест сидел на кровати в королевском углу. Помещение отряда очистили от посторонних, только шесть «торпед» из личной охраны почтительно замерли у входа, следя за

каждым движением пахана и вместе с тем не слыша ни одного слова.

Претендент, подойдя, поздоровался и опустился на табурет, подчеркнув тем самым, что занимает равное с Крестом положение. Он был среднего роста, широк в плечах, без татуировок на видимых частях тела.

- Значит, говоришь, вор? Законник?
- Точно, – уголок рта недовольно дернулся.
- И как зовут?
- Калган, – он отвечал с явным принуждением.

Крест никогда не слышал такой клички. И воры не появляются на голом месте. Если бы не подтверждающая малевка, он бы решил, что это просто наглый самозванец. Но такого на его памяти еще не было. Случается, выдумывают себе заслуги, но присвоить высший ранг... Нет, такого действительно не могло быть.

- Где тебя короновали?
- В Москве.

Держался Калган очень уверенно и спокойно, как человек, чувствующий свою правоту и силу.

- Кто?
 - Бесо, Гарик, Метла.
- Крест задумался. Это были авторитетные воры.

- Сними рубашку.
- Чуть помедлив, Калган разделся.

Знаки на теле говорят куда больше, чем слова. Но татуировок, свидетельствующих о длительном зонавском стаже, отражающих продвижение по ступеням иерархии, у незнакомца не было. Лишь сердце, пронзенное двумя кинжалами на левом предплечье. Такое колет себе агрессивная шелупень.

- Где зону топтал? И сколько?
- В молодости год оттянул за хулиганку. ИТК-7 под Ленинградом.

Крест начал закипать. Он уже понял, с кем имеет дело. Один из «новых», баклан, чье место у параша... Или купил корону, или получил в счет совместных дел и взаимных расчетов. Таких называют «скороспелый апельсин».

- Кого из воров знаешь?
- Бесо, Гарика, Метлу.
- Еще?

- Калган пожал, плечами.
- Мало, что ли?

- Крест сказал длинную фразу на «фене». Собеседник не отреагировал.
- Не понял?

- Нет. Я и иностранного не знаю.
- А как в «хату» входят?

Калган вновь пожал плечами.

– Зачем мне все это? Приняли как положено. На воле я в авторитете. Всех знаю, меня все знают.

– А как ты думал зону на себя брать? Кто тебя в других «домах» послушает? Кто твое имя знает? Кто твои малевки примет?

- Собеседник Креста презрительно усмехнулся.
- Через волю что угодно устрою!

Вор долго смотрел на «апельсина» тяжелым, давящим взглядом.

– И голодовку по всему краю объявишь? И зоны на бунт поднимешь? Как же ты это сделаешь через волю-то?

Вместо ответа Калган презрительно сплюнул на пол.

Ни один мускул не дрогнул на лице Креста. Он поднял палец. Шестеро мордovorотов миглом оказались рядом. Они видели, что сделал новичок, и им все было ясно. Плевать в «хате» нельзя. Это плевок на весь уклад жизни «людей», крайняя степень неуважения к их миру. Настоящий вор не позволит себе такого. И не только вор – ни жулик, ни фраер, ни мужик не посмеют плевать в «доме»! Козел последний подобной штуки не выкинет!

Кто же тогда этот фофан, выдающий себя за «законника»? Засланный мент?!

По выражениям лиц «торпед» Калган понял, что упорол серьезный косяк. Спокойствие и уверенность стали его покидать.

– Что за базар? – развязно, с блатной интонацией спросил он. Но никто не обращал на него внимания. «Торпеды» ждали слова хозяина.

– Это не вор, это «апельсин», – вынес приговор Крест. – Его короновали авторитетные люди, но они ошиблись, и зона ошибку поправит. Пусть живет «мужиком», а там видно будет... Мордовороты расслабились.

– «Апельсины» наших понятий не знают, поэтому он здесь плюнул. Дайте ведро и тряпку, он вымоет пол... Калган вскочил.

– Найдите «шестерку» пол мыть!

– Ты и есть «шестерка», – прежним ровным тоном продолжил Крест. – А если откажешься, ночевать будешь в петушином кутке.

«Апельсин» плюхнулся обратно на табурет.

– Чтобы он запомнил свою ошибку, звать мы его отныне будем Плевком.

Через полчаса «апельсин» закончил мыть пол. Работа была нетрудной, но позорной: даже настоящий вор, выполнив ее, утрачивал звание и авторитет. Крест удовлетворенно хмыкнул. В жизни случается всякое: когда нет хозяина зоны, «апельсин» может занять это место. Но теперь «апельсина» Калгана больше не существует, есть «мужик» Плевок. И даже когда Крест уйдет, Плевок уже не сможет подняться, какие бы малевки ни приходили с воли и какие бы авторитеты их ни подписывали.

Вернувшись в свой отряд, Плевок обнаружил, что на занятом им лучшем месте у окна восседает прежний хозяин, а его постель валяется на полу. Он остановился в замешательстве. Что делать? Отряд с интересом ждал. Прикинув шансы, Плевок собрал вещи и направился к двери, где на сквозняке имелось свободное место.

А Крест тем временем объявил сходку авторитетов. Не считая его самого, собрались шесть человек. Пятеро имели ранг «жулика» – самый высокий в криминальной иерархии перед высшим званием «вора в законе». В принципе любого из них могли короновать, но по авторитету и заслугам реально способен на это претендовать только Клешня. Шестой – Ус – был «козырным фраером» – тоже высокая масть, но не дающая права на коронацию. Значит, с биографией что-то не так: в пионеры поступал, в комсомол, может, в армии служил... Раз с молодых лет себя от сотрудничества с властями не уберег, на самый верх путь закрыт! Командуй «мужиками», «честными фраерами», с «жуликами» держись на равных, но «вором в законе» тебе не бывать!

Крест молча рассматривал собравшихся. Ус гораздо сообразительней и хитрей Клешни, авторитет у них примерно равный, и правильной было бы именно Уса назначить Смотрящим зоны. Но для Клешни «держат» зону полезней – это зачтется при коронации. А «закон» требует помогать перспективным ворами... Крест тяжело вздохнул.

– К нам на зону пришел баклан, принятый в «законники», – медленно начал он. – Как его приняли авторитеты, я не знаю. Как они за него в малевке поручились – тоже не знаю. Я ему должен был зону передать. А вместо этого заставил пол вымыть.

– Согнул значит! Это правильно. Чтоб потом его поднимать не начали... Крест взглянул на Уса. Он все схватил на лету. А Клешня вытаращил глаза и что-то жует.

– Клешня!

– А! – вскинулся тот и перестал жевать.

– Зачем я «апельсина» заставил пол мыть?

– Да чтобы опомоить падлу! Пусть все знают, что зона таких не признает!

Ус улыбался. Он всегда говорил, что дальше собственного хера Клешня не видит. Но назначать придется все равно Клешню. «Закон» так просто нарушать нельзя.

– Правильно, – кивнул Крест, поддерживая будущего Смотрящего. Все равно, кроме Уса, никто ничего не понял. По уровню развития все пятеро жуликов одинаковы.

– Вместо себя Смотрящим зоны я оставляю Клешню. Завтра начнем передачу общака и обсуждение всех дел... После сходки к Кресту подошел Ус.

– Сейчас многих просто так в «законники» принимают, – сказал он. Ус зарулил в зону недавно, месяцев семь назад, и был в курсе всех новшеств, происходящих на воле. – «Но-

вые» силу набрали, наши с ними часто вязаться не хотят. К тому же те бабки отстегивают, по своим каналам вопросы важные решают... Связи-то у них крутые! Ну попросится ихний авторитет в «законники» – жалко, что ли! Собрались и приняли. Даже тех принимают, кто вообще в зоне не топтался!

Крест недоверчиво покрутил головой. Он уже не раз слышал подобные истории, а сегодня воочию увидел «скороспелого апельсина», но поверить всему этому было трудно.

– А куда же люди смотрят, община? Надо сходняк собрать, разбор устроить и на правилку поставить! Так «закон» требует, и всегда так и было!

Ус махнул рукой.

– Сейчас все по-другому. Изменилось все. В зоне меньше, на воле больше. Да и зоны разные есть. В некоторых «взломщики мохнатых сейфов» авторитетами ходят. Даже в Смотрящие попадают!

– Не может быть, – Крест насупил густые черные брови.

– Все сейчас может быть. Все!

Ус внимательно смотрел на пахана, будто не решаясь сказать что-то еще.

«Может, обиделся, что не его назначил?» – подумал Крест.

– Ты обещал «огнедувку» показать, – напомнил Ус – Времени остается мало...

– Пойдем, спирт в ШИЗО отправим, и покажу.

Крест шел впереди – высокий, сутулый в обычной одежде – серые брюки, зеленая клетчатая рубашка с засученными рукавами, легкие босоножки. Это, пожалуй, единственная привилегия, которую он себе позволял. Авторитет должен быть скромным, подавать пример другим – так говорит «закон».

Но Ус знал: в криминальном мире, как и в обычном, те, кто имеет власть, редко сохраняют скромность. Чаще происходит другое, авторитет вообще утрачивает чувство меры! Еще в строгие застойные годы в одной из зон Средней Азии пахан соорудил себе бетонный бункер и жил в нем – с прислугой, поварами, охраной, бабами... Говорят, начальника колонии принимал с докладом в определенном дни и часы! Когда это дело выплыло наружу, бункер взорвали, колонию расформировали, начальство разогнали, а пахана отправили на Дальний Восток лес валить.

Отправка спирта происходила в каптерке второго отряда. Штрафной изолятор прислал ксиву: хотят с кайфом отметить сорокалетие Бунчика. Перевозчиком вызвался быть Рябой, он уже переправлял таким манером водку.

Ус внимательно изучал эковские хитрости и потому с интересом наблюдал за процедурой.

Рябого посадили на табурет, и он привычно открыл рот, обнажив бледные десны, утыканные кое-где остатками зубов. Передача большой партии «грева» – операция очень важная и ответственная, от ее успеха зависит в конечном счете авторитет пахана: способен он поддержать братву или нет. Поэтому, как правило, он сам ею и руководит.

Сегодня «заряжал» Рябого Клешня, Крест наблюдал со стороны и вмешиваться явно не собирался. Клешня извлек из кармана презерватив и несколько раз с силой растянул, разводя руки не менее, чем на полметра. Зрачки Рябого задвигались в такт увеличению и сокращению резиновой кишки, он явно хотел что-то сказать, но, забыв, что еще не получил «начинку», боялся закрыть рот.

– Чего, Рябой, хочешь гандон по делу использовать? – гоготнул Клешня.

– Да еще небось с бабой?

– Откуда ты его вынул? – настороженно спросил Рябой. – Может, он и правда того...

– Сейчас на вкус попробуешь и узнаешь, – продолжал веселиться Клешня.

Ус подумал, что это он делает зря. Не следует нервировать перевозчика перед столь ответственным делом.

Крест подумал о том же самом.

– Не бойсь, Рябой, – успокаивающе сказал он. – Гандон новый, из пачки. Разве можно своих братьев помочь!

Рябой успокоился и снова открыл рот.

– Глотай!

Клешня скользящей петлей из толстой нитки перехватил горловину резинового сосуда

и, удерживая ее, сунул обвисший мешочек между языком и небом.

Давясь, Рябой сделал несколько глотательных движений. Глаза его выпучились, лицо побагровело.

– Залей немного, – негромко подсказал Крест. – Тогда заглотнуть легче...

«Ассистент» немедленно подал откупоренную бутылку «Ройяла», и Клешня, вставив горлышко в презерватив, плеснул немного огненной жидкости внутрь.

Рябой глотнул еще раз, напрягся...

– Прошло. Теперь лей. Только тонкой струйкой, – руководил Крест. Клешня в точности выполнил указание. Под тяжестью спирта резиновая

кишка растягивалась и все глубже и глубже уходила в пищевод. Рябой старательно дышал носом, глаза его налились кровью, на лбу выступили крупные капли пота.

Минут через пять литровая бутылка опустела. Ее содержимое покоилось в желудке Рябого, отделенное от истосковавшейся по алкоголю слизистой тонким слоем резины.

Клешня затянул петлю на горловине импровизированного резервуара и стал медленно отпускать нитку. Рябой судорожно глотал. Наконец он перевел дух, и лицо начало приобретать обычный цвет. Теперь наполненный спиртом презерватив полностью находился в желудке. Клешня привязал нитку к одному из зубов.

– Готово.

Рябой закрыл рот.

– Ну и муторное дело! Сколько раз, а никак не привыкну.

Он выматерился.

– Что ребятам передать?

– Бунчика поздравишь. И скажешь, что этот «грев» новый Смотрящий прислал.

Крест похлопал перевозчика по плечу.

– Давай. Нечего время проводить.

Рябой встал, осторожно пощупал раздувшийся живот.

– Счастливо оставаться.

Он вышел из каптерки.

– И ты шевелись!

Несильно, но расчетливо Клешня ударил «ассистента» по носу. Брызнула кровь. «Ассистент» бросился следом за перевозчиком.

– Стекло разбейте для верности! – крикнул вслед Клешня.

Через час после оформления документов Рябой за драку будет водворен в штрафной изолятор. Там за нитку вытянут горловину презерватива и, перевернув перевозчика вниз головой, выльют спирт в подставленный сосуд. Потом легко вытащат пустую резинку.

Спирт и в зоне редкость, а в особо охраняемом штрафном изоляторе – вообще невиданная вещь. Ребята будут рады. Забалдеют, повеселятся. А главное, почувствуют, кто в зоне хозяин. Кто может братву «подогреть», поддержать в трудную минуту. И лишний раз убедятся, что воровская дружба сильнее любого режима... Так думали Крест и Клешня, а Ус задумался о другом.

– Спирт так уже передавали? – внезапно спросил он.

– Водку передавали, – ответил Крест. – А что?

– Может резину разьесть... Клешня пренебрежительно махнул рукой.

– Херня! Нечего пургу гнать!

Он уже вошел в роль Смотрящего и был горд первой удачно проведенной акцией.

Впрочем, удачным оказалось только ее начало. Через полчаса Рябой умер в дежурной части колонии. То ли кто-то из прапорщиков саданул его в живот, то ли действительно разьело резину. Как бы то ни было, перевозчик скончался от отравления спиртом.

Об этом случае по зоне ходило много пересудов. Зэки спорили – можно ли завидовать такой смерти. В конце концов решили, что не стоит. Если бы Рябой засадил литр спирта обычным способом да под хорошую закуску, тогда да! А когда разлилось в желудке – какой кайф...

Первая операция нового Смотрящего провалилась, и это оказалось символическим. Через полгода сходянок зоны заменил его на Уса. Тому хоть и не светило стать «законником», но голова работала хорошо, к тому же знал почти все зоновские примочки. Одну из самых

сложных – «огнедувку» – Крест показал ему сразу после того, как «зарядили» несчастного Рябого.

Крест ревниво относился к эковским хитростям, считая, что их следует держать в тайне и передавать только самым проверенным и преданным воровскому делу. Но Усу многое показал. Как топор бросать, чтобы башку с десяти метров срубить. Как землю из подкопа прятать. Как бритвенным лезвием с щелчка глаз выбить. Как правильно ложку заточить, чтоб вместо финки была. И «огнедувку» уже перед самым освобождением.

Чтобы никто не видел, Крест завел Уса к себе в биндежку – довольно просторную каморку, выгороженную в помещении вещевого склада, где он числился кладовщиком. В условиях зоны, где постоянная скученность и толчея, позволить себе место уединения может только пахан да еще несколько авторитетов, и то, если повезет.

Заперевшись, Крест положил на ящик кусок арматурного прута, рассыпал горкой коробок спичек. Оторвал кусок газеты, свернул трубочкой, тщательно отрегулировал диаметр, обильно поспешил.

– Смотри, – сказал он Усу и машинально огляделся по сторонам. – Не подглядывает ли кто посторонний.

Чиркнув спичкой, он поднес ее к отрезку прута и принялся дуть сквозь сделанную трубочку. Желтое пламя выдвинулось острым синим язычком и лизнуло покрытый ржавчиной металл. Крест ловко подставлял новые спички, умело поддерживая режим горения и поддува. Когда на пруте появилось углубление, он чуть провернул его и продолжал поворачивать до тех пор, пока арматуру не охватило кольцо газопламенного надреза.

Ус впитывал каждое движение пахана.

Мерно посвистывал выдыхаемый им воздух, чуть слышно шипело голубоватое пламя. Оно освещало широкий раздвоенный подбородок, покрытый начинающей седесть щетиной, узкие напряженно сжатые губы, кривой расплющенный нос. В зачерненных тенью провалах глазниц вспыхивали искорки отражающегося в глазах огня.

Впечатлительному человеку это зрелище должно было показаться зловещим тем более, что железный прут толщиной с палец каким-то сверхъестественным образом пережигался на глазах.

Но Ус не страдал повышенной эмоциональностью. Он прикидывал – сможет ли сделать то же самое, и понимал, что без дополнительных разъяснений и долгих тренировок у него ничего не выйдет.

Пламя погасло.

Крест легко переломил прут.

– Видишь, еще остались спички. На решетку расход побольше. И ломать труднее, лучше чем-нибудь поддеть.

– А приходилось?

Крест кивнул.

– Братву в побег отправлял. Мне-то зачем бежать, я здесь был нужен.

Еще с час Ус расспрашивал пахана о тонкостях «огнедувки», тот подробно объяснял. Потом «kozyрный фраер» ушел на вечернее построение, а Крест, заперевшись, лег на раскладушку и задумался.

Он не был на воле много лет, и, судя по всему, там произошли большие перемены. Настолько большие, что Черномор уже не соблюдает «закон» и не направил никого ему на замену. Приходилось оставлять зону в ненадежных руках. Клешня долго не продержится.

А на воле неизбежно придется разбираться с Черномором.

До освобождения Кресту оставалось десять дней. И ему было о чем подумать

* * *

Лис работал в первом цехе на участке деревообработки. В отличие от лакопропитки и клеевого здесь была нормальная атмосфера, пахло опилками и разогретым металлом станков.

Глядя на выходящую из-под резца широкую, норовящую тут же свернуться в кольцо стружку, вынимая готовую деталь и зажимая в шаблон заготовку, Лис напряженно обдумывал

вал способ выйти на волю. Он уже сделал все, что мог. Главное доказательство его вины, положенное в основу приговора, теперь доказывало прямо противоположное. Но никого из судебных и прокурорских чиновников это не интересовало. Приводимые им в жалобах доводы с ходу отвергались.

Обычно, побившись о глухую стену бюрократического нежелания вникать в суть чужих проблем, осужденный смирялся и начинал мотать срок, надеясь на помилование, условно-досрочное освобождение, амнистию или побег.

Но амнистии и помилования случаются редко, ждать УДО – дело долгое и муторное, надо отмотать две трети срока, да неизвестно – сочтет ли администрация, что ты исправился и перевоспитался. Единственное, что полностью зависит от самого зэка – побег. Однако из тринадцатой побегов не бывает. В отличие от настоящих уголовников здешний контингент не приспособлен к жизни на нелегальном положении.

Его не ждут на многочисленных «малинах» и «хазах», ему негде взять надежную «ксиву», у него нет приемлемых способов добывать «бабки», он не может вернуться к привычному образу жизни, а главное – он неспособен переносить постоянный стресс от страха ежеминутного разоблачения.

Лис хорошо знал это, так как испытал все прелести подпольной жизни на себе. Он просчитал свой арест и скрылся, у него были надежные документы, оружие, широкая агентурная сеть... Не было одного: способности жить нелегалом. Он выдержал три месяца, успел нейтрализовать доказательства и сдался, надеясь получить оправдательный приговор и возможность свободно, без всякой маскировки, ходить по улицам... Но ошибся в расчетах.

Лис не относился к людям, складывающим лапки перед трудностями. Он не собирался отбывать оставшиеся пять с половиной лет срока. Но, чтобы сработал взведенный им механизм освобождения, должен был найти хоть один добросовестный и равнодушный чиновник, со вниманием проверивший то, о чем он пишет. Собственный опыт показал, что в системе тиходонского правосудия, да и в вышестоящих инстанциях такого чиновника не оказалось, во всяком случае, с его жалобами равнодушный человек не встретился.

Значит... Надо заставить равнодушного проявить внимание и человеческое участие. В нынешнее время этого добиваются элементарным подкупом. Но у Лиса не было ни денег, ни желания прибегать к подкупу, ни людей, умеющих давать взятки, если бы он все же этот способ избрал.

Он обдумывал другие пути...

Натаха прислала в письме вырезку из газеты об убийстве судьи Шпарковой. Лис всегда раньше уважал бабу Веру, потому что она влупливала изловленным им бандитам на полную катушку. И ему самому воткнула шесть лет без всяких скидок на прошлые заслуги, а ходатайство о проведении повторной экспертизы видеопленки назвала «милицейской штучкой»: «Вы бросьте здесь свои милицейские штучки!»

Все это не способствовало укреплению теплых чувств к Шпарковой, но, узнав об убийстве, Лис, во-первых, пожалел ее, а во-вторых, придумал, какую пользу можно извлечь из столь прискорбного факта.

Изоощренный мозг мгновенно прокрутил план оперативной комбинации, перебрал возможные варианты, прикинул вероятность успеха каждого из них. Страх за свою собственную шкуру делает человека очень внимательным, добросовестным и равнодушным. Исходя из этого, Лис и выстроил цепочку действий, следствием которых должен стать пересмотр приговора. Но ему необходимы помощники. Двое: теневой и официальный.

Мысленно перебрав картотеку теневых помощников, Лис остановился на Клопе. С официальными дело обстояло и проще, и сложнее. Проще потому, что имелась единственная кандидатура – Натаха. А сложнее оттого, что неизвестно – справится ли она с поручением.

«Должна все сделать как надо!» – успокоил Лис сам себя. Теперь надо было ждать длительного свидания. Причем совсем не с теми мыслями, с какими ждет его большинство зэков: за три дня нахариться на полгода вперед...

В предстоящей комбинации Натаха должна сыграть ключевую роль. Лис продумал, как он будет ее инструктировать, представил, как она станет выполнять его инструкции...

И постепенно от оперативной комбинации с участием Натахи перешел к мыслям о ней

самой.

Они познакомились десять лет назад, когда Лис только начинал становиться Лисом. Молодого опера подучетный элемент не воспринимает всерьез, не запоминает его имени, отчества, поначалу даже фамилии. «Приходил сегодня этот из уголовки... – Который?.. – Да салажонок... – А-а-а...»

Уважение приходит постепенно, его надо завоевать и не слюнявыми разговорами «по душам», как в подцензурных книжках и фильмах, а конкретными действиями, обычно жесткими и болезненными для уголовного мира. Нет, блатной воспринимает добрые слова и человеческое отношение, но только после того, как ощутил твою силу.

Когда начинающий опер прострелил легкое грабителю, а потом пришел к нему в больницу: "Что ж ты, чудила на букву «м», на пулю напросился? Не хватило ума руки поднять?" – и оставил коробку дешевых леденцов, чтоб от курева, теперь запретного, легче отвыкать, тогда и пошла волна: "Коренев

– человек!" – «Какой такой Коренев?» – «Да новый парень из розыска...» – «А-а-а»...

Первый наставник будущего Лиса, впоследствии спившийся и умерший от цирроза, Ларченков учил так:

– Если один заскочил в притон, а там целая кодла и никто тебя не знает, осмотри каждую рожу и определи: кто главный. А потом подойди и дай ему в торец, хорошо дай, не стесняйся, чтобы с копыт слетел и кровяночкой умылся... Тогда все – ты вожак! Что скажешь – все сделают, как овечки! А если начнешь представляться: «Я из милиции...» да ксивой махать – заколбасят и глазом не моргнут!

Много раз Коренев убеждался в справедливости этого наставления.

И еще учил Ларченков:

– Пока ты просто так по территории бегаешь, материалы исполняешь да дергаешь наугад то одного, то другого – ты им неинтересен. Они тебя персонально вообще не воспринимают – один из ментовки, и все. А вот когда ты каждого на крючок возьмешь, когда заставишь стучать друг на друга, когда каждый пердок их будешь знать – вот тогда они тебя и по имени-отчеству выучат, и если вообще «достанешь», то и прозвище дадут!

У самого Ларченкова кличка была Чума.

– Почему так прозвали? – допытывался стажер, но наставник пожимал плечами.

– Им видней. Присматривайся, может, поймешь...

Однажды Коренев действительно это понял. Стояла обычная августовская жара – тридцать семь в тени, сорок пять на солнце, он зашел в кабинет наставника, тот сосредоточенно отписывал очередной материал и время от времени, не отрываясь от бумаги, начинал сучить ногами, раскачиваясь из стороны в сторону, словно велогонщик, пошедший на обгон. Стол Ларченкова со всех сторон был обтянут старыми шинелями. У стажера мелькнула глупая мысль, что опер парит ноги, он даже представил тазик с кипятком под столом и действительно заметил выходящий из складок толстого сукна пар. Но ни всплесков, ни струек разлившейся воды, а ведь дергал ногами тот прилично...

Заинтригованный Коренев обошел стол и увидел, что ноги Ларченков подогнул под стул, на них были надеты носки и босоножки, а пар исходит из задвинутого под шинели электрочайника. Он совсем потерялся в догадках, но в это время опер дописал бумагу, поздоровался с ним за руку и грубым голосом спросил:

– Ну что, сука, надумал?

Поскольку в кабинете, кроме них двоих, вроде бы никого не было, то стажер решил, что оперативник тяжело пьян и действует под влиянием галлюцинаций.

– Ладно, выпускай!..

Сдавленный голос глухо донесся из-под шинелей.

– То-то же!

Ларченков выдернул из розетки вилку чайника, отставил его в сторону и распахнул шинельную завесу.

Из импровизированной термической камеры вывалился насквозь мокрый мужик: мокрая одежда, мокрое лицо, мокрые волосы. Он жадно хватал ртом воздух.

– Вдвоем... с Генкой... Басовым... вещи... у матери... – с трудом выдавливал он по одному слову.

– Ну и отлично!

Ларченков сиял.

– Поедем на изъятие, – деловито бросил опер Кореневу.

– Чума и есть Чума, – пробормотал проходящий в себя мужик.

Будущий Лис наработывал авторитет постепенно. Раз вдвоем с внештатником он выехал по заявлению об ограблении на левом берегу Дона, в районе ресторана «Казачий курень». Потерпевший ждал в условленном месте, на перекрестке – напуганный парень лет двадцати двух.

– Трое, пошли к причалу... Часы сняли и двести рублей отняли...

Дело обычное. Коренев с внештатником побежали в указанном направлении и вскоре обнаружили грабителей в тянущейся вдоль реки роще. Никаких проблем не предвиделось, в те времена находилось немного охотников конфликтовать с милицией.

Но эти трое были борзыми урками с немалым преступным опытом и солидным тюремным стажем, к тому же изрядно поддатые.

– Ты кто такой? – спросил старший – хмурый, выдавший виды мужик с оловянными глазами и татуировками на всех видимых частях тела.

– Лейтенант Коренев, уголовный розыск Центрального райотдела, – молодой офицер показал красную книжечку.

– Я такого опера не знаю, – медленно произнес татуированный. – Иди на хер!

Второй грабитель стоял вполоборота, разглядывая внештатника. Из заднего кармана брюк торчали синяя и малиновая обложки, ловким движением Коренев выхватил их – паспорт и военный билет, заглянул и сунул во внутренний карман пиджака.

– Гражданин Вишняков, значит? Можешь гулять пока... Но лучше не дергайся, а иди к машине!

Утративший анонимность преступник почти всегда утрачивает и дерзость. Вишняков сразу скис.

– Отдай, начальник... Ты что, в натуре... Мы ничего не сделали, – привычно заныл он.

Третий незаметно отходил в сторону, за ним двигался внештатник.

– А ну отдавай, падла!

Татуированный схватил Коренева за волосы, а локтевым сгибом зажал горло. Осмелевший Вишняков подскочил и запустил руку в пиджак.

Опер двинул его мыском ботинка в промежность, и владелец изъятых документов, хрюкнув, повалился на траву.

– Куда ты пырхаешься, – сквозь зубы процедил татуированный, усиливая захват.

Коренев с трудом вогнал ладонь под каменный локоть, отстегнул застежку оперативной поясной кобуры и крутанулся, оказываясь с противником лицом к лицу. В те времена он соблюдал идиотскую инструкцию, запрещающую досылать патрон в ствол, а так как одной рукой передернуть затвор невозможно, то пистолет являлся обычной железкой весом в восемьсот десять граммов.

Но если действовать решительно, то и железка может стать серьезным оружием. Опер с силой ударил стволом в лицо грабителю и угодил в глаз. Вороненая сталь вошла под века, из-под нее брызнули разбитое глазное яблоко и горячая кровь. По ушам резанул пронзительный крик раненого зайца, татуированный отшатнулся, зажал рану ладонями и навзничь упал в густой кустарник.

Коренев осмотрелся. Два поверженных грабителя валялись на земле, третий подмял внештатника и испуганно оглядывался, а когда оперативник шагнул вперед, вскочил и бросился бежать.

– Стоять! – Коренев рванул наперерез.

Они выбежали на пляж. Рыхлый песок затруднял бег, но лейтенант рвался изо всех сил и успевал, третий забирал вправо и оказался в конце концов прижатым к реке. Не задумываясь, он вбежал в мутноватую воду, Коренев в горячке двинулся следом.

Стоял октябрь, ноги обдало холодом, брюки противно облепили тело. «Какого черта я сюда полез, куда бы ты не делся», – мелькнула разумная мысль, но сейчас работал не разум, а инстинкт преследования, и лейтенант забирался все глубже...

Он догнал беглеца, когда вода доходила до пояса. Мошонка сжалась, тепла в теле не

оставалось, да и силы на исходе.

– Стоять!

Коренев схватил третьего за шиворот, тот вырывался и истерически ругался матом.

И тут опер вспомнил, что сегодня впервые надел новый костюм.

– Ах ты сука!

Всплеск злости придал сил, и он погрузил виновника незапланированного купания в воду с головой. Когда тот перестал сопротивляться, отпустил. Отфыркивающийся и жадно хватающий воздух грабитель вновь пытался вырваться. Пришлось повторить процедуру, потом еще раз и еще... Наконец Коренев вытащил бесчувственное тело на берег и бросил на песок.

И пошел работать по воле и камерам беспроводный телеграф: «Ну дал Филипп Михайлович: сразу троих повязал! Да как: одному глаз выбил, второму яйца отшиб, а третьего притопил до полусмерти! – А кто такой Филипп Михайлович? – Да Коренев! – А-а-а... Он парень резкий».

А прозвище Лис пристало после другого случая. Тогда Коренев сменился с суточного дежурства, выпил с друзьями по двести граммов, чтобы стресс снять, и побрел, медленно в общагу. Вечер, около одиннадцати, у него щетина суточная, глаза усталые, красные, идет – еле ноги переставляет, руки в карманах да запашок... Какой-то залетный его за своего и принял!

Опера вообще на блатных похожи, то ли подбираются так, то ли профессия деформирует...

Подошел, короче, к нему парень специфического вида: папироска в углу рта, фиксы, перстни татуированные на пальцах, мимика, жаргон – не ошибешься... Вначале прошупал, мол, как да что в Тиходонске. Коренев в ответ: менты совсем оборзели, метут всех подряд, никакой жизни нету. Да с ужимками уличной шпаны, свистящим блатным полушепотом, через слово «по фене». Показал, одним словом, что свой в доску. Вот знакомство и состоялось. Затем разговор пошел серьезный.

– Выпить хочешь?

– Хочу. Да бабок нет.

– Тут магазинчик в удобном месте... Ломанем?

– Давай!

Пошли на набережную, по дороге залетный хвалится, цену себе набивает:

– Я в Краснодаре гастроном бомбанул, в Армавире – ларек, здесь на вокзале – киоск.

А Коренев удивляется, хвалит его за фартовость и между делом интересуется, куда вещи дел, деньги, другие вроде мелкие вопросыки кидает...

Наконец пришли. Место действительно удобное: темный уголок, датчиков сигнализации нет, замок навесной, с контролкой.

Опер поискал – нашел кусок трубы, протянул новому корешу.

– Давай ты, раз умеешь. А я выносить буду.

Тот к замку прилачился – раз! И сорвал его к чертовой матери. До сих пор разговоры шли, пустая болтовня, а это уже, извините, состав преступления.

Коренев его сзади по шее – трах! Тот, естественно, носом в пыль. А опер сел сверху, руки за спину закрутил и давай в свисток дуть! Когда приехали, картина ясная – вот взлом, вот преступник, вот орудие преступления с его отпечатками...

Доставили в отдел, дали телефонограммы в Краснодар, Армавир, тиходонским транспортникам позвонили – все подтверждается!

Кореневу благодарность и пол-оклада за мастерское раскрытие ряда преступлений И впервые прозвище обозначилось: «Ну и хитрый же Лис! – Кто? – Да Коренев Филипп Михайлович! – А-а-а... Это точно...»

Потом он много хитрых комбинаций провел, скольких блатных вокруг пальца обвел, скольких за нос водил, кличка намертво приклеилась. А тогда только превращался в Лиса. Тогда же, под Новый год, с Натахой и познакомился.

Числа двадцать пятого декабря это было в полдень, едет он с происшествия, смотрит: стоит у обочины сосна, а за сосну девушка держится, стройненькая, красивая и печальная. Потом он узнал, что у Натахи всегда вид полупечальный, полузадумчивый, а тогда остано-

вился, посадил девчонку в машину, сосну в багажник запихал, так с незакрытым багажником и ехал.

По дороге разговорились, она о себе рассказала: медсестра, замужем, ребенок, сосну везет одиноко живущей бабушке. Он и с бабушкой Марьей познакомился, когда сосну на шестой этаж занес: маленькая сухонькая старушка, приветливая, порывалась чаем поить.

В этот раз чай пить не стали, Лис и так дергался как на иголках – что там в районе случилось, может, убийство, может, тревогу объявили... Отвез Натаху обратно в центр, а вечером вызвался сосну поставить, после работы опять встретились – на этот раз Лис у сослуживца старый «москвич» одолжил, опять к бабушке Марье приехали, установил он сосну, чаю выпили, теперь Натаха спешила – муж ждет, нельзя задерживаться.

Проклиная ревнивца, Лис отвез ее домой, на другой конец города, Натаха улыбалась полузадумчиво, полупечально. Совместные дела уже выполнены, и он был уверен, что больше девушку не увидит. Но встретиться предложил, просто так – для очистки совести, мол, выполнил все что надо. А она согласилась!

И началось... По-настоящему-то началось не сразу, вначале гуляли, как пионеры, по набережной, за руки держались, болтали, Лис анекдоты рассказывал, смеялись. Ему было с ней хорошо и ей вроде тоже, хотя всегда спешила: выкраивать удавалось час-полтора, а то и меньше.

Как-то в кино сходили, несколько раз Лис ее обедать водил, в кабаке, пельменную, шашлычную. Денег у него негусто, но на своей «земле» с опера не берут, обижаются, когда бумажник достанет. И все целомудренно, Лис только любовался тонкой фигуркой, портретным личиком, глазами – большими, чуть раскосыми, лисьими. Он много грязи повидал, но Натаха ассоциировалась с чистотой и непорочностью. Воздушный облик, мечтательный взгляд, Лис просто не представлял, как можно залезть ей под юбку, шарить в трусах, стаскивать тонкую ткань, выпрастывая напряженные ступни... Хотя ясно, раз замужем, то хоть один мужик с ней это регулярно проделывает.

Как-то он наклонился к ее лицу, но Натаха спрятала губы: «Не люблю целоваться...» Странно! А когда, дурачась, пили пиво на набережной, прямо из горлышка, она отказалась пить первой, он долго уговаривал, но безрезультатно, так и допила за ним, а бутылку он, озадаченный, забросил далеко в реку. Странно!

Испорченный дурными примерами, мозг Лиса напомнил так ведут себя профессиональные минетчицы, вафлерки, соски, потому что если «зачушкарить» незнающего человека, то обязательно получишь по морде. Но, конечно, никаких параллелей с чистым обликом Натахи Лис не провел, отогнал нелепую мысль и тут же забыл о ней.

Они встречались более полугода. Когда позволяла служба, Лис отвозил ее после работы домой. Служебная машина на двадцать минут сокращала время по сравнению с троллейбусом, и эти двадцать минут они стояли на каком-нибудь пустыре или в безлюдном тупичке.

Лис целовал си щеки, нос, глаза, уши, гладил ноги, с каждым разом забираясь все выше. Разомлевшая Натаха ложилась ему на колени, и он перебирал пшеничные волосы, думая, что, если какой-нибудь испорченный развращенный идиот будет идти мимо, он на сто процентов решит, что баба исполняет минет, причем разубедить его будет невозможно, ибо люди не верят в чистоту чувств.

Летом Карнач на месяц уехал в Москву, на переподготовку, ключи от малосемейки отдал Лису, появилось место, куда можно пригласить Натаху, что Лис и сделал. Они выпили шампанского, суровый и сдержанный Лис признался в любви, сказал, что хочет ее, Натаха отказывалась, влажно облизывая губы, но потом уступила.

И было то, чего он не мог представить, трусики скользнули по гладким тонким ногам, задержались на ступнях, Натаха оттянула пальцы, как балерина, и Лис преодолел последнюю преграду, отбросив скомканную ткань в сторону.

Он находился на пределе возбуждения и ворвался в Натаху, как штыковой удар, а она совершенно спокойно предупредила.

– В меня кончать нельзя.

Предупреждение пришлось вовремя, он тут же выскочил обратно, пятная диван Карнача. Акт любви длился не более двадцати секунд, и повторить его было нельзя, потому

что Натаха, как всегда, спешила.

В машине она неожиданно спросила:

– Тебе это доставило удовольствие?

– Да. И очень большое, – честно ответил Лис, хотя удовольствие было чисто моральным: наконец-то очаровательная Натаха принадлежит ему! Неудачное начало – ерунда по сравнению с самим фактом обладания этой женщиной. А в следующий раз он наверстал упущенное!

Но следующий раз его ошеломил. Ключ от квартиры забрал Голованов, поэтому он отвез Натаху к загородному озеру и там двинулся по уже проторенному пути, но она не позволяла снимать трусики, хотя не возражала против предельно откровенных ласк, до крайности распаливших Лиса.

– Пожалей хоть его, – в качестве последнего довода он положил руку девушки на ощутимо выпирающий из брюк бугорок.

– А ты дай его мне, – отстранено сказала Натаха.

Лис вжикнул «молнией», и через секунду нежная рука обхватила возбужденную плоть. Выгнувшись, он откинулся на спинку сиденья. В тот же миг Натаха стремительно нырнула вниз, как будто хотела полежать у него на коленях, но теперь у нее имелась конкретная цель, и Лис ощутил влажное тепло рта, плотное кольцо губ, упругие круговые движения языка. И голова Натахи ритмично двигалась вверх-вниз.

Это было настолько неожиданно, что Лис растерялся. В те годы минет еще не получил поголовного распространения, к нему прибегали отнюдь не все женщины, действие считалось стыдным и являлось уделом специалистов, называемых презрительно «сосками».

Лису доводилось пробовать запретный плод с профессионалкой, пару раз удавалось уболтать на это изрядно подпоенных любительниц, которые обязательным условием ставили отсутствие окончательного результата, и если условие нарушалось, они выплевывали куда придется высококалорийный белок, устраивали сцены и обижались не на шутку.

Сейчас минет делала Натаха – олицетворение чистоты и непорочности, которой Лис никогда бы не осмелился предложить подобный способ сексуального общения. Причем делала лучше, чем та профессионалка!

Испытывая одновременно наслаждение и крайнее смятение мыслей, Лис решил предупредить Натаху о приближающейся развязке, чтобы не оскорбить ее как тех, других дам и уберечь брюки и чехлы автомобиля. Он застонал чуть громче, чем следовало, и зажал в ладони пучок мягких волос.

Но Натаха не испугалась, напротив – удвоила усилия, как бы торопя конечный момент, а когда он наступил, не проявила никаких отрицательных эмоций, хотя возбужденный Лис излил изрядное количество семенной жидкости.

Когда они ехали обратно, Лис рассказывал проходящие на ум анекдоты, чтобы не выдать овладевшее им смятение, а Натаха держалась как ни в чем не бывало, смеялась и мечтательно смотрела вперед сквозь лобовое стекло.

Так и пошло. Теперь в те двадцать минут, что сэкономила машина Лиса, Натаха, как и прежде, ложилась ему на колени, но уже не так невинно, и проходивший мимо испорченный развращенный идиот не ошибся бы в своих предположениях. Потом Лис подвозил ее к дому, прощался, и она шла в семью, возвращаясь с работы точно в срок и целуя, наверное, встречающего жену ревнивца и маленькую дочку.

Лис совершенно не знал, как к этому относится, и однажды, во время крепкой пьянки, посоветовался с опытным Карначом.

– Ты же уже откусил кусок, – философски ответил тот. – Нравится – жуй, не нравится – выплевывай!

Лису нравилось, и он отогнал все сомнения. Мало ли что бывает в жизни! Какой смысл копать в чувствах, действиях, поступках, если лично тебя они вполне устраивают? И Полная дурасть их разрушать.

Он даже пожалел, что поделился глубоко личным с Карначом. Но через месяц Карнач выехал на задержание квартирных воров, и его застрелили из обреза. Теперь об отношениях с Натахой не знал никто. Но иногда Лис упрекал себя за то сожаление, которое вроде подталкивало Карнача к подобному финалу.

Прозвенел звонок окончания работы. Лис довел резец до конца и остановил станок. Он всегда перевыполнял норму, вытачивая сто десять деталей вместо ста пяти. Сегодня еле успел закончить сто пятую – мысли о Натахе тормозили движения. Она отлично делала мигнет. Сделает ли она то, что поспособствует его освобождению, так же отлично?

После съема с производственной зоны – построения, переклички, обыска бывшие сотрудники милиции, судьи и гфокуроры, советско-партийные работники строем двигались на ужин.

– Ну что, опять отказ? – маленький юркий Игонин в последнее время все чаще пытался заводить разговоры, угощал салом из передачи, словом, набивался в друзья. Подозрительного Лиса это настораживало.

– Может, мне жалобу напишешь? Я-то с бумагами особо дел не имел...

Действительно, Игонин был старшим экипажа патрульно-постовой службы и грабил задержанных. Во всяком случае, именно за это ему дали пять лет. Сам он вину не признавал и объяснял приговор заговором задержанных и предвзятостью всех остальных – начальников, следователя, судьи.

В час свободного времени Лис настроил ему жалобу.

– Как думаешь, поможет?

Игонин отрезал тонкий ломтик сала, положил на хлеб, протянул Лису.

Тот пожал плечами.

– Мне пока не помогло.

Сало было вкусным – розоватое, чуть подкопченное, с мясными прожилками.

– Невмоготу тут париться, – зашептал Игонин, наклонившись к самому уху Лиса.

– Может, попробуем сдернуть?

«Вот оно что», – подумал Лис, не переставая жевать.

– Давай попробуем. Ты только план продумай.

– Я? Ага, ладно... Как это люди по «пятнашке» сидят? Да еще если совесть нечиста...

Я-то безвинно, и то тоска... А если, к примеру, убил кого? Что он чувствует?

– Да ничего особенного, – Лис доел сало и вытер платком руки, собираясь идти к себе.

– Бери еще!

Теперь ломтики были потолще.

– А ты откуда знаешь?

– Что?

– Ну что он ничего не чувствует...

– Мало их повидал, что ли...

– Это другое... Когда у самого внутри...

– И сам знаю...

– Да? А ты... тебе приходилось... Лис набил полный рот" так что говорить не мог, только кивнул.

– Ешь, ешь, сало хорошее, у меня мать в деревне, она присылает.

Игонин поспешно отпластовал еще шматок.

– А... кого? Как это было? Вообще...

– Один сзади прыгнул, захлестнул шею удавкой, а я изпод мышки прям через пиджак.

Наповал.

– А-а-а... Лис встал.

– Спасибо за сало. А это я с собой возьму.

Он завернул в Платок солидный кусок, отхваченный Игоными в порыве внезапной щедрости. Видно, сейчас он о ней жалел, потому что проводил уплывающий харч тоскливым взглядом.

– Пока!

По дороге к себе в отряд Лис удивлялся низкой квалификации подчиненных майора Сазонова. Ни подобрать агента не могут, ни инструктаж дать, ни легенду придумать! Знай, салом подкармливает и выспрашивает напрямую...

Но раз его стали разрабатывать, значит, могут прослушивать комнату длительных свиданий А он должен дать Натахе подробный инструктаж... Как некстати!

Интересно, кто присылал сюда задание? Наверное, Савушкин. «Прошу провести опе-

ративные мероприятия для проверки причастности осужденного Коренева к убийству гражданина Сихно, совершенному при следующих обстоятельствах...»

Конечно, «мокруха» висит на Центральном райотделе, они должны принимать все возможные меры для раскрытия. Вот и принимают. Хотя знают стопроцентно, что ничего изпод него не выдоят, а все равно – какая-нибудь проверка или комиссия приедет по «висьякам», а у них все, что надо – сделано.

Но как некстати!

Натаха приехала через неделю. Лиса провели в огороженный двор и сквозь железную дверь запустили в блок длительных свиданий. Кривобокий шнырь из obsługi встретил его в коридоре и широко осклабился.

– Белье чистое, все готово, четвертый отсек.

Радость его была искренней, и Лис знал ее причину.

– Будешь подглядывать – ноги перебью!

– Понял, понял! Ближко не подойду!

Лис знал, что он врет. Шныри с невероятными ухищрениями подсматривают за личными свиданиями и мастурбируют изо всех сил. И этот будет делать то же самое, даже если он ему и вправду перебьет ноги.

Жилой отсек для длительных свиданий представлял собой небольшую комнату, выкрашенную серой масляной краской Узкое длинное окно с внутренней стороны завешено запыленными желтыми шторами, а с внешней закрыто редкой решеткой Под подоконником зачем-то наклеены грубые моющиеся обои. Протекает здесь, что ли...

Две железные, на вид ужасно скрипучие кровати с худыми матрацами и комплектами серого белья Два стула, две тумбочки, стол. Слева от входа железная раковина с отбитой эмалью, над ней – медный кран. Горячая вода и душ правилами внутреннего распорядка не предусмотрены. Удобства в коридоре, там же кухня с двумя газовыми плитами и минимумом необходимой посуды.

На всем – отпечаток убожества и Нищеты Помесь шестидесятикопеечной гостиницы в отдаленном сельском райцентре и коммуналки пятидесятых. Место отдыха, блаженства и райского наслаждения для зэков ИТК-13.

Чтобы попасть сюда, надсаживаются до грыжи, гоня план, соглашаются выполнять деликатные поручения администрации, прогибаются перед отрядным, грозят открыть вены или вздернуться.

Потому что если даже на «личняк» прибывает отец, мать, брат, то все равно на три дня вырываешься из ада зоны с ее постоянной скученностью, шумом, каторжной работой, бесконечными переключками и обысками, едой, более подходящей для свиней... Можно спать сколько хочешь, целые дни валяться на постели, есть свежее, домашнее, говорить о вещах, далеких от мира зоны. А если приезжает жена, то ко всему этому добавляется необыкновенный кайф от настоящей ебли, не с «петухом», не с посаженной в валенок кошкой, не с собакой со специально выбитыми зубами, а с теплой живой всамделишной бабой, у которой все самым наилучшим образом для этого предназначено.

Сейчас, когда разрешили в зонах жениться, многие специально расписываются с «зачницами», чтобы в эту убогорайскую комнату время от времени попадать.

Лис сел на кровать. Как и следовало ожидать, раздался тягучий скрип. Под такую музыку шнырю будет веселей дрочить... А откуда он, поганец, подглядывает?

Лис завертел головой, но тут же вспомнил о более важном. Откуда контролирует комнату майор Сазонов?

Видеоконтроль? Вряд ли... Даже с учетом высокого ранга здешних зэков. Может, проводилось разовое мероприятие, потом аппаратуру увозили. Она, гад, дорогая! А вот микрофон где-то всажен как пить дать. Где-то поблизости, чтобы «брат» кровати, а мощность, конечно, невелика... И не автономный радиопередатчик, обязательно с проводком, а проводок куда спрячут? Только в плинтус, на большее фантазии и материальных ресурсов не хватит...

Лис вогнал черенок ложки между плинтусом и стеной, отжал, заглянул в узкую щель. Ничего...

Проделал туже процедуру у другой стены. Есть! Обычный телефонный провод. Куда

он идет... Ага...

Кровати стоят почти рядом, где-то у изголовья... Вот зачем здесь обои понадобились...

– Что ты там разглядываешь?

На пороге стояла Натаха.

– Тараканов ловлю.

Лис встал, повернулся, шагнул навстречу. Что-то было не так. Он ощущал стриженую голову, мятую эковскую одежку, ощущал свое бессилие и безвластие, полную подчиненность всем – от прапорщика войскового наряда до подполковника Жистовского и разнокалиберных чиновников на разных уровнях уходящей высоко-высоко пирамиды МВД.

Такое чувство появилось впервые, преодолевая его, Лис сделал еще один шаг.

– Осужденный Корнев, срок шесть лет, начало срока – десятое декабря девяносто третьего года, конец срока – десятое декабря девяносто девятого года... Натаха с интересом осматривалась.

– А здесь неплохо... Там, где вы живете, в камерах, тоже так?

Ее отличало умение задавать дурацкие вопросы но ощущение неловкости у Лиса тут же пропало. Она действительно не придавала значения эковской стрижке и одежде, казенной убогости обстановки. Она по-особому видела мир, выделяя только хорошее, и в этом состояло ее счастье.

Шнырь стоял в коридоре и неотрывно глазел на Натаху. Высокая, гибкая, тонкая талия, покатые бедра... Она всегда носила короткие юбки, а ноги были длинными, она как-то померила – девяносто пять сантиметров, да еще шпилька... Глаза шныря остекленели, рот перекосила похотливая улыбка. Он мог начать прямо сейчас, случилось и такое.

Лис показал кулак, захлопнул дверь и защелкнул задвижку. Потом привлек к себе девушку.

– Я тебе пирожки привезла. С картошкой. Хочешь?

– Потом...

Он нащупал ртом ее губы, она ответила, но без особой страстности, как обычно. Зато Лиса залило жаркой волной нетерпения.

– Раздевайся!

– Сейчас... А куда выходит окно?

Наталья родилась под знаком Близнецов и действительно состояла из двух сущностей: одна опытная, умелая и бесстыдная, вторая – застенчиво-целомудренная.

В предельно недвусмысленной ситуации вторая половина пыталась сгладить острую непристойность предстоящего, задавая какой-нибудь обыденно-невинный и абсолютно неуместный вопрос.

Как-то в загородной роще на укромной полянке, поиски которой уже возбуждали Лиса до предела, Натаха, приспустив трусики, замерла, подняв лицо к небу.

– Какой это самолет? Ты знаешь, как он называется?

Лис смотрел на длинные, тонкие, коричневые от загара ноги, открывшуюся белую полоску живота, пышный треугольник лобка и с нетерпением ожидал, когда она нагнется и под маленькими бледными ягодицами появятся кожистые складки, поросшие короткими курчавыми волосами. Ругнувшись про себя, он тоже задирает голову, рассматривая серебристый силуэт на синем фоне безоблачного неба – тоже красивое зрелище, но не в данный момент.

– Ту-134, – собрав все свои познания в области авиастроения, сказал он, сглатывая вязкую слюну.

– Ты точно знаешь? – озабоченно уточнила Натаха, как будто именно от этого зависело – спустит ли она трусики совсем или вернет на место.

– Точно, точно, раздевайся!

Сгладив по своим пониманиям неловкость момента, вторая половина Натахи уходила в тень. Скомканые трусики небрежно бросались на траву, и Лис наконец видел что хотел и что хотел делал...

– Окно выходит во внутренний дворик, он отгорожен от остальной зоны, раздевайся!

Очень медленно Натаха сняла кофточку, расстегнув «молнию», вылезла из юбки. В это

время Лис расстегнул застёжку лифчика. Девушка опустилась на кровать, раздался противный скрип. Когда Лис сел рядом, звук повторился.

– Почему она так скрипит? – спросила второй Близнец.

– Не знаю.

Лис поддел пальцем перепонку между чашечками бюстгалтера и потянул на себя. Из-под белого атласа выскочили груди, мягкие, они обвисали, но длинный сосок смотрел не вниз, а вперед и чуть вверх, что спасало привлекательность маркоташек. И точно – маркоташки. Жаргонное зоновское слово как нельзя лучше подходило к грудям Натахи.

Она сидела в прежней позе, с подчеркнутым интересом переводя взгляд с обшарпанной тумбочки на стул, оттуда – на второй, потом на стол и снова на тумбочку.

Чашечки бюстгалтера сохранили форму, и казалось, что у Натахи четыре груди – две под атласной тканью и две голые, свисающие из-под нее.

– Давай!

Лис нетерпеливо завалил ее на кровать, мигом содрал и забросил куда-то трусы. Яростный скрип кровати дал знак, что длительное свидание началось.

Потом Натаха подмывалась холодной водой, что крайне вредно, если верить журналу «Здоровье». А Лис стоял рядом и под шум льющейся воды шептал в маленькое, смешно оттопыренное ушко:

– Здесь микрофон, ни о чем важном не говори. Тебе надо будет сделать вот что...

Трое суток пролетели быстро. За это время кровать скрипела много раз, много раз лилась вода, заглушая шепот Лиса. Натаха выучила инструктаж наизусть.

– Если сделаешь все как надо, в следующий раз встретимся на свободе,

– прошептал Лис, прощаясь.

Микрофон оперчасти ничего интересного для дела оперативной разработки Коренева не зафиксировал. Только скрипы кровати, изредка охи Наташки, да глухие стоны Лиса. Впрочем, опера слушали запись с интересом.

Глава пятая УБИЙСТВО КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

Люди, умеющие убивать других людей, делятся на две категории: тех, кого специально учили это делать, и самоучек.

Парадокс состоит в том, что самоучки убивают чаще.

**Советник юстиции Трембицкий – старший следователь по особо важным делам
прокуратуры Тиходонской области.**

В предусмотренной планом «Зет» Северо-Кавказской зоне режима повышенной безопасности, центр которой располагался в Тиходонске, продолжали проводиться заградительные, фильтрационные и оперативно-профилактические мероприятия.

На дальних границах режимного периметра бойцы дивизии внутренних войск перекрыли грунтовые сельские дороги и тропинки, которыми пользовались похитители скота, перевозчики наркотиков и прочий малоорганизованный криминальный люд из сопредельных кавказских республик.

На основной трассе стоял суровый тиходонский ОМОН, с которым безуспешно пытались договориться «по-хорошему» представители крупных преступных кланов, привыкших свободно гонять через «прозрачную» границу грузовики с самодельной водкой, оружием, мешками настоящих и фальшивых денег, цистерны с бензином и соляжкой.

Несколько раз мощные КамАЗы на скорости прорывались сквозь заслон, снося хлипкие барьеры передвижных ограждений, но омовцы открывали огонь, дырявили скаты и кузова, а непонятливых водителей вразумляли самым убедительным, хотя и абсолютно незаконным способом.

Пули и мощные кулаки убедили наконец заинтересованных лиц, что с ними не шутят, и они предприняли попытку запугать мешающих «делать дело» ментов.

Утром к КПП на роскошной иномарке, названия которой никто из бойцов определить не смог, подъехал чрезвычайно уверенный в себе огромный краснолицый и усатый джигит,

одетый с вызывающей кавказской роскошью, с массивным, как кастет, золотым перстнем и выставленной напоказ золотой цепью с палец толщиной.

На поясе у джигита едва прикрытый легкой курточкой из превосходной лайковой кожи висел пистолет в открытой кобуре, в машине лежал короткий автомат.

– Где командир? – с подчеркиваемым акцентом спросил он. – Серьезный разговор есть!

Командира на месте не оказалось, а заместитель, капитан Водолей, вышел к визитеру. Он не уступал джигиту ни ростом, ни телосложением и хотя одет был попроще – в защитный камуфляж с десантной тельняшкой, уверенностью превосходил его.

Очевидно, исходящие от Водолея биоволны смутили джигита, но отступить он не собирался.

– Смотри сюда! – распахнув багажник иномарки, он показал большой полиэтиленовый мешок, набитый пачками денег.

– Хочешь – себе бери, хочешь – на всех дели. Мало – еще привезем. Но мешать нам не надо!

– А что будет? – лениво спросил Водолей, Щупая джигита внимательным взглядом маленьких медвежьих глазок.

– Нехорошо будет. У нас народ горячий, все друзья, родственники, оружие есть, мы обид не прощаем. И когда нам мешают – не любим.

Джигит полез за пазуху, извлек конверт.

– Вот, просили передать!

Капитан прочитал письмо. На двух страницах изобилующего ошибками корявого рукописного текста содержались угрозы в адрес командира, бойцов и всех их родственников до седьмого колена. Угрозы были изощренно-зловещими, часто встречалось обещание превратить омоновцев в женщин.

– Ясно.

Водолей сунул письмо в карман.

– Разрешение на оружие есть?

– При чем это? – полуудивился, полуоскорбился джигит. – Конечно, есть!

Он достал документ с гербовой печатью и витиеватой подписью.

– Видишь, кто подписал? Сам Президент!

– Я такого президента не знаю, – спокойно сказал капитан. – На территории России разрешения выдаются органами внутренних дел. Такое разрешение у тебя есть?

– Я на два метра на твою территорию заехал Могу назад сдать...

– Ты и живешь на российской земле. Был бы приказ, мы бы вас этому давно научили.

Водолей махнул рукой и скомандовал подскочившим бойцам:

– Досмотреть машину, проверить документы, деньги, оружие изъять, составить протокол!

Джигит рванулся в сторону, но Водолей поймал его за руку, легко остановил и изогнул кисть на болевой прием.

– Давай пушку!

Пистолет из открытой кобуры переключался в карман армейского комбинезона.

– Я твою маму...

Водолей без замаха ударил и сбил противника с ног. Тот вскочил и вновь кинулся на капитана. Несколько точных ударов опять бросили его на землю. Теперь он не торопился вставать.

Капитан присел рядом на корточки и спокойно объяснил, что он сам и его бойцы могут превратить в женщину и джигита, и его друзей, родственников и вообще всех соплеменников. А заодно сообщил, что тиходонский ОМОН соблюдает принцип кровной мести, столь любезный единоверцам джигита. И если кто-то из бойцов окажется ранен или, упаси Бог, убит, то его кровь падет на головы жителей приграничной полосы. Это же предупреждение было сделано во всеуслышание для местных в течение следующего часа.

Опозоренный джигит отбыл восвояси, а Водолей выдвинул вперед два «бэтэра» и распорядился выдать бойцам дополнительный боезапас. Но больше попыток «наехать» на ОМОН сопредельная сторона не предпринимала.

Зато отряды вооруженных и груженных чем-то людей попытались пройти через перевалы. Раньше их закрывала местная милиция, договориться с которой не составляло особого труда.

Теперь горы оседлали солдаты оперативной бригады дивизии внутренних войск. «Краповые береты» в переговоры не вступали, пытавшихся сократить дистанцию укладывали лицом в грязь и отнимали оружие.

На Клухорском перевале заслон попытались сбить с двух сторон. Из Абхазии возвращался отряд боевиков Конфедерации горских народов, а навстречу двигались чеченские контрабандисты с двумя мешками фальшивых долларов. Именно насчет этого груза безуспешно сталкивался с капитаном Водолеем чернорусый джигит.

Пятнадцать несговорчивых спецназовцев были для сорока человек костью в горле, и они, переговорив по портативным рациям, одновременно бросились в атаку, рассчитывая на численное превосходство и южный темперамент.

Командир группы «краповых беретов» старший лейтенант Крапивин по... плотности огня определил, с какой стороны находится больше стволов, и выставил туда станковый пулемет, гранатомет и семерых автоматчиков. По другому СКЛОНУ работали «ручник» и четыре автомата.

Очень скоро и считающие себя мастерами боевых действий добровольцы КГН, и привыкшие к скоротечным городским перестрелкам контрабандисты поняли, что такое стратегически выгодная позиция, профессиональная военная подготовка и мощное оружие.

Кинжальный огонь «станкача» мгновенно проредил «конфедератов», а пущенная в основание неустойчиво стоящего камня граната вызвала небольшой обвал, после чего уцелевшая половина отряда в панике покатила вниз.

Десяток контрабандистов, потеряв троих, тоже спешно отступили. По обе стороны перевала раздавалась отборная русская брань с сильным кавказским акцентом.

В самом Тиходонске ежедневно проводились рейды по значным местам, гостиницам, рынкам.

Оперуполномоченный Центрального РОВД капитан Макаров получил от своего агента информацию, в триста двенадцатом номере гостиницы «Интурист» поселились два азербайджанца, торгующие наркотиками. Дежурная по этажу сообщила, что постояльцы ведут себя хорошо, очень вежливы, никаких претензий к ним нет.

Макаров с коллегой зашел в номер, осмотрелся, принялся. В спортивной сумке под кроватью находились поли этиленовые пакеты с коричневым порошком. К тумбе стола снизу прикреплен лейкопластырем небольшой браунинг с пятью патронами.

Они прождали около двух часов, пока услышали скрежет ключа в замке. Макаров, обнажив «ствол», стал за дверь, напарник притаился в туалете. Человек с ключом находился в хорошем настроении: он напевал себе под нос веселую мелодию:

– Та-рам-пам-пам, га-рам-пам-пам.

Постоялец был толст, неулюж и с трудом удерживал левой рукой огромный арбуз. Поэтому в номер он вошел спиной, так как не сразу смог вытащить ключ и вставить его с другой стороны.

Когда толстяк развернулся, прямо перед лицом он увидел ствол пистолета.

– Ой!

Мелодия прервалась, руки поспешно взлетели вверх, арбуз упал на пол и с хрустом раскололся.

– Сахарный, – с сожалением сказал капитан. – Что ж ты так.

И деловито спросил:

– Где второй?

Задержанный что-то промычал.

– Ладно, проходи, вместе подождем.

И капитан Водолей, и старший лейтенант Крапивин, и капитан Макаров, и тысячи других солдат и офицеров не подозревали, что выполняют план «Зет».

И уж конечно они не знали о существовании Башки, которому было суждено остановить огромный маховик специальной операции.

* * *

Участковый инспектор Центрального РОВД майор Гапаськов совершал подворный обход своего участка с целью выявления лиц, проживающих без прописки, подозрительных иногородних, а также криминальных элементов.

Очевидно, в восемнадцатой квартире он столкнулся с чем-то чрезвычайно важным, потому что задержался на целых три часа. За это время можно было отработать целый квартал или три девятиэтажки.

Но майор тоже успел немало. Он сытно пообедал, принял триста пятьдесят водки и совокупился с Лидкой два... нет, если быть честным, то полтора раза.

Теперь следовало округлить обход – зайти к уполдому Шерстневу, порасспросить о подозрительных чужаках и от него же позвонить в отдел, доложить. А когда обстановка прояснится, можно решить, нести службу дальше или на сегодня бросить ее к чертовой матери.

Попрощавшись с Лидкой, майор быстро проскочил в дверь и оказался в темном тупике под железной лестницей, ведущей на второй этаж. Сзади щелкнул замок.

«Хорошо, что никто не видит, – подумал он. – А то начнут болтать».

Перед тем как выйти на свет, Гапаськов поправил фуражку и принял независимый вид. Мало ли по какой надобности он здесь находился!

Майор шагнул вперед, в это время между ступенями лестницы на уровне его роста произошло какое-то движение и что-то зашипело. Струя газа «си-эс» попала ему в лицо, он не успел ни зажмуриться, ни задержать дыхание.

Хотя надпись на баллончике называет этот газ «нервнопаралитическим», он не сбивает человека с ног и не лишает сознания. Гапаськов ощутил острую резь в глазах и носоглотке, веки плотно сомкнулись, обильно полились слезы. Перехватило горло, он закашлялся, казалось, сейчас наступит удушье. Кто-то хватал его сзади, поворачивал, как бы собираясь куда-то вести, он плохо воспринимал происходящее, лишь в глубине сознания мелькнула мысль: «Лидка вышла, она поможет...»

Он ждал, что сейчас вновь окажется в квартире, которую только что покинул, окунет голову под кран с холодной водой, и наступит облегчение. Но ничего не происходило. Никто не собирался его куда-то вести, и вообще рядом с ним никого не было.

Развернувшись, Гапаськов пошел назад, нашаривая знакомую, обитую дерматином дверь, но попадалась только холодная кирпичная стена.

– Что случилось? – услышал он встревоженный Лидкин голос, хотел ответить, но не смог, надрывный кашель сотрясал крупное, заплывшее жиром тело.

– Заходи, сейчас нашатыря дам...

Через пятнадцать минут прибыли вызванные Лидкой «скорая помощь» и два милицеских автомобиля: патрульный УАЗ и «волга» начальника райотдела. К этому времени участковый отошел, только пятнами горело лицо и слезились покрасневшие глаза.

– Телесных повреждений нет, состояние опьянения, – сказал Симакову и Савушкину вышедший из квартиры врач.

Следом вышел и сам Гапаськов. При виде начальства он растерялся и шагнул назад.

Острая догадка пронзила Савушкина.

– Где оружие?!

Участковый привычно лапнул по правой ягодице. Челюсть у него безвольно отвисла. Кобура была срезана. Пистолет, два магазина и шестнадцать патронов исчезли.

– Я, я... – он пытался что-то объяснить, но заплетающийся язык не слушался.

– Потерял по пьянке, мерзавец, – рявкнул Симаков. – На освидетельствование его, и вызывайте инспекцию!

В это время Амбал с Ржавым рассматривали добычу. Пистолет был тяжелым и грозным. Вороненая сталь, темновишневая пластмассовая рукоять, белый срез ствола с угадываемой внутри спиралью нарезов.

Амбала распирало новое, неизвестное ранее чувство. Подчиняясь ему, он взвел курок и прицелился в голову Ржавому.

– Брось! – Тот нырнул, уходя с линии прицела. На маловыразительном лице проступил

страх.

Амбал довольно рассмеялся.

– Не ори! В стволе-то ничего нет!

Вот так бояться его будут все! Маленькая стальная машинка, предназначенная для отправления людей на тот свет, придавала ему колоссальную силу и могущество.

– Клал я на них с прибором!

Под «ними» он подразумевал Рынду, Баркаса, их дружков.

– Если у нас у всех будут «пушки», весь город на колени поставим! Ржавый медленно выпрямился. Страх прошел, но лицо сохраняло недо – вольное выражение.

– Казну ни хера не собрали! Каждый раз на ментов нападать? Обязательно напоремся, шкуру продырявят...

– Да, крупные бабки сделать трудно... Особенно без стволов... Амбал подумал.

Квартирные кражи требовали точной наводки, умения работать с замками, а главное – каналов сбыта. Он не любил долгой возни. Другое дело – дал по голове и забрал бабки! Пять минут, и все!

Но это уже пройденный этап. А вот казино, где крутятся миллионы... И сопливые охранники с газовыми хлопушками...

Амбал вынашивал идею налета на казино «Три карты». Оно находилось под «крышей» Короля, но Амбал этого не знал и знать не хотел. Все упирается в оружие...

– Пусть Веретено назначает «стрелку» этим залетным...

– А Шершень?

Оскал крупных, с темным налетом зубов должен был изобразить дружескую улыбку.

– Шершня грохнуть выгодней, чем шесть лимонов платить! Кто это сказал?

– Сказать одно... Веретено его знает. И вообще, если мочить всех подряд, очень быстро лоб зеленой помажут...

– Никто Шершня мочить не будет! Припугнем, пообещаем долю... Амбал сунул оружие за пояс.

– Пойдем, прошвырнемся! Может, встретим кого...

По скрипучей деревянной лестнице Башка поднялся на второй этаж и стукнул кулаком в ветхую, латанную кусками жести и фанеры дверь. Казалось, от этого толчка дверь рухнет и весь дом развалится: уже лет пятнадцать он числился в списке аварийных и подлежащих сносу.

В маленьком окошке за треснувшим стеклом мелькнула лисья мордочка Пистона. Башку он хорошо знал, потому открыл без дополнительных расспросов.

– По делу или как? – Цепкий взгляд обшарил пришедшего с головы до ног. – Раз без бутылки, значит, по делу. Что надо?

В небольшой полутемной комнатке пахло сыростью. На письменном столе горела яркая настольная лампа, под ее светом с помощью простейших подручных средств: бритвочки, скальпеля, фотобумаги, сырой картофелины – Пистон выполнял свою тонкую работу.

– Фотку надо переклеить, – Башка протянул удостоверение подполковника Галенкова.

Пистон раскрыл его, прочитал, присвистнул.

– Ого! Откуда оно у тебя?

– Нашел.

– Ага... Ладно, заходи вечером, сделаю. И бабки захвати.

– Сколько?

– Пятьдесят штук.

Башка прикинул, что осталось в казне.

– Сейчас тридцать. И после «дела» тридцать.

– А что за «дело»?

Остренький носик Пистона нетерпеливо втягивал воздух. Раздосадованный Башка понял, что сболтнул лишнее.

– Оно тебе надо! – грубо сказал он. – Сказал отдам, значит, отдам!

Пистон кивнул.

– Я почему спрашиваю: бывает, пошли на «дело» и никто не вернулся. А бабки мои пропали!

Когда Башка ушел, Пистон сел к столу под яркий свет рабочей лампы и тщательно осмотрел документ. Он был заклеен тонкой защитной пленкой. Интуиция подсказала, что снять ее нельзя: клейкое покрытие сдерет за собой все надписи, подпись, печать... Нет, надо действовать по-другому...

Половинкой бритвенного лезвия он обвел фотографию по периметру, поддел ее скальпелем, подрезал снизу и вынул прямоугольник размером четыре на шесть сантиметров вместе с защитной пленкой.

Несколько мгновений смотрел на усталое лицо человека в военной форме.

«Нашел, значит!» Об убийстве чекиста говорил весь город. «Вот идиот!»

Пистон повертел фотографию Башки, чуть подровнял в одном месте острыми ножницами, смазал клеем и аккуратно вставил в белеющее, словно бельмо, пустое пятно, сразу же лишившее удостоверение официальности и властной силы.

Но и морда Башки в узком, одолженном у кого-то пиджаке и перекрученном галстуке не вернула документу прежнего вида.

Искусно скопировав оттиск печати в левом нижнем углу фотографии, Пистон решил не восстанавливать защитную пленку – тогда подделка будет сразу бросаться в глаза. А так...

Он придирчиво рассмотрел удостоверение на расстоянии вытянутой руки. Нормально! По сравнению с рожей нового обладателя отсутствие пленки на фотографии – сушая ерунда.

«Какое же „дело“ они затевают с этой ксивой?» – подумал Пистон, наводя порядок в орудиях своего труда.

В конце концов, это его не касалось. Он сделал свою работу. Оставалась одна малость...

Пистон быстро переоделся и выскочил на улицу. На трамвае доехал до Тринадцатой линии, постучал в железную калитку. Фома оказался дома.

– Вот кто комитетчика грохнул! – Он вынул ксиву, раскрыл, ткнул пальцем.

– Башка из команды Амбала. Они на Кировском тусуются, возле ипподрома. И живут там же, в Ломовом квартале... Фома протянул руку, но Пистон поспешно спрятал бордовую книжечку.

– Не могу, скоро отдавать... Они с ней на «дело» собираются...

– Ладно, – Фома почесал вдавленную переносицу. – Я передам.

Через два часа он сообщил новость Гангрене.

– Мать твою за ногу! – изумился тот. – Молодняк такие дела творит! Чекистов мочат, их ксивы подделывают... Когда такое было?!

* * *

В обеспечении плана «Зет» принимали участие откомандированные в Тиходонск представители ряда центральных ведомств.

Капитан Бобылков представлял Федеральную службу контрразведки, майор Сиротин – МВД, майор Фиников – Главное управление охраны, майор Малинкин

– Министерство обороны. Каждый осуществлял свою линию работы, опираясь на местных коллег, лишь Фиников из ГУО действовал самостоятельно и осуществлял общее руководство московской бригадой.

Это был сорокатрехлетний плотный человек с большой круглой головой, маленькими круглыми ушами и большими, тоже круглыми глазами. Короткая прическа, в которой седых и черных волос виделось примерно поровну, постоянная настороженность, чувствующаяся во всем во взгляде, повороте головы, походке, выборе места, где можно позволить себе остановиться или сесть.

Он профессионально занимался охраной особо важных персон больше двадцати лет, работал вначале в среднем круге, потом в ближнем, последние годы обеспечивал дальний радиус.

Его сместили рекламы многочисленных фирм, готовящих частных телохранителей и обещающих выучить их снайперской стрельбе и эффективному рукопашному бою. Потому что задача личного (ближнего круга) телохранителя состоит вовсе не в том, чтобы драться и

отстреливаться. Его единственная обязанность – прикрыть собой охраняемый объект и принять предназначенную ему пулю или осколок.

И средний круг, находясь в гуще толпы, практически лишен возможности применять оружие – тут расчет на физическую силу и знание особых боевых приемов – для вытеснения, «перевода в горизонт» и захвата этого достаточно. Ну а вылезет вдруг ствол или выкатится граната – задача та же – грудью, как на амбразуру!

Лишь дальний круг обладает полной свободой действий, у них и «снайперки», и «беретты», и другие хитрые штучки. Именно от дальнего круга зависит, чтобы в непосредственной близости от особо важной персоны не происходили какие-либо эксцессы и их товарищам не приходилось принимать в себя ножи и пули.

Первые два дня Фиников разъезжал на машине Управления ФСК с молчаливым, будто лишенным языка водителем, по основным магистралям Тиходонска, выбирая путь для президентского кортежа.

Город тянулся вдоль реки, из аэропорта к нему вела всего одна трасса, на восточном въезде она расходилась – можно выбирать из трех дорог. Одна явно не подходила, так как проходила через трущобные кварталы старого частного сектора и состояла из одних ям и колдобин. Именно эту улицу Фиников приказал привести в порядок, понимая, что жители полностью одобряют такую дезинформационную акцию.

В толстой записной книжке, с которой он никогда не расставался, отмечались путепроводы, заборы, высокие насыпи, стройплощадки, канализационные люки. Уже сейчас он намечал рубеж для оцепления силами местной милиции, рубеж для ОМОНа, рубеж для «Альфы», прикидывая расположение своих людей, снайперов, определителей оружия и взрывчатки. Подсчитывал, сколько надо будет выставить контрразведчиков и военных в штатском для разбавления толпы встречающих.

Ему очень не понравилась законсервированная стройка в двухстах метрах от шоссе – девятиэтажное здание длиной в квартал с бесчисленными квадратами будущих окон и балконных дверей. Приказав водителю остановиться, Фиников извлек из портфеля мощную подзорную трубу, раздвинул и навел на бетонный каркас, медленно осматривая этаж за этажом.

Лучшее место для снайпера – на пятом, вон в том проеме... Подзорная труба, резко вскинутая вверх, поймала отблеск, который тут же исчез.

– Что за черт!

Просто так ничего в природе не отблескивает, тем более там, где наиболее удобно расположиться снайперу. Или бинокль, или оптика прицела! Нет, для прицела рановато, скорее такая же подзорная труба, ведь сейчас идет только подготовка к спектаклю...

– Оружие есть?

Водитель не понял, что вопрос обращен к нему, потому никак не отреагировал. Пришлось повторить.

– Откуда? Тревоги ж не объявляли... Фиников вытащил из портфеля маленький плоский пистолетик.

– Держи. Обращаться умеешь?

– Чего хитрого, у шефа такой – ПСМ.

Водителю явно не хотелось выходить из машины, но приказ он выполнил.

– Мало ли что там могло сверкнуть... Может, мальчишки с зеркалом балуют! Может, лист стекла или железка какая...

– Не ной! – пристрожил Фиников. – Вперед! Ты по этой лестнице, я – по той!

– Да кто там может быть, – продолжал ныть водитель, с опаской приближаясь к лестнице.

Наверху находился Мастер. Он тоже проводил рекогносцировку. Девятиэтажная бетонная коробка недостроенного здания сразу же наводила на мысль о возможной засаде, а потому для настоящей засады не годилась. Зато идеально подходила для ее имитации. Именно сюда он собирался уложить Свистуна со старой испытанной «снайперкой» самого Мастера.

Наибольший отрезок трассы открывался с широкого балконного проема пятого этажа. И траектория пули будет наиболее пологой. Свистун все, равно не попадет, да ему и не да-

дут попасть, но необходимо выдержать полное правдоподобие.

Мастер занял выгодную позицию и принялся рассматривать улицу сквозь оптический прибор, напоминающий снайперский прицел и сочетающий свойства дальномера и определителя угловых поправок.

Просматривая через трехкратный окуляр лежащую внизу улицу, Мастер вдруг наткнулся на внезапно остановившуюся черную «волгу» и тут же встретился взглядом с человеком, уставившим на него подзорную трубу. Он отпрянул назад, но, судя по реакции незнакомца, понял сразу две вещи: во-первых, это не случайный зевака, а во-вторых, он засек его и собирается задержать.

Аккуратно сунув приборчик в мягкий замшевый футляр, Мастер спрятал его в специальный, обшитый ватой карман под мышкой и быстро двинулся наверх. Оглянувшись, он убедился, что оставляет на слое белесой пыли отчетливые следы туфель.

Задержавшись на миг, Мастер достал из кармана два мешочка с завязками на горловине, вдел в них ноги и закрепил веревками чуть выше щиколоток. Теперь он мог передвигаться практически незаметно: бесформенные белые отпечатки сливались со следами мела, известки и бетонной пыли.

Уходить можно было по одной из двух лестниц, но по каждой поднимался преследователь. Следовало определить – кто из них менее опасен...

Мастеру сразу не понравился круглоголовый крепыш, прыгающий через несколько ступеней и явно имеющий значительный опыт в достижении поставленных целей. Второй шел с явной неохотой, боязливо держал на отлете маленький пистолет, нервно оглядывался и явно не умел определять наиболее опасное направление и фиксировать на нем внимание. Это должно было стоить ему жизни.

Взлетев на пятый этаж, Фиников внимательно осмотрел тот самый балконный проем, но ничего не обнаружил. Какие-то разводы на белесой пыли, то ли заметали веником, то ли что-то волочили. Отчетливых следов нет. Но нет и куска оцинкованного железа, листа стекла, подвешенного на веревочке зеркала – ничего, на что можно было бы списать подозрительный блик.

Чем больше Фиников рассматривал пыльный пол, тем больше ему казалось, что здесь были следы, но кто-то их совсем недавно уничтожил.

Включив фонарь-карандаш, он осмотрел всю прилегающую территорию и в тени, за высоким порогом, обнаружил четкий и свежий отпечаток ботинка.

«Где-то сорок четвертый размер», – подумал он, вновь выходя на балкон и машинально бросая взгляд вниз. В сторону оставленной машины шел высокий плечистый человек, который вполне мог носить обувь сорок четвертого размера. И вышел он именно из этого дома, из правого подъезда, перекрываемого водителем оперативной машины УФСК.

«Как его зовут?» – подумал Фиников и тут же понял, что он этого не знает. Как же позвать случайного напарника?

– Эй! Эге-ей!

Фиников добрался до следующего подъезда, приготовил «беретту» и осторожно поднялся наверх, до выхода на крышу. Ничего не обнаружив, он спустился на первый этаж. Лестничные марши не имели перил, и площадки тоже были не огорожены. Приходилось соблюдать осторожность и держаться подальше от зияющих пролетов.

Очевидно, водитель не был столь осторожен. Он лежал на бетонном полу первого этажа, и вокруг головы растекалось густое розовое пятно.

Фиников поискал вокруг. Пистолет обнаружился в двух метрах, на куче цемента. По виду он был вполне исправен, предохранитель остался включенным – водитель явно не собирался стрелять. Аккуратно подняв ПСМ за спусковую скобу, Фиников завернул его в носовой платок и спрятал в карман, чтобы потом свои специалисты проверили отпечатки. Рассказывать о незаконном вооружении сотрудника другого ведомства Фиников не собирался.

Покончив с неотложными делами, он вернулся к машине и по рации запросил помощь.

Через десять минут весь квартал был оцеплен, сотрудники милиции в обычной форме, штатском и боевом камуфляже прочесывали прилегающие дворы, подворотни, «проходняки». Участковые ходили по квартирам, выискивая очевидцев происшествия. Но ничего, проливающего свет на гибель еще одного сотрудника ФСК, установить не удалось.

Единственным трофеем стал зафиксированный след неизвестного мужчины ростом сто восемьдесят пять плюсминус четыре сантиметра и весом около восьмидесяти двух килограммов.

* * *

– Покажь деньги! – Залетный казался парнем «крутым» и предусмотрительным. Надуть такого непросто.

– Покажь стволы! – заявил в ответ Амбал. – Хотя бы один!

– Покажь, Калинка, он отвечает, – потянул мазу за Амбала Шершень. В конце концов, залетные есть залетные, сделали дела и улетели, а свои остаются.

Калинка подумал. Он был высок, худ и жилист, с короткой, не успевшей отрасли стрижкой, резкими чертами лица и нервными, дергаными движениями. Продолжая размышлять, он впился горячечно блестящими глазами в остроносую мордочку Шершня.

– Ты за них подписываешься?

Шершень поежился, но под угрюмым взглядом Амбала кивнул.

Разговор происходил в коммерческом ларьке, который держал Шершень. Веретено стоял на улице, подпирая дверь, Амбал сидел на кушетке, назначение которой в любой подобной точке не отличалось разнообразием. Калинка сидел чуть сбоку, на ящике с водкой, а Шершень закрыл торговую амбразуру и прислонился к ней спиной.

– Отвечаю, Калинка, точняк! Я ребят давно знаю.

– Ладно.

Калинка добродушно улыбнулся.

– Стволов у меня при себе нет. А у тебя нет бабок. Точняк?

Амбал осклабился в ответ.

– Все боятся подлянок. Тем более сейчас часто туфту впуливают.

Он сказал это наугад, но попал в цвет. Пистолеты Калинка брал из дефектованной секции оружейного склада, потому и цена была смешной – четыре сотни за ствол. Расчет строился на быстроте: пушки новые, первой категории, все детали на месте, поспавать их лохам – и дернуть из города. А раз уже слух пошел, надо избавляться от последних трех штук немедленно.

– Ладно, пошли. Нас двое, вас двое. Ты и Веретено.

Амбал отрицательно покачал головой.

– Нет. Веретено в железках ни черта не понимает. Я другого кореша возьму, он – спец. А Веретено деньги принесет. Отстреляем – забирайте.

Теперь Калинка покачал головой.

– Чего их стрелять? Новые – и есть новые. Только патроны переводить.

– Ну ладно, пойдём.

Недалеко от ларька дожидался Башка. Амбал поднял ладонь, и он приблизился. Бледный, облизывается, руки дрожат. Трусит, сволочь!

Калинка, в свою очередь, подал «маяк», и через дорогу пошел его дружок Плойка в маленькой кепочке, прикрывающей зэковскую стрижку, с портфелем в руке.

Сойдясь вместе, Плойка и Башка не поздоровались, от этого напряжение у всей четверки возросло.

– Пойдем туда, – Амбал указал в сторону рощицы рядом с железнодорожным полотном.

Плойка и Калинка переглянулись.

– Только вы вперед!

– Как хотите, – безразлично ответил Амбал.

Они с Башкой углубились в рощу. Чуть дальше появится разрушенный дом путевого обходчика с глубоким подвалом. Там ждут Ржавый, Попугай и Валек.

Зайдя в развалины, Амбал закурил Залетные замешкались. Калинка взял что-то из портфеля и сунул за пазуху. Потом они все же перелезли через разрушенную стену.

– Показывай! – скомандовал Амбал.

Плойка открыл портфель, извлек треугольный сверток и развернул тряпицу. Новень-

кий черный пистолет приковал взгляды «покупателей».

– Похоже, и правда новые! – удовлетворенно сказал Амбал. – А другие? Калинка вытащил из-за пазухи еще такой же. Плойка распахнул куртку, обнажив черную блестящую ручку.

– Три?

– Больше нету.

– Надо будет, наши еще партию привезут, – добавил Калинка, чтобы местные не подумали, будто по их следу больше никто не придет.

Амбал отбросил лист фанеры и несколько досок, пошарил рукой в пыли, уцепил железное кольцо и с усилием поднял крышку подпола.

– Аида, там хоть из пушки шмаляй, ничего не слышно!

– Чего зря патроны жечь! – недовольно сказал Калинка. – Ты видишь – воронение не тронут. Как сделали в пятьдесят четвертом, так и лежали на складе в масле.

– За патроны заплатим. А пробовать один хрен надо...

Амбал хотел первым спуститься в люк, но, взглянув на мандражирующего Башку, передумал. Толку от него здесь никакого не будет, а вдвоем залетные вниз не полезут.

– Давай ты, – он ткнул пальцем в Калинку. – И ты, – указал он на Башку.

– Попробуйте два ствола, если нормально – возьмете третий.

Сплюнув и держа оружие наготове, Калинка полез в черный провал люка, откуда ощутимо тянуло затхлостью и прохладой. Следом двинулся Башка.

За деревьями проходил длиннющий товарняк. Лязг, гул и грохот были такими, что действительно заглушили бы автоматную очередь.

Амбал сел на груды кирпича, прикрыв его сверху доской, чтобы не запачкаться. Он был совершенно спокоен. Плойка заметно нервничал, Амбал закурил и дал сигарету ему.

Состав притормаживал, послышался протяжный скрип тормозов. Грохот и лязг стали более ритмичными.

Плойка что-то сказал. Амбал показал, что не слышит. Поправив маленькую кепочку, залетный наклонился, заглядывая в люк.

Бесшумно, по-кошачьи вскочив, Амбал с силой ударил ногой в позвоночник, между лопаток. Будто срубленное топором, тело провалилось в подвал. Амбал прыгнул следом.

Валек и Ржавый гвоздили Плойку железными трубами, тот корчился, слабо двигая руками, – то ли пытался защититься, то ли агонизировал.

Калинка был уже готов, и Башка обшаривал одежду, шмонал отлетевший портфель Плойки.

Земля перестала дрожать, грохот стих.

– Быстро прячем и уходим, – крикнул Амбал обретшим силу голосом. – Все забрали?

– Все!

Ржавый вытащил за ноги перебитое тело Плойки в угол, свалил в заранее вырытую яму. Валек бросил туда же труп Калинки. Обломками досок спешно загребли двойную могилу, завалили камнями, кусками фанеры, битыми бутылками, проржавевшими ведрами.

Вылезли наверх, морщась от дневного света, огляделись. Стоящий на самом высоком куске стены Попугай помахал рукой – все спокойно. Закрыли и замаскировали люк.

– Что взяли? – тяжело дыша, спросил Амбал.

– Три пушки, две пачки патронов, две запасные обоймы – пустые. И еще

– бабки, дурь, фонарь...

Денег оказалось девятьсот тысяч. Анашу тут же забили в беломорину и пустили «косячок» по кругу.

– Бабок должно быть больше, – сказал Амбал, вертя в руках финку с тусклым клинком и наборной плексовой рукояткой. – Они не одну волюну задвинули! Где же остальные?

– Или на своей «яме» оставили, или у Шершня, – сказал Попугай и нервно улыбнулся.

Хотя он и не спускался в погреб, но прекрасно понимал, что там произошло.

– Ладно! Ржавый, Валек, берите стволы. А ты, Башка? Возьмешь?

Башка замялся.

– Где его держать? Да и обращагся не умею. Лучше потом...

Через полчаса вся Компания вернулась в коммерческую палатку Шершня. Тот шеп-

тался о чем-то с Веретеном. Оба выглядели озабоченными.

– А где ребята? – вскинулся Шершень.

– Где они? – одновременно спросил Веретено.

– Уехали...

– Как уехали? – насторожился Шершень.

– Очень просто. Сделали дело и уехали. Калинка сказал, чтобы его бабки ты мне отдал

Я ему через неделю завезу.

– Вы что? Неужели? Спрашивать же с меня будут!

Шершень задрожал побелевшим вмиг лицом.

– Не ори!

Амбал звонко хлопнул его по щеке.

– Ты своей «крыше» сколько отстегиваешь?

Шершень замолчал, переходя с одной мысли на другую.

– Когда половину лимона, когда семьсот штук... А что?

– Когда они приходят?

– Обычно по четвергам...

– Да... Амбал что-то прикинул.

– Теперь мы твоя «крыша». И брать будем всего три сотни, как с кореша. Доволен?

Шершень заморгал глазами.

– А те?

– Покажешь на Попугая, он ответит ко мне. И все решим.

– Ты знаешь, чьи они? – поинтересовался Ржавый. – На кого работают?

– Нет. Степа, Миша, Иван... Их все здесь знают.

– Надо бы уточнить, чтоб не нарваться, – сказал Ржавый Амбалу.

– Ничего не надо Пусть потом они про нас уточняют!

* * *

– Дело в том, что наш банк является акционерным обществом закрытого типа, иными словами, посторонние лица могут приобретать акции только с согласия всех учредителей, – респектабельный джентльмен, подкативший к зданию РУОП на «мерседесе-600» с водителем, был заметно возбужден и не столь заметно испуган, но Крылов привык улавливать флюиды страха и отчетливо ощущал, что председатель правления банка «Золотой круг» сильно боится за свою жизнь, хотя старается это скрыть.

– В последнее время я заметил какую-то нервозность среди учредителей. Петровский улегся в больницу, Басилов плюнул на все и укатил на Кипр – это в самый разгар финансового года! Одилян избегает всяких контактов со мной... Трефилов запил, хотя с ним такого не происходило очень давно!

Хондачев поймал себя на том, что почти кричит, и принудил себя замолчать.

– Простите.

Он поправил узел модного галстука оливкового цвета, сел ровнее и одернул пиджак.

– Собственно, я-то вначале узнал все от Трефилова, – обычным ровным голосом продолжил банкир. – Он заехал ко мне, попарился в сауне, разомлел и после ударной дозы «Смирновской» рассказал, что и Петровский, и Басилов, и Одилян, и он сам свои акции уже продали! Как так, спрашиваю, без согласия всех учредителей, вопреки закону, не поставив никого в известность? С ума вы посходили, что ли?! А он скривился, подумал и объясняет: «На нас „наехали“! Мало мы читали про другие банки? Теперь это произошло с нами!» Я поинтересовался у Одиляна, съездил в больницу к Петровскому, по спутниковой связи соединился с Басиловым... Да, они продали акции! О подробностях говорить не хотят, но намекают, что нас подгребают под себя мощная криминализованный структура, противостоять которой мы не сможем!

– Сколько всего учредителей у «Золотого круга»? – спросил Крылов и сделал еще одну пометку в блокноте.

– Девять.

– Значит...

– Да. Обработав еще одного, они завладеют контрольным пакетом и превратят «Золотой круг» в машину для «отмывания черных денег».

– К оставшимся учредителям подходы были?

– Нет. Они не местные, живут в Москве, занимают серьезные посты в финансовой системе страны и достаточно хорошо защищены.

Крылов кивнул:

– Понимаю. Сегодня они наехали на вас.

Хондачев встал, прошелся по кабинету, постоял у окна. Крупный, начинающий седеть мужчина сорока девяти лет в безукоризненно сидевшем костюме, уверенный в себе, с властными манерами. Но сейчас это была только видимость, внешняя оболочка. Банкира терзал страх.

– Вчера... – Он вернулся к столу, сел. – Накануне я объявил на правлении, что продажа акций таким образом незаконна, и я намереваюсь оспорить незаконные сделки в судебном порядке. И вот вчера ко мне приходит какой-то юрист по фамилии Хасьянов. Я не хотел его принимать, но он передал, что уполномочен вести со мной переговоры о контрольном пакете акций, и я из любопытства распорядился пропустить его к себе в кабинет.

Хондачев вздохнул, потер ладонями виски.

– Совершенно серая личность, явная марионетка. Предложил мне продать свои акции могучей негосударственной компании. И посоветовал не поднимать шума, не обращаться в суд и вообще не затевать скандала. Надо, говорит, быть разумными людьми.

Банкир пристально посмотрел Крылову в глаза.

– Я, наверное, не вполне разумный человек. Вызвал начальника службы безопасности и приказал разобраться с этим типчиком и представляемой им «негосударственной компанией». А потом решил сдать их всех в милицию. Начальник службы безопасности с четырьмя сотрудниками взяли Хасьянова, уехали и... пропали. Поздно вечером мне позвонил Воронцов – директор Центрального рынка, и мягко пожурил: «Что же вы в ответ на выгодное предложение моего юриста чуть ли не под стражу берете да ко мне целую бригаду на разбор посылаете... Куда это годится? Пришлось посадить их в холодильник, пусть подумают. И вы подумайте тоже. До завтра!» Хондачев нервно переплел пальцы, вывернул ладони, суставы щелкнули.

– Я как заору: не выпустишь моих людей, я сейчас всех на ноги подниму

– и угрозыск, и спецназ, и ОМОН! Ну он их выпустил. Пришли потрепанные, в синяках, перемерзшие... Да, говорят, там банда серьезная, ничего мы с ними не сделаем!

Хондачев замолчал.

– Все это произошло вчера, – сказал Крылов. – А вы пришли сегодня. Что же случилось ухе сегодня?

Хондачев полез в карман.

– Вот!

Он положил на стол две вещи: письмо в грубом казенном конверте серого цвета и пистолет ТТ.

– Утром нашел в почтовом ящике.

Крылов аккуратно извлек письмо, держа за края, прочел «Продавай свою долю немедленно. Будешь упираться или пойдешь в ментовку – получишь пулю».

– Более лаконичных и убедительных посланий я за свою долгую деловую жизнь не получал.

Крылов перечитал текст еще раз.

– Что вы мне посоветуете?

– А те, продавшие акции, они дадут показания? – не отвечая, в свою очередь, спросил Крылов. – Что их запугивали, угрожали расправой и все такое?

– Однозначно нет. Они не хотят ввязываться в это дело.

– А вы напишете заявление?

Хондачев задумался.

Крылов тоже замолчал, прикидывая возможности РУОПа. Ну получают заявление, спросят Хасьянова. Тот пояснит – проводил юридическую работу по скупке акций. Все добровольно, на принципах личной материальной заинтересованности. О том, что акционе-

ры не имели права действовать без согласия других учредителей, он, конечно, не знал. Да если бы и знал! Коммерция есть коммерция. Им выгодно – они и продают!

Можно опросить и Воронцова. Заранее известно, что он скажет, дал поручение юристу, все по закону. А беднягу схватили, запугивали, потом к нему самому заявили какие-то люди с угрозами, пришлось вызвать свою охрану.

И все! Про письмо и патрон никто ничего, естественно, не знает, но подозревают, что это чья-то неумная шутка.

Можно приставить к Хондачеву охрану из СОБРа, вдобавок к его собственной. Ну и сколько держать физическое прикрытие? Всю жизнь? Год? Месяц? Неделю? Два дня? Ни один вариант не решает проблемы.

– Заявления я писать не буду, – наконец произнес банкир. – Я ведь все рассказал, и если бы у вас были возможности мне помочь вы бы могли их задействовать уже сейчас. Но, как я понимаю, эффективных методов у вас нет. Так?

Крылов промолчал.

– А заявление нужно как формальность. Для «галочки», для выполнения положенных в таких случаях мероприятий, которые заведомо не дадут никакого результата.

– Мы могли бы дать охрану... Ненадолго... На несколько дней...

– Охрана у меня есть своя, – печально усмехнулся Хондачев. – Но мировая статистика говорит, что она способна предотвратить лишь семь процентов покушений.

Он встал.

– Письмо и патрон вам нужны?

– Оставьте, – кивнул Крылов.

Банкир попрощался.

Подполковник внимательно осмотрел маркировку на гильзе, провел пальцем по округлому телу пули, пробивающей практически любой бронежилет. Именно из-за этого достоинства давно снятые с вооружения ТТ вновь вошли в моду.

Потом перечитал угрожающее письмо. Оно было отпечатано на старой раздолбанной машинке, причем человеком, не имеющим навыка машинописных работ.

Крылов вызвал Королева. После реализации материалов в отношении Быка оперативник почувствовал вкус победы. Чтобы не разочаровывать парня, Крылов так и не раскрыл ему истинных движущих пружин того дела.

– Патрон экспертам, и в картотеку. Письмо тоже экспертам, пусть определяют марку машинки. А ты поищи эту машинку где-нибудь поблизости от Шамана. Ясно?

– Ясно.

Оперативник вышел, а Крылов принялся составлять подробный рапорт о необходимости оперативной проверки По факту попытки группировки Шамана взять под контроль банк «Золотой круг».

Вечером того же дня Хондачев в сопровождении усиленной бригады службы безопасности возвращался домой.

Он ехал в мягкой красной «вольво», рядом с водителем сидел вооруженный охранник, да и у шофера имелось оружие. Самому Хондачеву пистолет не полагался – он должен был полностью доверить свою жизнь оплачиваемым сотрудникам и при этом надеяться, что они будут защищать ее более самоотверженно и беззаветно, чем он сам. Таков был один из бюрократических идиотизмов мира идиотской бюрократии, в котором банкир существовал уже сорок девять лет.

Чуть приотстав, за «вольво» катилась серая «волга-3102» с тремя охранниками, вооруженными не только пистолетами, но и гладкоствольным ружьем крупного калибра.

Смеркалось, центр города запружен автомобилями, сотни красных огней габаритов и стоп-сигналов впереди, сотни ярких галогенных фар сзади, пробки у светофоров, скрип тормозов и скрежет переключаемых передач, рев набирающих обороты моторов...

В комфортабельном салоне «вольво» было тихо, удобно, хорошо думалось. В другое время Хондачев открыл бы бар с мягкой подсветкой и смешал кампари с тоником, чтобы, откинувшись на мягкие подушки, потягивать горьковато-пряную жидкость, отключаясь от суеты прошедшего дня.

Но сейчас дурные предчувствия не давали ему расслабиться. С охраной он чувствовал

себя уверенно, но прекрасно понимал, что, если его захотят убить всерьез, никакая охрана не спасет.

«Надо выкупить все квартиры на лестничной площадке, – подумал он. – Поселить охрану, поставить телекамеры, мониторы, пусть несут службу круглосуточно... И у входа в подъезд поставить постоянный пост...»

Но и это ничего не даст. Могут садануть по квартире из гранатомета, а то и вообще взорвать дом.

В аналитическом мозгу банкира, привыкшем находить самые выгодные варианты сохранения ценностей, сейчас, когда речь шла о собственной жизни, мелькала какая-то догадка, но додумать уже не оставалось времени.

«Вольво» резко затормозила, но все равно ударилась о твердую преграду, послышался шелест сминаемого металла, утробно охнул, натываясь на руль, водитель, охранник головой достал ветровое стекло и обмяк.

Сзади вынырнувший из бокового проезда грузовичок с укрепленным железными трубами капотом протаранил серую «волгу», отбросив ее на несколько метров в сторону.

Но Хондачев этого не видел. Мягкая обивка салона спасла его от удара, и он сохранил сознание, хотя и упал между сиденьями. Когда распахнулась правая дверца, краем зрения банкир увидел обтянутую черным свитером руку, черную перчатку и длинный черный пистолет.

С улицы донеслась автоматная очередь, и туг же салон «вольво» взорвался от грохота. Желто-синий сноп пламени протянулся от среза ствола к голове лежащего на полу человека, но пуля лишь вскользь чиркнула по шее, обдав весь организм Хондачева горячей волной боли и предсмертного ужаса.

Черная рука просунулась глубже в кабину, холодная сталь больно уткнулась в висок, дернулась раз и другой, послышалось сдавленное ругательство. Пистолет заклинило.

Тем временем пришел в себя водитель, который не сломал грудную клетку о рулевое колесо, как происходит в отечественных машинах, а согнул травмобезопасную рулевую колонку, отделавшись легким ушибом.

Он нашарил на поясе оружие, отстегнул застежку кобуры и резко повернулся.

– Ложись, сука! – рявкнул он как учили.

Нападающий отпрянул и захлопнул дверь.

– Как вы, шеф?! – почему-то громко заорал водитель.

– Ранен... Хондачев ладонью зажимал сорванный лоскут кожи.

– Уходим! – хрипло скомандовал он. – В больницу надо!

Но вокруг получилась такая пробка, что выбраться из нее было нельзя. Человек в черном свитере запрыгнул в машину таранившего «волгу» гру-

зовика. Лицо его было закрыто маской из черного чулка. Еще один нападающий в такой же маске, но с коротким автоматом в руке, сел за руль. Взревел мотор, и грузовик задом заехал в тот же проезд, из которого выехал.

С оханьем выпрямился на переднем сиденье охранник, оглаживающий разбитую голову. Из «волги» подбежали еще двое.

– Как вы? Целы? Автоматчик, видно, на испуг стрелял... Поверху... Крышу продырявил, стекла, Артему в ногу попало, видно, рикошетом...

Хондачев уже сидел как обычно, откинувшись на подушки. Платком он пытался обмотать шею.

– Давайте я, шеф, – один из охранников ловко наложил на рану индивидуальный пакет.

– Поверхностная. Всем повезло!

– Знаете, кому особенно повезло? – повернувшись к оптимисту всем корпусом, спросил банкир. – Этим бандитам. Они должны были лежать на асфальте дохлыми! Именно за это вам платят деньги!

Хондачев попробовал двинуть шеей и поморщился.

– Кто из вас выстрелил? Хоть один раз? Кто?

Ответом было молчание.

– На их стороне преимущество, шеф, – буркнул старший охранник. – Защищаться все-

гда труднее, чем нападать...

«Вот именно», – подумал Хондачев. И догадка, мелькнувшая за миг до покушения, развернулась в четкую, отточенную, логически законченную мысль.

З а щ и т н и к д о л ж е н о п е р е ж а т ь у б и й ц у!

Перед тем как зайти во двор, девушка остановилась, посмотрела в маленькое зеркальце, но не на свое симпатичное личико, а на улицу за спиной. Какой-то мальчик катался на велосипеде, две толстые тетki обменивались новостями.

Спрятав зеркальце, девушка прошла в ветхие ворота. Натаха хорошо запомнила инструкции, которые Лис давал ей шепотом под звук льющейся воды и ночью, укрывшись с головой одеялом.

Слева в углу четыре ступеньки вели в полуподвальное помещение, Натаха постучала по стеклу подслеповатого окошка, за которым немедленно метнулась всполошенная тень.

Натаха ждала, понимая, что ее внимательнейшим образом рассматривают изнутри.

И действительно, многомудрый Клоп пялился на высокую тонкую фигуру, туго обтянутую белым, до половины бедер платьем, висящую на длинном ремешке красную сумочку, легкую прядку волос, спадающую на лоб. Он не мог понять, что привело сюда эту девушку. Посещавшие его каморку особи противоположного пола относились к совершенно другой разновидности женщин, именуемых бабами, борулями, биксами, марухами, двустволками... Что же нужно этой?

Наконец дверь приоткрылась.

– Вы к кому?

Хитроватый прищур, изборожденное морщинами лицо, неожиданно ясные глаза, пытающиеся заглянуть в самую душу собеседника. Все, как описал Лис.

– К вам, Леший.

Клоп Дернулся как от удара и чуть не захлопнул дверь. Под этим псевдонимом его знал лишь один человек на свете. А тот не склонен делиться знаниями такого рода с кем-либо еще.

– Я от Коренева. От Лиса... Невеста его.

– Вы что-то путаете, гражданка. Никаких Лисов не знаю. И этого тоже – как вы его назвали...

– Лис просил передать: «Петруччо, надо тебя в форму переодеть и оформлять на полный оклад».

Это действительно говорил Лис, когда бывал им доволен. Клоп открыл дверь пошире.

– Ну заходите, коли так.

Натаха ступила было на следующую ступеньку, но передумала, а точнее, вспомнила инструкции и предостережение Лиса: «Сделаешь что-то неправильно – и я здесь останусь, и у тебя может все наперекосяк пойти. Они только с виду люди, а внутри – зверье. Есть дикое, есть прирученное, большой разницы здесь нет, особенно когда укротитель далеко...»

– Я вас подожду в парке, на четвертой скамейке.

Там Клоп частенько встречался с Лисом.

Леший моргнул.

– Сейчас я... Мигом.

Председатель Тиходонского областного суда Казанкин любил вставать рано и на работу ходил пешком, благо от престижного дома, выстроенного еще для партийно-советской элиты, до Дворца правосудия было не больше двух кварталов.

Председатель относился к руководителям старой формации, обожженных в горне партийной подготовки кадров. Высокий, дородный, он всей фигурой, каждым движением, осанкой, поворотом головы излучал властную силу.

Тридцать пять лет Казанкин провел на судейской работе. За это время случалось всякое, много раз можно было шею сломать. Конечно, когда местные следователи дело раскручивали, особых проблем не бывало: все еще до передачи в суд определялось. Кого арестовать, а кого – под подписку и спустить на тормозах, на кого вообще производство прекратить или приостановить, пока обвиняемый болеет...

Но, бывало, налетали московские бригады во главе с важняком, которому сам черт не брат – кого захотел, того и бросил в камеру, кого посчитал нужным, того и отдал под суд!

Вот тогда приходилось крутиться! Москва крови требует, а у подсудимых поддержка на всех уровнях, друзья, родственники... Важняк обвинительное составил и уехал, а тебе здесь жить!

Хорошо, было с кем советоваться, как обком скажет – так и будет! Делай и ничего не бойся, никто тебя не выдаст. Ведь на бюро вытягивали, строгачи объявляли, а то и партбилеты отнимали именно здесь, в обкоме, а не в Верховном суде и даже не в Кремле!

Выходя из чистого, запирающегося на кодовый замок подъезда, Казанкин заметил в своем почтовом ящике письмо и сразу ощутил укол беспокойства. Почту так рано не приносили, и в других ящиках никакой корреспонденции не было. Посторонний зайти в вестибюль, где раньше был расположен круглосуточный милицейский пост, не мог... Хотя... Председатель тяжело вздохнул, в который раз сожалея об ушедших временах.

Преодолевая нежелание, Казанкин отпер блестящим ключиком синюю ячейку и вначале целую минуту рассматривал ее содержимое. Там было письмо, и оно ему не нравилось.

Взяв серый неряшливый конверт в руки, председатель понял почему. Ни штампов, ни типографских надписей, ни даже марки. Вкривь и вкось нацарапанный на машинке с пересохшей лентой адрес и его фамилия. Без привычных аксессуаров должности, инициалов, даже букву «г» не поставили!

Настроение у Казанкина резко испортилось. У людей, профессионально изучающих чужие судьбы, а тем более изменяющих их по своему усмотрению, отменно развита интуиция. Он почувствовал связь этого неуважительного даже по оформлению послания с событиями, держащими в напряжении всех членов суда.

Не получив обычного удовлетворения от прогулки, Казанкин торопливо дошел до Дома правосудия, заперся в просторном, с высоким потолком кабинете, взял острые канцелярские ножницы... А вдруг это мина?!

Он отбросил конверт. Вызвать саперов? И прослать полным дураком, если это обычное письмо...

Казанкин ощупал конверт. Если внутри заряд пластиковой взрывчатки, то по периметру должна проходить проволочка-детонатор. На ощупь никакой проволочки там не было.

Кряхтя, Казанкин опустился на колени, зажал ножницами край конверта, спрятал под толстую дубовую столешницу, а руку выставил наверх. Письма-бомбы обычно маломощны и рассчитаны на поражение глаз. Стол должен в любом случае защитить от серьезного ущерба.

С чувством бойца, наваливающегося грудью на пулемет, председатель свел кольца ножниц. И ничего не произошло!

Казанкин неуклюже поднялся, вытер взмокравший лоб, взял вскрытый конверт. Что бы ни содержалось внутри, оно уже выполнило свою роль. Человек, вставший с колен, был совсем не тем Казанкиным, который более десяти лет возглавлял Тиходонский областной суд.

«Если хочешь жить – делай что скажем! Бицоева с братьями освободи, получишь лимон. Не выделывайся, к ментам не ходи. Помни про старуху. Жди привета. Мафия».

Дрожащими пальцами Казанкин отбросил листок с неряшливым текстом. Сердце колотило под сотню. Год назад он бы посмеялся над дурацкой запиской и идиотской подписью. Но сейчас смеяться не хотелось.

О всевластии криминальных структур часто писали газеты. Назывались города, факты, фамилии погибших упрямцев... Но тогда речь шла о чем-то далеком и малореальном. «Наезд» на Шпаркову и ее убийство принесли атмосферу страха в некогда строгие и величественные кабинеты и коридоры областного суда.

Урок оказался очень впечатляющим, и не удивительно, что Васильева «сдала» дело Итальянца и Валета. Причем он сам, как председатель, не попытался изменить несуразный приговор. И прокурор не вмешался, «соблюдал нейтралитет», вроде все сделано правильно...

А сейчас весь город говорит о гангстерском нападении на банкира, который чудом остался жив...

Потому письмецо с подписью «мафия» уже не кажется розыгрышем или глупой шуткой. Как бы ни называли себя эти люди, они умеют добиваться поставленных целей, даже если приходится убивать тех, кто мешает.

Сейчас требование обращено к нему. Освободить банду Бицоевых, на счету которой восемь полностью доказанных убийств и целый букет других преступлений! Как они вообще себе это представляют? Председатель суда дал указание – и убийцы вышли на свободу?! За миллион – месячную зарплату. Бред какой-то...

Казанкин потянулся к белому телефону когда-то обкомовской АТС, но рука так и повисла в воздухе. Он хорошо знал, Ныркова, но РУОП не смог защитить ни Шпаркову, ни банкира. Он хорошо знал генерала Лизутина, но Управление ФСК не смогло защитить двух своих сотрудников, убитых за последнее время.

Васильева не понадеялась на защиту и осталась жива. Но он просто не в состоянии выпустить бандитов, это не в его силах! Значит, скорее всего его убьют...

В следующие десять минут Казанкин позвонил генералу Крамскому, генералу Лизутину и полковнику Ныркову, рассказав всем о случившемся.

– Группу Бицоева? – переспросил начальник УВД. – Давайте не будем возить их в суд! Проведем процесс прямо в следственном изоляторе! И судья может там пожить недельку, и заседатели, и прокурор. А свидетелям дадим усиленную охрану!

– Помогла она Шпарковой?!

– Ее Нырков охранял...

«Не один хрен, кто охранял», – подумал Казанкин, сильно сомневаясь, что люди Крамского справились бы с этой задачей лучше.

Лизутин долго молчал в трубку.

– Бицоева хотят вытащить, – наконец сказал он. – Пощупаем, откуда это идет... Дадим судье охрану.

– Они не судье, мне угрожают, – не выдержал Казанкин.

– И вам дадим охрану. Ведь опасность появится с момента осуждения банды! А к этому времени мы наведем порядок!

Казанкин знал, что УВД и УФСК «чищают» город, хотя и не представлял, с какой целью. Но сильно сомневался, что проводимые мероприятия нейтрализуют высказанную в письме угрозу.

Примерно то же, что и другие начальники, сказал и Нырков.

После этого Казанкин окончательно понял, что надеяться ему не на кого. Но почему «вышли» на него? Дело Бицоевых в производстве Семкина, казалось бы, самое простое – писать письмо ему...

Очевидно, поставлена цель подмять самого главного. Чтобы один пахан указывал другому, а тот сам разбирался со своей кодлой. И спрашивать с одного человека легче...

У Казанкина разболелась голова, видно, поднялось давление. Он сказался больным и пошел домой. Все равно в таком состоянии работать невозможно.

Пересекая сквер возле «Интуриста», Казанкин увидел сидящего на скамейке человека. Расстегнутая до пупка рубашка открывала густую сеть татуировок, сложенные на коленях руки демонстрировали море, восходящее солнце, чаек и шесть или семь перстней.

Человек улыбался, будто гордясь устроенной выставкой камерного изобразительного искусства. Клоп действительно гордился собой. Неурочное возвращение председателя, а главное, выражение его лица доказывали, что задание Лиса выполнено точно.

Требовалось загнать главного судейского в безвыходную ситуацию, задав задачку, которую он при всем желании не сможет решить. Дело Бицоевых оказалось именно такой задачкой.

– Привет от мафии, дядя! – весело крикнул Клоп.

Казанкин шарахнулся в сторону, ускорил шаги и несколько раз нервно оглянулся. Для усиления эффекта Клоп шел следом почти до самого дома.

На следующий день председатель облсуда поехал на работу машиной. Путь оказался вчетверо длиннее, так как пришлось объезжать пешеходную зону. Зато он чувствовал себя почти в безопасности. По крайней мере, пока не пришлось подниматься по ступеням особняка, ощущая себя отличной мишенью.

Сегодня Казанкин вел прием посетителей. Для сотен жалобщиков, недовольных вынесенными районными судами приговорами и решениями, он являлся последней инстанцией. По крайней мере в Тиходонской области.

На приеме присутствовали председатели уголовной и гражданской коллегий, несколько консультантов и референт. Вопросы рассматривались быстро, почти по всем жалобщик немедленно получал ответ.

Процедура всегда была утомительной и однообразной, сейчас для Казанкина она казалась вдвойне неприятной. Судя по тому, что он не согласился смягчить приговор ни одному осужденному, его подчиненные сделали вывод, что шеф не в духе.

В конце приема в кабинет вошла высокая стройная девушка с длинными, хорошо открытыми для обозрения, тонкими ногами. Посетительница была симпатичной, белый облегчающий костюм подходил и к лицу, и к фигуре. «Ассистенты» председателя оживились и лицо Казанкина приняло умиротворенное выражение.

– Я невеста майора Коренева, – девушка опустила на стул и осмотрела присутствующих отстраненно-мечтательным взглядом. – Его осудили на шесть лет за то, что он боролся с мафией. Разве это справедливо?

Вопрос был наивным. К тому же каждый третий жалобщик начинал с происков мафии. Поэтому «ассистенты» удивились реакции председателя.

– Коренев. Помню. Он все время пишет жалобы. Значит, чувствует несправедливость. Принесите дело, посмотрим.

Сухие рубленые фразы адресовывались председателю коллегии по уголовным делам, тот сделал знак, и референт скрылся за дверью.

– На что он жалуется? – спросил у Натахи председатель совсем другим, доброжелательным тоном. – На суровость приговора?

– Нет, нет! – горячо и убежденно, как пионерка, отстаивающая твердо усвоенные идеалы, ответила Натаха. – Он ни в чем не виноват. Просто он ненавидел бандитов, шпану, давил их как мог... В него стреляли, и он стрелял, переловил многих. Когда поймал родственника Шамана... Это такой крупный преступник, главарь мафии, – с детской непосредственностью объяснила она. – Тогда мафия с ним разделалась! Подделали видеозапись, у них ведь везде есть свои люди! Он просит только одного, проверьте эту пленку! Там есть одна экспертиза, но она Поддельная, понимаете?

Для убедительности Натаха выпятила нижнюю губу.

– Сделайте повторную экспертизу, лучше в Москве, потому что у этого Шамана В Тихонском все «схвачено».

Каждое упоминание о Шамане безошибочно попадало в цель. После убийства бабы Веры отношение к нему у судебных было однозначным. И Лис, планируя комбинацию, все это учитывал!

Референт принес коричневую папку из толстого картона. Дело не из особо толстых – около двухсот страниц. И опечатанная коробка с видеокассетой.

– Давайте сюда!

Казанкин привычно пролистнул дело: пробежал приговор, определение Верховного суда по кассационной жалобе, надзорные жалобы и будто писанные под копирку ответы на них.

– Обвинение построено на видеозаписи. А Коренев считает ее фальсификацией. Почему бы не проверить его доводы?

– Какие основания для повторной экспертизы? – недовольно проговорил председатель уголовной коллегии. – Они всегда на что-то жалуются... Казанкин пристукнул ладонью по столу, негромко, но решительно.

– По-вашему, нет оснований?! А по-моему – сколько угодно! Ведь он действительно не давал спуска уголовникам! И действительно обидел Шамана

– посадил его родственника! Так неужели те не могли сфабриковать пленку? Человек не жалуется на меру наказания, не хитрит, не выдвигает новых версий! Об одном просит: проверьте пленку! Неужели мы не люди, а бездушные болваны? Ведь уже и нас убивать начали!

Разволновавшись, Казанкин сильно ударил по столу.

– Пожалуй, вы правы, – без тени недовольства кивнул председатель коллегии по уголовным делам. – Дадим пленку специалистам.

– Независимым специалистам, – подсказал Казанкин.

– Независимым специалистам, – послушно повторил тот. – Если ничего не выявят, пусть отбывает наказание. А найдут фальсификацию – надо отменять приговор по вновь открывшимся обстоятельствам.

– Вы такие хорошие люди, вы сразу все поняли, – гибкие губы Натахи сложились в благодарную улыбку. – Почему же раньше никто не отнесся по-человечески?

– Ничего, ничего, – преувеличенно бодро произнес председатель уголовной коллегии, который и списывал в архив все жалобы осужденного майора.

– Лучше поздно, чем никогда. Все проверим, разберемся и примем законное решение!

Он отряхнул от пыли уголовное дело майора Коренева и вместе с вещественным доказательством – видеокассетой положил на полированный стол.

Оперативная комбинация, задуманная осужденным Кореневым в далекой ИТК-13, начала давать результаты.

* * *

По поводу банкира Хондачева у Шамана с Баркасом состоялся неприятный разговор.

– Ты провалил очень важное дело, – покачивая пальцем перед лицом бригадира, втолковывал Воронцов. – Это пример всем, не бойтесь, выступайте, останетесь живы.

– Пистолет дал осечку, сука, – мрачно буркнул бригадир. Ему не нравились выговоры, нравоучения и этот палец перед самым носом.

– Детали меня не касаются. За них ты получаешь деньги. И за твой пистолет отвечаешь ты!

«Учить все мастера, – подумал Баркас. – Сам бы пошел и сделал...»

Внезапно до бригадира дошла простая и совершенно очевидная мысль, всю реальную мощь хозяина составляют действующие на улицах бригадиры! Без них он самый обыкновенный кабинетный чиновник!

– Ты должен в три дня...

Баркас повернулся и вышел, не очень придерживая за собой дверь. Сидящий в приемной Толстяк проводил бригадира удивленным взглядом.

Через час Баркас в одном из нахичеванских кафе разговаривал с Севером.

– Они и нам негодные пушки двинули, – рассказал тот. – Ищем, но пока не можем найти. Может, уже кто-то их грохнул!

Север красиво закурил.

– Слушай, я хочу твоему шефу вот что предложить, поставить на «пяточке» игровой станок и на «Супермаркете» – три. За тридцать процентов с доли. Передашь?

Баркас кивнул.

– Чего шефу глаза мозолить. Это моя территория. Давай, ставь!

Север посмотрел внимательно, но ничего не сказал.

Вечерами становилось прохладно, и три бомжа пришли к развалинам дома путевого обходчика, чтобы заночевать в подвале. Спустившись в замаскированный люк, они привычно стаскивали на бетонную плиту щепки, обрывки бумаги, тряпки. Небольшой костерок позволял сварганить прямо в консервной банке какое-то варево.

Вдруг из темноты послышался стон. Подойдя на звук, самый младший увидел торчащую из-под фанеры руку.

– Давай раскапывать!

Через несколько минут они откопали изуродованного Калинку.

– Ну и ну...

Первейшая заповедь бомжа – не влазить в чужие дела, держаться подальше от неприятностей и никогда не обращаться в милицию. Но каждый из них знает, что и сам может в любой момент оказаться с переломанными костями в глухой дыре. Поэтому, бросив облюбованное место, они позвонили в «скорую», милицию и пронаблюдали со стороны до тех пор, пока не прибыли машины.

* * *

В четверг как обычно к киоску Шершня подошли два гориллообразных парня и в ленивом ожидании подставили дегенеративные физиономии под открытое окошко.

– Тут проблема, парни!

Шершень суетливо выскочил на улицу.

– Другая группа наехала, сказали, что они теперь будут получать... Равнодушие с невыразительных харь мгновенно исчезло.

– Кто такие?! – теперь они выражали явную угрозу.

– Вон тот знает, он ответит, – Шершень указал на вертевшегося в отдалении Попугая.

– Разберемся!

Степа длинно сплюнул и направился к Попугаю, Миша двинулся следом. Определив, что дело неладно, к ним подтянулся куривший в стороне Иван.

– Здорово, мужики! – небрежно встретил Попугай грозную процессию. – В городе все меняется, эта территория от вас отходит. Наш хозяин с вашим перетолковать хочет...

– Да он усрется, когда узнает, на кого залупается, – процедил Миша. Степа мрачно кивнул, Иван высморкался.

Попугай подумал, что имена у них ненастоящие, вроде кличек. Местные торговцы различают, а начнешь разыскивать – хрен получится.

– Где твой бугор, мы ему сами все объясним!

– Как хотите, – Попугай пожал плечами. – Пошли!

Он перешел дорогу и вошел в рощу, примыкающую к железнодорожному полотну. Несколько дней назад этим путем вели залетных торговцев стволами. Только сейчас Попугай забирал вправо, подальше от развалин. Вчера там стояло много ментовских машин, бегали собаки... Залетных нашли быстро, один оказался жив. И хотя сегодня с утра там все было тихо, «разбор» следовало вести на новом месте.

Железнодорожная насыпь пересекала овраг с мелкой речушкой, уходившей в большую бетонную трубу под полотном, из которой то и дело доносился резонансный грохот часто проходящих составов.

На бетонной площадке, у устья трубы сидели на кирпичках Амбал и Ржавый, курили и плевали в воду.

– Это, что ли, твой хозяин?!

Сидящие над грязной водой босяки казались обычными «шестерками».

Миша презрительно присвистнул.

– Точно усрутся! Через пять минут дадут отбой и еще за бутылкой сбегают!

Миша ошибся. Все кончилось намного раньше.

Попугай остался наверху, огляделся по сторонам и махнул рукой – мол, вокруг спокойно. Угрюмая троица, оскальзываясь на склонах оврага, спускалась вниз, из-под подошв вылетали комья земли и мелкие камешки.

По насыпи пролетал очередной товарняк, бетонная труба гулко пережевывала стук колес, буферов, треск проседающего металла пути и деревянных шпал.

Амбал встал, протягивая руку, шагнул навстречу чужакам, будто собирается поздороваться, но те вмиг остолбенели, потому что в его руке был пистолет. С трех метров промахнуться практически невозможно, хлопки растворились в железнодорожной какофонии, Миша схватился за живот и упал головой в воду, Степе пуля попала в шею, под кадык, он долго бился в конвульсиях, зато Иван рухнул навзничь уже мертвым – пуля пробила сердце.

Ржавый подошел к Степе, упер ствол ТТ в висок и выстрелил. Противоположная часть головы утонула, словно арбуз от сильного удара палкой.

Проверив, доведено ли дело до конца, Амбал и Ржавый обшарили карманы убитых, затащили трупы в трубу и забросали бурьяном.

Не торопясь вернулись к киоску.

– Вот и все, – сказал Амбал Шершню. – Теперь мы и есть твоя «крыша». Да и для всех остальных тоже.

Шершень покачал головой.

– Я больше не работаю. И вообще завтра сдерну из города. Все, хватит!

– Как хочешь, – холодно сказал Амбал. – Только одно запомни: не болтай! Иначе сам понимаешь... В Америку же ты не уедешь!

Через несколько дней киоском Шершня командовал Попугай. Торговцы соседних лотков исправно платили сбор Башке и Ржавому. В угловом подвальном кафе «Погребок» Амбал устроил штаб-квартиру своей команды. Он понимал, что так просто дело не завершится, но был готов к дальнейшим разборкам. Тем более что уже понял секрет победы.

* * *

По шумному, отчаянно торгующемуся, матерящемуся, спорящему, улаживающему ссоры, обмывающему удачные сделки и пропускающему стаканчики с горя Центральному рынку уверенной походкой шел Баркас.

Он двигался между прилавками торговых рядов, где жизнедеятельность базарного организма казалась обманчивопростой и сводилась к известной формуле «деньги – товар», разбавленной по-южному отчаянным торгом. Но это была лишь видимая часть айсберга. Основная жизнь кипела там, где никогда не появлялись посторонние: в захламленных подсобках, задних углах ларьков, фанерных выгородках торговых залов и специально оборудованных помещениях огромных торговых павильонов.

Баркас легко переходил из легального мира в скрытый и наоборот: для него не было здесь тайн и препятствий – на мускулистых парней, обретающихся у границы запретных территорий, он не обращал внимания, напротив, завидев коренастую фигуру бригадира, охранники вскакивали и подтягивались, как солдаты первого года службы, потому что помнили увесистые оплеухи – за пьяную рожу, за семечную шелуху, да и за просто так, для большего уважения.

В отделанном кафелем кабинете заведующего овощным павильоном четверо тучных мужчин лениво играли в карты. Здесь же стояли початая бутылка водки и граненые стаканы, глубокая тарелка с жареным мясом, обильно присыпанным кольцами репчатого лука. Игроки делали ставки, брали и сбрасывали карты, дополняли или снимали кон, наливали кто по половине, кто по четверти стакана, одним движением выпивали, пальцами отправляли в рот мясо с луком, выпирали руки о мягкое, в жирных полосах полотенце и снова тянулись за картой.

– С восточного въезда четыре машины с картохой не пропускают, – не здороваясь, сказал Баркас.

– У них пестицидов больше нормы, – невозмутимо пояснил банкир и отпил большой глоток водки.

– А ты что, санитарный врач?

– Нет. Но порядок должен быть. А они хотят продавать отравленный товар за ту же долю, что и все остальные. Я сказал по-другому: за кондицию

– десять процентов, за то, что у них, – тридцать. А еще лучше – пусть увозят свою бульбу на свалку, нечего рынок засорять!

– Ладно.

Баркас по-хозяйски присел на мгновенно появившийся стул, налил водки в невесть откуда взявшийся стакан, выпил, но закусывать не стал.

– Куда «азеры» пропали? Наркоты нет, цветов нет, сборы упали... И «хачиков» меньше стало... В чем дело?

– Нет, Баркас, тут мы ни при чем, – банкир отбросил колоду и осмотрел трех других игроков, будто приглашая в свидетели. – Никаких разборок меж нами не было. Они сами не едут. Похоже, ихние паханы запретили.

– Почему так думаешь?

– Зайди к Гуссейну, посмотри. Там у него московские гужуются, какие-то свои дела решают.

– Ладно, – Баркас встал. – А те машины запусти за двадцать процентов. Не отравятся.

Он вышел, не ожидая ответа, ибо был уверен, что возражений не последует.

В цветочном павильоне пару лет назад делали ремонт. Под шум волны Гуссейн устроил себе шикарный офис с отдельным входом и четыре гостиничных номера, не уступающих по классу отделки четырехзвездочным отелям.

Зайдя в тупик меду бетонным забором рынка и задней стеной цветочного павильона,

Баркас увидел стальную, обшитую деревянной рейкой дверь с широкообзорным глазком. Он знал, как позвонить и что сказать в переговорное устройство, чтобы дверь распахнулась.

Но сейчас на ступеньках сидели три черноволосых и черноусых незнакомых парня с решительными лицами.

– Куда? – гортанно спросил один. И, не дожидаясь ответа, добавил: – Поворачивай. Сюда нельзя.

– К Гуссейну, – стараясь не заводиться, сказал Баркас.

– Сегодня он не принимает, брат. Приходи завтра.

Баркас внимательно оглядел всех троих. Так внимательно, что они подобрались, напрягая мышцы, прикрывающие места, в которые обычно бьют без предупреждения.

– Скажи: пришел Баркас, – по-прежнему спокойно сказал бригадир. – А если он занят, то через час я выкину его отсюда, а завтра он уже будет сидеть в окопе под Степанакертом. Понял?!

Черноусые переговорили по-своему, один, оценивающе оглядывая Баркаса, сказал что-то в переговорное устройство. Через несколько минут дверь распахнулась.

– Извини, дорогой, люди новые, тебя не знают, – Гуссейн самолично встречал бригадира с улыбкой, которая могла предназначаться родному, много лет отсутствовавшему брату либо кому-то из старейшин рода. – Теперь узнали, как друга любить будут!

Гуссейн завел Баркаса в отделанный финским пластиком «под дуб» кабинет, нажал кнопку звонка. Через другую дверь из приемной вошла крашенная перекистью блондинка с пышными формами и вульгарным макияжем.

– Чай, кофе, фрукты, коньяк моему другу! – распорядился хозяин. – И застели диван в комнате отдыха. Гость захочет – полежишь с ним.

– Хорошо, – равнодушно отозвалась секретарша.

– Чай-май и коньяк не надо, – внес коррективы Баркас. – Полстакана водки и минет – все, что от тебя требуется.

– Хорошо, – повторила блондинка и прошла к полированной двери в глубине кабинета.

– А ты мне скажи, что у вас происходит? Почему прилавки пусты? Почему в казну не платят? Гашиш, соломку, колеса не везут?

Гуссейн состроил печальное лицо и развел руками.

– У нас война, ты знаешь В Москве сейчас тоже тревожно: указы, облавы, никакой жизни нет. Здесь каждый день рейды по гостиницам, ресторанам, вокзалам – наших отлавливают. Очень нехорошо работать стало, опасно. Вот пока наши и не едут, пережидают.

– А то раньше ничего этого не было! Что-то вы вдруг испугались... Может, ваши места дагестанцам в аренду отдать?

– Зачем старых друзей обижать? – скорбно спросил хозяин. – Но и вас наказывать нельзя! Я понимаю, убытка быть не должно. Значит, мы будем платить сколько причитается с наших мест. Независимо от того, торгуют на них или нет!

– Это другое дело! – повеселел Баркас. – Как твою девчонку зовут?

– Галочка! – Гуссейн причмокнул губами – Все отлично делает! Доволен будешь!

Баркас встал.

– Только чего ты меня в душную каморку запереть хочешь? Я в «люкс» пойду, на второй этаж!

Напряжение сковало улыбающееся лицо Гуссейна.

– Здесь хорошо! Музыка, видик, душ... Чего еще надо?

– Когда на скорую руку – то да! Но я отдохнуть хочу! Сколько раз ты меня в номера приглашал? Вот я и пришел.

– Номера, номера... Что там хорошего? Духотища, шум. А здесь прохлада, никто не мешает... Гуссейн суетливо забежал по кабинету.

В номерах жили особые люди, приехавшие по особому делу. Подробностей Гуссейн не знал, но то, что Баркас не должен никого из них видеть, было совершенно очевидно. Иначе можно потерять все – и место, и блондинку Галочку, и даже жизнь.

– Там канализация потекла, – содрогаясь от стыда, сказал он, и вышло очень правдоподобно. – Представляешь, только сделал, всем рассказал, и такой позор! Вонь, испарения!

Надо заново ремонт делать, ковролин менять, трубы...

– Ясно... Значит, на входе твои новые сантехники сидят?

– Нет, почему, так, ребята, дальние родственники... Надо к делу пристроить.

– Ладно, уговорил. Пойду в комнату отдыха. Только ты проследи, чтобы никто не мешал!

– Что ты, что ты! Какой «мешал»! Я сейчас вообще контору закрою! – возликовал Гуссейн.

– Кто там в номерах живет? – спросил через час Баркас у разрозневшейся от водки и секса блондинки. – Я хотел туда пойти, света больше и красивее... А он сказал, все занято...

– Понаехали какие-то... – Галочка сморщила носик. – Из Москвы, кажется... Важные все. По-своему джеркочут, ничего не поймешь! Когда выпьют – сразу под юбку, тут все ясно, только денег не дают. Одно хорошо, скоро уедут.

– Скоро?

– Дело какое-то сделают, и все...

Баркас мелкими глотками потягивал водку и размышлял. Срочную службу он проходил в морской пехоте, в бригаде разведки. И помнил если в какое-то место тайно собирают живую силу или специалистов, значит, там затевается специальная операция. Чтобы просчитать ее и предпринять контрмеры, надо определить: кто сконцентрирован в точке сосредоточения, какие задачи они умеют решать, к какому событию может быть приурочена акция.

Баркасу нравилось визнавать секреты, захватывать документы, брать «языка», устраивать засады. Он собирался поступать в училище, и, если бы не свалившаяся на голову балка, жизнь его могла сложиться совсем по-иному.

А так он появился на гражданке с умением «вырубать» любого ударом головы, ноги или кулака, навыками работы ножом, саперной лопаткой или любым подручным предметом. Все это приносило ему очки, баллы и помогло в конечном счете стать тем, кем он стал. Невостребованным оставался только аналитический настрой мозга на опережение планов противника.

Сейчас Баркас чувствовал: здесь что-то затевается. Неспроста азеровские паханы закрыли въезд в Тиходонск рядовым торговцам, не просто так прибыли руководители из московского землячества, неспроста конспирация и специально привезенные охранники!

Да, что-то затевается. Но что?

– Еще хочешь? – спросила Галочка, непринужденно развалившись на диване, так чтобы все ее прелести, даже самые сокровенные, были доступны взору сидящего в кресле напротив мужчины.

– Давай!

Баркас зубами надорвал серебристый пакетик.

– Можно без резинки, я чистая, отвечаю!

– Это ты им рассказывай! – ухмыльнулся опытный бригадир.

«Что же они здесь затевают?» – вновь подумал он в самый неподходящий момент.

* * *

Получив от Фомы сообщение Пистона, Гангрена ненадолго задумался о том, как передать его ментам. Запустить через стукача, дующего в обе стороны: и нашим, и вашим? Или не усложнять? В конце концов он решил прибегнуть к самому простому варианту.

Из первого же автомата он набрал «02».

– Комитетчика замочил Башка, Живет в Ломовом квартале. Ксиву переделал на себя, для гоп-стопов.

Скороговоркой выпалив заготовленную фразу, он повесил трубку и быстро ушел от опасного места.

Дежурный по городу связался с дежурной частью Центрального РОВД, передал полученное сообщение и тут же продублировал его дежурному по Управлению ФСК.

– Я знаю Башку, – сказал капитан Макаров. – Вполне мог! Не сам, конечно, с Амбалом, да Попугай на стреме... Давай поедem, посмотрим на месте...

Ломовой квартал представлял собой прямоугольный участок в центре города, рядом с ипподромом. По периметру он был застроен двухэтажными домишками из красного, рассыпающегося от времени кирпича.

Когда УАЗ уголовного розыска заехал во двор, Амбал, Башка и Попугай сидели на скамейке, как обычно курили, матерились и плевались во все стороны.

Машина подкатила вплотную.

«Врюхались! – подумал Амбал. – Хорошо пушки спрятаны». Он не шевельнулся, Попугая словно парализовало, а Башка вдруг бросился к пожарной лестнице.

Макаров в несколько прыжков догнал его и уложил ухом на асфальт.

– Зачем детей бить, – заныли сердобольные старушки, хотя Башка, как и его дружки, осточертели всему двору.

– Подойдите сюда, бабушки, – пригласил Макаров. – Поглядим, что у него в карманах.

Такие предложения дважды повторять не надо. Изнывающие от скуки пенсионерки проявили к личному обыску живой интерес.

– Вот оно!

Макаров извлек удостоверение УФСК, раскрыл.

– Похож! – удовлетворенно сказал он и показал документ старушкам.

– Я его нашел, – угрюмо бросил Башка.

– Разберемся. Какой размер обуви носишь?

Башка промолчал.

– По-моему, точь-в-точь как на пустыре. Эксперты разберутся! А что у тех?

Оперативники, обыскавшие Амбала и Попугая, развели руками.

– Ничего интересного.

«Так это то, старое дело», – с облегчением понял Амбал и, когда их посадили в зарешеченный отсек УАЗа, сказал.

– Слышь, Башка, бери все на себя. Раз твоя фотка на ксиве – никуда не деться. А одному лучше идти, чем по группе...

– Чего я, за всех ответчик... – плаксиво отозвался Башка.

– Заткнись, сука! – неожиданно грозно приказал Попугай. – Ты все делал, ты и отвечай! Помнишь, хвастал, рукой, ногой, опять ногой! Я все помню! Пойдешь в отказ – заложу как падлу!

Лейтенант Зубриков на месте вынес постановление о производстве обыска. Ничего особо интересного в квартире Башки не нашли, только небольшой импортный фотоаппарат привлек внимание следователя, и он включил его в протокол.

– Откуда игрушка? – поинтересовался лейтенант.

Башка тяжело размышлял. Он знал, что лучше всего идти одному и по одному эпизоду. Тогда можно отделаться небольшим сроком. Или даже получить условно.

– Да у этого мужика на пустыре и взял. Там вообще все случайно вышло... Он первый начал... Так сигарету в щеку воткнул, что вся морда обгорела...

Задержанных доставили в райотдел и тщательно допросили порознь. На этот раз признание было полным и все детали попадали «в цвет». Выходило так, что Амбал и Башка зашли на пустырь помочиться, Попугай ждал их на улице. Какой-то прохожий оскорбил Башку и прижег его сигаретой. Разозлившись, тот избил обидчика, обшарил карманы, вытащив деньги, удостоверение и маленький, похожий на игрушку, фотоаппарат. Амбал и Попугай никакого отношения к происшедшему не имели, но, испугавшись, убежали вместе с Башкой. Оставленные возле трупы следы соответствовали обуви Башки и Амбала.

Макаров и Зубриков понимали, что не такими невинными овечками были на ночном пустыре Амбал и Попугай, но доказать их причастность к преступлению нечем, а пустив их свидетелями, можно намертво пришить Башку к собственному признанию. Так почти всегда и поступают: вместо трех-четырех обвиняемых, чья вина держится на данных в горячке признаниях, от которых в любой момент можно отказаться, под суд отдают одного-двух, избличаемых менее замешанными в деле дружками-свидетелями.

– Тех троих выпускать придется, – пробурчал Макаров.

– Пожалуются – могут по неполному служебному закатить, – озабоченно произнес Зубриков.

– Не пожалуются. Обрадуются, что легко отделались. Они ведь тоже кого-то мордовали. А я пообещаю: если что – найду потерпевшего, и тогда будут сидеть до упора!

В тот же вечер свидетели Амбал и Попугай были отпущены из райотдела, а Башка оказался в изоляторе временного содержания, начав тернистый путь своей первой «ходки».

Приехавший из Управления ФСК капитан внимательно изучил показания подозреваемого и свидетелей.

– Бред какой-то! – возмутился он. – Галенков вообще никогда не курил, а чтобы кому-то лицо прижигать... Полная чушь!

Потом он перестал возмущаться, внимательно прочел протокол обыска квартиры Башки, сделал выписки.

– Покажите, что за фотоаппарат, – неожиданно попросил он и долго рассматривал серебристую раздвижную коробочку, сдерживая охватившие его чувства.

Вещественным доказательством оказался отличающийся мощной светосилой и повышенной разрешающей способностью компактный фотоаппарат «Минске» – излюбленное средство всех разведок мира для пересъемки документов.

– Пленка в нем была? – столь же неожиданно спросил контрразведчик.

Зубриков только пожал плечами.

После этого капитан отправился в ИВС и побеседовал с Башкой. На всякий случай тот поклялся, что никакой пленки в аппарате не было. Контрразведчик спешно вернулся к себе в управление и представил Карнаухову подробный рапорт.

* * *

Вскрытие показало, что водитель УФСК не просто разбился, по неосторожности упав с пятого этажа, а предварительно был умело задушен тонкой струной, провололочкой или тротиком.

То, что он погиб при проведении подготовительных мероприятий обеспечения безопасности главной фигуры плана «Зет», вызвало тревогу на всех уровнях.

Лизутин и Карнаухов вновь вспомнили странную гибель Галенкова. Если в удобном для засады месте находился хорошо подготовленный убийца – значит, утечка информации все же произошла.

Группа Центра, обеспечивающая план «Зет», тоже склонялась к провалу секретности операции. Потому что в случайности здесь не верили.

А когда Карнаухов получил рапорт подчиненного об обнаруженном у Галенкова фотоаппарате «Минске» без пленки, вновь всплыла версия предательства.

На оперативном совещании Карнаухов предложил отменить план «Зет», как подвергнувшийся с высокой долей вероятности расшифровке. Лизутин с ним согласился. И представитель Главного управления охраны фиников похвалил местных контрразведчиков за честность и принципиальность.

Но Центр внес свои уточнения.

"Сов. секретно.

Экз. единственный N 00541/18 Начальнику Тиходонского управления ФСК генерал-майору Лизутину.

Одновременно со сворачиванием основных мероприятий плана «Зет» следует проводить имитацию его продолжения, сконцентрировав усилия на выявлении источников утечки информации, а также групп, организаций и отдельных лиц, ставящих целью противодействие плану «Зет», установлению их возможностей, связей, сил поддержки и контактов с теми или иными политическими кругами. Для руководства и организации этой работы в Тиходонск командирована группа сотрудников оперативно-режимного подразделения ФСК России, имеющая специальные полномочия и легендированное прикрытие, которая будет действовать самостоятельно. В случае необходимости содействия командир группы (псевдоним «Седой») выйдет на связь с вами лично, при этом содействие должно быть ему оказано в полном объеме, с использованием всех возможностей, сил и средств вверенного вам управления, а также возможностей управлений внутренних дел, бригады внутренних войск и подразделений Северо-Кавказского военного округа.

Директор ФСК России..."

На самом деле специальная группа Центра находилась в Тиходонске давно. Она базировалась под «крышей» акционерного общества «Тантал», хотя никаких коммерческих операций в офисе за бронированной дверью не могли установить даже сотрудники налоговой инспекции.

Вывеска фирмы «Тантал» появилась на выкупленном после капитального ремонта здании жилого дома, простоявшего добрый десяток лет в ожидании сноса, но вместо этого неожиданно обретшего вторую жизнь. «Тантал» объявился перед самым совещанием на высшем уровне по «Тиходонскому феномену», причем никто из гревших руки на недвижимости чиновников не понял, как никому не известный Федотов урвал столь лакомый кусок, опередив уважаемых и щедрых коммерсантов. В конце концов заинтересованные лица сошлись во мнении, что темной лошадке покровительствует кто-то из первых лиц области. Объяснение было правдоподобным и расставляло все по местам, разговоры и пересуды прекратились сами собой. Но оно было неверным.

«Тантал» являлся экспериментальным подразделением по борьбе с преступностью, альтернативным действующей системе правоохранительных органов. В Центре давно высказано мнение о необходимости действовать другими методами, поставив во главу угла оперативно-боевые операции. Если такое решение будет принято, сеть «Танталов» накроет страну.

Пока же он работал в режиме поиска и накопления информации, «Тантал» отследил попытку РУОПа ликвидировать группировки Итальянца и Валета и дал анализ причин, по которым этого не произошло. Располагая информацией о передвижениях всех заметных фигур криминального мира, он зафиксировал прибытие в Тиходонск Гарегина Петросова и Керима Зейналова с несколькими приближенными и установил место их конспиративного пребывания: апартаменты «люкс» в павильоне «Цветы» Центрального рынка.

Тщательно процеживались контакты членов группы обеспечения плана «Зет». Был выявлен лишь один интересный факт: представитель МО майор Малинкин неожиданно встретил здесь свою московскую знакомую Таисию Попцову, с которой проводил каждый вечер, демонстрируя завидное постоянство.

В гостиничном листке Попцова указала целью визита демонстрацию моделей в местном Доме моды, это не соответствовало действительности. В Дом моды она ни разу не заходила, зато неоднократно имела контакты с Гарегиним Петросовым.

«Тантал» дал заключение, что источником утечки информации по плану «Зет» является майор Малинкин, запросил соответствующих санкций и их получил.

Теперь основное внимание спецотряда переключилось на цветочный павильон Центрального рынка.

* * *

Рында работал на «Супермаркете». После акции со Шпарковой Баркас отдал ему старенькую, но вполне пригодную «тойоту-короллу», выправил доверенность и даже сделал водительское удостоверение, хотя в принципе «белый билет» Рынды наглухо перекрывал ему путь в кресло водителя.

Баркас устроил и еще одно дело: Рыба полностью взял «мокруху» на себя. Позиция его, подработавшая с адвокатом, сводилась к самозащите: сумасшедшая старуха пырнула его в печень, он отмахнулся и, теряя сознание, угодил ей по кумполу. При всей нелепости версии она не была ничем опровергнута, для объективности судил Рыбу сторонний суд Краснодарского края, где эмоции не кипели и чувства не били через край. В результате Рыба получил шесть лет. С этого момента о нем начисто забыли: группировке нет смысла «греть» рядовых «быков» – вон их сколько кругом, выбирай новых на замену.

Только Рында помнил. Ведь удар дубинкой и хруст височной кости вошли в него навсегда.

Никаких переживаний или угрызений совести он не испытывал. Зато вынес из происшедшего очень важное понимание: убить человека довольно легко и остаться безнаказанным тоже не очень трудно.

После долгих усилий Рында выучился водить машину. Правил он не знал, да они ему и не были нужны: выставив в окно бритую шишковатую голову, он мгновенно успокаивал любого недовольного водилу, да и гаишников слегка утихомиривал, а денежные знаки помогали окончательно сгладить конфликт.

Денег у него теперь было достаточно: вместо нескольких десятков продавцов «пятак», плативших раз в месяц, под ним ходили сотни разнокалиберных торговцев, многие просились постоять в проходе или развесить шмотки на заборе, кто-то занижал объем продаж, и потому желающих «подмазать» контролера хватало. Правила это не запрещали, надо было лишь обязательно сдать дневную норму. А сверх того набегало пятьдесят-семьдесят тысяч ежедневно.

Рында подобрал себе пятерых пацанов, они бегали по пятам, ловили каждое слово, готовы были выполнить любое поручение. А свита – это очень важно для престижа.

Все складывалось хорошо, но Рында не был доволен жизнью. Несколько раз он с шиком заезжал на «пятачок» и подкатывался к Нине с многозначительными разговорами и приглашениями «проветриться», но получал неизменный отказ. Девчонка уже не рассказывала про курсы английского и компьютерную подготовку, похоже она смирилась с ролью лоточницы. Баркас к ней почти не заезжал, и Рында с полным основанием считал, что настал его черед, но она придерживалась другого мнения.

Правда, когда он предложил ей на хороших условиях перейти на «Супермаркет», Нина задумалась.

– А сколько я буду должна тебе заплатить? – спросила она.

– Рассчитаемся, – ухмыльнулся Рында.

Нина покачала головой.

– Только деньгами!

– Деньгами так деньгами! – не обнаруживая раздражения, кивнул Рында. Вскоре она получила павильон в центре «Супермаркета» и контакты с

«челноками», забрасывающими товар по минимальной цене, позволяющей сделать хорошую «накрутку».

После первой недели она протянула Рынде пачку денег. Но он представлял другое: белеющие в темноте ноги и ягодички девушки да ритмичный подзвон бутылок. Видение было настолько реально, что он скрипел зубами.

– Прибереги бабки, завтра поедем в «Казачий» пообедаем, – как можно небрежней сказал он.

Чуть помедлив, девушка кивнула.

Скрывая радость, Рында обходил свои владения и почти столкнулся с озабоченным Баркасом.

– Какие-то твари наехали на наши Ларьки в «Нахаловке», – остервенело, но и с некоторым удивлением сказал бригадир. – Без разборки, без выкупа, без обмена, без всего. Посмотри, в чем там дело!

Баркас завел подручного в узкую щель между забором и задними стенками киосков.

– Держи!

Он быстро вытащил из-под куртки и сунул Рынде в руку большой черный пистолет, который когда-то предлагал купить.

– Только он заедает. Шмальнул – надо рукой передернуть. Снова шамальнул – опять!

– А кто контролировал те ларьки?

– Иван, с ним еще двое... Куда-то делись – или пьянствуют, или испугались да на дно залегли...

– Да?

Рынде это не понравилось.

– Возьми Кента с машинкой и еще кого хочешь. На месте разберешься.

– Как могли наши парни отвалить после такого хипежа? – продолжал сомневаться Рында.

– Брось! – Баркас звучно хлопнул его по плечу.

– Думаешь, их замочили? Но так же никто не делает! Ни переговоров, ни условий – и сразу мочить?!

– Ну ладно...

День выдался солнечным и теплым, но приближение осени ощущалось все отчетливее. Рында заехал прямо в раскрытые ворота ресторана, имитирующего казачий хутор, хотя стоянка располагалась слева – у большой, как настоящая, ветряной мельницы. Сторож направился было к нарушителю, но, рассмотрев Рынду, ничего не сказал и вернулся к своему месту.

Рында повел Нину на веранду, откуда хорошо видны проплывающие теплоходы, занял удобный угловой столик, осмотрелся.

В примыкающем к веранде зале гуляла компания кавказцев, в ней он никого не знал. На воздухе сидели четыре бывших «быка» Итальянца, теперь они входили в бригаду Баркаса, коллеги дружески поздоровались.

Делать заказ Рында не умел, поэтому коротко сказал мятому официанту:

– Хорошей водки, шампанское, коньяк и закуски.

Халдей подождал, но, поняв, что уточнений не будет, спросил:

– На какую сумму располагаем?

– Неси. Чтоб все нормально... Пожав плечами, официант ушел.

Надо было завести разговор с девчонкой, Рында думал, с чего начать, и наконец придумал:

– Видишь, у того парня шрам на роже? А знаешь, как было дело? Они сидели в «Деловом дворе», тут подкатывают какие-то черные...

Официант мгновенно уставил стол тарелками с закусками. Отварная картошка, донская селедка, щучья икра, жареные баклажаны, маринованные грибы, колбаса, копченое мясо...

–...они вышли во двор, он одному – бац! Тот – с копыт. А второй бритвой по роже – хуяк!

Рында налил обоим, но закуску положил только себе.

– Будем!

Тут же налил по второй.

Нина пила и курила, ела совсем немного.

«Это хорошо, – подумал Рында. – Быстрее окосеет – не будет выделяться... А то глаза как у порядочной, разговоры умные, а у Баркаса сосала без звука. Падла!»

Он снова вспомнил ритмичные позвякивания бутылок идвигающуюся голову на прилавке. В брюках взбух горячий бугор. Он сунул руку под скатерть, нащупал гладкие колени, вставил кисть между ними, но ничего не получилось, колени не раздвигались.

– Давай еще выпьем!

– И что?

– Ничего...

– Зачем ты меня сюда привел?

Рында налил рюмки до краев, залпом выпил свою, закусил селедкой. Картошку он не ел: мать наталкивала его всю жизнь.

– Давай пей, веселей будет!

– Да?

Нина тоже выпила, намазала хлеб маслом, потом мелкой желтоватой икрой.

– Вы думаете, заплатил за обед – и можно лезть под юбку... Она откусила бутерброд.

– Ну а если плачу я?

– Тогда залезаешь мне в штаны! – Рында громко захохотал.

Нина налила себе и выпила, не приглашая сотрапезника.

– Знаешь, что про тебя говорил Баркас?

Она прищурилась.

«Поплыла девка», – подумал Рында

– Что?

– Не скажу... «Ну и дура», – мелькнула мысль.

Официант принес рыбную солянку. От нее сильно разило рыбой. Значит, положили несвежую, суки...

– Пьем еще!

– Я – шампанское.

– Давай.

Улучив момент. Рында плеснул в пузырящийся бокал водки.

– Привыкла торговать?

– Куда деваться...

– Это верно!

Рында получил бутылку водки с соседнего столика и послал две. Потом целовался с четверкой новых друзей, пил с каждым за дружбу. Он то погружался в мутные волны опьянения, то выныривал наружу, как поплавок после неудачной поклевки.

Вынырнув в очередной раз, он увидел, что с Ниной сидит кавказец из гудящей в зале компании.

Взяв наполовину пустую бутылку, Рында подошел сзади и, ничего не говоря, шаркнул наглеца по башке. Тот залился кровью и рухнул на неплотно пригнанные доски веранды, сквозь которые просвечивали мутная рябь донской воды.

Зал взорвался возмущенными криками, и жаждущие мести соплеменники пострадавшего плотной гурьбой выкатились на свежий воздух. Было человек десять и воздух их не отрезвил.

Но Рында, набычившись, выдернул из-за Пояса вольту и жахнул под ноги недругам.

– Перемочу, падлы!

Про то, что затвор нужно передергивать рукой, он забыл. Да это и не пригодилось. Гости Тиходонска мгновенно протрезвели, извинились за своего товарища и увели его обратно в зал, а в знак полного примирения вынесли три бутылки водки.

Пир продолжался. Только официант уже не появлялся, и Рында решил его наказать. Взяв Нину за руку, он повел ее к машине. Девушка спотыкалась, с ноги слетела туфля, она сняла и другую.

– А платить?

– Обойдется!

Когда мотор взревел и Рында стал разворачиваться, официант появился на веранде, но активных действий не предпринимал.

– Испугался, козел! – удовлетворенно сказал Рында и икнул.

– А куда мы едем?

Машина свернула в лесопосадку и раскачивалась на непривычных для подвески российских ухабах.

– Кататься, – Рында снова икнул. Его мутило.

Они заехали довольно далеко и остановились на полянке, с одного края заваленной сухими стволами деревьев, ветками и сучьями. Было еще светло. Среди начинающей жухнуть опавшей листвы белели использованные презервативы, обрывки бинтов, марлевых повязок, ватные тампоны. В изобилии валялись пустые бутылки.

– Зачем ты меня сюда привез?

Нина смотрела пьяными глазами, тушь расплылась, волосы растрепались, лицо отекло и утратило привлекательность. Но юбка задралась, высоко обнажая загорелые ноги. Горячий бугор в штанах медленно и сильно пульсировал.

– А ты не понимаешь, зачем? – Рында испытывал раздражение и злость. Он не привык ходить в рестораны, тем более водить туда баб. Да и зачем? Взяли пару бутылок, закуски, похарились и разбежались. А все эти умные разговоры... Хрен им цена! К тому же Баркасу она давала без всяких разговоров...

– Раздевайся!

Нина вытянула губы трубочкой, поправила прическу.

– Прямо сейчас. Разбежалась!

Она одернула юбку, достала пудреницу и, не обращая на кавалера ни малейшего внимания, принялась приводить себя в порядок.

По мере того как лицо девушки приобретало нормальный вид, Рында чувствовал нарастающую неловкость, будто между ними вновь вырос барьер разницы образования, воспитания, умственного развития, манеры держаться...

Если бы дело происходило на «пяточке», скорее всего он бы проглотил очередной от-

каз. Но обнаженная откровенность окружающей обстановки побуждала к решительным действиям и не оставляла девчонке поводов для иллюзий. Деваться ей некуда. И хозяин здесь он, Рында!

– Я сказал – раздевайся!

Он выбил пудреницу, одним движением задрал юбку до желтых, в синий горошек трусов.

– Или хочешь по морде?

Огромный кулак приблизился к девичьему лицу, и она оставила попытку вернуть юбку обратно.

– Ну!

Вздохнув, Нина ловко вывернулась из платья, чуть приподнявшись, стащила трусики, заведя руки за спину, расстегнула лифчик.

– Что дальше?

Во взгляде и голосе чувствовалось нескрываемое презрение, но Рынде было на это наплевать.

– Ложись!

Он откинул сиденье.

Нина выполнила команду, согнутым локтем закрыла лицо, выражая полное равнодушие к тому, что ей предстоит перенести.

– Хоть резинку надень! – бросила она напоследок, но Рында уже залазил сверху.

Он не имел опыта секса в машине, путался в ногах девушки, рулевой колонке и рычаге переключения передач, раздражаясь все больше и больше.

– Не так! Выходи!

Он вытащил Нину наружу, заставил нагнуться, уперевшись руками в сиденье.

Мучившее его виденье материализовалось, босые ступни девушки погружались в опавшую листву, крепкие икры и округлые бедра образовывали узкий, вытянутый кверху треугольник, он потрогал место, где ноги сходились, и чуть подсел, примеряясь под массивные, в пупырышках «гусиной кожи» ягодицы. Плоть была сухой и неподатливой, будто он втискивался в локтевой или коленный изгиб. Но он все же прорвался взад-вперед, только вместо бутылочного подзвона скрипели пружины сиденья. Девушка оставалась безучастной.

Внезапно она засмеялась. Некоторые бабы смеются, когда ловят кайф от этого, но Нина просто смеялась, будто вспомнила забавную вещь.

– Знаешь, что про тебя говорил Баркас?

Рында сейчас видел, делал и ощущал то же, что и бригадир. Больше того, он добился своего, чтобы поравняться с Баркасом. Но не получал особого удовольствия от происходящего и не чувствовал ожидаемого равенства. Потому неожиданный и неуместный вопрос, а особенно интонации в голосе Нины задели его за живое.

– Что? – хрипло выдохнул он.

Нина снова засмеялась.

– Что ты жуткий урод! Шаман даже запретил приводить тебя к нему.

Вряд ли кому-то понравится, когда в разгар секса партнерша совершенно спокойным голосом говорит тебе гадости. Нина умышленно ломала кайф партнеру, хотя понимала, что вполне может схлопотать по морде.

Но она не знала, что написано в медицинской карте Рынды. «Психопатическая личность, утрачивающая вменяемость при актуализации комплекса неполноценности, связанного с внешностью и уровнем развития».

Нина не успела закончить фразу. Рында зарычал, руки сорвались с бедер девушки и метнулись к шее, из такого положения схватить наверняка было трудно, он мял плечи, подбираясь к горлу, они упали на землю, но не разъединились, его нижняя часть продолжала коитус, а верхняя душила партнершу, ломала ей шейные позвонки. До того безвольное тело напряглось и задергалось, как будто в нем пробудилась страсть, это помогло Рынде мгновенно облегчиться.

– Сука, сука, сука! – хрипел он, нашаривая вынутый изза пояса, чтоб не мешал, пистолет. Но скользкая пластиковая рукоятка под руку не попадалась, а надо было заканчивать и то, что делала верхняя половина тела. Пальцы скользнули в карман, щелкнула пружина, и

острый клинок первый раз воткнулся в голую спину между лопаток. Потом он вырвался обратно, расплескивая теплые брызги, вонзился второй раз, третий, четвертый...

Шея под светлыми волосами, ключица, левый бок, поясница... Точно орел клевал железным клювом, выбирая наиболее уязвимые места. Рында не участвовал в происходящем, он со стороны наблюдал проделки орла, иногда мысленно подсказывал, а орел все понимал...

Потом орел исчез, а Рында остался наедине с исклеванным, залитым кровью телом. Он затащил его в кусты, завалил сухими ветками, пытался устроить костер, но спички ломались, не хотели зажигаться, и он отказался от этой затеи.

Вспомнив последнюю просьбу Нины, он отыскал в опускающихся сумерках резиновый мешочек презерватива и, приподняв ветки, положил ей на живот. Собрал и аккуратно сложил одежду, трусами вытер железный клюв и бросил рядом.

Потом осмотрел себя и остался недоволен: много пятен, брызг и потеков, надо ехать к реке стираться. А подлый орел, из-за которого все и произошло, бесследно куда-то пропал.

Домой Рында пришел под утро. Мать привыкла к его ночной работе и удивилась только мокрой одежде, но он объяснил, что прогонял очередных хулиганов и упал в фонтан. Переодевшись и позавтракав, Рында снова отправился на работу, забрав мокрую одежду, которую собирался отдать в химчистку. На самом деле он вывалил содержимое большой спортивной сумки в мусорный контейнер.

Заехав за Кентом и взяв одного из своих пацанов, Рында поручил в «Нахаловку». Дав инструкции пацану, он аккуратно обошел ряды киосков и сразу заметил за прилавком Попугая. Сделав условный знак, он вернулся в машину, а пацан пошел задавать нужные вопросы.

Вернулся он через полчаса с полной раскладкой. Новый продавец занял место Шершня, который спешно исчез неизвестно куда. Неделю назад старых контролеров именно этот Попугай отвел в рощу, что тянется вдоль железной дороги. Куда они делись потом – никто не знает, но теперь все платят Амбалу и Ржавому, которые всегда сидят неподалеку, в кафе «Погребок». Недавно в роще, в развалинах, нашли двоих, один был жив и рассказал ментам много интересного. Эти двое раньше приходили к Шершню.

– Ты знаешь, где «Погребок»? – спросил Рында.

Пацан кивнул.

– Зайди, посмотри. – Рында описал внешность Амбала и Ржавого. – Если они там, сядь у входа и следи, чтоб не ушли. Пойдут – дуй следом. Понял?

– Понял.

Пацан пошел к угловому кафе.

– Есть два места в этой роще, где Амбал любил тасоваться, – сказал Рында. – Одно – развалины дома...

– Где нашли убитых? – настороженно спросил Кент.

– Да.

– А второе?

– Бетонная труба под железнодорожной насыпью. Он туда хабар прятал.

– Пойдем посмотрим, – Кент привычно передвинул железный предмет под пиджаком.

Через двадцать минут они обнаружили в трубе прикрытые пожухлым бурьяном три трупа.

– Вот тебе раз, – присвистнул Кент. – Кто же это так сразу?..

– Амбал, падла, – процедил Рында. – Он и так бешеный, а в последнее время вообще с цепи сорвался. Всех подряд мочит.

– Ладно, – сказал Кент и достал из кармана два отрезка черных капроновых чулок. – Раз они первыми начали мочить и без всяких правил забрали наши лотки, то и у нас руки развязаны.

Машины оставили в проходном дворе за несколько кварталов. Перед тем как выйти, Рында повертел в руках пистолет.

– Что он сказал тут дергать?

Кент умело взял оружие, щелкнул затвором. Стреляная гильза со звоном ударилась о боковое стекло.

– Свежая... В кого шмалял?

– Звери выступали, – нехотя ответил Рында. Воспоминания о вчерашнем дне были ему неприятны.

– Надо чинить машинку. Не выбрасывает. Каждый раз дергай рукой, вот так. Как в ковбойских фильмах.

Кент вернул ТТ и повозился под курткой.

– Я и один могу там всех замесить!

Из-под полы выглядывал аккуратный, тускло блестящий автомат с магазином в рукоятке.

– Пошли?

Рында сглотнул.

– Пошли.

Пацан толкся неподалеку от кафе.

– Там сидят. Не выходили, – доложил он.

– Дергай домой, – приказал Рында. – Найдешь меня вечером.

Зашли в подъезд напротив, выждали пять минут, надели на голову чулки. Когда шли через дорогу, никто не обращал на них внимания, словно люди в масках каждый день разгуливают по улицам.

В «Погребок» вели девять покатых ступеней. Внутри царил полумрак. Амбал и Ржавый сидели за столиком у стены с двумя блядами. Молодые парни и девушки пили коктейли у стойки бара.

Рында вытянул руку, целясь Амбалу в лоб. Так делали герои боевиков, после их выстрелов противники падали замертво.

«Бах!» – руку подбросило вверх.

В замкнутом пространстве подвального грохот мощного патрона больно ударил по барабанным перепонкам.

Амбал остался невредим – пуля с визгом отлетела от кирпичной стены и, рикошетируя, несколько раз Пересекла зал. Пронзительно завизжали девчонки.

Рында снова нажал спуск, но пистолет молчал.

– Отойди, отойди в сторону, мудака! – истошно кричал кто-то сзади.

Амбал и Ржавый уже достали пушки и наводили огромные черные стволы на Рынду. Вспомнив, он дернул затвор.

«Бах! Бах!» Девчонка, сидевшая рядом с Амбалом, уткнулась лицом в стол.

«Бум! Бах!» Пистолеты у Амбала и Ржавого стреляли с разным звуком.

«Бах! Бах! Бах! Бах!»

Рында как заведенный передергивал затвор и нажимал гашетку. Вспышки синеватого пламени брызгали во все стороны. Вторая девчонка молча упала на пол.

Затвор застрял в заднем положении – кончились патроны. Рында этого не знал и решил, что пушка испортилась окончательно. Поэтому он инстинктивно швырнул тяжелую железку, как камень, и угодил Амбалу в лицо. Тот залился кровью и прекратил огонь, свободной рукой он пытался протереть глаза.

Ржавый возился с пистолетом, у него тоже что-то не получалось.

– В сторону, в сторону, сука!

Рында узнал голос Кента и понял, что слова относятся к нему. Он отскочил, прижимаясь к стене. Из глубины помещения выбежал Валек с БОЛЬШОЙ, с ходу пальнул, но второго выстрела не получилось, однако Ржавый справился наконец со своим оружием и бахнул два раз подряд.

«Тра-та-та! Тра-та-та!» Сзади ударил автомат Кента.

Валек упал на колени, ткнул безмолвный «ствол» в сторону Рынды, Амбал справился с кровотечением и, целясь одним глазом, выстрелил. Кент вскрикнул. Автоматная очередь разнесла вдребезги голову Ржавого, метнулась к стойке бара, свалив двух парней. Амбал нырнул за стол.

– Уходим! – крикнул Кент.

Рында понял, что только и ждал этого момента. Он кинулся к двери, ощущая смертельную незащищенность спины.

На улице ничего не изменилось. Чулок не мешал видеть и слышать. Рында не стал его снимать и рванул к машине, обогнав тяжело бегущего Кента.

– В плечо залепил, пидор! – сообщил Кент, повалившись на сиденье.

– Это Все ты, мудила, устроил! Стал передо мной и загородил их своей жопой!

Кент сунул руку под куртку, когда вытащил, ладонь была в крови.

– Да еще девчонок пострелял...

– Ты тоже многих зря положил, – огрызнулся Рында и дал газ.

Баркас выслушал их сбивчивый рассказ внимательно.

– Надо было узнать, кто где сидит, сколько там людей, выбрать удобный момент, подойти вплотную и кончить этих гадов! – с досадой сказал он. – А вы набили посторонних, а тех оставили живыми!

Они сидели в трехкомнатной, богато обставленной квартире бригадира. Только что Баркас умело обработал рану Кента. «Ерунда, мякоть, сквозное...»

Рында чувствовал вину: именно он помешал Кенту стрелять, пока противник не всполошился. И пушку бросил...

– Ты, Кент, иди отлежись, – приказал Баркас. – Ствол спрячь пока... Когда Кент ушел, он повернулся к Рынде.

– Где девчонка?!

– Какая девчонка? – Вязкая пелена мешала вспоминать вчерашнее.

– Где девчонка, идиот? Ларек закрыт, мать приходила ее искать, она уехала с тобой! Да и в кабаке вас видели! Где она?

– Не знаю, – Рында уставился в пол, изучая ковровый узор.

– Не знаешь...

Без замаха Баркас саданул его в висок и тут же подцепил крюком под челюсть. Узор ковра расплылся, быстро надвинулся и ударил в скулу.

– Говори, падла! – острый носок модельной туфли врезался в живот.

– Не знаю, – промычал Рында. – Поругались, дал по морде, она убежала...

– Как хочешь. – Баркас пнул еще раз, но без силы, больше для порядка.

– Значит, через пару дней сядешь на нары. А пока с тебя полтора лимона за пушку.

Если успеешь отдать... Небось даже пальцы не стер!

Он обошел лежащего ничком Рынду.

– А ведь скорей всего шлепнут тебя, – задумчиво проговорил бригадир.

– Нинку замочил, в «погребке» посторонних побил... Точно шлепнут! И правильно, – неожиданно заключил он. – Одним дебилом меньше!

Порыв, который вчера бросил руки Рынды к шее Нины, поднял избитое тело с ковра. Но тягаться с сержантом морской пехоты было ему явно не по зубам. Через пару секунд Марик Рында опять лежал на полу в глубоком нокдауне.

Но зато во взгляде Баркаса появилась заинтересованность. Он решил перевести этого психопата на нелегальное положение и использовать для «мокрыков», не требующих высокой квалификаций.

Глава шестая МЕНТЫ

«Болонка, пудель или доберман никогда не затравят волка Тут нужен волкодав или прирученный волк. И у людей так же не каждый способен заломить бандита. Только тот, кто по своей природе мент...»

Майор Сизов – бывший старший опер по особо важным делам УВД Тиходонской области.

Казанкин лично изучил дело осужденного Коренева. Оно состояло как бы из двух дел. Одно посвящено расследованию убийства Галины Павловой. Начальник районного отделения уголовного розыска Коренев установил подозреваемого, "некоего Сихно, отыскал пару свидетелей, нашел вещдоки – серьги и перстенок погибшей. Подозреваемый признался и показал куда спрятал труп.

«Выводку» засняли на видеопленку. Сихно указал место в лесополосе на левом берегу, в присутствии понятых Коренев выкопал тело. Цепочка доказательств замкнулась, майор завершил дознание и передал дело в прокуратуру, где оно приняло совершенно другой оборот. Сихно от признания отказался и заявил, что Коренев физическим воздействием и угрозами вынудил его к самооговору.

Казанкин вздохнул. Обычное дело. Вначале «раскалываются» в горячке, потом отказываются. И свидетели дают задний ход. Он пролистнул страницы. Точно. Подруга убитой изменила показания, приятель Сихно – тоже.

Но здесь привычная схема имела дополнение: видеозапись незаконных действий начальника УР – Коренев угрожал задержанному пистолетом и обещал убить, если тот не укажет место нахождения трупа. Эксперт, участвовавший в «выводке» и сделавший запись, и один из оперативников дали свидетельские показания на майора – факт беспрецедентный и труднообъяснимый.

Сихно освободили за недосказанностью вины, дело об убийстве Павловой выделили в отдельное производство, а следствие вплотную занялось начальником УР. Коренев был отстранен от работы, важняк городской прокуратуры Горский вынес постановление об аресте, но майор скрылся.

Через три месяца он добровольно сдался. К этому времени бесследно исчез Сихно. Его труп обнаружили в той самой яме, в которую Коренев обещал его закопать, поэтому Горский «крутил» майора и по убийству, но доказать ничего не смог. Впрочем, хватило и обвинений в превышении власти. Хотя Коренев полностью отрицал вину, злополучная видеозапись оказалась настолько убедительной, что Шпаркова недрогнувшей рукой подписала шестилетний срок.

Казанкин вздохнул еще раз. Дело с явной гнильцой. Смутные упоминания о том, что Сихно работал на Шамана, резкое изменение направления следствия... Убийство Павловой таки осталось нераскрытым. А Коренев, навязший в зубах у местной мафии, отправлен в колонию.

Но личные впечатления и догадки не являются основанием к пересмотру приговора. По материалам дела майор осужден правильно. Сам он так не считает и написал уже около тридцати жалоб: его убрали по указанию преступной организации Шамана, видеозапись фальсифицирована. Просит о повторной экспертизе пленки. Ему, естественно, отказывают: оснований сомневаться в выводах экспертно-криминалистического отдела УФСК не имеется, а исполнять прихоти осужденных, которые не хотят отбывать срок, слишком накладно для государства.

Казанкин нажал клавишу селектора.

– Виктор Петрович, зайти ко мне.

Только сейчас он подумал, что Шпаркова в процессе не воспроизводила видеозапись, ограничившись оглашением протокола о ее содержании.

Председатель судебной коллегии по уголовным делам Сошкин пришел очень быстро. Он был педантичным, исполнительным и аккуратным человеком. И, подписывая отказы на жалобы Коренева, полностью исходил из материалов дела.

– Вы просматривали видеозапись?

Сошкин пожал плечами.

– На чем? Протокол изучал... Он деликатно замолчал.

В облсуде имелся один видеомagneтофон, и тот стоял в кабинете председателя. Теоретически его можно было перенести в любой зал заседаний, но кто станет беспокоить руководителя, кто потащит аппаратуру, кто подключит к телевизору, кто будет осуществлять демонстрацию? К тому же срабатывали психологические стереотипы: судейские чиновники привыкли к бумагам, а ход любого следственного действия обязательно отражается в протоколе, бери и читай, пленка – только дополнение к нему. Потому работали в основном по старинке – прочитывали материалы дела, и все...

– Ну давайте хоть сейчас посмотрим, после тридцати жалоб, – с укоризной сказал Казанкин.

Через несколько минут на экране новенького «Филипса» появилась левобережная лесополоса. Стриженный «под горшок» Сихно в спортивных штанах и кожаной куртке, быст-

рый верткий Коренев, осанистый Бобовкин – тот самый оперативник, молодые ребята – практиканты... Изображение было хорошим, четким и лишь иногда чуть поддрагивало: съемка велась с рук, а местность не изобиловала гладкими дорожками. И звуковой фон передан хорошо: хлопки автомобильных дверей, треск оторванной ветки, чей-то шепот за кадром...

– Где? – Голос Коренева нес скрытую угрозу.

Подозреваемый будто съезился, а ведь встретить его на улице – не обрадуешься: наглая харя рэкетира, глазки-пуговицы, округлые щеки, нос-картофелина, мощный торс, короткие ноги. У таких типов всегда бывает презрительное выражение, но у Сихно в данный момент оно отсутствовало.

– Покажите место, где закопан труп Павловой, – на этот раз официально сказал майор.

– Вот здесь!

Сихно сделал два шага, ковырнул носком кроссовки мягкую землю и отвернулся.

Теперь камера фиксировала вгрызающиеся в грунт лопаты. Рыжая почва отлетала в сторону, разбиваясь на мелкие комья.

– Ну, где? – слышалось за кадром, – Нет здесь ничего... Снова на экране появился Сихно. Он растерянно озирался.

– Забыл. Наверное, не здесь...

Запись прервалась. На темном экране метались рябые проблески. Наконец изображение возникло вновь.

Теперь снимали издалека, через ветки кустарника. В кадре двое. Оператор дал увеличение. Изображение, укрупняясь, надвинулось на экран. Коренев расстегнул задержанному наручники, с силой толкнул в грудь.

– Беги! – Голос доносился приглушенно, но отчетливо. – Беги, сука!

В руке майора тускло отблескивал пистолет.

– Не надо, не надо, – подозреваемый повалился на колени. – Я покажу, правда... Наденьте наручники... Сихно протягивал перед собой плотно сжатые руки.

Коренев сунул оружие за пояс.

– Ладно, в последний раз, – брезгливо сказал он, защелкивая «браслеты». – Если еще раз раз сдаешься – я тебя в эту яму и закопаю!

Кадр оборвался.

– А где нашли потом этого... рэкетира? – спросил Казанкин. – Неужели...

– Да, именно в той самой яме, – ответил Сошкин.

– Совпадение?

Председатель уголовной коллегии пожал плечами.

– Всякое в жизни бывает. В том числе и подобные совпадения. Но лично я в них не верю.

– Ладно, посмотрим окончание.

Казанкин тронул кнопку дистанционного пульта.

Сихно показывал пальцем на прогалину между кустарниками. Коренев стоял чуть сзади, внимательно наблюдая. Мордатый Бобовкин вытирал выпуклый лоб. Небритые пятнадцатисуточники начали копать. Лопаты, комья земли.

– Теперь в точку, – раздался чей-то голос.

– Грунт рыхлый. И трупный запах пробивается.

Крупным планом вонзающиеся лопаты.

– Ну и вонина, твою мать! – выругался кто-то из пятнадцатисуточников.

– Не ругаться, все на пленку ляжет, – строго приказал Бобовкин.

Под лопатами мелькнуло что-то белое. Женская рука.

– Осторожно, окапывайте вокруг.

Судмедэксперт затаенной в резину рукой отгребал землю с лица убитой. Камера метнулась от ямы к участникам оперативно-следственной группы.

Коренев с холодной ненавистью рассматривал Сихно. Лицо подозреваемого застыло и ничего не выражало. Так выглядят полностью опустошенные люди, которым больше нечего терять. Нервно курил Бобовкин. Старались держаться подальше от раскопанной могилы понятые.

В просторный комфортабельный кабинет председателя областного суда с цветного экрана просочилась нервная, напряженная и гнетущая атмосфера «выводки».

Труп положили на носилки. Запись прекратилась.

– Пусть Коренев превысил власть, но яму с трупом показал именно Сихно, – медленно проговорил Казанкин. – Значит, он его туда и положил. Лет пять назад мы бы стопроцентно осудили его за убийство. Хоть десять раз отказывайся да меняй показания! А сейчас убийца считается неустановленным, а преступление – нераскрытым. Зато майор Коренев осужден. Где тут логика?

Председатель ни к кому конкретно не обращался, но, поскольку Сошкин сидел рядом, ему само собой отводилась роль собеседника. Но председатель уголовной коллегии не тропился отвечать.

Он еще помнил те времена, когда областная Фемида карала, невзирая на лица. Почти не взирая. Попадалась иногда крупная рыба, со связями, уходящими далеко вверх, тут появлялись могущественные ходатаи с просьбами «войти в положение». И входили: вместо четырнадцати лет определяли восемь или девять – в нижних пределах санкций. Речь всегда шла о хозяйственниках, попавшихся на взятке или хищении. Об убийце, разбойнике или грабителе хлопотать считалось дурным тоном, тут обладатель даже очень высокого кресла мог в одночасье его лишиться.

Но времена изменились. Теперь следственно-судейская машина перемалывала того, кого способна была проглотить. Работягу, по пьянке избившего соседку. Бомжа, укравшего две бутылки водки. Строителя, шепнувшего пару досок, чтобы отремонтировать пол в квартире. Одуревшего пьяницу, залезшего в карман в троллейбусе. Одним словом, того, за кем не стояла группа родственников, друзей, соучастников, готовых любым путем «отмазать» виновного.

На этих «простых» гражданах держатся все показатели, оправдывающие существование правоохранительного аппарата: число задержаний и арестов, процент раскрытия, количество расследованных уголовных дел, количество приговоров, вынесенных по этим делам.

Если взять голые цифры, то картина получается внушительная: каждый год привлекается к ответственности все больше преступников, разоблачается все больше преступных групп. Три подростка ограбили прохожего. Два алкоголика избили третьего. Три карманника украли кошелек. Чем не группы? К тому же действовали они вполне организованно: один держал, второй бил, один резал карман, второй брал кошелек, третий его выносил... И как-то незаметно они попадают в статистику обезвреженных организованных преступных групп!

Но н а с т о я щ а я организованная преступная группировка еще ни разу не сидела в полном составе на скамье подсудимых. Или даже в половинном.

Операции захвата проводятся часто: здоровенные парни в масках и камуфляже эффектно бросают на асфальт наглых «качков», телекамера фиксирует разбитые лица мерзавцев, диктор удовлетворенно сообщает о полном разгроме очередной банды.

Только где он, этот разгром? Где открытые процессы, суровые приговоры на радость и успокоение гражданам и страх другим бандитам? Нету!

Заглотив крупную дичь, машина судопроизводства начинает давиться и отрыгивает задержанных одного за другим. Иногда отрывка сопровождается внутренним кровотечением, как в случае со Шпарковой. Неприятно... И вырабатывается рефлекс: кого можно глотать и разжевывать, а на кого и не следует пасть разевать.

Потому Сошкин и не отвечал председателю, что все это прекрасно знал. Да и председатель знал все не хуже его. Просто судейские чиновники, как и любые другие, успокаивали свою совесть расхожими утверждениями про маленьких людей, от которых ничего не зависит. Какие дела поступают в суд

– такие и рассматриваем...

– Презумпция невиновности, – наконец нарушил Сошкин молчание.

Фраза была обтекаемой, дипломатичной и не должна вроде бы вызвать раздражение у руководителя. Но вызвала.

– Доневиновились! – мрачно сказал он. – Скоро будут нас прямо на рабочих местах убивать!

Казанкин извлек кассету, вложил обратно в коробку и опечатал.

– Направим курьером в Москву, в Центральный институт судебной экспертизы.

Про себя председатель облсуда подумал, что скорее всего пленку признают подлинной и Кореневу придется париться весь срок. Судьба редко проявляет благосклонность к случайно оступившимся людям.

Мысль была верной. Но Коренев написал тридцать жалоб и добился решения, которое только сейчас было принято, в расчете не на судьбу. В серьезных делах он привык полагаться только на себя.

* * *

Улочка, на которой вырос Лис, тянулась по высокому правому берегу вдоль Дона. Район имел дурную репутацию: окраинная слободка, край отсидевших арестантов.

Семья Кореневых переехала сюда, когда Лису было восемь лет. Наслушавшись разговоров о месте будущего жительства, он с опаской прошелся по кривой, с крутым спуском улочке вдоль деревянных и саманных домишек с выкрашенными в охряной цвет крышами. Краску изобильно воровали с комбайнового завода, кроме крыш, ею красили и деревянные полы.

Люди попадались обычные, только майки мужчин открывали обильные синие разводы татуировок, улыбки обнажали щербатые, с тусклыми фиксами рты.

И у женщин имелись татуировки, это Лиса удивило: раньше он такого не видел.

Удивило и то, что двое сверстников, с которыми он в первый день познакомился, называли друг друга не именами, а прозвищами. Худощавый, с нездоровым румянцем Муха и плотный, с налезшими друг на друга передними зубами Кривоzubый. Через несколько лет Муха стал Крысой, тогда Лис думал, что по фамилии Кривсанов, но годы спустя понял: скорее из-за личностных наклонностей и привычек.

Валерка Добриков так и остался Кривоzubым, потому что у одуревших от пьянства родителей не хватило ума отвести его к стоматологу. В околдонской слободке не придавали значения физическим недостаткам, а уж тем более косметическим дефектам. Как есть, как и есть. Жить можно – и ладно! А если жить становилось нельзя – хлебнул уксусной кислоты вместо водки, или напоролся брюхом на нож, или блевал, лежа на спине – тогда со смирением умирали. Похороны, поминки, водка – жизнь шла по следующему кругу.

Большинство обитателей неказистых домишек работали рядышком, на городской ТЭЦ, длинный забор которой тянулся напротив облупившихся, просевших и растрескавшихся фасадов. Ночью за забором гремели цепями об отполированную проволоку громадные лохматые псы.

В безветренную погоду высокая кирпичная труба засыпала окрестности крупной черной пылью. Если у кого-то в это время сохло белье, то оно изменяло цвет на противоположный, приходилось перестирывать, а воду носили в горку за квартал, потом взгромождали на печь огромные выварки. Но это считалось в порядке вещей, поэтому ругались беззлобно, для порядка. Только тетя Нина из сорок девятого дома громко материлась и грозила трубе татуированной ладонью с обручками среднего и указательного пальцев. Тема экологической катастрофы еще не вошла в моду, но черный снег производил на маленького Коренева путающее впечатление, и он перекапывал его крохотной лопаткой, но желаемого эффекта не добивался, извлеченный из глубины белый снег смешивался с угольной пылью и приобретал неряшливый буро-серый цвет.

Среди пацанов часто затевались споры – хватит ли смелости залезть по ржавым железным скобам хотя бы до середины трубы. Но желающих не находилось.

– Если бы внутри, я бы залез, – сказал Крыса – Там ветром не сдует и землю не видно.

Кореневу тоже показалось, что по внутренним стенкам забраться наверх легче.

Потом ТЭЦ перешла на газ и перестала загрязнять окрестности, угольные котлы убрали, и Генка, сын сторожихи, пустил приятелей в гулкий, уходящий далеко вверх, к небольшому кружку неба кирпичный конус трубы. Здесь тоже имелись ржавые металлические скобы, но Крыса только мотнул головой.

– Не полезу. Если бы она ровной была... А она вишь как наклонена...

Здесь, за проходной ТЭЦ, Коренев одержал первую ощутимую победу в физической схватке. Крыса с Кривоzubым набросились на него вдвоем, они были явно сильнее, но, когда он въехал одному в ухо, а второму по скуле, оба спрятались в ведущем к трубе тоннеле и оттуда жалкими голосами просили мира и прощения.

Коренев подобрал какую-то палку и был настроен воинственно, видя это они вылезли наружу на коленях. Лис отбросил палку и даже не настучал по подставляемым шеям. Сам бы он не стал беспричинно нападать на товарища, не ползал бы на коленях и не подставлялся под карающие удары. Тогда он сделал вывод о том, что люди есть разные и ведут они себя тоже по-разному. Одни не хамят, не наглюют, живут с достоинством, другие беспардонно прут на рожон, но, получив отпор, ломаются и готовы на все, чтобы улажить победителя.

Этот вывод оказался очень важным и неоднократно подтверждался впоследствии, когда Лис вламывался один в ночные притоны и мгновенно «вырубал» самого борзого, тем самым приводя в повиновение всех остальных. Крыса с Кривоzubым в то время уже мотали срока, Кривоzubый в конце концов выскочил, а Крыса так и затерялся за колючей проволокой.

– Особо опасным признали, – осуждающе качал головой Добриков, щеря наросшие один на другой зубы. – Не может понять; всю жизнь в зоне не протопчешься, все равно «завязывать» надо...

Сам Кривоzubый «отошел», устроился грузчиком, прописался в Центральном районе. Лис его встретил почти случайно, улыбнулся дружески, протянул руку – старые товарищи, как-никак!

Актерство, игра – какие они, к черту, товарищи, но опер должен располагать к себе людей, а майор Коренев умел это делать.

– Кем был-то в зоне? – спросил, чтобы поддержать разговор. – Мужиком?

– А кем же? – оскорбленно ответил «друг детства».

По тону Лис понял, что неопрятный, косноязычный, с явно выраженным физическим недостатком Кривоzubый скорее всего был чушкарем, а может, и пидором. Но виду не подал, поговорил по душам, обещал помощь и поддержку, намекнул, что, может быть, и к нему обратится за советом. Польщенный Кривоzubый кивал, хотя в глубине души прекрасно понимал, за каким «советом» может к нему обратиться матерый опер, о котором среди блатных ходили легенды...

Когда Кривоzubого забрали в вытрезвитель, Лис помог, сообщение на работу придержал, спас гражданину Добрикову тринадцатую зарплату. Но и тот, когда понадобилось, «дунул» – и раз, и другой, и третий... Долг платежом красен, хотя какие счета между товарищами!

С воровской общиной Коренев обходился уважительно, но свысока, как союзный авторитет с местным. Если надо было – заезжал запросто к Черномору, а то и к Кресту в колонию заглядывал, решал свои вопросы, в чем-то братве уступки делал – в любом деле интерес должен быть взаимным.

По «понятиям» отношения между ворами и сыщиком определены строго, ты его уважай да палец не давай – без руки останешься. Все знали, что денег Лис не берет, абы с кем не пьет и слово держит. Правда, давал он слово редко, по-крупному никого не отмазывал, а множество пальцев и рук держал крепко – не вырвешь!

Тогда все было ясно: вор ворует, сыщик ловит. Вор – это вор, сыщик – это сыщик. Один прячется, другой охотится.

Но вот накатили новые времена, и все перемешалось. Один кооператор с другого бабки сдает, вчерашние спортсмены частные ларьки и магазины данью обкладывают, накачаные мальчишки с наглыми рожами и в броской униформе раскатывают на «мерседесах», почти не таясь «глушат» конкурентов, сжигают торговые точки... И никто ничего не боится, закон как-то потишал, а потом его и вовсе в жопу засунули.

Сейчас кулак закон, а лучше – «макар», «калаш», «лимонка»... И эти новые, спортивно-кожаные чувствуют себя как рыба в воде. Раньше «призраки» с самодельными автоматами пять лет на кассиров да инкассаторов нападали, перестреливались, ранили, убивали, сами пули получали, пока их не схватили и не расшлепали. А захватили за все эти годы двести пятьдесят тысяч, да и то самый большой куш – рюкзак с двумястами двадцатью «шту-

ками» только сорок минут в руках подержали, догнали, отобрали, одного на месте уложили. Так что весь их доход за пять лет смертельного риска – шесть отечественных «Жигулей»!

А сейчас рэкетирская группа без всякой стрельбы, на одном страхе за полгода «делает» по «мерсу» и квартире каждому!

Лис аж зубами скрипел от ярости. Не на эту шелупень, на тех, кто страну в страх и беспредел опустил Сам-то он никого не боялся кулаком без разбора дробил развитые жвачкой челюсти, ломал руки с зажатыми железками, ногой яйца разбивал, если по-другому не понимали.

Братва его за крутость уважала, к тому же в нее твердо вбито железное правило: м е н т ы н е п р и к а с а е м ы! Это правило Ларченков с Босяковым, Головановым, Карначом и другими операми старшего поколения вбивали, не жалея кулаков, пистолетных рукоятей и автомобильных аккумуляторов.

Но «новые» никаких правил не знали и знать не хотели! У них одно правило: все самое лучшее себе отхватить – денег побольше, баб – покрасивее, тачек – пошикарней... А кто этому мешают – грохнуть, и все дела!

На Лиса раз двое напали, один сзади удавкой горло перехватил, второй дубинкой глушит, норовит в висок попасть. Опер успел под петлю палец просунуть, ногой второго в колено лягнул, а руку – под мышку, к новомодной кобуре, в которой ПМ стволом назад висит с патроном в стволе в нарушение дурацких инструкций. Дотянулся до спуска – бах! Прямо сквозь пиджак пуля заднему в сердце угодила, а Лис обстоятельно за переднего взялся, пришлось в реанимацию отправлять.

Эта история ему веса прибавила, и оказалось, что «новые» прекрасно способны некоторые правила усвоить и даже на зубок заучить. Например, майора Коренева лучше не трогать, он бешеный и стреляет не задумываясь...

Во всяком случае, на своей территории Лис до последнего оставался хозяином. И если бы его, майора Коренева, Лиса, размножить в пятнадцати экземплярах, по числу штатных единиц уголовного розыска, а еще лучше в двухстах десяти копиях – по численности всего Центрального райотдела, то, возможно, в нарушение идеологических догм, в одном из восьми районов Тиходонска восторжествовала бы ранее социалистическая, а нынче просто законность.

Но райотдел уже начинал перерождаться в гибрид силовой «крыши» и маклерской конторы. Многие сотрудники ощутили прелесть легких денег, значительно превышающих зарплату. Их вежливо отдавали солидные богатые люди за необременительные товарищеские услуги. И не надо рыскать по темным улицам, шерстить чердаки и притоны, рисковать жизнью...

«Левые» бабки приходилось получать и Лису. Когда поступила заявка об угоне новенькой «ауди-100», он пошел к Лакировщику, и машину, на которой хозяин поставил жирный крест, вернули уже к вечеру. На радостях тот засунул в карман майору толстый «пресс».

– Благодарность, начальник! От чистого сердца! Ты ничего плохого не сделал, наоборот, свою работу выполнил. Тебе за это разве премию дадут? Нет, у государства денег нет. У меня немного есть, пусть будет от меня премия! Мне бы хуже, если бы новую машину покупать...

Лис помялся, помялся... Неудобно. Зима на носу, ему самому ботинки нужны да Натахе пальто, сапоги... На зарплату хрен раскрутишься... Улыбнулся слегка одной половиной рта, кивнул еле заметно. Взял, одним словом.

Потом Акоп Вартамян пожаловался: повадилась в бар какая-то блатная шелупень, хулиганят, клиентов отпугивают. Участковый с ними говорил, но толку никакого. Куда ни обращался – управы найти не может.

Пришел майор вечерком: действительно, три молодых бритых дебила «шишку держат» – по-хозяйски между столиками ходят, орут, гогочут, бесплатную выпивку требуют...

Отозвал их в сторонку, представился, спрашивает вежливо: кто такие? А они то ли от пьяни своей ничего не понимают, то ли от дури. За руки хватать стали, за шиворот... «Выйдем, разберемся...»

Вышли. Лис сразу одному пистолетом по морде. Челюсть – хрясь! И Лопнула. Рында у

него кликуха оказалась. А с ним Веретено и Ржавый. Сразу разговорились, хотя Лис пистолет спрятал и спрашивал по-прежнему вежливо и спокойно. Пообещали, что больше к Акопу не придут и другим отсоветуют. Назвали имена, фамилии, адреса, Лис аккуратно в свою книжечку записал и отпустил осознавших важность соблюдения закона юнцов на все четыре стороны. Впрочем, дорога у них лежала в строго определенном направлении – к челюстно-лицевой травматологии, а процедуры, предстоящие Рынде, должны были намертво закрепить эффект воспитательного воздействия.

Через два дня обрадованный Акоп принес сто тысяч.

– Спасибо, дорогой! Никто с ними справиться не мог, а теперь как бабка отшептала...

– Чего с ними справляться, – ответил Лис. – Просто никто заниматься не хотел.

И снова деньги взял, причем получилось это у него гораздо легче, чем в первый раз. Потом на Акопа рэкетеры наехали.

– «Крыша» есть?

– Есть. Вот телефон, звоните.

Те позвонили, назначили Лису «стрелку». Даже номер коммутатора милицейского не распознали, идиоты! Потому сцапали всех четверых, два «ствола» изъяли, нож... Трех забили в камеры, с четвертым Лис профилактическую беседу провел и отпустил, но с тех пор бар Вартаняна рэкет стороной обходил – беспроводный телеграф быстро работает.

Акоп опять прибежал довольный, благодарил, руку жал, а в карман пухлый конверт засунул.

– Хорошая «крыша» дорого стоит, те гады хотели каждый месяц втрое больше снимать, – пояснил он, и Лис уже воспринял подношение почти как должное.

Хотя не нравилось ему это. Получать бы зарплату, обеспечивающую достойную жизнь, да не сшибать бабки на стороне, сохранять независимость, достоинство, дистанцию с заявителями... А когда на жалованье еле сводишь концы с концами, да его еще взяли моду задерживать на месяц-другой... Это честности не способствует!

А цены на все растут, да и за информацию платить надо, на те копейки, что выделяются для этого, только фуфло какое-нибудь и купишь!

Короче, устройство жизни само собой подталкивает к тому, чтобы взятки брать! А кто же такую жизнь чудесную устроил? Не иначе, как те, кто любит за счет должности карманы набивать. Сволочи!

Лис хоть дело делал: два разбоя раскрыл, квартирную кражу, тяжкие телесные... А Бобовкин в открытую маклерством занимается.

– Таможня? Иващенко можно? Привет, дружище, Центральный угрозыск на проводе. Вы там десять вагонов водки задержали, а у нас одна комбинация лопается. Да, оперативный интерес... Ты по дружбе особо бумаги не изучай, пусть едут к чертовой матери, ладненько? Ну и прекрасно, а я на днях тебе одну штучку подвезу – доволен будешь!

Сколько стоит «протолкнуть» застрявшие на таможне десять вагонов водки? Точно Лис не знал, но догадывался – много. А если можно оперативную должность таким образом использовать, то зачем по притонам шататься, агентуру заводить, разбои и грабежи всякие раскрывать?

Бобовкин и не раскрывает. Но, чтобы, бездействуя, место опера занимать, надо в служебную пирамиду хорошо вписаться и поддержкой на всех уровнях пользоваться. А это он умеет.

«Парень пробивной», – говорит о нем начальство.

Еще бы! Замначу областного УУР новую «волгу» достал, начальнику райотдела свадьбу дочери организовал. Если надо проверяющих встретить и принять как следует – лучше никого не найти. А что показатели низкие – так кто без недостатков?

Когда Коренева начальником УР назначили, Бобовкин вроде обиделся, но старшие товарищи подсказали – давай показатели, и тоже выдвинешься. А где ж их взять, показатели, если задницу от стула не отрывать, территорию не знать, никого не задерживать, врагов не заводить. Вот он и выдвинул по-другому, подставил Лиса на той «выводке».

В ИТК-13 у Лиса было много времени о жизни подумать. Руки работают, а голова свободна. Раньше он и представить такого не мог.

Больше всего один вопрос интересовал: кто загнал его в зону? Не Горский, который

следствие вел, не Шпаркова, которая приговор подписала. Они исполнители, причем «слепые», не подозревающие об истинных целях собственных действий.

Конечно, начальник розыска многим мешал. Недаром купить пытались в первую же неделю после назначения на должность. Придали двое спортивно-кожаных и открытым текстом:

– Давай дружить, мы каждый месяц бабки отстегиваем, а понадобится – ты нам чем-то поможешь... Наглые, уверенные, на «ты»... Это Лиса особенно задело, он к уважению привык.

– Вы небось рэкетируете? – простовато спросил начальник УР.

Посетители двинули чугунными плечами, соглашаясь.

– Вам каждый долю платит... А вы будете мне платить, – рассеянно рассуждал Лис. – Значит, я – рэкет над рэкетом!

И неожиданно гаркнул:

– Руки на башку! Мордами к стене!

Да подкрепил приказ мгновенно выхваченным и взведенным «макаром». За шиворот каждого, ствол в спину, ноги ботинком подбил в разные стороны, до селектора дотянулся, нажал клавишу кабинета Ерохина:

– Возьми двух понятых, и ко мне!

Обыскали визитеров, у одного нож с выкидным клинком, у другого – пакетик с «буро-зеленым веществом растительного происхождения». Составили протокол и закрыли обоих в камеру.

А через пару часов явился потерявший обычную невозмутимость Бобовкин.

– Зачем ты ребят задержал? – озабоченно спросил он. – Спортсмены, несудимые.

Как будто не знает, что почти все из «новой волны» спортсмены и не судимы.

– И вообще... Они на Воронцова работают, а с ним лучше отношений не портить...

– Да ну? – удивился Лис. – А чего он мне сделает? Я любому ребра сломаю, а могу и башку прострелить... На моей территории я хозяин! И бабками меня не купишь! Разве что дадут хорошую информацию на самый верх!

Лис дружески подмигнул коллеге.

– Знаешь, что сделаю?

Он улыбнулся будто только пришедшей мысли.

– Я их заагентую! Пусть Шамана «освещают». Давно ему пора на нары!

Бобовкин поспешно слинял.

Уголовное дело лопнуло. У ножа оказался неисправным фиксатор клинка, и экспертиза не признала его холодным оружием, чему Лис, несколько раз щелкавший опасной игрушкой, очень удивился. И вещество, похожее на анашу, оказалось безобидным растительным порошком, хотя запах был откровенно гашишным.

Задержанных надо было освобождать. Лис сделал это лично. На прощанье поговорил с каждым за закрытыми дверями и, хотя темы избирались самые отвлеченные, имитировал строгую конфиденциальность бесед. Потом, обняв за плечи, проводил «спортсменов» до выхода, дружески попрощался за руку. И все. Больше эти люди на Шамана не работали и у других авторитетов доверия к ним не стало.

А кто о намерениях Лиса мог Шамана информировать, если он только Бобовкину чернуху прогнал?

Когда убийство Павловой раскрывали, Лис вышел на сексуального психопата Сихно. А тот не просто контролер рынка, но и брат сожительницы Шамана! Ясно, что тут противодействие пойдет нешуточное, дело ломать изо всех сил станут...

Потому Корнев только проверенных подчиненных в суть посвятил. Реутова с Ерохиным. Поработали втихую, взяли Сихно скрытно, без шума, Лис спустил его в бомбоубежище, вначале спесь сбил, а потом расколол как положено.

На другой день, с утра, повезли на «выводку», тут и Бобовкин подключился, Лис вначале подумал – к раскрытию примазывается... А он, видно, нашептал что-то задержанному, тот и «забыл» нужное место.

Пришлось пистолетом ему память освежить... Нашли труп, откопали, в морг на экспертизу направили. Дело в прокуратуру передали. Признание, вещдоки, свидетели – не вы-

крутиться!

Только кто ж знал, что Бобовкин такую подлянку устроил?

Лис больше другого опасался – гранаты в окно, пули в спину... А оно иначе повернулось.

В кабинете засвиристел телефон.

– Слушаю, Коренев!

– Назови номер, по которому я могу перезвонить через две минуты.

Лис узнал голос и мгновенно продиктовал цифры, пробежал в конец коридора к Ерохину.

– Постой там, посмотри, – неопределенно кивнул он на дверь и поднял трубку ожившего телефона.

– Коренев.

– Быстро бегаешь, – мрачно усмехнулись в трубку. – Есть дело. Знаешь «проходняк» на Пушкинской, напротив парка?

– Знаю.

– В семь будь в подъезде со стороны двора.

– Понял.

В трубке раздался сигнал отбоя.

Лис так и остался сидеть на краю стола с попискивающей трубкой в руке.

Звонил подполковник госбезопасности Пырьев. Примененный им прием говорил о том, что Пырьев не исключает прослушивания корневского телефона. Кой черт «не исключает»! Знает наверняка или почти наверняка... Но почему ФСК проявляет такой интерес к начальнику районного угрозыска?

Лис долго размышлял над этим, но так и не пришел ни к какому выводу. «А капитан запомнил добро», – промелькнула в глубине сознания удов – летворенная мысль.

В июле восемьдесят пятого, когда без разбора разящие мечи антиалкогольной кампании рубили головы за любые формы прикосновенности к спиртному, капитан Пырьев имел неосторожность отпраздновать день рождения жены и, не ограничившись этим, еще и проводил кого-то из гостей до трамвайной остановки. На обратном пути гэбэшника остановил и обнюхал экипаж ПМГ. Криминал был налицо, а так как тот вышел в спортивном костюме и без удостоверения, то через полчаса уже сидел в провонявшей потом и карболкой клетке Центрального райотдела.

Здесь он тихо представился дежурному, а тот возликовал: обком требовал выявлять перевертышей из ответработников всех систем, вот как раз удобный случай отличиться. Но ответственным по отделу оказался Лис, который считал, что карать надо убийц, грабителей и насильников, а не нормальных людей, заложивших немного за воротник. Тем более что закладывали все, и получалось, что непойманые карают пойманного. Короче, Лис выпустил Пырьева из дежурки и вычеркнул его фамилию из сводки, тем самым спас чекисту партбилет и карьеру.

Он много раз убеждался, что «земля круглая» – и добро, и зло возвращаются к тому, кто его запустил. Потому старался по возможности помогать людям. Большинство, правда, забывало хорошее, но в данном случае закономерность сработала как положено, и дослужившийся до подполковника Пырьев решил вернуть долг.

Многokrатно проверившись, Коренев ровно в семь прошел длинный двор между двумя параллельными улицами и вошел в проходной подъезд старинного семиэтажного дома с высокими окнами и маленькими полукруглыми балкончиками.

Хвоста он не обнаружил. Это могло с равной вероятностью означать две вещи: наблюдение за ним не ведется, либо наблюдение ведется очень квалифицированно.

Хлопнула тяжелая «парадная» дверь, силуэт крепкого мужчины проскользнул в глубину подъезда.

– Слушай внимательно, – без предисловий начал чекист. – К нам на экспертизу пришла видеопленка. Вопросы экспертам: определение подлинности, отсутствие монтажа. На ней ты с пистолетом «колешь» какого-то хрена. В лесу, возле могилы. Запись подлинная, звук хороший, видимость четкая. Признаков монтажа нет... Эй, что с тобой?

Лис прислонился к давно не беленой стене, испещренной грязными ругательствами.

Он вспотел, кровь гулко стучала в висках, ноги не держали вмиг отяжелевшее тело.

«Вот это влип!»

– Кто назначил? – с трудом спросил он.

– Горский. По возбужденному уголовному делу. Оперативное обеспечение наше...

– Карнаухов?

С начальником оперативного отдела УФСК они вместе учились на юрфаке, дружили и выпили немало водки и пива. Но в данной ситуации это равным счетом ничего не значило.

– Да, его люди. И... В полумраке Лис слышал тяжелое дыхание подполковника.

– Задерживать тебя тоже будут наши. Вопрос, как я понял, решен.

– Ясно, – будто в прострации сказал Лис, хотя голос звучал ровно и спокойно.

– Больше я ничего не знаю. И никаких советов дать не могу. И встречаться – сам понимаешь... Пока.

Сильная рука стиснула вялые пальцы Коренева, хлопнула тугая дверь. Опер остался в подъезде один.

«Значит так, значит так, значит так...»

Он много раз проводил операции, не оставляющие преступнику ни малейшего шанса. Сейчас он впервые ощутил, что такое быть загнанным в угол.

«Спасибо», – мысленно сказал он в сторону хлопнувшей двери.

Он понимал, чем рисковал подполковник.

Девять из десяти пальцем бы не пошевелил, чтобы предупредить попавшего в говно мента.

Лис сел на заляпанный вином и спермой подоконник, медленно закурил.

«Подставили, сволочи!»

Он попытался вспомнить лицо эксперта с видеокамерой, но не смог – тот был из новых. Зато само собой всплывало непроницаемое лицо Бобовкина.

Лис сплюнул и вывалился в заставленный мусорными баками двор.

Через два дня его вызвали к руководству.

Лица Симакова и Савушкина были непроницаемы.

– На вас поступила серьезная жалоба. Проверкой занимается прокуратура. До получения результатов проверки вы отстраняетесь от должности. Дела передайте Бобовкину. И... В общем, сдайте оружие!

Медленно переставляя ноги, он вернулся в пока еще свой кабинет, уперся горячим лбом в пыльное прохладное стекло окна. Лис знал правила игры. Дело Сихно поломать трудно... Железобетон. Его надо взрывать. Торпедировать другим делом – о злоупотреблении властью майора Коренева. Тогда фигура мента выдвигается на первый план, а подозреваемый в убийстве уходит в тень, а потом вообще выводится из дела «за недоказанностью».

А его, Лиса, схавают. Арестуют и впают срок.

Позвонила подружка убитой Павловой – Тамарка Федотова. Она была главным свидетелем.

– Вы мне что обещали? – ревела она в трубку. – Я вам поверила! А его выпустили, уже выпустили, без всякого суда! И он сказал: «пришьет» меня и закопает, как Галку, никто не найдет!

Холодная ярость накрыла Лиса, возвращая силы и способность мыслить оперативными категориями.

– Что обещал, то и сделаю! – четко сказал он. – Не реви. Ничего он тебе не сделает. Сто процентов!

Резкими движениями набрал номер прокуратуры.

– Горский слушает, – вальяжно отозвался «важняк».

– Это Коренев.

– Вы-то мне и нужны, – голос следователя стал строгим. – Завтра в девять вам необходимо явиться ко мне для допроса.

– А почему освободили Сихно? – сдерживаясь, спросил Лис.

– Да потому, что дело сфальсифицировано. Вы выбили из него самооговор.

– А труп тоже я закопал? – заорал Лис.

– Не опаздывайте.

Следователь положил трубку.

«Вот так! – Лис как раненый зверь метался по кабинету. – Меня арестуют сегодня ночью или завтра утром. И продержат за решеткой до суда, никаких подписок, а на залог денег нет... И влепят пятерик! А Сихно замочит Федотову и будет гулять на свободе. И еще мочканет кого захочет. Граждане будут об этом знать и делать выводы. Прекрасные выводы о силе закона и законе силы. А Горский, судьи и прокуроры изобразят уверенность в том, что все сделано по закону. Нет, к долбаной матери такой закон!»

Лис отпер сейф, из секретного отдела извлек ПМ – точно такой, как час назад сдал начальнику. Его изъяли в камере хранения в бесхозной сумке. Ствол был «чист». Автоматическим движением дослал патрон в патронник, привычно вогнал в кобуру. Нашел и бросил в карман запасной магазин. Порывшись в глубине «секретки», извлек несколько паспортов, отобрал два, остальные бросил обратно.

Порывшись в большом металлическом шкафу с вещдоками, отыскал припрятанный в углу самодельный малокалиберный револьвер с глушителем. Ни в одном документе он зафиксирован не был.

Кажется, все... Нет, еще шило с длинным острием, резиновые перчатки и удавка, которой его когда-то пытались задушить...

В последний раз осмотрев кабинет, Лис щелкнул выключателем и выскользнул в ночной город.

Он взглянул на часы. Двадцать один двадцать. Когда-то, лет двадцать назад, в это время Тиходонск еще не был опасным ночным городом. Улицы заполнял нарядно одетый народ, отрезок центрального проспекта имени Энгельса от Ворошиловского до Газетного бурлил допоздна, это был «брод» – место тусовки центровой молодежи и солидных деловиков. Последние появлялись ненадолго – пройдутся взад-вперед, «снимут» девочек – ив кабак. Все другие значные места вечерами были закрыты. Здесь дежурили усиленные наряды милиции, если где-то вспыхивала пьяная драка – она немедленно пресекалась. Все двигались пешком, по проезжей части изредка прокатывались такси, частного транспорта было мало. Ярко светили фонари и витрины магазинов...

Лис шел по темному пустынному городу. Редкие прохожие спешили добраться до дома и надеялись, что в подъезде или в лифте с ними не произойдет ничего дурного. Уверенно двигались по своим делам молодежные компании – разнузданно-крикливые или опасно-сосредоточенные. Не обращая внимания на дорожные знаки, сновали автомобили. Многие без номеров или с иностранными номерами, тонированные стекла мешали видеть, что происходит внутри. Лис знал случаи, когда девчонок затаскивали внутрь и насиловали прямо в центре города, отгородившись от окружающего мира металлом кузова, зазеркаленного стеклом и ревом магнитофонных колонок. А кого бояться?

Лис шел с опасной целеустремленностью. Рост сто семьдесят семь, сухой, жилистый, прическа короткая, чтоб за волосы не ухватить, брюнет с заметной сединой. Лисий нос – длинный, тонкий, хрящеватый – будто вынюхивал след опасного маньяка-убийцы. Трудно выделить след среди сотен подобных. Город был нашпигован оборотнями всех окрасов и мастей. Именно они правили бал нынешней ночью, как, впрочем, вчерашней и завтрашней. Для них работали рестораны, варьете и казино, сауны и бильярдные, для них прогуливались в известных местах молодые девчонки в коротких, до трусов, юбках, сами они считали, что им принадлежит все, на что упадет взгляд.

«Их» развелось неисчислимое количество: все эти «команды», «бригады», «группировки», «братва», залетные гастролеры, скрывающиеся от розыска, убежавшие из колоний, медленно, но верно наполняющие город мигранты, неорганизованная, но не менее опасная сволочь.

Они ничем не лучше, а многие гораздо хуже Сихно, имеющего в покровителях самого Шамана и думающего, что он полностью неподсуден и неприкосновенен. Но именно Сихно взялся мериться силами с майором Корневым и собирается убить свидетельницу, которой Лис обещал защиту. А потому он обречен.

Раздвинув плечами регочущих юнцов, Лис проложил себе дорогу, за спиной наступила напряженная угрожающая тишина, но после разъяряющего шепота напряжение разрядилось. Его хорошо знали многие.

Но кого «его»? Обличье осталось прежним, и удостоверение в кармане, и звание «майор милиции» имеется, и в штатную численность гарнизона УВД входит... Но от должности отстранен, незаконно несет оружие и орудия преступлений, причем собирается тяжкое преступление совершить. Вот и получается, что еще один оборотень прибавился к населяющей Тиходонск нечисти.

Лис выругался И повернул за угол. Перед ним располагалось кафе «Встреча». Он сделал первый шаг на пути в новое качество.

Красная «восьмерка» Сихно стояла в тени, забравшись правыми колесами на тротуар. Он подошел к дверце водителя, проколол шилом резиновый уплотнитель и поддел стальным жалом грибообразную головку предохранителя. Она послушно отщелкнулась. Приоткрыв дверь, Лис скользнул за сиденье.

Он много раз сидел в засадах, в самых неудобных и неподходящих местах, но впервые испытывал чувство какого-то беспокойства: сейчас его не прикрывал закон. И хотя в случае чего он «отмажется», нервы ощутимо напряглись. Тем более, что предстоящее переведет его на другую ступень в жизни. И тогда с официальными «отмазками» будет покончено навсегда.

Вылезти и уйти к чертовой матери? В конце концов, если Сихно не мешает Симакину, Горскому и другим, то почему он должен мешать Кореневу? Горите вы синим огнем! Но...

Именно Коренев обещал безопасность Федотовой. Горскому и остальным на нее наплевать. Уйти в сторону – значит предать поверившего ему свидетеля. И только крайняя безнравственность и идиотизм всей правовой системы вынуждает его делать то, что предстоит.

Сихно появился через час. Он обычно ездил один и сейчас не нарушил привычки. Икая и отрыгиваясь, он повалился на сиденье. В салоне завоняло спиртным перегаром. Взревел двигатель, машина рванула с места.

На повороте Сихно притормозил. Лис накинуд на толстую шею удавку, натянул.

– Прямо!

Тот только хрипел. Лис ослабил натяжение. Сихно хрипло хватил ртом воздух и закашлялся.

– Ты что, Баркас, я ничего себе не оставил, – с трудом просипел он.

– Прямо, сука! – Лис опять перехлестнул тонкий упругий шнур. – Скорость не набирай!

На этот раз Сихно выполнил команду, машина медленно выкатилась на Большой проспект.

– Налево!

Лис не поднимался с пола, так что увидеть его было нельзя. Предстояло проехать пост ГАИ. Если гаишники проявят бдительность...

Но красную «восьмерку» Сихно, очевидно, хорошо знали, ибо никто ее не остановил. Проехав мост через Дон, они попадали на трассу. Но дальние путешествия не входили в программу майора Коренева.

– Направо! Еще направо! Прямо!

Теперь «восьмерка» шла тем же маршрутом, что и УАЗ на «выводке».

– Баркас, слышь, Баркас... Или это Рэмбо? – в голосе Сихно прорезалась надежда. – Рэмбо, скажи ему, я все отдам! Ты же знаешь, за меня Шаман мазу тянет...

В темноте найти нужное место нелегко, но Лис хорошо ориентировался по приметам местности. Линия электропередачи, небольшой мостик, холмик, сейчас появится прогалина... Вот она!

– Направо!

Машина въехала в лесополосу, попетляла по узкой дорожке...

– Стой! Глуши движок, фары не гасить!

Яркие лучи галогенных ламп вырывали из темноты недавно вырытую яму. Точнее, семь дней назад, когда Сихно «ошибся» и указал не то место.

– Выходи!

Лис затянул шнур, так что убийца схватился за горло, с трудом пропускающее воздух, и уже не мог думать о каких-либо глупостях. Когда они выбрались из салона, он его отпу-

стил. Сихно упал на колени, разминая шею и тяжело дыша. Лис неторопливо обыскал его, извлек пружинный нож, сунул себе в карман. Рывком поставил Сихно на ноги и толкнул к яме. Теперь оба находились в лучах фар.

– Так это вы?!

Сихно боялся «расколовшего» его опера, но, несмотря на это, испытал явное облегчение. Своих дружков-приятелей он боялся больше. Потому что мент, даже самый крутой, действует по закону. А дружки – по своему разумению, что может быть опасней. Гораздо опасней.

– Что за нападение? Меня прокурор освободил! А вы чуть не задушили... Я буду жаловаться!

– Иди, иди!

Лис толкнул его в спину раз, другой, третий... Они приблизились к яме.

– Ты помнишь, о чем я тебя предупреждал?

В шелестящем ночном лесу яма выглядела зловеще. Черная дыра. Казалось, в ней нет дна и она уходит прямо в преисподнюю. Хотя Сихно консультировали несколько специалистов и все в один голос уверяли, что мент просто взял его на испуг, так как никогда бы не осмелился вот так, за здорово живешь, шлепнуть числящегося за ним задержанного, сейчас эти консультации не казались убедительными.

Холодной скользкой рукой майор схватил его за шею. «Он в резиновых перчатках!» – пришла паническая мысль, но додумать Сихно не успел: сильный толчок сбросил его в яму.

Мощный дух сырой земли забил ноздри. Дышать стало нечем.

Лис вытащил револьвер, взвел курок. Медленно повернулся барабан. Удлиненный глушителем ствол протянулся к голове Сихно, словно жуткий хобот.

– Где Бобовкин встречается с Воронцовым? – Вопрос прозвучал тихо, он исходил из мира живых, а распростертый на дне могилы Сихно находился уже в царстве мертвых и почти ничего не соображал.

– На рынке... В «люксах» цветочного павильона... Сейчас там занято, в воскресенье на даче съедутся, у Шамана...

Сейчас Сихно не хотел задумываться: блефует мент или нет. Его спрашивали, он отвечал. Когда все кончится, будет время изменить расклады... Но Лис не собирался давать ему время.

Курок упал, тихо треснуло, будто игрушечным пистолетом пальнули из детского пистолета. Но маленькая дырочка во лбу Сихно оказалась вполне настоящей. Он сполз на дно ямы, в непроглядную черноту, и Лис расстрелял барабан почти наугад.

Потом бросил в яму револьвер, шило, найденный у Сихно нож. Лопату он забыл. Пришлось отодрать крышку, отделяющую багажник от салона и ею загрести землю. Через двадцать минут все было закончено.

На оставшейся без хозяина красной «восьмерке» Лис вернулся к мосту, загнал автомобиль поглубже в рощу и пешком пришел в город. На середине моста он остановился и сбросил в воду резиновые перчатки.

Бывший начальник районного угрозыска выполнил обещание и обезопасил свидетельницу Федотову. Ни одного законного способа сделать это в природе не существовало.

Не заходя домой, Лис поехал к Натахе. О ней не знал никто. После развода она жила в квартире бабушки Марьи. Вещи он перевез несколько дней назад: скудный гардероб и единственную ценность – дорогое охотничье ружье.

Натаха много раз жаловалась на одиночество.

– Когда бабушка была жива – разговаривали, обсуждали что-то, она свою жизнь рассказывала. А сейчас сижу в четырех стенах – хоть волком вой...

Поэтому переезд Лиса должен был ее обрадовать. Она и обозначила радость в своей обычной, малоэмоциональной манере: чмокнула его в щеку и улыбнулась. За все надо платить. А расставаясь с одиночеством, она неизбежно меняла образ жизни. Хотя Лис никогда не расспрашивал о других мужчинах, он знал, что они у нее были. По большому счету это его не трогало. Особенно в последнее время.

– Почему ты так поздно? – поинтересовалась Натаха. – Есть хочешь?

Лис молча прошел в ванную, пустил горячую воду. Он не хотел есть. Он вообще ни-

чего не хотел. Разве что погрузиться в анабиоз на триста лет, чтобы сегодняшний день, видеозапись в сейфе Горского, наспех зарытая яма на левом берегу остались в неправдоподобно далеком прошлом. Он перешел на другую ступень. Внутри все заледенело. Его клиенты после «дела» снимали стресс водкой или наркотиками. И бабами в придачу.

Лис выглянул из ванной и встретил ожидающий взгляд подруги.

– Сейчас я принесу полотенце.

– И сама иди, – хрипло сказал он.

Они мылили друг друга, терли мочалкой, гладили распаренную кожу. Горячая вода обостряла желание, а возможность не спешить с его удовлетворением придавала взаимному влечению особую глубину. Было приятно осознавать, что через некоторое время, промежуток которого зависит лишь от них самих, они сольются воедино и ничто не может этому помешать. Кроме группы захвата оперативного отдела УФСК, взламывающей входную дверь за пять секунд!

От этой мысли в распаренном нутре Лиса вновь образовался ледяной ком. Борясь с ним, он развел податливые ноги Натахи и, с трудом умачиваясь в тесной ванне, подмял ее под себя.

– Седьмой, доложите обстановку, – выполняя указание Карнаухова, запросил дежурный диспетчер.

В стоящей у дома майора Коренева «волге» два наблюдателя вышли из оцепенения.

– Объект не появился, – лаконично доложил в миниатюрный микрофон один из них.

– Так и не пришел, – передал диспетчер начальнику оперативного отдела УФСК.

– Ладно, – Карнаухов положил трубку внутренней связи.

Несмотря на позднее время, он инструктировал группу, которой предстояло задерживать бывшего однокашника.

– Дома его до сих пор нет. Скорее всего обходит притоны района, у них это называется «отработка территории», – пояснил подполковник четверем «волкодавам», для которых захваты опасных преступников являлись обыденной повседневной работой.

– Значит, возьмете его в прокуратуре. И будьте осторожны – он скорее всего вооружен.

– Верно, он всегда ходил с оружием, – кивнул старший группы захвата.

– Но вчера у него пистолет забрали.

– Он скорее всего вооружен, – повторил Карнаухов. – Даже если у него забрали три пистолета! Распределяем роли...

Закончив инструктаж, подполковник лег спать на раскладушку. Хотя в последние годы он не поддерживал с Корневым близких отношений, на душе остался неприятный осадок.

А у Лиса ледяной ком растаял, он с силой растерся жестким полотенцем, переоделся в спортивный костюм.

– Сегодня я вернулся в полдесятого. Поняла? В двадцать один тридцать!

Распаренная краснощекая Натаха в легком халате на миг задумалась, соображая.

– Тебе нужно алиби? – медленно проговорила она.

– Меня травят со всех сторон, потому я хочу хотя бы тебе ничего не объяснять. Ты меня поняла?

В голосе Лиса отчетливо слышалось раздражение.

– Поняла, – послушно кивнула Натаха.

На следующий день майор Корнев не явился на допрос к Горскому. Засада оперативного отдела УФСК в приемной прокуратуре оказалась ненужной. Следователь вынес постановление о розыске обвиняемого.

Розыскное дело заводил капитан Реутов – недавний подчиненный и хороший приятель Лиса. Через несколько дней он же завел производство на без вести пропавшего гражданина Сихно.

А исполняющим обязанности начальника уголовного розыска назначили майора Бобовкина. Это неожиданное событие в воскресенье стало предметом «обмывания» на плановой встрече майора с генеральным директором АО «Донской рынок» Воронцовым.

Дача Ивана Павловича Воронцова находилась в престижном районе восточнее Тиходонска, где располагались «фазенды» многих городских и областных руководителей. Весь

дачный поселок окружен забором, у ворот пост ведомственной милиции, посторонний сюда без приглашения не проникнет. Попасть в списки застройщиков было нелегко, и трудно сказать – сыграл ли роль официальный вес хозяина рынков или «теневые» возможности Шамана.

Как бы то ни было, справа от трехэтажного кирпичного дома Воронцова стоял коттедж заместителя главы областной администрации, слева – вилла главного налогового инспектора, напротив сверкал огромными окнами особняк директора департамента здравоохранения.

Соседские отношения легко перерастают в дружеские, тем более что Иван Павлович – мужик компанейский, сауна у него отличная, кроме мангала и гриля, имелась подземная, выложенная камнем печь для изысканнейшего запекания гусей, индеек, окороков, а птица и мясопродукты были всегда наилучшего качества...

Дело обычное, у руководителей свой круг, они встречаются на совещаниях различного уровня и ранга, лечатся в одних поликлиниках, отдыхают в одних санаториях. А то, что Воронцов – преступный авторитет, руководитель крупнейшей криминальной группировки – это просто слух, а вовсе не официальный факт.

Правда, начальник УВД Крамской, чей дом стоит в Конце квартала, и начальник УФСК Лизутин, живущий на параллельной улице, достоверно знают о подлинном лице Шамана. Но на чем основано их знание? На приговоре суда, где Воронцов идентифицирован как главарь шайки по кличке Шаман? Нет, на оперативных материалах, которые оглашать нельзя, нельзя даже намекнуть, что такие материалы имеются, иначе воронцовские адвокаты по судам затаскают!

Потому и оба генерала делают вид, будто все нормально, стараются, правда, уклониться от близких контактов, но если не удастся – что делать! И водочку распивать за одним столом приходится, и в баньке париться, и анекдоты рассказывать...

Так что появившись у Шамана, Бобовкин ничем не рисковал, наоборот, в начальственный круг вроде как входил, по крайней мере, приближался к верхам.

Они поужинали, погуляли по заасфальтированным дорожкам, причем хозяин держался значительно и обращался к гостю чуть свысока. Действительно, начальников только районных УР в Тиходонске восемь, а Шаман – один. И даже не это главное... Просто Бобовкин состоит на довольствии, значит, он вроде как подчиненный, отсюда и отношение соответственное. Если бы удалось сюда Коренева залучить, тут бы уже Шаман икру метал... Вспомнив Коренева, Воронцов насупился и, прервав разговор о чеченцах в порту, неожиданно спросил:

– А где сейчас ваш бывший? Лис?

Бобовкин тоже поскучнел.

– Кто его знает... В бега подался. У него «ям» много...

– Мой племянш, Сережка, пропал. Не с ним связано?

Бобовкин знал, что Сергей Сихно по кличке Псих – брат Надьки, любовницы Воронцова и предмет его постоянной заботы.

– От него всего ждать можно.

Здесь Бобовкин был прав на все сто процентов. Но при этом он не мог предположить, что Коренев находится совсем рядом, в полусотне метров, да еще документально фиксирует весь ход их встречи.

На улице стояла ассенизаторская машина, два золотаря затаскивали толстую гофрированную трубу на участок главного врача области. Одним из них был Лис. В желтом перепачканном комбинезоне, желтой брезентовой шапочке, с наклеенными усами узнать его было очень сложно. Тем более, что ассенизаторов никогда не разглядывают. Хозяином машины был его бывший «клиент», а впоследствии доверенное лицо Мишка Ивакин по кличке Шверт. Он-то и выполнял основную работу. А Лис настроил остронаправленный микрофон и записывал беседу майора Бобовкина и генерального директора Воронцова. Да сделал несколько снимков длиннофокусной оптикой. Ну и, конечно, помогал таскать грязный и тяжелый шланг – тут уж никуда не денешься.

– Ну ладно, – Шаман вернулся к прерванной мысли. – Нам они здесь не нужны Сначала порт захватят, потом набережную, а потом и весь город.

– Это верно, – согласился Бобовкин.

– Вот я и говорю проведите пару рейдов, похватайте их, в газеты пропишите, на телевидение дайте... Чтобы общественное мнение настроить! А когда мои люди за них возьмутся – вроде как население не выдержало. Возмущенный народ – великая сила!

– Сделаем. У нас есть данные по рэкету, наркоте, оружию. Подключим ОМОН и разгромим их к чертям!

– Отлично! – Шаман дружески хлопнул его по плечу, в это время щелкнул затвор фотокамеры Лиса. – За это получишь пять «лимонов». Теперь слушай следующую задачу, – продолжил Воронцов.

– Слушаю со вниманием! – бесстрастная пленка зафиксировала искреннее желание майора милиции выполнить любое указание преступного авторитета.

Лис довольно улыбнулся.

– Славка, мать-перемать, подтягивай – еще на метр не достает! – заорал на нерадивого помощника Шверт, и Лис поспешно принялся исправлять упущение.

Вечером Коренев отдал спецаппаратуру людям, которые продолжали полностью ему доверять. Подождал, пока сделают снимки и продублируют аудиозапись. Пакет с материалами сунул за пазуху.

– Чем это от тебя пахнет? – сморщила носик Натаха, едва он переступил порог.

Лис задумался.

– Может, навозом? Делали обыск на даче – там его целые горы.

– Точно. Иди скорей мойся. Ты получил зарплату?

Собранные сегодня компроматериалы стоили не один миллион. Но Лис не собирался их продавать.

– Сегодня же выходной. Завтра получу.

– Интересно... Работать по выходным можно, а зарплату получать нельзя, – пробурчала Натаха.

Поужинав и вяло позанимавшись сексом, Лис лежал без сна, размышляя о главном. Долго находиться на нелегальном положении в Тиходонске невозможно. Если бы он не выходил из дома – другое дело. Дезертиры вон по тридцать лет по углам просиживали. Да разве это жизнь! Сегодня его видел Шверт и еще двое. Завтра он пойдет к Акопу Вартаняну, спросит – не обижает ли кто, и получит свои три сотни. Значит, увидят Акоп, официанта, кто-то из посетителей обязательно окажется знакомым. Потом надо вызвать верного друга, работающего в секретариате УВД, отдать материалы на Бобовкина, чтобы тот положил их прямо на стол генералу.

И пойдет информация: Лис никуда не делся, здесь крутился, свои дела делает... Реутов, понятно, усердствовать не будет, но, кроме него, много охотников на беглую дичь найдется... У Карнаухова небось не сотни в розыске, начнут город по квадратам интересов перекрывать – и все!

Бежать из города тоже смысла нет. А главное – некуда! Без денег, без связей... Ну, приедешь в Москву, и что? В рэкет идти? Или куда-нибудь в глушь, на Алтай, скотником... Надо решать вопрос.

Наехать на Горского, напугать, пусть прекращает дело? Так ведь не испугается: одинокий беглый мент, никто за ним не стоит... Если засадить маслину в брюхо, тогда испугается, конечно, но толку уже не будет.

Пленку выкрасть? Но она осмотрена и в протоколе описана. Все дело шепнуть? Само по себе трудно, да и шум какой поднимется! А кому выгодно? Ясно кому – обвиняемому! Начнут дублировать допросы. Псих-то уже ничего не расскажет, а Бобовкин и оператор повторят слово в слово, к тому же копия протокола осмотра пленки, а может, и дубликат самой пленки в УФСК, у экспертов, наверняка сохранились.

Нет, надо тоньше, изящней...

– Ты не спишь? – почувствовав его напряжение, спросила Натаха.

Он не ответил. Пусть думает, что спит.

Через час Лис придумал, что надо сделать. И немедленно уснул.

В восемь утра Лис неторопливо прогуливался вдоль сквера На Большой Садовой, напротив здания городской прокуратуры. В идиотском берете, массивных затемненных очках, с наклеенными усиками и клиновидной бородкой, он; был похож на шизанутого не-

признанного гения-изобретателя, художника или поэта, утверждающего творческую состоятельность через бюрократические убеждения: органы власти, прокуратуру, суды.

Миниатюрная стройная девушка, которую он ждал, появилась без двадцати девять.

– Привет, Ирина!

Девушка оглянулась и пошла дальше.

– Посмотри внимательней. Я – Коренев.

Ирина остановилась, осмотрела его с ног до головы.

– Ну ты даешь, Филипп!

– А что делать...

– Другого места для прогулок не нашел?

– Я тебя жду.

– Меня? – Девушка удивилась. – Старая любовь не ржавеет?

– Я сам почти заржавел, – уклончиво ответил Лис. – Дело есть. Выйдешь минут на двадцать? Я буду за беседкой... Лис кивнул в глубину сквера.

– Хорошо. Покажусь шефу, скажу: надо в аптеку пробежаться....

Лис молча повернулся и по фигурным плитам тротуара зашагал к беседке. Уже пахло осенью, падали с кленов резные желтые листья. Фонтан спустили и жирных золотых рыбок перевели в закрытый аквариум. На бетонном дне поблескивали осколки битых бутылок.

В трех кварталах отсюда, за углом, находился бар «Спасательный круг». Там он и познакомился с Ириной несколько месяцев назад.

Это была чисто инициативная акция. Ни жалоб, ни заявлений в райотдел вроде бы не поступало, во всяком случае, участковый дурачком прикидывался, отводил глаза в сторону: все спокойно, все нормально...

А Лис знал – какое, к черту, «спокойно»! Группа кавказцев из мигрантов там свою штаб-квартиру устроила. Тусуются с открытия до полуночи, дела свои решают, в нарды играют, проституток трахают... Короче, что хотят, то и делают. Посторонних не пускают, несколькими набили морды, теперь сами не идут. Весь тротуар машинами заставили – не пройдешь. Гаишники только руками разводят – мол, ничего сделать не можем...

Все уже привыкли, что никто ничего сделать не может, потому И расплзается беспредел, как чернильное пятно на промокашке, скоро всю страну накроет.

Но хрен вам! Если никто ничего сделать не может, то надо их гнать из кресел, снимать с должностей, пусть действительно становятся никем и уже на законном основании ничего не делают! А он, начальник угрозыска, на своей территории вполне способен навести порядок!

Долго руки не доходили, но наконец собрался и успел вовремя – повезло Ирке.

Вначале пошептался кое с кем из криминальных своих помощников, мол, «звери» совсем обнаглели, а вы смотрите, ушами хлопаете! Почему они машины где хотят ставят? Потому что не ученые! Вот и давайте учить с двух сторон...

Закатываются вечером в «Спасательный круг» вчетвером: Лис, Реутов, Ерохин и Каргин. Как в кино: пушки вынули, уперли восьмерых руками в стены, по почкам для профилактики, ошмонали... Два револьвера самодельных, малокалиберных, четыре ножа, нунчаки, анаша, опия немного...

А Лис еще в подсобку сунулся, интуиция повела. Глядь – трое девчонку на ящиках разложили, с улицы затащили, сволочи, двое за руки держат да рот зажимают, а третий уже между голых ног пристраивается... Но не успел: Лис его первого на инвалидность по мужской части перевел, потом остальным яйца разбил.

Девчонка плачет, все тело сотрясается.

– Я мимо проходила, просто мимо, к подруге...

Лис со всеми усиленную профилактическую работу провел, потом на сникших «зверей» наручники накиннули и отвезли в отдел. Когда стали из бара выходить – вах-вах! – кто-то кирпичом стекла перебил машинам, что на тротуаре стояли, да скаты ножами порезал. Это куда действенней гаишных штрафов! И профилактика убедительная – у кого нос треснул, у кого ключица сломана, у кого спина не разгибается... А уж для тех троих, из подсобки, профилактика вообще стопроцентная: может, и будут они еще что-то нехорошее делать, но насиловать вряд ли станут.

Уголовное дело, как воздушный шар, постепенно съеживалось: пятерых сразу отпустили, троих с разбитыми яйцами в больницу увезли, троих на семьдесят два часа задержали, но потом под подписку выпустили: мол, имеют постоянное место жительства... в Чеченской республике! Хоть плачь, хоть смейся...

Поразбегались, конечно, все к чертовой матери, но будут знать, падлы, что закон – это не только правильные слова по телевизору. А «Спасательный круг» очистился, и Эдикбармен на крючке у Лиса оказался: притон содержал, а значит, и пособничал... Тот очень оправдаться старался и подбросил зацепку, по которой Лис в конце концов убийство Павловой раскрыл.

А с Ириной Лис подружился, даже спал несколько раз, и тогда его совсем не интересовало, что она секретарем в городской прокуратуре работает. А оно вишь – И пригодилось! Правду говорят, что земля круглая...

Сзади зацокали по тротуарным плитам тонкие, подбитые сталью каблучки, и Лис обернулся.

– Выручай, Ириша...

– А что остается? Ты же меня крепко выручил.

От нее пахло хорошими духами. Маленький, ярко накрашенный рот напоминал сердечко.

– Как взять у Горского пленку на пару часов?

Ира достала сигареты, опередив Лиса, щелкнула зажигалкой, затянулась.

– Убить, забрать ключи, вскрыть сейф.

Юмор у девочки тяжеловатый, Лис отмечал это и раньше.

– А если не убивать? Он пьет?

Она подумала, выпуская струйку дыма сквозь сложенные колечком губы.

– Редко. Я видела раза два на юбилеях. Но уж если начнет...

– А к тебе он не подкатывался?

– Ну почему же... Ирина внимательно оглядела собеседника.

– Хочешь, чтобы я ему дала, а ты в это время взял пленку?

– Про пленку верно. А давать не обязательно. Задурить голову, подпоить...

– Значит, и рыбку съесть, и в лодку не сесть?

Девушка криво улыбнулась.

– Так в жизни не бывает... А то ты сам не знаешь!

Большой знаток жизни, а особенно теневых ее сторон, Лис был вынужден согласиться. За «просто так» ничего не делается. У уголовников даже подлянка такая есть: попал новичок в камеру, ему предлагают в картишки сыграть. Тот, понятно, боится, что обманут, обыграют. «На что, мол, играть, у меня ничего и нет...»

А его успокаивают: «На „просто так“ раскинем!» Откуда ему, бедолаге, знать, что «просто так» – его собственная задница! Садится, проигрывает, и готово – одним пидором в тюрьме больше стало. И на всю жизнь свою ошибку запомнит: надо было «ни на что» играть...

– Верно... За все приходится платить. Но, может, просто напоить? Намешать чего-нибудь...

– Попробовать можно... Но ведь надо ключи достать... И занять его на пару часов. Чем? Книжки вслух читать?

Лис молчал. Девушка тоже молчала, докуривая сигарету.

– Ладно, черт с ним! Одним больше – какая разница... Тем более человек солидный и собой ничего...

Она испытующе смотрела в замаскированное лицо Коренева, и тот ощутил неловкость.

– Я же у тебя в долгу, да? Тогда бы меня трое «зверей» отгуляли вдоль и поперек, могли заразить какой-то гадостью или искалечить... Нет, Горский лучше!

– Может, мне и вправду его грохнуть? – не выдержал Лис.

– Не надо. Сделаю! Позвони к концу дня...

Согнувшись, Лис побрел к выходу из сквера. Ирина смотрела ему вслед, и этот взгляд сгибал опера еще сильнее.

Но, пройдя квартал, он вновь распрямылся. Надо готовить второй этап операции. Идет

бой, а в бою сантименты отлетают в сторону.

Покопавшись в толстой замусоленной записной книжке, Лис позвонил Коле Семенову.

– Сколько лет, сколько зим! – По радостному голосу Коли Коренев понял, что тот ничего не слышал о происшедших с ним событиях.

– Разговор есть.

– Давай, заходи...

– Нет, лучше ты выйди. Я на площадке во дворе девятиэтажки, что напротив вас.

На самом деле Лис не пошел во двор, а с противоположной стороны наблюдал за проходной студией телевидения.

В восемьдесят восьмом пьяный Коля забыл в кафе «Аист» «дипломат» с пленкой видеозаписи выступления первого секретаря обкома партии по поводу очередного юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Когда, прочухавшись, Коля вернулся в кафе, то «дипломата» не нашел, никто из персонала о его судьбе ничего не знал. До эфира оставалось чуть меньше недели, первый отъехал в Москву, да если бы он даже находился в Тиходонске, вряд ли кто-то осмелился бы попросить о перезаписи.

Поставивший под угрозу срыва важнейшую партийноидеологическую акцию Семенов с выпученными глазами прибежал в райотдел, но дежурный заявление принимать отказался: преступления нет, обращайтесь в стол находок, судитесь с администрацией кафе, но милиции здесь делать нечего. А вообще, гражданин, пить надо меньше!

Будущий политический труп, навеки лишенный профессии, Коля так отчаянно умолял дежурного, что привлек внимание проходившего мимо Лиса. Поскольку ничего ценного в «дипломате» не находилось, ясно было, что присвоивший его человек скорее всего выбросит потрепанный чемоданчик в ближайшем подъезде или на помойке. Он поднял своих осведомителей, действующих в районе «Аиста», и к вечеру вернул потерю хозяину.

Тоже услуга, но она не касалась жизни, здоровья и половой неприкосновенности, а потому могла забыться. Вот почему осторожный Лис проконтролировал выход Семенова, проверил окрестности и двинулся следом, оказавшись в условленном месте встречи у него за спиной.

– Руки вверх!

Коля шархнул от бородатого незнакомца, и Лису пришлось долго объясняться и успокаивать телевизионщика. Потом изложил ему задачу.

– Странно, – усмехнулся тот. – Могу понять, зачем фальшивой пленке нужно придать вид подлинной. Но зачем из настоящей делать поддельную?

– Это пусть тебя не волнует.

– Ну что ж... Семенов быстро переключился на техническую сторону дела.

– Можно по отдельности записать фон и первый план, а потом выложить... Получится то же самое, но монтаж легко обнаружится... И со звуком...

– Короче, – перебил Лис. – Сегодня, завтра или послезавтра вечером я тебе принесу пленку. Максимум на два часа. Успеешь?

Телевизионщик кивнул.

– Есть аппаратура ускоренной записи...

– И чтобы никто ничего не видел, не знал и не подозревал...

– Ясно, – вяло отозвался Коля. Ему явно не хотелось влезать в сомнительную историю, но отказать Лису он не мог.

Ирина собралась принимать Горского в четверг вечером. Коренев позвонил Семенову, чтобы с семи часов тот находился в готовности номер один.

Закручивалась очередная комбинация, на которые Лис был большой мастер. Он старался предусмотреть все и планировал на много ходов вперед. Предстоящая операция исключительно важна для него лично, и здесь не должно произойти сбоев.

Ирина жила на Первопетровской, в центре старого Тиходонска. Узкие улочки круто уходили к Дону, фасады обветшавших домов выпирали опасными пузырями, некоторые были подперты железными балками. Район подлежал сносу, который уже много лет откладывался на неопределенное, время.

Коренев пришел к восьми, как и договорился с девушкой. Ясно, что первый и второй час результативными не будут, ну а дальше – как получится.

Чтобы не привлекать внимания, майор не торчал на одном месте, а, неторопливо прогуливался из конца в конец коротенького квартала, не спуская глаз с двух окон на втором этаже. Свет горел только в кухне. Она была довольно просторной, и стол Ирина накрывала именно там. Это Лис знал наверняка.

Мужской силуэт мелькнул за занавеской, в открытую форточку вылетела огненная точка, описала плавную дугу и брызнула искрами о брусчатку проезжей части.

Лис шагнул вперед. Окурок с прикусом и слюной Горского можно использовать! Он еще не знал как, но, оторвав полоску бумаги от приготовленной газеты, завернул окурок и сунул в карман.

Осветилось окно комнаты. В ней имелся старенький магнитофон, трюмо, шкаф и широкая тахта. Очень широкая.

Лис опять ощутил некоторый стыд. Так всегда бывает, когда путаешь дело и личные отношения. Что делать – выбора нет!

Через двадцать минут сдвинулась занавеска в цветной горошек. Это знак: внимание!

Почти сразу в форточку вылетел белый сверток, чтобы не затерялся в темноте, если упадет неудачно. Но Лис поймал его на лету, развернул пахнущий духами платок и уже на ходу сунул в карман туго набитый сталью кожаный футляр. Время пошло, операция началась.

До городской прокуратуры было рукой подать, он дошел за семь минут. Осмотрел здание с фасада, вошел во двор и огляделся еще раз. Ни в одном окне свет не горел.

Расстегнув футляр, Лис на ощупь выбрал короткий, с крупной «бородкой» ключ от черного хода. Замок провернулся легко, дверь открылась без скрипа. Ирина молодец. Это она показала, какой ключ от какой двери, она же прыснула маслом на петли и в замочную скважину.

Осторожно ступая, майор поднялся на третий этаж. Здесь находились приемная прокурора и кабинеты следователей. Горский сидел рядом с прокурором – первая дверь справа. И этот замок открылся легко. Нырнув в темную щель, Лис заперся изнутри. Опечатывает ли он сейф?

Немецкий фонарик-карандаш давал острый пучок яркого света. Пластилиновый кружок, контрольная нитка, вдавленная печатью.

Да, следователь по особо важным делам товарищ, а может, уже господин Горский опечатывал сейф. Но плохо: слой пластилина слишком, толстый. Лис аккуратно подрезал его бритвочкой и отделил, не нарушив печати. Когда он открыл сейф, резко зазвонил телефон. Майора бросило в жар. Ирина? Что она хочет сообщить? Что Горский обнаружил пропажу и едет сюда? Или сообщил в райотдел и через несколько минут здесь будет группа захвата? А может, жена разыскивает припозднившегося супруга? Или дежурный по городу пытается «выдернуть» важняка на происшествие?

Мысли проносились в мозгу одна за другой, а руки делали свое дело. Перебрав кучу картонных и бумажных папок с уголовными делами, пакетов с вещдоками, Лис нашел незаклеенный конверт с надписью: «По обв. Коренева». Внутри лежала кассета с видеопленкой. Он сунул ее за пазуху. Телефон продолжал звонить.

Заперев сейф, Лис вышел на улицу, взял такси и через четверть часа был у телецентра.

Счет шел на минуты, поэтому, вызвав Семенова и передав ему пленку, он нервно ходил взад-вперед по освещенному тротуару у проходной, пока не сообразил, что стал легкой добычей для любого случайного патруля. После этого он зашел во двор дома напротив и, поеживаясь от холода, сидел в темноте полтора часа, пока Семенов не появился на улице.

– Ну?

– Нормально, – тот протянул кассету. – Все то же, что и было, но не выдержит ни одной серьезной проверки.

В прокуратуре окна по-прежнему чернели, свидетельствуя о том, что кабинеты пусты. Если там не ждет засада...

Возвращение кассеты на место стоило Лису нескольких лет жизни. Подойдя к дому Ирины, Коренев с облегчением обнаружил, что занавески

на кухне раздвинуты, а за ними горит настольная лампа. Значит, все в порядке и Горский на месте. Видно, девушка читала ему интересные книжки.

Из кухонной форточки вдоль водосточной трубы свисал шпагат. Лис привязал к нему футляр с ключами, бросил в окно небольшой камешек. Через десять минут футляр исчез в форточке. Операция завершилась.

Он медленно опустился на скособоченную скамейку. Тело налилось свинцовой тяжестью, руки и ноги дрожали. Занимаясь официальной работой, он никогда не испытывал такой усталости. Еле-еле Лис добрал до дома Натахи и спал тяжелым сном без сновидений.

Погоуляв еще пару месяцев и узнав, что Бобовкин уволен со службы по компрометирующим основаниям, Лис пошел сдаваться.

Как ни в чем не бывало заявился к Горскому и сказал, что только сейчас нашел возможность дать показания. К этому времени обнаружили труп Сихно: важняк неоднократно просматривал видеозапись и запомнил слова Коренева про «ту же яму».

Горский немедленно бросил Лиса в камеру и стал «раскручивать» на убийство. Но доказать ничего не смог и направил майора под суд за превышение власти и принуждение к даче показаний. Основной уликой выступала видеозапись. Сколько ни требовал Лис тщательной проверки пленки, он получал один ответ: оснований ставить под сомнение выводы первой экспертизы не имеется.

Такого результата он, затеявая хитроумную комбинацию, не предполагал. Бюрократическая машина судопроизводства заглатывала его все глубже, пережевывала и переваривала, не обращая внимания на жалкие попытки защиты и, наконец, оправилась бывшим майором, плюхнув его с лепешкой шестилетнего срока в душный барак ИТК-13.

Он и здесь дергался: писал жалобы, запустил через Натаху оперативную комбинацию, усиленно обдумывал – чья же целенаправленная воля загнала его в зону...

Когда дело уже двинулось на пересмотр, Лис пришел к твердому убеждению, что в колонию его упрятал товарищ Воронцов по кличке Шаман.

И, ожидая отмены приговора; уже знал, с чего начнет свою жизнь на воле.

* * *

– Автомат, три рожка, гранату! – истерически орал Башка в зарешеченный оконный проем. – И машину с полным баком! Полчаса вам срока!

Заточку он наложил на натянутый резиновый жгут, обмотанный вокруг шеи фельдшерицы. Так научил Жиган: если снайпер достанет, то заточка, как выброшенная из рогатки, пробьет горло заложницы.

– И водки пусть дадут, – от двери сказал Жиган. Он прижимал заточенный электрод к животу библиотекарши. Та была на четвертом месяце, и угроза носимому внутри беззащитному существу привела ее в шоковое состояние. Она была готова на все.

– Выпьем и потрахаемся, – продолжал Жиган, шаря у заложницы под юбкой. – Ты дашь по-хорошему?

Библиотекарша кивала, не в силах вымолвить ни слова. Страх и покорность возбуждали Жигана, и ему начало казаться, что он сумеет добиться задуманного и без водки.

– Внимание! – рявкнул снаружи мегафон. – Говорит майор Литвинов!

– Вот сука, – Башка отступил от окна. Репутация командира СОБРа была самая устрашающая.

– До того как начнутся переговоры, вы обменяете беременную женщину. Вместо нее зайду я.

– Вот ему! Так и передай, – сказал Жиган.

– Меняться не будем, – пискнул Башка. Он уже начал жалеть, что послушался Жигана и ввязался в это дело. Но с другой стороны – никакой помощи от приятелей с воли не было, поддержки в камере он тоже не получил. Рассчитывать приходилось только на себя.

– Не станете меняться – никаких переговоров вести не буду! Взорву дверь и оторву вам головы! А если женщины пострадают – яйца поотрываю!

Башка приуныл. Сидел бы как все, ждал суда. Это Жигану терять нечего

– у него расстрельная статья и четыре ходки. А у Башки – первая судимость и смягчающие обстоятельства: Амбал подтвердил, что тот мужик первым его сигаретой прижег. Он, конечно, чекист и никогда не курил, но суд всем одинаково должен верить, ведь все

граждане равны, так адвокат объяснял. Ну дали бы восьмерик... А тут пришибут прямо сейчас, на месте.

– Согласны, – отозвался Башка и от страха даже заорал на Жигана: – Будем выделяться – шлепнут без разговоров!

– Ты что командуешь, фуфло! Меня слушай! А то я сам тебя шлепну! – ощерился Жиган.

– Тогда я сдамся, – пригрозил Башка, и, к его удивлению, угроза подействовала.

– Хер с тобой, поменяем бабу на мента! За него еще больше пупок рвать будут... Что захотим – то сделают!

Жиган был залетным и о Литвинове не слышал.

– Обоих не достанешь? – спрашивал в это время командир СОБРа у снайпера Вити Акимова.

Тот оторвался от прицела.

– Второй вообще не показывается. А этого, у окна, могу срезать. Но вот эта резинка...

– Ладно, разберусь на месте. Держи кого сможешь, и когда я начну – гаси!

Литвинов вытащил из карманов камуфляжного комбинезона документы, запасной магазин, записную книжку. Потом снял куртку, и Акимов широким куском лейкопластыря приклеил между лопатками пистолет.

Снова надев куртку, майор подвесил под нее пустую оперативную кобуру.

– Я иду! – предупредил он в мегафон и, передав его одному из бойцов, медленно, держа на виду руки, пошел через хозяйственный двор. Прикрываясь заложницей, его внимательно осматривал Башка.

Вновь прильнувший к окуляру Акимов упер пенок прицела в левую бровь преступника, но голова заложницы находилась в сантиметре от точки попадания. Пятьдесят на пятьдесят.

Между лопаток медленно текла струйка пота. Так бывало всегда при риске поразить невиновного.

Литвинов по-хозяйски стукнул кулаком в железную дверь.

– Открывайте, менка!

Помедлив, Жиган повернул ключ.

– Скажи, чтоб без подлянок, а то проколю насквозь! – прошипел он в лицо помертвевшей библиотекарши и сильнее прижал острие к податливому телу.

– Ничего не делайте, а то нас убьют! – крикнула она и заплакала навзрыд.

– Да ничего я не делаю, – приоткрыв дверь, Литвинов медленно протиснулся в захлестываемую волнами агрессии и страха бетонную коробку. – Этим дуракам уже готовят все, что они заказали. Пусть едут! Только куда? До Чечни далеко, да и делать им там нечего, тут же в расход пустят как русских шпионов. Сдавались бы лучше!

– Заткнись! – заорал Жиган. – Стань к стене!

– Тю, – удивился майор. – Ты меня что, расстреливать будешь? Давай, отпускаяй женщину!

– К стене! – жилы на шее напряглись, в углах искривленного рта появилась пена. За спиной у Жигана имелось четыре доказанных трупа и еще столько же неизвестных следствию.

– Я ее сейчас на шампур нанижу!

Пожав плечами, Литвинов стал лицом к стене. Он казался спокойным и послушным, но щека начала подергиваться.

– Раздевайся!

– Охренел? Что я тебе, баба?

– Знаю я ваши подлянки! Снимай все, чтобы видно было; что у тебя есть!

– Подойди и пощупай, если не веришь, – Литвинов повернулся к Жигану, поднял куртку, показывая пустую кобуру.

– Вот все, что осталось...

– Снимай!!!

Жиган размахнулся, и у Литвинова похолодело внутри – бандит явно собирался пронзить заложнице живот.

– Хрен с тобой, – миролюбиво сказал майор. Он сбросил куртку, тельняшку, брюки и остался в белых трусах и кроссовках.

Демонстрируя полное миролюбие и покорность, Литвинов положил руки на затылок. Большие пальцы коснулись рифленой пластмассы.

– Лицом к стене! – скомандовал Жиган.

Вид голого и безоружного противника успокоил его.

– Не могу, у меня трусы сзади порваны.

– К стене!!

– Слушай, малый, – глаза командира СОБРа сузились, а щека задергалась сильнее. – Ты палку сильно не гни – ломаешь! Выпускай женщину!

Мозг Литвинова анализировал ситуацию, как быстродействующий компьютер. Жиган полностью переключился на него и повернулся вполоборота, перестав прикрываться заложницей. Заточенную железку он по-прежнему нацеливал ей в живот, но не контролировал точность наводки. Башка тоже отвлекся от своей жертвы, но резину держал натянутой.

Витя Акимов теперь уверенно держал на прицеле бритый висок Башки. Но он мог стрелять только по команде, а следовательно, должен был ждать, когда начнет действовать Литвинов. Скорее всего начало действий обозначит выстрел командира. Поэтому Акимов ожидал выстрела.

В сложившейся ситуации бездействие снайпера было ошибкой. Как бы ни складывалась ситуация в глубине помещения, обезвреживание одного из бандитов, да еще столь эффективное – пуля в висок, башка – вдребезги – должно было деморализовать его напарника и развязать руки спецназовцу.

Ошибку допускал не снайпер, а его командир. Привычка Литвинова самому исполнять работу рядового бойца сейчас поставила операцию на грань срыва, а жизнь заложниц под угрозой.

Находясь на командирском месте, майора оценив ситуацию, отдал бы приказ стрелять, а любой из его бойцов в бетонном помещении с заложниками успешно довел бы дело до конца. Но отдавать приказ было некому, и снайпер ждал, держа на мушке голову бандита.

– Выпускай женщину, я сказал! – повысив голос, повторил Литвинов.

– Она мне еще пригодится... Лучше я тебя на тот свет выпущу! Лицом к стене, сука! Здесь я команду!

Острие электрода окончательно отклонилось в сторону. У Литвинова имелось три секунды, чтобы завершить дело.

Правая кисть схватилась за рукоятку, левая за ствол. Рванув двумя руками, майор оторвал оружие вместе с двумя кусками кожи – пластырь намертво вцепился в спину. Предохранитель был выключен, и Литвинов самовзводом с двух рук пальнул в остолбеневшего при виде оружия Жигана.

«Ба-бах!»

Майор не понял, куда попала пуля, но тело бандита дернулось, а заточка прыгнула вперед. Раздался душераздирающий женский крик.

«Ба-бах!»

Теперь Жиган отлетел назад, ударился о бетонную стену и сполз на пол. Женщина тоже упала. Литвинов не смотрел на них: он развернулся к Башке.

«Ба-бах!»

Из правой части лба вылетело крошево костей и плеснулась кровь. «Почему в другую сторону?» – мелькнула мысль, но она уже не имела

значения – Башка кулем свалился на бетон. Заточка сорвалась с резины, но вреда заложнице не причинила. На груди бандита расплывалось кровавое пятно, и майор понял, что в голову попал Акимов.

Звенело в ушах, быстро пахло порохом и кровью, тело напряглось, душу переполняло предчувствие страшного.

Медленно повернувшись, Литвинов посмотрел на библиотекаршу. В животе у женщины торчал заточенный электрод. Жиган выполнил свое обещание.

В дверь ворвались четверо бойцов с автоматами в руках. Но делать им уже было нечего.

– «Скорую», быстро, – тихо сказал Литвинов и вышел на воздух. Его мутило. Такого с видавшим виды майором не случилось очень давно.

* * *

Весь оперативный состав Тиходонского УВД, участковые, сотрудники патрульно-постовой службы и ГАИ были ориентированы на поиск особо опасного преступника.

Ничего странного, милиция постоянно кого-то ищет. Но в данном случае не сообщалось, что же такого совершил разыскиваемый. Да и примет почти не давалось: рост сто семьдесят пять плюс-минус четыре сантиметра, вес около восьмидесяти двух килограммов. Владеет способами убийства без оружия. Одиночка. Может находиться в строящихся зданиях, на чердаках или крышах домов, прилегающих к центральным магистралям. В черновике ориентировки говорилось о «точках» занимающих господствующее положение над основными магистралями", но майор Фиников вычеркнул этот оборот, чтобы не демаскировать суть плана «Зет».

Ориентировка исходила из Управления ФСК, генерал Крамской каждый день требовал результата от начальников райотделов, управлений и служб, те, в свою очередь, давали «накачку» подчиненным.

Обстановка в городе и без того осложнилась. Нападение на бар «Погребок» – двое убитых, четверо раненых, преступники скрылись. Три трупа найдены в бетонной трубе под железнодорожной насыпью. Преступники не установлены. Труп и тяжело раненный обнаружены неподалеку – в подвале развалин дома путевого обходчика. В роще на левом берегу найдена мертвой голая девушка с двадцатью шестью ножевыми ранениями... Плюс обычный криминальный фон: бытовые убийства, кражи, грабежи, разбои...

Скудной ориентировкой УФСК никто бы не занимался, если бы не ежедневные требования результатов. Чтобы отчитаться перед руководителями, личный состав, работающий на улицах, обращал внимание на крупных одиноких мужчин, проверял у них документы, доставлял в райотделы для установления личности. Потом в рапортах отмечали, сколько проверено лиц по ориентировке «соседей». Так что розыск Мастера велся, хотя и вслепую: рост и вес, определенные по отпечаткам обуви на стройке, вряд ли могли оказать серьезную помощь.

Тем более что в последнее время Мастер почти не появлялся без спутников. Он жил в гостинице «Южная» – среднего класса, где редко останавливались люди, интересующие милицию. Соседние номера занимали Вист и Крол, Свистун обитал напротив.

Завтракал он в номере, готовил обычно Крол. К девяти Вист подавал машину – неброскую белую «волгу». Все технические детали обеспечивал Керим, с которым Мастер регулярно общался.

– Дня через три, – сообщил толстяк. – От силы – через пять. У тебя все готово?

Керим чувствовал себя неудобно. Он похудел, обвисли щеки, под глазами залегли темные круги. Ему поручалось ликвидировать Мастера сразу же после акции. Кому-то поручено ликвидировать его самого.

– Все готово, – кивнул снайпер. – Передашь оружие Свистуну, оба ствола. Завтра. Паспорт и деньги – за час до начала операции. Доллары мы проверим на детекторе.

Он тоже знал, что убирать его будет этот низенький человечек, озабоченный думами о собственной судьбе. Но в отличие от Керима Мастер уже разработал план своего спасения. Правда, в таких делах никогда не знаешь заранее – удастся реализовать его или нет.

– С вертолетом решено?

– Решено, – кивнул Керим, искренне глядя в лицо собеседнику. – Но ты должен назвать точку зависания...

– Заранее?

Снайпер улыбнулся.

– Даже при полном доверии между нами это невозможно... Я пушу две ракеты, когда вертолет появится в непосредственной близости...

И хотя оба знали, что никакой вертолет не сыграет роли в их судьбах, они подробно обсудили время полета, условные сигналы, высоту зависания...

После переговоров Керим уходил, но его люди вели наблюдение за командой Мастера. Для обеспечения слежки в «волгу» был вделан радиопередатчик-маяк.

Снайпер побывал на крышах нескольких домов, долго осматривал шоссе с возвышающегося над ним путепровода, и все эти точки наблюдатели взяли на заметку.

А Керим докладывал о своих беседах со специалистом и о результатах наблюдений лично Эльхану и Ашоту. Оба хвалили Керима, хлопали по плечу, сулили золотые горы и честно смотрели в глаза.

– Деньги подменить нельзя, – сказал толстяк. – Проверять будут... Руководители землячеств недовольно переглянулись.

– А не пропадут, они в этой кутерьме?

– Никогда! – заверил Керим.

У него имелись свои планы относительно миллиона долларов. Если, конечно, удастся спасти жизнь.

* * *

С некоторых пор в пестрой шумной толпе посетителей Центрального рынка появились люди, внимательно наблюдающие за цветочным павильоном. Они работали парами, ежедневно менялись, использовали грим и умело приспособлялись к окружающей обстановке, а потому не бросались в глаза. Даже специальная охрана не обратила на них внимания.

Покинув рынок и профессионально проверившись, эти люди добирались до железной двери рядом с вывеской АО «Гантал» и скрывались за ней. Здесь писались подробные отчеты, разряжалась спецтехника, проявлялась фотопленка.

Командир специального отряда внимательно изучал поступившие документы.

Высокий с усиками-стрелочками кавказец выходит из машины. Плотный армянин открывает обитую рейками дверь, ведущую в апартаменты. С улыбкой смотрит в невидимый объектив низенький толстяк с черными, разделенными аккуратным пробором волосами. Пробирается сквозь толпу угрюмый целеустремленный мужик.

Хотя ничего криминального на фотографиях не было, командир отряда надолго задумался. Гарегин Петросов, Ашот Геворкян, Эльхан Абдуллаев, Керим Гуссейнов – фигуры чрезвычайно заметные. И если вчетвером собрались в Тиходонске, следовало ждать чрезвычайных событий. Почти наверняка они будут связаны с планом «Зет».

Командир вызвал заместителя. Как и все остальные члены спецотряда, они действовали «под легендой». Вымышленные фамилии, имена, даты и места рождений. Специально изготовленные документы. И полная автономность и засекреченность; Ни один человек в Тиходонске не знал об отряде и его миссии. И в Центре осведомлены всего трое.

– Надо выделить еще людей для разведки, – сказал командир. – Пусть круглосуточно «водят» вот этих.

Он ткнул в фотографий толстяка с пробором и угрюмого мужика.

– Петросов и Гуссейнов, – задумчиво проговорил заместитель. – А Геворкян с Абдуллаевым?

– Те только командуют. Надо «сесть» на телефонную линию в их логово. И попробовать «Заячье ухо».

– Там негде разворачиваться... И у них своя контрразведка... Но что делать, попробуем...

– А Петросов с Гуссейновым должны дать интересные контакты на местных, – продолжал командир. – Или на приезжих, которые пока держатся в стороне... – И еще. Подготовь шифрограмму в Центр. Пусть задействуют план «Дублер».

Через день на крыше дома, стоящего через улицу от глухой стены Центрального рынка, как раз напротив павильона «Цветы», начались ремонтные работы. Грохотало кровельное железо, лилась в стыки расплавленная смола, радовались измученные протечками и безуспешными жалобами жильцы.

Служба безопасности Гарегина Петросова то ли не обратила внимания на происходящее, то ли не придавала ему значения.

А вот Толстяк заинтересовался ремонтом. Поднявшись на чердак конторы рынка, он

больше часа наблюдал в бинокль за «кровельщиками». Двое постоянно занимались кровлей, а третий больше внимания уделял какому-то прибору, обращенному в сторону охраняемой Толстяком территории.

«Доложить шефу? – подумал начальник службы безопасности. – А вдруг они загрязненность воздуха измеряют...»

Взяв двух бойцов, он лично отправился проверять подозрительных рабочих. При этом никого не предупредил о своих намерениях, что было первой ошибкой.

На крышу жилого дома они поднимались без всяких предосторожностей, допустив тем самым вторую ошибку.

– Туда нельзя, ребята, ремонт, – миролюбиво пояснил четвертый «кровельщик», заступивший им дорогу на чердачной лестнице. Он был крепок, высок, с уверенным решительным голосом. Руки держал в карманах черного новенького комбинезона.

– Отскочи!

Толстяк выдернул из-за пояса пистолет и ткнул в сторону черного комбинезона. Так он сделал последнюю и самую главную ошибку.

Кто-то кашлянул, и Толстяк рухнул, врезавшись лицом в грязные дряхлые ступени. Тело поехало вниз, голова безвольно дергалась, из разбитого носа брызгала кровь.

«Быки» остолбенели. Один решил, что шеф внезапно умер. Второй заметил дымящуюся дырочку на черном комбинезоне, и у него отнялись ноги, но рука автоматически скользнула за пазуху.

Кто-то кашлянул еще дважды. На самом деле, конечно, никто не кашлял, такие звуки издавал специальный бесшумный пистолет ПСС, но «быки» понять этого уже не успели.

Через полчаса ремонтники, свернув работу, сносили в подъехавший крытый грузовичок инструменты, ведра, длинные тяжелые рулоны рубероида.

– Куда же вы, не доделав-то? – спросила Максимовна из четвертой квартиры.

– На другой объект забирают, – пояснили ей. – Мы еще вернемся.

– Вернетесь, – недоверчиво повторила старушка. – Тогда рубероид оставьте!

– Новый привезем, не волнуйтесь, – ответил «кровельщик», идущий последним. В мешке он тащил лазерный прослушиватель помещений «Заячье ухо». Как следует использовать его команда не успела.

Глава седьмая ПОКУШЕНИЯ

*Усилиями службы охраны удастся предотвратить лишь семь процентов покушений.
Остальные доводятся до конца.*

Из статистических данных.

Василий Петрович собирался в командировку. Его работа была связана с частыми выездами, причем если бы кто-то сопоставил их с поездками Президента, то с удивлением обнаружил бы, что графики совпадают.

Для того чтобы исключить подобные открытия, жизнь Василия Петровича была засекречена, что приносило ему определенные неудобства, но компенсировалось пятнадцатипроцентной надбавкой к и без того солидному окладу.

Василий Петрович работал дублером Президента. У всех политиков высокого ранга имеются двойники, используемые службой охраны для введения в заблуждение террористов, всевозможных мстителей, маньяков, душевнобольных.

Дублер Президента походил на него как однойцевый близнец. Вне работы сходство тщательно маскировалось – тримом, париком, накладными усами. Этим Василий Петрович отличался от других людей, похожих на главу государства – те участвовали в конкурсах двойников, фотографировались для газет и журналов, снимались в кинофильмах.

Василий Петрович не завидовал их шумной славе. Что ни говори – это чистая бутафория. Президент не разгуливает по улицам без охраны, не живет в коммуналке, не пользуется метро.

Он же, исполняя ответственную роль, находился в резиденции Самого, его личном самолете, лимузине, на особой даче и в других, строго охраняемых местах, куда никак не смогли бы попасть любители популярности, несмотря на полное внешнее сходство.

Потому и отношение к неофициальным двойникам было снисходительным: как у заслуженного артиста к подражающим ему скоморохам.

Работа Василию Петровичу нравилась – почетная, ответственная и необременительная. О сути ее и своей роли в обеспечении безопасности первого лица страны он не задумывался. Тем более что работавшие с ним сотрудники Главного управления охраны были компанейскими улыбчивыми ребятами.

– Собирайтесь, Василий Петрович, интересная поездка намечается...

Ну, раз так, поехали... Люди государственные, плохого не предложат. Единственное, что немного смущало Василия Петровича, – он всегда ез-

дил с Президентом, а в Тиходонск предстояло отправиться одному. Но, в конце концов – его дело маленькое...

* * *

Бесследная пропажа Толстяка и двух бойцов не на шутку встревожила Шамана. Если убрали начальника службы охраны, значит, подбираются к нему. Но кто?

Воронцов сидел в кабинете, не отвечая на телефонные звонки и никого не принимая. В приемной торчали четверо вооруженных охранников, но он понимал, что при серьезном раскладе это мало что значит.

Кто?

Черномор? Итальянец? Баркас? Никому не известный молодняк, все более дерзко заявляющий о себе? Чеченцы или дагестанцы?

Ссора с Баркасом была ошибкой. У него самая крупная бригада – около пятидесяти человек. И люди подобраны как надо. И сам Баркас – кремь... Внезапно Шамана осенило. Ссора только повод! Он давно решил отколоться и использовать подходящий момент, вот и все!

Нет, братец, не выйдет! Бригаду надо вернуть. А для этого есть только один способ... Воронцов позвонил Карпету.

– Зайди ко мне, – коротко распорядился он.

* * *

Отсидев трое суток в изоляторе временного содержания, Амбал вышел на свободу. В перестрелке он был пострадавшей стороной: убит его друг Ржавый, тяжело ранен Валек, он сам получил ранение. «Стволы» до приезда милиции удалось спрятать, от ответной стрельбы отперлись внаглую. Потом его стали «примерять» к убийству девчонки на левом берегу Дона. Оказывается, ее прикончили его ножом... Нож Амбал не признал, во время убийства его видели в «Погребке».

Опер Макаров только головой покрутил:

– Смотри, какой ты чистый со всех сторон! Даже не верится... Но я тебя все равно прищучу!

Пусть пугает...

Сейчас Амбала заботило только одно: живым оказался хмырь, у которого они отобрали волыны. Через него можно «засветиться». Менты ладно – им еще доказывать нужно. А вот дружкам скажет, те и выйдут по цепочке. Шершень – Веретено – Амбал... И, пришьют – без всяких доказательств.

Действительно, в Тиходонск прибыла бригада поделщиков Калинки по торговле оружием. В таком бизнесе не любят, когда сотоварищ пропадает бесследно. Особенно вместе с товаром и деньгами за него.

Вначале они обратились к Гангрене. Тот задумался. За продажу негодных стволов приезжим действительно собирались сделать «правило». Но не сделали. Выходит, общину кто-то опередил...

– Это не мы, – наконец покачал головой Гангрена.

– А кто?

Главный тройки подельников – Скелет – высокий сухой осетин с бешеными черными глазами, зловеще разглядывал собеседника.

– Это ваш город, вам и ответ держать!

Гангрена мертвящим взглядом встретил скрытую угрозу.

– Ваши дружки фуфло здесь двигали. Их кто угодно пришить мог. За дело.

– Кто? – настойчиво спрашивал Скелет. – Кто мог это сделать? Без разбора, без предупреждения... Если в товаре неполадки – отдай назад, получи деньги! Кто их убил?

Действительно, процедура была нарушена. И выяснить, кто ее нарушил, важно не только трем торговцам оружием.

– Узнаем, – сказал Гангрена.

Он дал команду и весь следующий день принимал информацию. Последнее сообщение ошеломило: Калинка жив и лежит в реанимации Центральной городской больницы.

– Поехали, – нервозно сказал он осетину. – Сейчас выясним, кто по беспределу братву мочит.

Черт на полной скорости вел «девятку» с тонированными стеклами.

– Потихе, пока голову не свернули, – недовольно сказал сидящий рядом консервативный Гангрена.

– Ничего, они на хвосте, – откинулся Фома с заднего сиденья. Действительно, побитый и исцарапанный БМВ гостей шел впритирку, как на буксире.

– Я сказал – голову побереги! – повторил Гангрена, и Черт чуть отпустил педаль газа.

На территориях больницы въезд запрещался, если кто-то хотел нарушить запрет, надо было дать вахтеру пятьсот рублей или показать какое-нибудь удостоверение. Черт, приспустив стекло, показал свою физиономию и этого оказалось достаточно: шлагбаум немедленно взлетел вверх.

У хирургического корпуса толпился народ.

– Когда туда шел, лица не рассматривали, а обратно – марлевой повязкой закрылся...

– Спокойно зашел в палату, приставил пистолет ко лбу и разнес весь череп...

– Этого беднягу уже убивали, из земли выкопали...

– Значит, неспроста...

Сквозь обрывки разговоров Гангрена с осетином протолкались ко входу и, лишь увидев милиционера, загораживающего проход в вестибюль, поняли, о ком идет речь.

– Это не наши, – убежденно повторил Гангрена, но осетина объяснение не устроило.

– А кто еще знал, что он здесь? Будем сходняк собирать!

Через минуту БМВ, круто развернувшись, рванул с места. «Девятка» двинулась своим путем: вначале к Центральному рынку, затем на окраинную улочку.

– Шаман поклялся, что не его работа, – доложил Гангрена Черномору. – Но, по-моему, больше некому. Они тоже пушки негодные покупали. Одну Баркас взял.

– Баркас откололся, он теперь сам по себе, – в очередной раз проявил осведомленность Черномор.

– Какая разница! Надо разбор учинять. Иначе на сходняке нас на «правило» поставят!

Черномор долго не отвечал. В напряженной обстановке Тиходонска следовало избегать крутых решений. Но слишком многие авторитеты недовольны общиной. Донецкие вояры Петрусь и Трезубец, несмотря на найденный компромисс, так и остались обиженными. Москвичи Гарик и Метла выразили возмущение Крестом, не признавшим и оформшмачившим их крестника Калгана. Теперь ущемленными считают себя представители Кавказа...

Если устроят сходняк, спрос будет с него, Черномора. Отговорится – хорошо. А если нет? Скажут: порядок не поддерживаешь, «закон» не соблюдаешь, в общак тебе недоплачивают, делают что хотят... Вполне могут «дать по ушам»...

– Позови Севера, Хромого, будем думать, – наконец сказал пахан.

Гангрена понимающе кивнул.

Баркас полностью контролировал «супермаркет». Присланные Севером наглые парни, облапошивающие многочисленных простаков в «наперстки», «беспроегрышную лотерею» и карты, исправно платили тридцать процентов прибыли.

Теперь он сам стал боссом, и ему нравилась полная независимость.

Несколько раз подсылал своих людей Итальянец, предлагал «держат» вещевой рынок на паях. Но кто станет делиться тем, что имеет?

Вполне понятно, что приходилось ожидать неприятностей и быть настороже. Баркас менял маршруты и места ночлега, автомобили, перестал ходить в «Сапфир», не появлялся в казино.

Предосторожности не были излишними. Однажды он поручил кому-то из пацанов отогнать новенький «мере» на профилактику. Когда тот включил зажигание, страшный взрыв разнес машину, от пацана ничего не осталось.

Сразу возник вопрос: кто? Хороший взрывник имелся у Карапетяна, а тот послушно исполняет все приказы Шамана. И Итальянец когда-то подорвал бензовоз конкурентов.

Баркас знал жизнь. Если не дать «оборотку», снести покушение, то он долго не протянет.

Поскольку на стендах «Их разыскивает милиция» красовалась фотография Рынды как подозреваемого в убийстве, бывший контролер вел себя очень послушно.

– Смотри: сжимаешь проволоочки, вытягиваешь кольцо, а рычаг держишь до последнего, иначе сам взлетишь на воздух, – учил отставной морпех скрывающегося убийцу, – Вот эта почти не дает осколков, ее можно кидать и на улице. А лучше покатить по земле, так надежней...

Когда Итальянец вышел из казино и направился к своей машине, Рында из-за угла аккуратно катнул ему под ноги гранату РГД-5. Грохнул взрыв. Один телохранитель убит на месте, второй тяжело ранен. Самому Итальянцу оторвало ногу.

Через день Рында бросил гранату Ф-1 в окно кабинета Шамана. Хозяина на месте не было, но взрыв и последовавший за ним пожар причинили материальный ущерб и посеяли страх: в следующий раз Воронцову могло меньше повезти.

Но люди Карпета попытались довести дело до конца и прямо на улице расстреляли из «помповиков» «девятку» Баркаса. Картечь превратила машину в решето, водитель и пассажирка были убиты на месте. Но вместо Баркаса в «девятке» находились Череп со своей подружкой. Тонированные стекла оказали ему дурную услугу.

Баркаса покушения обеспокоили всерьез. Если человека задумали убить, то в конце концов его убивают. Выход у обреченного только один – опередить противника. Не рядового исполнителя, конечно, а «заказчика» – того, кто отдал приказ. Так бывший бригадир и Шаман оказались лицом к лицу.

* * *

«Звонок» всегда событие, даже для матерого зэка. И Крест в день освобождения испытывал волнение. В общей сложности из пятидесяти пяти лет он провел за проволокой двадцать – половину сознательной жизни. Первый срок «взял» в пятнадцать – шестерик за групповой разбой с «мокрыком». До совершеннолетия топтался в зоне для малолеток, где волчьи законы соблюдаются со слепым фанатизмом. Если красный цвет запахло – все! Принесли предки в «дачке» помидоры ранней весной – бросай в сортир! Мать пришла на свиданку в красном платье – повернулся, сплюнул и обратно в отряд!

Правда, отца у Креста не было, а мать алкашничала и сдохла под забором, потому ему соблазнов преодолевать не приходилось, йот и порвал пасть ублюдку, жравшему тайком яблоки. На «взросляк» пришел уже с авторитетом и продолжал держаться за «закон», как за спасательный круг.

Освободиться досрочно – запахло, это дело «козлов». Срок надо перетирать полностью, от звонка до звонка. Так и отбыл шесть лет. Только вышел – сразу «закрутился» с друзьями, по пьянке залез в чужой карман и схлопотал два года. После этого держался на свободе долго: на «дела» ходили другие, он разрабатывал планы и руководил операциями, оставаясь в стороне в случае провала.

Но в восемьдесят втором, когда сходняк решил пришить ссучившегося урку, Кресту пришлось самому засадить «перо» в сердце приговоренного. Заканчивался декабрь, заступивший на пост Генсек Андропов начинал железной рукой наводить порядок, милиция без конца проводила рейды по «малинам», одна из опергрупп ворвалась на «хазу», когда Крест стоял над трупом с окровавленным ножом в руке.

Конечно, свидетелей не нашлось: давать показания запахло – таков один из основных «законов» уголовного мира, и присутствовавшие на сходке авторитеты его свято соблюдали. Но три офицера милиции фактически стали очевидцами убийства, да и вытереть рукоятку ножа Крест не успел. В материалах дела не было ни слова про приговор сходки – обычная бытовая ссора с трагическим исходом, так называемое «простое» убийство без отягчающих обстоятельств. Статья предусматривала до десяти лет, Крест получил восемь.

Срок заканчивался в девяностом, когда активно устанавливались связи между зонами и волей, прибирался к рукам надзорно-начальствующий состав мест лишения свободы, прокладывались пути для «малевок» из одной колонии в другую. Крест считал, что оставлять место Смотрящего в такой ответственный момент запахло, и демонстративно обворовал продовольственный ларек, добавив к сроку четыре года.

Но любой срок рано или поздно заканчивается. Передав Клешне общак и дав необходимые указания, он почувствовал, что рвется пуповина, связывающая его с привычной средой обитания. Такое чувство всегда испытывают зэки, отмотавшие больше десяти лет. Здесь, в зоне, все привычно: распорядок дня, окружение, друзья и недруги, обычаи и привычки начальства. Есть определенное место в иерархии авторитетов, койка, кормежка три раза в день, заменяемая по срокам носки одежда. А что там, на воле? Ни кола, ни двора, ни работы, ни прописки, ни ночлега, ни жратвы... Лишь сплошные проблемы, способность к решению которых начисто утрачена... Вот некоторые и не хотят выходить, прячутся под койками, садятся на землю, прапорщики на руках выносят за КПП... Но насильно заставить жить на воле никого нельзя. Выпьет «счастливчик» бутылку водки да разобьет стекло в ближайшем ларьке – вот и вернулся в обжитой мир...

Креста бытовые трудности не пугали. Тревожили происшедшие на воле перемены, отголоски которых доносились через колючую проволоку. Он не верил газетным статьям об автоматных перестрелках среди бела дня, но приходящие в зону подтверждали эти невероятные истории. Рассказы подобного рода Крест тоже воспринимал скептически, тем более что сами участники таких громких дел в колонию строгого режима почему-то не попадали. Каждый этап приносил всякую шушеру: воров средней руки, мелких грабителей, неудачливых разбойников, наркоманов...

И все же накануне освобождения Крест плохо спал, а когда под утро забылся в тяжелой дремоте, привиделся какой-то кошмар, который он счел дурным предзнаменованием.

Около полудня замнач колонии пожал освобождающимся руки, вручил документы и произнес положенные слова напутствия. Четверо бывших осужденных переступили порог КПП и оказались в другом мире, где нет обязательных «шмонов», побудок и построений, штрафного изолятора, пудовых кулаков и резиновых палок прапорщиков, постоянной скученности и круглосуточного контроля чужих глаз, вони, бормотания и стонов ночного барака, однообразной опостылевшей пищи... Их больше не стерегли шипы стандартной «колючки» и острые, режущие как пила, до кости, зубья спиральной, холодные зрачки телекамер, электрошоковая система «Кактус», свирепые, выдрессированные специально для охоты на эзков псы и автоматы солдат, которым удачный выстрел немедленно приносил десятисуточный отпуск.

Первым впечатлением от воли стала разухабистая гармошка и веселая компания во круг разостланной прямо на газоне скатерти, заставленной водкой и закуской. Когда-то так встречала братва авторитетных и уважаемых воров. Крест сделал несколько шагов, но лица были незнакомыми, а взгляды шальных глаз сильно размалеванных женщин и цепкие Прищуры приклатненных парней фокусировались на ком-то за его спиной.

– Корифаны! – оттолкнув Креста, вперед вырвался Мокрый, пару минут назад почтиительно пропустивший всех в двери КПП.

Гармошка заиграла туш, раздались приветственные выкрики.

Мокрый отмотал шестерик за изнашивание десятилетней девочки в лифте много-

этажного дома. Лишь благодаря заступничеству Креста его не отлетушили, и весь срок он болтался в самом низу зононской иерархии. Сейчас его встречали как героя.

«При таких раскладах еще и авторитетом станет, – мрачно подумал Крест. – Раз их не интересуется, за что сидел и кем был в зоне... Большой срок оттянул – значит, солидный вор...» Рассказы о нарушении «законов» наглядно подтверждались. Крест сплюнул.

Мокрый пил водку из стакана, на щеках краснела помада, надрывалась гармошка. Жизнь на воле для насильника и чушкаря начиналась с праздника.

Не без зависти оглядываясь на веселую компанию, два освобожденных мужика понуро брели к автобусной остановке. Ветер гнал по немощеной улице клубы пыли, окурки, обрывки бумаг, сморщенные полиэтиленовые пакеты. Мусор забивался под огороживающий газон облезлый штакетник, ложился под днища четырех огромных иностранных автомобилей, каких в своей прежней дозононской жизни гражданин Калашников ни разу не видел.

До Тиходонска было восемьдесят километров. Бывший осужденный Калашников нащупал в кармане пачку денег, триста с лишним тысяч, свой заработок за двенадцать лет. Вконец запутавшись в масштабах цен, он знал, что на автобусный билет должно хватить. И тоже двинулся к остановке.

Крест не видел ни одного западного боевика, которым любил подражать Север, а потому удивился, когда лимузины одновременно взревели сигналами и из них вышли Север, Хромой, Король и Лакировщик. Все были в костюмах, при галстуках, Хромой и Лакировщик свели с рук татуировки, держались они уверенно и совершенно не опасались, что вдруг подкатит синяя с красной полосой машина и менты начнут задавать свои каверзные вопросы и проверять документы на явно краденые «тачки».

Освобожденный вчистую по отбытии срока наказания, полноправный российский гражданин Олег Васильевич Калашников, он же авторитет преступного мира, коронованный вор в законе по прозвищу Крест, здорово отстал от жизни. Он не знал, что криминалы самого разного уровня вполне легально ездят на иномарках, что менты в значительной степени утратили любопытство и задают гораздо меньше вопросов, а их машины раскрашены совсем по-другому, чем двенадцать лет назад. Он не знал, что заработанных им за весь срок трехсот тысяч, огромных денег, по зононским меркам, Северу не хватит на один вечер в ресторане.

Но Крест хорошо разбирался в хитросплетениях человеческих отношений и прекрасно понял, что означает отсутствие среди встречавших Черномора. Красноречивым знаком являлась и почти стопроцентная явка наиболее крупных авторитетов Тиходонска, свидетельствующих ему свое почтение, несмотря на явную нерасположенность пахана.

Через несколько минут четыре лимузина сорвались с места и, набирая скорость, понеслись к Тиходонску.

* * *

В то время как Олег Васильевич Калашников, утопая в Мягких кожаных подушках сидений, на скорости сто километров в час (состояние трассы не позволяло водителю до отката нажать педаль газа) слушал последние новости воли, Иван Сергеевич Козлову себя дома вел серьезный разговор с двумя московскими гостями.

Подвижная шустрая Даша – маруха, ведущая хозяйство Отца последние двадцать лет, сноровисто накрыла стол и, хорошо зная порядки, немедленно удалилась.

– Закусим, выпьем, с дорожки полезно, – добродушно побряхтывая, проговорил Черномор, которого неожиданный визит несколько насторожил.

Но мосластый, начинающий грузнеть мужик с жестким, давшим ему кличку ежиком, отрицательно покачал головой.

– Нет, не за тем прибыли.

– Как хочешь, Метла, – с преувеличенной обидой сказал Черномор, прохромал на плохо сгибающихся ногах к своему месту, неловко плюхнулся в кресло, налил рюмку.

– А я выпью за твое здоровье и закушу за свое...

Вор должен быть артистом. В молодости, схваченный с чужим кошельком, Черномор так разыгрывал эпилептические припадки, что и толпа зевак, и обворованный «лох» прониклись сочувствием, звонили в «скорую» и начинали орать на выкручивающих руки ментов:

«Что вы с больным человеком делаете?! Его в больницу надо!»

Конечно, опера ему не верили, норовили вылечить кулаком под дых, но общественность давила на психику и отказывалась идти в свидетели. А без свидетелей какое «дело»? Заведут во двор, дадут трендюлей и отпустят. Иногда и без трендюлей обходилось...

Когда очевидцы оказывались несентиментальными, приходилось отправляться в зону, но и там артистизм необходим, особенно пока не набрал веса. В любом споре кому поверит братва – тот и прав! А кому верят? Тому, кто убедительно свою правоту изображает: божится, клянется, в драку бросается, рубаху на груди рвет. И на разборах, правилках очень важно блефовать, силу и уверенность показывать.

Сейчас Черному ни пить, ни есть не хотелось. Чего вдруг появился Метла с гориллообразным «гладиатором»? А водилу в машине оставили, и мотор работает – уйдет, если что, не станешь же на улице у своего дома стрельбу поднимать! Вот и приходится играть, изображать мирного, немощного, готового отойти от дел старикашку. А маленький потертый, резкого боя браунинг лежит в кармане. И Гангрена сунул пушку за – пояс да послал Черта за подмогой, а Фома на грузовичке готов перегородить выезд Из переулка.

Но это на крайний случай. А пока играется спектакль. Метла трапезничать отказался – дал понять: мол, с претензией пришел. А он пьет и закусывает через силу: мол, никакой вины за мной нет, никого не боюсь, аппетит хороший, нервы крепкие.

– С чем прибыл? – холодно спросил Черномор, жуя квашеную капусту. Обращался он только к Метле, авторитету российского уровня. «Гладиатора» он не знал и знать не хотел. Хотя стол распорядился накрыть на троих: есть любому человеку надо... А право на слово в серьезном разговоре не каждый имеет.

– По дороге в Донецк заехали, – не отвечая на вопрос, сообщил Метла.

– Петрусь и Трезубец недовольны: беспредел у тебя! Ни за что людям руки рубят...

– С этим мы разобрались, – поморщился Черномор.

– И руку пришили на место? – ухмыльнулся «гладиатор». Он развалился на диване и развязно жевал резинку, бесцеремонно разглядывая глубоко посаженными глазами хозяина дома. Бритый блестящий череп, могучая расширяющаяся от ушей шея, руки как балки крана. Обычное бессловесное животное, машина для расправ. Почему же он раскрывает рот?

Черномор перевел взгляд на Метлу.

– Кого ты привел?

Тот должен был смутиться, но не смутился.

– Вельвет – мой компаньон. Командует крупной группировкой. Считается по нашему уровню.

«Вот оно что... значит, из „новых“... Выходит, Метла с ними снюхался», – с неприязнью подумал Черномор, а вслух сказал:

– Кем «считается»?

Метла отвел взгляд.

– Кто его знает? Где он зону топтал? Кто за него «подписку» бросит?

Метла молчал.

– Я сам себе «подписка», – прогудел Вельвет. – У меня двести человек, каждый со «стволом». За час всех соберу! И знают меня все, кто надо! И прокуроры, и начальники ментовские, и власть... Так что парашу нюхать я не собираюсь!

– Это верно, – сказал Метла, глядя в сторону. – Сейчас многое меняется. Вы на кражах, угонах, наркоте да казино держитесь. А у нас бабки совсем по-другому куются. И совсем другие бабки...

Черномор мог многое сказать в ответ. Про «закон», про воровское братство, про наглых спортсменов-рэкетиров, которых надо ставить на место... Но ничего не сказал. Еще недавно он сам осуждал Креста, не желающего ни на шаг отступить от «закона». Теперь Метла смотрит на него как на упертого «парашника». А этот Вельвет ему первый друг, если схлестнутся, то ясно, на чьей стороне окажется московский «законник».

От бритоголового исходила явно ощущаемая угроза. «Ничего, сейчас Черт приведет Севера или Хромого с людьми, эти псы забыли, что они не на своей земле! Закопаем всех троих, а тачку отгоним под Воронеж и свалим на обочине, пусть ищут! Да, приезжали, потом уехали... Ни один сходняк не признает вину!»

И вдруг Черномор вспомнил, что и Север, и Хромой, и все остальные поехали встречать Креста. На мгновение он почувствовал себя незащищенным, но лишь на мгновение.

«Я их и сам расшлепаю! – мелькнула злая мысль. – Верный Гангрена дежурит за дверью, и вообще: в Тиходонске найдется достаточно лихих людей, способных дать по рогам любым заезжим. Если только...»

Достав платок, Черномор промокнул губы и сунул его обратно, коснувшись теплого металла.

Если нет решения убрать его, освобождая место Кресту! В таких случаях обычно присылают людей со стороны, и их ликвидация не решает ровным счетом ничего. Приговоры сходки исполняются всегда – не одним, так другими. Но никакие крупные сходки в последнее время не собирались, да и его обязательно должны были вызвать! Может быть, Крест устроил сходняк зонавских авторитетов? Но до него непременно дошла бы информация об этом...

Сцепившиеся в полете мухи с жужжанием упали в рюмку с водкой. Черномор с омерзением выплеснул на пол сорокаградусную жидкость.

– Даша! – раздраженно крикнул он. – Даша, поменяй рюмку!

Вместо Даши в комнату вошел Гангрена. Исходящее от него излучение опасности уравновесило биоволны угрозы, идущие от Вельвета. Накинутый впопыхах чужой пиджак топорщился на животе – незаметно носить парабеллум очень трудно, для этого требуется специальное снаряжение и сноровка. Но Гангрена и не собирался ничего скрывать: ни оружия, ни своей готовности в ключья разнести чужаков по команде хозяина.

– Она во дворе, – обычным гнусавым голосом сказал вошедший, щупая гостей давящим взглядом. Те поежились, Черномор почувствовал, что владеющее им напряжение отступило.

– Отнеси рюмку, пусть заменит. И заварит чай покрепче.

Выйдя в коридор, Гангрена столкнулся с Клопом.

– Отец у себя? – озабоченно спросил тот.

– Занят, – буркнул Гангрена. – Подожди здесь. И присматривай... Сделав неопределенный жест, он направился к лестнице и стал спус-

каться на первый этаж. Выждав пару минут, Клоп метнулся к двери и прижался ухом к узенькой щели. Он и сам не смог бы объяснить, что руководило им в данный момент: природная любознательность или привычки Лешего.

– Вот тебе рюмку опомоили, и ты ее заменил, – сказал Метла. – А если хорошего человека, нашего друга зачушкарили, что надо делать?

Черномор проявил заинтересованность: отложил вилку, оперся локтями на стол и выжидающе посмотрел на москвича.

– Ты Гарика знаешь? Бесо знаешь?

Черномор кивнул.

– Очень авторитетные вору.

– А я, Метла, авторитет?

Черномор кивнул еще раз.

– Без вопросов.

– Мы втроем короновили его друга, – Метла кивнул на Вельвета. – Калган его кличут. А вскоре он ушел в зону. Попал к Кресту. Крест его офаршмачил, заставил пол вымыть, дал кликуху Плевков. А Калган – парень очень серьезный. И многие за него мазу потянут.

Вельвет что-то прорычал.

– На него многие дела замкнуты. От них большие деньги зависят. И другое, не только деньги...

– Мы его в другую зону перетащим! – рявкнул Вельвет. – Все равно он паханом там будет!

Метла и Черномор переглянулись. Вельвет явно не знал зонавских порядков и возможностей экзовской связи. Даже если Калгана перевести за тысячу километров, он так и останется «фарщмаком».

Вельвет перехватил и правильно истолковал их взгляд.

– Плевать на зоны! Мы его вытащим! По болезни, пересмотру дела, но вытащим!

– Я-то при чем? – с искренним недоумением спросил Черномор.

– Ребята сильно обиделись, – сказал Метла, снова глядя в сторону, на поблескивающие за стеклом серванта чашки кофейного сервиза. – Крест сегодня откидывается. Надо с ним р е ш и т ь в о п р о с.

– Решайте! Скоро сходка...

– Зачем нам сходка? – зло перебил Вельвет. – Там объяснят, что он по вашим правилам все сделал! У нас своя сходка!

– И что?

Взгляд маленького сухонького старичка заставил Вельвета замолчать. Черномор резко сунул руку в карман. Громила напрягся. Но Отец извлек всего-навсего маникюрную пилочку и, откинувшись на спинку кресла, принялся обрабатывать ногти.

– Слушай сюда, – Метла наклонился вперед.

– Скоро большой сходняк. Тебе Трезубец сделает предьяву, Скелет потребует правилки, если еще и мы трое подпишемся... Ты понял?

Пахан молча работал пилочкой.

– А если мы потянем за тебя мазу, то Трезубец точно заткнется. Скелет

– не знаю, но один он ничего не сделает. Тем более в Москве и Питере «законников» сейчас много, а к нам они прислушиваются...

Черномор молчал. Все, что говорил Метла, являлось чистой правдой. На предстоящей сходке ему нужна поддержка.

– И что от меня надо? – повторил он.

– Не слишком опекай Креста, – буднично произнес Метла. – Наш человек приедет, позвонит – помоги ему добрым советом. И потом скажи свое слово. Врагов ведь у вас немало...

Требования ставились вполне выполнимые. И интересы гостей полностью совпадали с интересами хозяина. Больше того, они брались за него разрешить сложную проблему. И в придачу обещали так необходимую поддержку.

– Договорились, – сказал Черномор. – Может, выпьем по рюмочке?

– Теперь можно, – кивнул Метла.

– Целый день не жрали, – поддержал его Вельвет, придвигаясь к столу. По лестнице поднимался Гангрена с чистой рюмкой, и Леший отпрянул от двери.

* * *

Повторная экспертиза показала, что видеозапись вывода является результатом монтажа. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами президиум Тиходонского областного суда отменил приговор в отношении осужденного Коренева.

«... направить дело для производства дополнительного расследования в прокуратуру Тиходонской области», – прочел Лис копию определения. И, усмехнувшись, прочел вслух второй пункт:

– Возбудить уголовное дело по факту фальсификации материалов следствия..."

– Будешь давать оборотку? – спросил майор Сазонов. – Запихнешь к нам своих «крестников»?

Полноватый лысый мужичок под пятьдесят производил обманчивое впечатление добродушного человека и совсем не был похож на начальника оперчасти. Еще недавно он организовывал разработку осужденного Коренева на причастность к убийству, но колесо фортуны провернулось, и Коренев ухе не осужденный, а матерый хитрый опер, который через несколько месяцев восстановится на службе...

– Постараюсь, – недобро процедил Лис. – Следователя вряд ли: прокурорские друга прессовать не любят... А бывшего коллегу опушу на нары...

В обычных условиях Лис бы этого не сказал, он никогда не раскрывал своих планов. Но сейчас он испытывал особые чувства, вызванные долгожданным превращением из бесправного и безгласного зэка в нормального полноценного человека.

– Еще по стопарику?

– Давай!

Определение об отмене приговора поступило в ИТК-13 в конце дня, девочки из спецчасти уже закончили работу. Значит, документы на освобождение будут оформлены только завтра. Чтобы свободный гражданин России Коренев не проводил ночь в бараке с лишенными свободы преступниками, майор Сазонов пригласил его к себе в кабинет, выставил бутылку водки с немудрящей закуской, бросил комплект чистого белья на неширокий диванчик и вот уже три часа ведет задушевный разговор о жизни и дальнейших планах.

– Про дополнительное расследование они написали для балды, – утвердительно тоном сказал Сазонов, и Коренев кивнул.

Они были профессионалами и прекрасно знали: время не способствует появлению новых доказательств, наоборот – приводит к утрате старых. Дополнительное расследование закончится ничем.

– Будешь восстанавливаться?

– Скорей всего.

Отмена приговора и последующее прекращение дела автоматически ликвидируют основания для увольнения из МВД, Потому все начинают новую жизнь с рапорта о восстановлении на службе. Даже если и не собираются служить. Но тогда основанием ухода явится собственное желание, а это совсем другое дело.

– Станешь генералом – не забудь Сазонова... Майор вроде бы пошутил. Лис усмехнулся:

– Не забуду.

В конце концов, именно Сазонов разрешил личную свиданку с Натахой, хотя они и не расписаны. А то, что он «подвел» к нему Игонина и пытался «раскрутить» на убийство – так в этом и состоит его служба, никаких обид тут быть не должно.

– У тебя семья есть? – неожиданно спросил Лис, тут же понявший, что вопрос есть следствие развития ассоциативной цепочки: свиданка-Натаха-регистрация...

– Конечно. Жена, две дочки. Одна замужем, другая развелась... Мужики-то в основном бухают, – пожаловался Сазонов, разливая по стаканам остатки водки. – А какой из бухарикасемьянин?

– Это точно... Они выпили по последней.

Лис понимал, что не каждого освобождающегося так потчует начальник оперчасти ИТК-13. Знает Сазонов, что у Лиса сеть информаторов, а значит, высока осведомленность о жизни колонии – не только в зоне, за проволокой, но и в административном корпусе. Потому лучше по-хорошему рас – статья. А может, захмелев, вчерашний зэк сболтнет что-нибудь полезное. Или ответит на заданный в лоб вопрос.

– Ладно... Тебе уже спать пора...

Майор Сазонов смотрел на коллегу и размышлял. Еще сегодня утром тот варился в эковском котле, а сейчас вновь чувствует себя майором милиции. Почему бы одному майору не рассказать другому о эковской жизни?

Но многолетняя интуиция оперативника подсказывала, что задавать ментовские вопросы не стоит. Коренев на них не ответит и оскорбится, порвется тонкая нить взаимной расположенности, которая еще может когда-нибудь пригодиться.

Майор Сазонов действительно провожал так же каждого освобождающегося. Только перспективных.

– Спокойной ночи.

Коренев пожал протянутую руку.

* * *

Избирательная кампания была в разгаре. На освободившееся место в Законодательном собрании претендовали два кандидата. Имя Ивана Павловича Воронцова стало известно каждому жителю Тиходонска: местные газеты, независимо от направленности и политической ориентации, посвятили ему статью, очерк или интервью. Привлекала программа Воронцова: накормить всех вкусно и дешево. Скептики усмехались столь популистскому лозунгу, но на Центральном рынке цены действительно снизились, и этот непреложный факт обезоруживал любого оппонента. Сам Воронцов объяснял достигнутый успех прямыми

связями с производителями, устранением посредников и четкой организацией торговли.

– Это все ерунда, – говорил подполковнику Крылову высокий худой человек в очках с толстыми линзами. – Наша инициативная группа прошла по рынку, поговорила с продавцами... Они торгуют себе в убыток, потому что запуганы его головорезами...

Перед Крыловым сидел второй кандидат в Законодательное собрание – инженер Демченко, один из активистов местного демократического движения.

– Совершенно очевидно, что я проиграю выборы. Но пугает смелость этой банды! Они чувствуют себя хозяевами положения, ничего и никого не боятся и не считают нужным это скрывать!

У Демченко было лицо обреченного на неуспех правдоискателя. Вчера в его окна выстрелили из обреза, а в почтовом ящике оказалось угрожающее письмо, которое сейчас лежало на столе Крылова.

«... если не успокоишься, окажешься в могиле», – предупреждал неизвестный «доброжелатель».

Текст отпечатан на машинке. На той же самой, которая отстукала угрозу банкиру Хондачеву. Костя Королев пытается отыскать старенькую «Москву» в окружении Шамана. Ну а пока...

– Вы хотите получить охрану?

– Что толку... Если захотят убить, то убьют... Вчера меня только предупредили. И знаете что, – увеличенные мощными стеклами зрачки заглянули в самую душу начальника оперативного отдела, – ведь я всегда был кому-то неугоден. Начальству, райкому, облсовпрофу – всем! Меня увольняли, вызывали на беседу в КГБ, пугали, предупреждали. Но я никогда не чувствовал себя настолько беззащитным! Никогда!

В неестественно больших зрачках плескалось отчаяние.

– Я носил плакаты «Долой КПСС», я устраивал митинги в поддержку Ельцина, я своими руками строил новую – свободную и демократическую – жизнь... И что же мы построили?

Крылов опустил глаза.

– Вы хотите получить охрану?

Демченко встал.

– Мне она не нужна. Я снимаю свою кандидатуру. Охрана необходима стране, в которой политиками легко становятся бандиты. И если бы только на областном уровне... Сколько можно говорить о коррупции? Наш постоянный временный генеральный прокурор заявил, что, пока нет закона, для него нет и явления. Законопроект внесен полтора года назад. И что же? Государственная дума принимает его, а Совет Федерации отклоняет! Почему им не нужна борьба с коррупцией, как вы думаете?

Когда дверь за посетителем закрылась, Крылов громко выругался, непонятно в чей адрес.

Акцию по поиску пишущей машинки «Москва» Королев залегендировал под проверку санитарного состояния рынка. Каждый торговый участок получил задание срочно подготовить справку о противоэпидемических мероприятиях, проведенных в последнее время. Обязательным условием являлось аккуратное оформление документа.

Чертыхаясь, заведующие секциями корябали нужную бумажку, а потом искали машинку, чтобы ее перепечатать. Секретарю директора, секретарям заведующих павильонами и другим обладателям печатной техники выставлялся щедрый магарыч.

К концу дня Королев получил двадцать семь разномастных справок, исполненных в основном на четырех машинках. Только отчет о безупречном санитарном состоянии участка разделки туш мясного павильона был исполнен на старой, раздолбанной «Москве». Именно той, которую разыскивал РУОП.

* * *

– Я понимаю, что в прошлый раз вы погорячились, – адвокат Хасьянов держался как всегда вежливо и корректно, – поэтому я на вас не в обиде. И вы не должны на меня обижаться.

Он обаятельно улыбнулся.

– Мне лично от вас ничего не нужно. Я просто выполняю свою работу. Не будь меня, на этом месте сидел бы другой юрист. Но говорил бы он то же самое.

– Вы выполняете свою работу, а те, кто хотел меня убить, – свою. Так? Хондачев пытался говорить свободно, с легкой иронией, но, у него это не получалось. Голос был напряженным и нервным.

– Увы!

Адвокат развел руками.

– Мой доверитель пытался приобрести акции у ваших московских учредителей. Но ему не удалось их убедить.

– Он не смогло них добратся, – перебил банкир.

– Не знаю, – Хасьянов выставил ладонь, как бы отгораживаясь от слухов, сплетен и домыслов. – Во всяком случае, мой доверитель видит только один вариант – убедить вас.

Хондачев тяжело вздохнул. Он надеялся, что его оставят в покое, хотя и понимал: когда речь идет о больших деньгах, решения так легко не изменяют.

– Мне поручено передать условия: вы продаете акции и остаетесь председателем правления. Вам будет назначен заместитель. Моральные издержки компенсируются суммой в десять тысяч долларов.

Адвокат сделал паузу...

– Что вы на это скажете?

Хондачев привстал, дотянулся до массивного серебряного портсигара, закурил.

– А когда я погибну в автомобильной катастрофе или отравлюсь газом, мой заместитель автоматически возглавит банк? Это все уже было, причем много раз. Меняется персонал, охрана, номинальный председатель становится марионеткой, а если проявляет строптивость, то умирает.

– Люди умирают по разным причинам, а часто и вообще без причин. Зачем обсуждать столь мрачную тему? Вернемся к покупке акций. Каков ваш ответ?

Хондачев затаился, задумчиво выпустил дым через ноздри, стряхнул пепел.

Разорение, унижение и смерть – вот что ему предлагалось. Или просто смерть. Небogatый выбор.

– Я должен подумать.

– Прекрасно. Неделя вас устроит?

Банкир молчал.

– В случае положительного решения вы мне позвоните, – адвокат положил на черную кожаную поверхность стола визитную карточку.

– Если в течение недели звонка не последует, значит, ответ отрицательный.

Хасьянов встал.

– Впрочем, я накину еще день на возможную занятость или забывчивость. В знак искренней расположенности и симпатии.

Он улыбнулся.

– До свидания. Жду вашего звонка.

Дверь мягко захлопнулась.

Через несколько минут появился начальник службы безопасности «Золотого круга» Байков – плотный, состоящий из одних мышц отставник МВД.

– Сейчас проверим запись... Он отмотал пленку замаскированного магнитофона, включил звук.

– Во всяком случае, мой доверитель видит только один вариант – убедить вас... Голос Хасьянова звучал громко и спокойно.

Хондачев подумал, что адвокат предусматривал возможность тайной записи.

– Отличное качество! – порадовался Байков.

– И что она нам дает?

– Придумаем, как использовать...

Глядя на суетящегося крепыша, Хондачев пришел к выводу, что имитацией активности тот прикрывает растерянность и беспомощность.

– Я приготовил для вас отличный бронежилет! Под пиджаком совсем незаметно.

- А если в голову? Или в шею?
Банкир потрогал небольшую марлевую нащепку на почти зажившей ране.
– Ну... Да мы их просто не подпустим!
– Понятно... Вам что-нибудь говорит фамилия Коренев?
– А как же! Вот это волкодав! Только его упаковали на шесть лет.
– Недавно я разговаривал с председателем облсуда – приговор отменили. Со дня на день Коренев вернется в Тиходонск. Сразу же пригласите его ко мне. В любое время. Вы меня поняли?
– Понял, – обескураженно ответил Байков.

* * *

Лиса никто не встречал на скоростных автомобилях, к тому же спецколония находилась на другом конце страны. Почти трое суток он трясся в разболтанных плацкартных вагонах и наконец, изжеванный и усталый, вывалился на знакомый перрон.

В активе у него имелся отмененный приговор, справка об освобождении, пятнадцать тысяч рублей и клеенчатая сумка с жалким скарбом выпущенного ээка. В пассиве – отсутствие паспорта, работы и постоянного места жительства. Выслуженная десятью годами розыска и задержания преступников малогабаритная квартира утеряна безвозвратно. «Лицо, осужденное к лишению свободы на срок свыше трех лет, утрачивает право на жилую площадь»,

– гласит закон еще советских времен. Кому объяснять про судебную ошибку и отмененный приговор? У кого просить квартиру? Сейчас никто не слушает просьб. Слушают только деньги. И оружие. ПМ закопан в надежном месте, там же два поддельных паспорта. Но с этого начинать не хотелось.

На троллейбусе Лис доехал до центра и машинально забрел в родной райотдел. Дежурный оказался незнакомым, видно, из новых, начальника на месте не оказалось, и он зашел к Савушкину.

– Здорово! – Зам по оперработе крепко пожал ему руку. Также, как подполковник Жистовский при прощании. Но тому можно было этим и отделаться, прибавив доброе напутствие, а здесь с рукопожатия все только начиналось.

– Слышал, слышал, – с преувеличенным оживлением начал Савушкин. – Жаль, дело не прекратили, чтобы было полное оправдание...

– Прекратят, куда денутся, – равнодушно отозвался Лис. – А что с моей квартирой?

– Да, тут накладка!

Замнач сокрушенно махнул рукой.

– Ты, наверное, не знаешь, Диму Котова убили... Его жене с детьми и отдали.

– Щедро. Как же они разместились втроем в пятнадцати метрах?

– Кто же знал, что так получится, – пропустив реплику мимо ушей, продолжал сокрушаться Савушкин.

Лис понял, что никакой помощи здесь не получит.

– А я недавно говорил Симакову: взял бы Коренева на службу. Мы как раз одно убийство раскрывали...

– Возьмите.

– Что? А... Надо дождаться конца доследования. Формальность, конечно, но никуда не денешься...

Сунувшись в несколько кабинетов уголовного розыска, Лис нашел Реутова. Тот обрадовался по-настоящему, накормил обедом в пельменной по соседству и рассказал все последние новости.

– Тебе есть где жить? – спросил он напоследок.

– Есть, – ответил Лис с гораздо большей уверенностью, чем испытывал на самом деле.

Он не стал звонить Натахе, хотя в былые времена никогда не приходил без предупреждения – мало ли какие случаются ситуации, зачем усложнять жизнь себе и другим... Она обладала мягким характером и, по ее собственным словам, «не умела отказывать». Когда покоробленный Лис заострил вопрос, Натаха пояснила, что на сексуальную сферу это не

распространяется. Пояснение выглядело неубедительно, тем более Лис хорошо знал: человеческие слабости не имеют выборочности. Если баба привлекательна, живет одна и «не умеет отказывать», в ее квартире то и дело будут появляться временные постояльцы. Охотников ох как много! Поэтому, собираясь к подруге, Лис предварительно звонил: выезжаю, скоро буду... И обходилось без сюрпризов.

Но сейчас он просто побоялся набрать знакомый номер.

Что сказать? «Я приехал – без денег, без работы, без вещей, без ночлега. Ты меня пригонишь?!» Жалкий униженный лепет. Лучше заявиться самому, на месте видней.

В высокий подъезд старого пятиэтажного дома Лис входил с таким чувством, которое появлялось у него при возможности нарваться на выстрелы. Тогда он выключал предохранитель и ловчее ухватывал теплую рифленую пластмассу. Сейчас просто быстро взбежал на четвертый этаж, нажал кнопку установленного им когда-то звонка, машинально шагнул в сторону и тут же вернулся на место, чтобы полностью попадать в обзор сферического, тоже купленного им глазка.

На площадку выходили три квартиры, кафельный пол чисто подметен, поэтому он разглядел у Натахиных дверей несколько маленьких серых комочков. Пепел? Похоже. Вообще-то она никого не выставляла курить за дверь... Лис позвонил еще раз. Потом еще.

Ему казалось, что в квартире происходит какое-то движение, но воспринимал он его не слухом, а обострившимся шестым чувством, как в минуты опасности. Тот, кто двигался, старался не производить шума.

«Не откроет», – подумал Лис и ошибся.

Щелкнул замок, лязгнула цепочка, и Натаха выскользнула на площадку, прикрыв за собой дверь.

– Здравствуй, – полурадостно-полурастерянно произнесла она. – Тебя выпустили?

– Как видишь.

– Ой как здорово! Значит, у тебя все хорошо?

– Отлично.

– Я очень рада.

– Я тоже.

Наступила неизбежная пауза. Глаза Натахи бегали из стороны в сторону. Близнец искал, за что зацепиться, чтобы продолжить безобидный, ни к чему не обязывающий разговор. Но зацепиться было не за что. Накатывала неприятная тема.

– Ты не одна?

Натаха с интересом разглядывала старый стенной шкаф, наполовину перекрывающий подход к нише окна.

– Я же не знала, что ты приедешь... И ты не позвонил... Из неплотно прикрытой двери несся запах жареной картошки.

– Совместное проживание с общим ведением хозяйства?

– Мне же нужна помощь! Или ты считаешь, что я всю жизнь должна мыкаться одна?!

Натаха попыталась перейти в атаку. Голос у нее был обиженный.

– Нашла хорошего помощника? Жарит картошку, курить выходит на лестницу?

Второй Близнец улыбнулся.

– Картошку жарю я. А курить действительно... Как: ты узнал?

Но Лис не был настроен обсуждать нейтральные темы.

– Почему долго не открывала? Вы трахались?

Девять женщин из десяти в подобной ситуации Послали бы его на хер. Но Натаха отличалась слабым характером. К тому же второму Близнецу стало стыдно.

– Ты что?!

Беспокойные глаза округлились в неискреннем возмущении.

– Как ты мог такое подумать?

Лис усмехнулся.

– Действительно...

Ладонью он провел по телу Натахи сверху донизу, Под тонким шелком халата колыхнулись слегка отвисающие груди с твердыми возбужденными сосками. Это ничего не означало: дома она всегда ходила без лифчика. Зато на линии бедер выступала резинка трусиков,

опровергающая его предположение. Нахождение в зоне сказывалось: рука Лиса помимо его воли задержалась на лобке, потом скользнула под халат, оттянула резинку и вцепилась в пышные волосы.

Второй Близнец крутнул головой, рассматривая то негорящую лампочку напротив двери, то выключатель, и Лис подумал, что следующий вопрос будет связан с электричеством. Опережая его, рука резко нырнула еще ниже.

– Туда нельзя...

Он уже и сам это понял. Но разве обычная женская физиология – препятствие для вчерашнего зэка!

– Плевать!

Голос был хриплым.

– Не туда...

Второе возражение еще больше походило на обещание. Какой-то из Близнецов заглянул за шкаф. Когда-то, еще при жизни бабушки Марьи, им приходилось заниматься сексом в небольшом закутке, набитом макулатурой и всяким хламом.

Лис протиснулся в щель, Натаха нырнула следом. Здесь было тесно, узкое длинное окно фокусировало их фигуры от середины бедер и выше. Впрочем, Натаху это, никогда не смущало.

– Только я не могу долго... Несмотря на тесноту, она ухитрилась присесть на корточках.

– Ладно, – по-прежнему хрипло сказал Лис.

Он вдруг вспомнил, что давно не мылся, и ощутил неловкость. Но Натаха не обращала внимания на нюансы.

Лис не соврал. Натаха освободилась через пять минут.

– Ты мне позвонишь? – спросила она, поправляя халат.

– Посмотрим.

Вместо умиротворения Лис почему-то испытывал крайнее раздражение.

– Дочь по-прежнему у родителей?

– Да... Там же море, воздух другой. Ей полезней...

– Мое ружье цело? И форма?

– Конечно. Можешь забрать в любой момент.

– И то хорошо.

Лис замешкался, обдумывая, что следует сказать напоследок. Ничего подходящего в голову не приходило.

– У твоего... э-э-э приятеля есть еще одно достоинство.

– Какое?

– Он нелюбопытен.

– Точно... Как ты узнал?

– Пока!

– Пока...

Лис расслабленно затарахтел вниз по широкой лестнице. В конце концов, ему не за что обижаться на Натаху. Она сделала для него все, что могла. Лис выскочил на улицу, навстречу бездомному ночлегу.

Смеркалось, на тротуаре было тесно: тиходонцы возвращались с работы, делали покупки, чтобы до темноты уедете запереться в квартирах. Лис остановился, его со всех сторон толкали: с шипением, бурчанием, недовольным бормотанием, а то и открытой бранью. Чувствовалось, что люди устали и до предела озлоблены.

Коренному тиходонцу Лису это было привычно. Он даже не отвлекался на подобные мелочи, тем более что его занимала важная проблема: где провести сегодняшнюю ночь. А также неопределенное число последующих.

Ночлег на вокзале исключался – там собирается уголовный элемент, а бедственное положение бывшего мента неизбежно послужит приглашением свести старые счеты. На гостиницу нет денег. Родственники живут в Питере и Хабаровске – далековато, да и отношения не настолько тесные, чтобы они с радостью приютили вчерашнего зэка. Реутов хоть и приглашал, но у него двадцать восемь метров на четверых. Леший?

Лис удивился пришедшей мысли. Он чувствовал, что тот привязан к курирующему офицеру, и сам испытывал симпатию к агенту, выделяя его из серой массы платных и бескорыстных информаторов. Но не до такой же степени, чтобы вспомнить его среди друзей, у которых можно переночевать! И тем не менее вспомнил... Конечно, соваться к Лешему нельзя – пришьют обоим. Но встретиться с ним надо в самое ближайшее время.

Так и не найдя приемлемого решения, Лис выключил тормоза и позволил плотной толпе прохожих, знающих куда идут, увлечь себя, будто он тоже знал конечную точку своего маршрута. Вдруг он остро позавидовал людям, которых гдето ждут. Как ни замедляй шаги, все равно куда-то придешь. Куда?

Бездомный, неприкаянный, никому не нужный Лис еле переставлял ноги. Вдруг из притеревшейся к бордюру «девятки» его окликнули. Через приспущенное зеркальное стекло смотрел бывший сотрудник УВД Байков. Они никогда не дружили, близко не сходились, водку вместе не пили, в засадах не сидели. Но сейчас он приветливо улыбался и махал рукой.

– Садись в машину, Филипп, есть дело!

– На сто миллионов? – саркастически спросил Лис.

– Может, чуть поменьше, – деловито сказал Байков и перестал улыбаться. – А может, и на сто!

Чуть замешкавшись, Лис шагнул к машине.

* * *

В двухкомнатном полулюксе гостиницы «Аксинья» – лучшей в городе, тихо играла музыка, легкий ветерок шевелил кремовые шторы и приятно оведал разгоряченное лицо майора Малинкина. Сейчас, правда, ничего майорского в нем не было: обычный голый мужик, развалившийся в глубоком, кресле с наполовину наполненным коньяком тонким стаканом.

Тело забросившего тренировки спортсмена еще покрывал пот и сердце продолжало учащенно колотиться, как несколько минут назад, когда на широкой упругой постели Малинкин добросовестно трудился над раскинувшейся в сладостной неге манекенщицей Таяй Попцовой – Может быть, эта способность беззаветно отдаваться партнеру и привлекала к ней так сильно майора.

В несколько глотков он осушил стакан, не торопясь закурил, снова налил из длинной, конической формы бутылки ароматную янтарную жидкость. Коньяк «Метакса» стоил в коммерческих киосках тридцать две тысячи и, что немаловажно, его покупала Тая. Конечно, на деньги Гарегина Петросова, но об этом Малинкин, естественно, не знал. Как не догадывался и о своей истинной роли в бурном романе с очаровательной манекенщицей.

Самое интересное, что майор попал в историю, о которой его и его коллег неоднократно предупреждали особисты в ходе ежемесячных занятий по повышению бдительности и еще более многочисленных индивидуальных беседах. Но то ли серость и формализм этих бесед, то ли неспособность примерять критическую ситуацию на себя, то ли завышенная самооценка Малинкина не позволили ему заподозрить подвоха во внезапной, страстной и щедрой любви молодой красивой женщины. В поучительных примерах контрразведчиков растяпа и болтун всегда плохо кончал. Привыкшие, делать скидку на пропагандистский эффект, слушатели мало верили в столь наглядную закономерность. Но сегодня Малинкину предстояло убедиться, что как раз в его случае она сработает. Сработает неотвратно и жестоко.

Он успел сделать еще несколько глотков и почти допил очередной стакан, когда из ванной выпорхнула освеженная Тая. На покатых плечах и упругих шарах груди блестели капли воды, бедра она обернула полотенцем, которое, впрочем, почти сразу отшвырнула в сторону. Необычно оформленный лобок – неширокая вертикальная полоска волос вместо треугольника, – как всегда, приковал взгляд майора. Тая поощрительно улыбалась, обнажая крепкие ровные зубы.

– Я уже закончила свои дела, Олежек, – капризно проговорила она, подходя вплотную. – И торчу здесь только ради тебя. Когда же мы вернемся в Москву?

– Скорей всего дня через три, – майор протянул руку, но девушка, дразнясь, отскочила.
– Ты все время так говоришь. Видно, приглядел бабу из местных. – Тая обиженно отвернулась и нагнулась за полотенцем, давая возможность партнеру рассмотреть обычно скрытую часть тела.

– Где ты сегодня был целый день? Я звонила в гостиницу... Майор сделал последний глоток.

– Ездили на военный аэродром. За город, километров семь. Обнюхивали все вокруг. Иди ко мне...

– Ты сказал – будешь в гостинице! – Тая отошла подальше и присела на краешек стола, болтая босой ногой.

– На сегодня не было работы. Но вдруг приказ – готовить военный аэродром. Я же тебе говорил: мы ждем важных людей. Очень важных. Скоро сама увидишь. Иди ко мне!

– Когда ждут важных людей, все готовят заранее, а не в последнюю минуту. Ты просто придумал причину...

Тая плотно обернулась полотенцем, будто не намеревалась никогда больше его сбрасывать.

– Дело секретное, заранее ничего не сообщают. Утром объявили – и вперед!

Внезапное объявление на оперативном совещании группы «Зэт» делалось специально для майора Малинкина. Точнее, для агента Петросова Попцовой, а в конечном счете для самого резидента Информационного бюро АНА. Передав информацию, майор выполнил отведенную ему функцию. То, чем он еще два часа занимался в полулюксе «Аксиньи», не имело значения.

У выхода из гостиницы майора ожидал плечистый человек в официальном костюме, галстук, со строгим выражением лица.

– Товарищ Малинкин? – Холодные глаза пронизывали майора насквозь. – Вас ждет полковник Гревцов. Прошу в машину!

Полковник Гревцов являлся его непосредственным начальником.

«Влип!» – подумал майор. Хмель и приятная истома мгновенно исчезли. На смену им пришел страх.

«Особисты выследили... Может, записали на пленку... Если Гревцов прилетел специально из-за меня, дело плохо... Неужели трибунал?!»

– Прошу в машину! – повторил человек с характерной для контрразведчика внешностью.

В черной «волге» ожидали еще двое, похожие на него, как близнецы. Взревел двигатель. «Форсированный», – определил Малинкин, зажатый между чугунными телами сопровождающих.

– Ну что, предатель, допрыгался? – с ненавистью спросил тот, что сидел слева.

– Неужели трибунал? – с трудом выдавил майор.

– Зачем? – сидящий справа мрачно усмехнулся. – Ведь с тобой и так все ясно. Чего еще рассусоливать?

Машина быстро набирала скорость.

Через час труп майора Малинкина обнаружили на Магистральном проспекте. Очевидцы пояснили, что его сбила машина, номера которой никто не запомнил.

– Место такое, – устало пояснил гаишник поднятому по тревоге Финикову. – Светофора нет, подземного перехода нет, а ждать они не хотят... Особенно когда пьяные... Восьмой случай с начала года.

Представитель Главного управления охраны в случайности не верил. Из всей группы обеспечения плана «Зэт» он один знал, что план отменен и ведется его имитация с целью отслеживания враждебных сил, готовящих покушение на Первое лицо государства. И смерть одного из членов группы обеспечения являлась, несомненно, проявлением их деятельности.

Считающий себя самым осведомленным о проводимых в Тиходонске оперативно-профилактических мероприятиях, Фиников ничего не знал о специальном подразделении «Тантал» и не подозревал, что «очевидцы» несчастного случая являются его сотрудниками. Не догадывался майор и о том, что Малинкин погиб совсем в другом месте и при других

обстоятельствах, а тело специально выбросили в аварийно-опасном месте города. Поэтому он тщательно расспросил «очевидцев» о наезде, до мельчайших подробностей вызнал приемы якобы сбившей Малинкина машины.

В Тиходонске ввели милицейскую операцию «Перехват» и контрразведывательную «Поиск». Милиция и ФСК сбивались с ног в поисках не существующей в природе автомашины. Повышенный режим безопасности, установленный планом «Зэт», еще больше ужесточился.

По экранированной высокочастотной связи УФСК майор Фиников соединился со своим шефом – начальником ГУО генералом Корниловым, коротко доложил обстановку.

– Высылаю В твое распоряжение группу «Ад», – после небольшой паузы сказал генерал. – Поставь на уши этот городишко, но получи результат! Сам получи, своими силами, это очень важно! Ты меня понял?

– Понял, товарищ генерал, – отозвался Фиников.

Он работал в службе двадцать один год и потому хорошо понимал своего начальника. Почти все эти годы охрана высшего руководства страны осуществлялась Девятым управлением КГБ СССР. В эпоху единоначалия и единомыслия такая схема всех устраивала. Но после августа девяносто первого монолит КГБ развалили на отдельные глыбы, и несколько обновленная «девятка» превратилась в Главное управление охраны Российской Федерации.

Поскольку на смену диктатуре «направляющей и руководящей силы» пришла разнuzданная вседозволенность криминальной анархии, физическая защита стала необходимой основой деятельности любых государственных и негосударственных органов и учреждений, которые хотели сохранить независимость от внешних давлений. А тот, кто командовал охраной, получал возможность при отсутствии нужных аргументов просто-напросто прихлопнуть оппонентов.

Когда разногласия между Президентом и Верховным Советом только начали (обозначаться). Председатель ВС образовал собственный Департамент охраны. Так и существовали параллельно ГУО, подчиняющееся Президенту, и ДО – руководимый Председателем Верховного Совета.

Расхождения между ветвями власти обострялись, и соответственно, каждая наращивала мускулы, на случай если политические столкновения выльются в прямую схватку. Штаты ГУО и ДО росли, структура усложнялась.

Силы конкурирующих охранных служб были примерно равны, и когда в октябре девяносто третьего раздались выстрелы, не они решили исход боевых действий... Выведенные на прямую наводку танки определили судьбу Верховного Совета, а следовательно, и его силовой «крыши». Департамент охраны перестал существовать, путь в ГУО его сотрудникам был заказан: обеспечение безопасности высшего руководства – дело не только ответственное, но и тонкое, здесь очень ценятся лояльность и преданность.

Поэтому бывшие сотрудники ДО занялись охраной банкиров, коммерсантов, скоробогачей и бандитов, нисколько не проиграв в оплате по сравнению с теми временами, когда охраняли депутатов.

А Главк охраны стал монополистом в деле физической защиты особо важных персон. Развиваясь по непреложным бюрократическим законам любых российских ведомств, он увеличивал численность персонала, расширял круг поставленных задач, присваивал новые функции, обособлялся от смежных силовых структур, без взаимодействия с которыми ранее не мог успешно работать.

Генерал Коржов прекрасно понимал: чем мощнее и могущественнее ведомство, тем больше политический вес и государственный авторитет его руководителя. А поскольку генерал начинал службу с личного телохранителя Президента еще в те времена, когда тот не был Президентом, и суть его работы состояла в сохранении самого дорогого, что есть у Первого лица – жизни и власти, то все начинания находили заинтересованную поддержку.

Чтобы не зависеть от информационного обеспечения со стороны ФСК и МВД, Главное управление охраны получило право ведения оперативно-розыскной работы, обзавелось оперативным отделом и собственной сетью осведомителей. Для возможности самостоятельной ликвидации диверсионно-террористических групп ГУО создало собственное спецподразделение – группу активных действий (кодовое наименование «Ац»), костяк которой

составили специалисты знаменитой «Альфы». В ближайшие планы Коржова входило приобретение собственных войск, для начала – оперативного полка с бронетехникой, легкой артиллерией, авиационной и вертолетной эскадрильями.

Но для того чтобы и в дальнейшем получать поддержку Президента, следовало оправдать свое существование акцией, доказывающей, что ГУО способно работать более эффективно, чем ФСК и МВД вместе взятые.

В свою очередь, руководители ФСК и МВД, которым, естественно, не нравилось появление конкурента, стремились наглядно продемонстрировать, что именно их ведомства надежно охраняют общественный порядок, безопасность государства и его руководителя.

Успешный розыгрыш «Тиходонской карты» позволял победителю реализовать свои планы.

– Я понял, товарищ генерал, – повторил майор Фиников. – Получу результат своими силами!

Коржов отключился, и Фиников, медленно положив трубку аппарата ВЧ, вышел из узла связи.

– Можно заходить?

В коридоре ждали окончания конфиденциального разговора связисты УФСК. Фиников кивнул. Мыслями он находился на маршруте следования рези-

дентской машины. То, что в ней должен ехать двойник, никакого значения не имело.

Аэродром ВВС находился с восточной стороны Тиходонска, как и гражданский. Его задействовали в операцию по очень простой причине: легче заблокировать расположенный в степи военный объект, чем окруженный жилыми домами и кишачий людьми городской аэропорт. Значит, легче скрыть, что высокие договаривающиеся стороны в Тиходонск не придут. Уже в воздухе Алиев и Петросян получают радиogramмы об изменении места переговоров. А в нужное время приземлятся якобы их самолеты с соответствующей раскраской и бортовыми номерами, так что наблюдающий издала в бинокль «глаз» террористов убедится: все идет по плану. Отсутствие особой торжественности приема вполне объяснимо, кортеж набитых сотрудниками УФСК автомобилей промчится через город к строго охраняемым загородным резиденциям – и все.

А через несколько часов придет личный борт Президента России с двойником, и тут уж будет помпезная встреча, толпы ликующего народ, открытый лимузин, вскинутая в приветствии рука главы государства. Словом, ловля на живца.

Покушения добавляют популярности политикам и способны даже реанимировать угасшую всенародную любовь. А расследование заговора неминуемо переключает внимание населения с экономических трудностей на политику: а какие это сволочи нам жить мешают? Раз есть враги, значит, все жизненные проблемы – их рук дело, так отрубим им поганые головы!

Но такого результата можно достичь лишь в случае, если он, Фиников, не сплхует, проведет операцию с ювелирной точностью!

Потому с мыслями о маршруте кортежа майор государственной охраны добрался до масштабной схемы Тиходонска, на которую была нанесена тонкая красная линия.

Ближний радиус охраны – десять метров. Он полностью входит в зону оперативной ответственности ГУО. Визуальный контроль с первой машины, детекторный поиск оружия и взрывчатки со второй, визуальный контроль личными телохранителями, следующими в президентском автомобиле. Кроме того, в ближнем радиусе действуют сотрудники МВД, ФСК и военнослужащие в штатском.

Средний радиус от десяти до пятидесяти метров. Здесь выставляются стационарные посты государственной охраны на господствующих точках, проводят поисково-профилактические мероприятия МВД и ФСК, осуществляют контроль сотрудники «Альфы» и местных спецподразделений.

И, наконец, дальний радиус – от пятидесяти до трехсот метров. Снайперы ГУО и местных спецподразделений контролируют господствующие точки, а МВД ведет общерейдовую работу и «закрывает» удобные для возможного покушения места.

Фиников хорошо знал, что так гладко организация охраны выглядит только на бумаге. Продолжительность красной линии на реальных улицах и магистралях составляла двадцать

километров. Поэтому создать достаточную плотность сотрудников с трудом удастся лишь в ближнем круге охраны, который, впрочем, является самым опасным. Более-менее прикрыт и средний круг. В дальнем же контроль резко падает по мере удаления. На рубеже двухсот пятидесяти метров он практически заканчивается. Правда, и вероятность прицельного выстрела с такой дистанции приближается к нулю. А с трехсот метров вообще никто не стреляет.

На этом последнем убеждении и строился расчет Мастера. Он собирался стрелять с пятисот метров. Точнее, с четырехсот восьмидесяти. Именно столько должна была пролететь пуля, выпущенная с шестнадцатого этажа недостроенной «свечки» – несостоявшегося здания обкома КПСС. Когда партия потеряла власть, финансирование немедленно прекратилось и жизнь на стройке замерла. Три года железобетонный каркас ожидал нового хозяина, но Мастер присмотрел его для своих целей раньше, чем кто-либо другой.

Стоя на краю бетонной площадки, киллер рассматривал в раздвижную подзорную трубу открывающийся участок трассы. Кортёж вынырнет из-за желтой пятиэтажки, сто – сто пятьдесят метров будет двигаться в зоне видимости и скроется за стеклянным кубом городской библиотеки. Если заранее занять позицию, то вполне успеешь сделать один-два прицельных выстрела. Промахнуться он не боялся. За промахи ответит Свистун. За попадание тоже ответит Свистун. Точнее, то, что от него останется.

Куда больше Мастера волновало отступление. В его распоряжении будет не больше пяти минут, чтобы исчезнуть из мгновенно оцепленного района. Сегодня он хотел провести генеральную репетицию.

Поверх обычной одежды он надел черный комбинезон, затянул замки широкого пояса монтажника-верхолаза. Взглянул на часы, глубоко вздохнул и включил кнопку хронометра, перенесясь в будущее – следующий миг после выстрелов.

Винтовку бросить вниз, самому – к шахте лифта, тонкий стальной трос натянут и надежно закреплен заранее, защелкнуть механизм спускного устройства, оттолкнуться ногами и скользить вниз, регулируя скорость тормозным рычагом...

Дыхание перехватило, Мастер нажал рычаг, но тут же отпустил и, стремительно преодолев шестнадцать пролетов, застопорил тормозной механизм. Падение прекратилось, он повис в воздухе. Рано! До дна шахты четыре метра. Он вновь ослабил рычаг и плавно соскользнул на мокрый бетонный пол.

Пахло плесенью и сыростью, Мастер спешно расстегнул пояс и побежал в темноту. «Взять фонарь», – мелькнула озабоченная мысль. Но нужный ему участок освещался из расположенного сверху окошка. Крышка люка сдвинута настолько, чтобы он свободно пролез в серповидную щель. Уперевшись двумя руками, он поставил крышку на место, по железным скобам спустился вниз, достигнув сухого бетонного желоба огромной канализационной трубы. Желоб заметно уходил вниз.

Пощупав справа от лестницы, Мастер нашел фонарь, зашарил желтым лучом по серому бетону. Почти сразу световое пятно выхватило поставленную «на попа» самодельную тележку на четырех колесах от детского велосипеда. Переведя ее в рабочее положение, Мастер лег на струганые доски ногами вперед, пристегнулся ремнем и несколько раз оттолкнулся руками от шершавого бетона. Тележка покатила вперед, набирая ход. Как в бобслее, только вместо гладкого ледяного – ноздреватый бетонный желоб, да скорость поменьше, да нет поворотов и виражей.

Все коммунальные службы строящегося обкома были спроектированы автономно. Собственный канализационный коллектор выходил прямо в Дон. Его длина составляла восемьсот метров.

Лежа на спине, Мастер смотрел вверх. В нескольких метрах на поверхности стягивали кольцо двуногие охотничьи псы, наглухо запирая обреченную дичь. Но дичь уходила прямо под ними! И додуматься до такого никто из охотников не мог!

Тележка раскачивалась. Он поднял голову, чтобы заблаговременно увидеть круглое светлое пятно выхода. «Может, они не такие и дураки? У них наверняка есть схемы всех подземных коммуникаций, что стоит их блокировать!» Мысль была неприятной, но маловероятной: Какой смысл перекрывать канализационный коллектор, лежащий далеко в стороне от маршрута охраняемого объекта?

Впереди забрезжил свет. Мастер нажал ручки велосипедных тормозов, тележка замедлила скорость, прокатилась по инерции и остановилась в десятке метров от конца трубы. Мастер сбросил комбинезон, шурясь на солнце, выглянул наружу. В метре под ним зеркально отсверкивала поверхность воды, по фарватеру гордо неслась «Ракета», а совсем рядом Крол с моторки «ловил рыбу». Увидев шефа, он включил двигатель и подошел к срезу трубы. Оперевшись о бетон, Мастер легко спрыгнул в лодку.

– Пошел!

Двигатель взревел во всю мощь. Описывая широкий полукруг, моторка прочертила пенистый след, уходя к противоположному берегу. Мастер перевел дух и взглянул на часы. С момента условного выстрела прошло три с половиной минуты. Пока только стягивается кольцо вокруг недостроенной «свечки». Сумятица, никто ничего не знает, в эфире мат и невразумительные, исключаящие друг друга команды. Общегородскую тревогу объявят через пять-семь минут. Город «закроют» минут через десять-пятнадцать. Но все это его не касается.

Контрольно-пропускной пост ГАИ расположен сразу за мостом, он его уже миновал. Машина ждет, деньги в багажнике – и беспрепятственный выезд на южную трассу... Глядя на приближающийся берег. Мастер полной грудью вдохнул речной воздух.

– Как тележка, шеф? – раздался сзади голос Крола.

В сознании щелкнуло. Мастер вернулся из будущего. Испытанное на миг облегчение улетучилось, сменяясь свинцово давящим напряжением ожидания. Ничего не сделано, и спокойно раскинувшийся свободный берег тоже только репетиция! А во время премьеры его могут встретить пятнистые комбинезоны спецназа. И неизвестно, как удастся обойтись с Керимом... И Вист с Кролом...

– Хорошо тормозит-то? Я ведь когда-то велогонками занимался, в тормозах разбираюсь!

– Все нормально, – нехотя отозвался Мастер. – Где пистолет?

– В машине.

– Держи при себе. Когда сяду в лодку – отдашь.

– Да зачем он нам? Только риску больше. И взрывчатку зачем катаем? Тряхнет – костей не соберем...

– Когда за деньгами поедem, и пушка, и аммонал пригодятся. А если внутрь не полезешь, то не взорвется. Так что не бойся!

В зеленой коробке с черепом, костями и надписью «Аммонал» как раз и будут находиться деньги. Но Крол и Вист этого не знают. Так спокойней – миллион долларов свернет мозги самым преданным компаньонам. А взрывчатки они боятся, особо любопытничать не станут...

– А за деньгами далеко ехать? – не успокаивался Крол. Видно, даже он нервничал.

– Не очень, – неохотно буркнул Мастер.

– Сколько километров? Десять, двадцать?

– Ты заткнешься сегодня?!

Мастер собирался застрелить соучастников прямо у машины. Рядом проходит глубокая траншея – тянут теплотрассу к базам отдыха, туда он сбросит трупы. Вопросы Крола только злили его...

– Что ты бубнишь, как попугай? Видишь, я устал, думаю. За тебя, кстати, думаю!

– Спросить нельзя?

– Пятнадцать километров. Доволен?

Напарник обиженно молчал.

Лодка уткнулась носом в песок. Из-за кустов вышел Вист и помахал рукой.

– Хвоста не было? – поинтересовался Мастер.

– Нет, я проверял.

Мастер сказал Кериму, что сегодня генеральная репетиция и незачем посвящать всех в подробности операции. Тот согласился и снял наблюдение. В день покушения он не будет таким покладистым. Интересно, он предполагает, что Мастер попытается опередить его? По внешнему виду не скажешь – жмет руку, улыбается... Но улыбки мало чего стоят. Может и пулю в спину засадить с улыбкой. Если, конечно, Мастер повернется спиной.

– Как репетиция, шеф? – широко улыбаясь, спросил Вист. Он, дурачок, уже видел себя хозяином особняка на Кипре.

– Отлично!

Киллер похлопал сообщника по плечу.

– Вот только Крол чего-то кукуется... Мастер рассмеялся.

– Придется ему прописать от скуки хорошую выпивку. Конечно, за мой счет.

Он обнял Крола и зашептал в ухо:

– Если хочешь, и девочек оплачу. Только Висту не говори, а то он меня разорит!

Крол наконец улыбнулся.

– Вот так-то лучше. Поставишь лодку – и на стройку. Тележку, пояс, комбинезон – на места. Еще один фонарь под трос в лифтовой шахте.

Машина рванула с места, моторка начала чертить обратный путь к правому берегу, на котором раскинулся Тиходонск – точка проведения важного политического плана «Зэт».

* * *

– Мы даже сделали магнитосъемку с вертолета, – сообщил длинноволосый бородастый, завернутый в простыню мужик, морщась и цепляя вилкой скользкий маринованный гриб. – Никакой разницы между Степногорском и Тиходонском нет. Значит, надо искать другие факторы...

– Точно, – подтвердил второй уполномоченный специальной группы по изучению тиходонского феномена – тридцатилетний упитанный парень, сменивший неизменные джинсы и кроссовки на универсальный банный наряд – белую, в мокрых разводах простыню. – Демографические, экономические, географические и физические параметры не объясняют природы феномена.

У экспертов заканчивалась командировка, и руоповцы, как водится, организовали сауну с выпивкой и закуской.

– Хотите, я вам объясню? – Крылов разлил водку, положил на тарелку соленый огурец и несколько кружков колбасы. – У нас устойчиво сильная воровская община. Зоны влияния давно поделены, каждый знает – кому, сколько, когда платить...

– И что? – Длинноволосый потянулся к стакану.

– Отсюда стабильность, – продолжил Крылов. – А Степногорск город молодой, там этой ясности нет. Подросли молодые, налетели залетные, вернулись после отсидки те, кто постарше. Каждый хочет урвать свое, каждый хватается куски пожирней. Вот и идет борьба: того застрелили, этого взорвали, теперь этого застрелили, а того взорвали. Вот и весь феномен!

– Давайте выпьем за гостей, пожелаем им успехов и пригласим возвращаться на донскую землю, где всегда рады друзьям. – Нырков поднял тост, его поддержали, звякнули стаканы.

Несколько минут за столом царил тишина – все сосредоточенно разбирали огромного икрыного цимлянского чебака, откладывая на краешек тарелки большие реберные кости – острые и упругие, как турецкие сабли. Гусаров из десятилитровой пластиковой канистры разливал густое «лагерное» пиво.

– Тогда почему бы вам не переселить несколько своих «авторитетов» в Степногорск? Пусть наведут там порядок, – сказал длинноволосый.

– Раньше так и было, – кивнул Нырков. – Один солидный вор «держал» город. Но времена изменились. Сейчас и нашим на пятки наступают. Вот-вот такая кутерьма начнется, что Степногорск покажется детским садом!

Крылов молча грыз соленую, янтарной прозрачности мякоть, каждый ломтик которой требовал добавить кусочек разваристой картошечки, слоистый кружок не очень злого лука, веточку свежей, с живым ароматом зелени и глоток другой пива. Все эти компоненты традиционного донского стола присутствовали в изобилии, потому дискуссия продолжения не получила.

Когда с закусками покончили и первый голод был утолен, эксперты с Гусаровым отправились в парную, а Королев вышел разжигать мангал.

Крылов с Нырковым остались наедине.

Колорадский Жук допил очередной стакан пива и тоже поднялся.

– Дело есть, Василий Михайлович, – сказал Крылов, и полковник опустил на место.

– Мы нашли машинку, на которой отпечатаны угрозы Хондачеву и Демченко.

– Кому? – не понял, начальник РУОП.

– Кандидату в депутаты, сопернику Воронцова...

– А-а-а... Чья она?

– Вроде ничья. Приблудилась к секции разделки туш мясного павильона. У Королева там есть человек, он сказал – на ней печатали дважды. Бывший начальник безопасности, помните Толстяка?

Нырков кивнул.

– Тыкал одним пальцем, ругался, говорил – шеф из него скоро машинистку сделает.

– Так, так...

– Второй раз совсем недавно, Воронцов прислал секретаршу, она унесла машинку, а через час вернула. Причем у нее в приемной стоит электрическая «Оптима».

Нырков вздохнул, налил еще пива, крепкими пальцами вырвал из чебака кусок вязкой желтовато-красной икры.

– Вижу, у тебя есть предложения?

Крылов кивнул.

– Реализовать информацию.

– Каким образом? Сделать обыск у кандидата в депутаты, взять его в оборот и колоть, пока не признается?

Нырков с аппетитом ел вяленую чебачью икру, большими глотками отхлебывал пиво. Но сказал он все правильно.

– У секретарши права неприкосновенности нет, – без особого энтузиазма продолжил Крылов.

– У Надьки?

Нырков выковырял еще икры.

– Верно. Но она сожительствоет с Воронцовым уже два года. И показаний против него никогда не даст.

И это было правдой.

– Можно найти свидетелей среди мясников...

– Не смеди.

– Чем-нибудь прижать, поймать на компре.

– Как только ты этим займешься, Воронцов поднимет такой шум, что мы не отпишемся. Кстати, он очень дружит с журналистами, подкармливает кое-кого... Пропечатают, на весь свет ославят!

– Какой выход? Ждать, пока его изберут? Тогда к нему и близко не подойдешь... Нырков пожал плечами.

– А что мы можем сделать? Водки хочешь?

– Давай.

Иногда он переходил с начальником на «ты».

Сейчас был подходящий случай.

Нырков поднял стакан.

– За что?

– Чтобы сволочь всякая передохла!

– Э-э-э, нет! Слишком много получится трупов. Остальные трупным ядом отравятся. Давай лучше... За ментов. Чтобы их не били, не резали, не стреляли, палок в колеса не ставили.

– Так никогда не будет.

– А мы мечтаем. И пьем за мечту.

Водка на пиво воспринимается тяжело, даже при хорошей закуске. Крылов почувствовал, что захмелел.

– Слышь, Василий, как думаешь, почему закон о борьбе с коррупцией провалили?

– А кому из депутатов он нужен?

Нырков, похоже, тоже опьянел. Лицо покраснело, на лбу выступили крупные капли пота, даже всегда аккуратные усы растрепались.

– Что же они, все «теневики» да фирмачами куплены?

– Не обязательно. Кое-кто, конечно, и куплен... А основная масса... У кого мелкие грешки, у кого свои интересы. Ну, консультируют на стороне или учредительный пай в каком-то деле имеют. А вот представь ситуацию: депутат кристален как стекло, а семейка у него деловая – жена учредитель одной фирмы, брат – другой, отец – коммерческий директор акционерного общества, тесть – банкир. По-новому закону им всем надо бросать предпринимательскую деятельность. Или ему отказываться от депутатства. Третьего пути нет: с женой-то еще можно развестись, а от родственников отречься вроде как-то не принято! Вот и прикинь, зачем ему такой закон, который всю жизнь ломает? Ясно?

– Да-а-а, – протянул Крылов. – Ясно-то ясно. Только противновато. Выслуга есть, лет пять назад ушел бы на пенсию. А по этой жизни на нее не разгуляешься... Наши-то идут к частникам – в охрану, службу безопасности, сыск... Но я привык на государство работать, а не на богатого дядю. Старую обезьяну поздно учить новым фокусам.

– Видишь, у каждого свой интерес.

Крылов подумал, что Нырков занимает генеральскую должность и, конечно же, мечтает о шитых погонах. А скандал с депутатом или большим руководителем исполнению этой мечты не способствует. Вот и приходится проявлять сдержанность и осторожность.

– Это точно, – вздохнул начальник оперативного отдела. – Что будем делать?

– Материалы подшить, накапливать информацию дальше.

– Может, застрелить этого чертова Шамана? – раздумчиво произнес Крылов.

– А ты возьмешься? – остро глянул Колорадский Жук.

Крылов шумно выдохнул.

– Я – нет.

– То-то! – Начальник РУОП встал. – Пойдем париться.

Они направились в парную.

– Да! – Нырков хлопнул себя по лбу. – Совсем забыл! Лис вернулся!

Крылов и Нырков многозначительно переглянулись.

* * *

– Сколько? – переспросил Лис.

– Миллион рублей и двести долларов, – повторил Хондачев. И добавил: – Ежемесячно.

– Ничего себе! – удивился Лис. – Как начальник УР я оценивался в сто пятьдесят долларов! И какова продолжительность контракта?

– Такова же, как продолжительность моей жизни в данной должности, – слегка улыбнулся банкир. – Кроме того, вы получите автомобиль в постоянное пользование, бензин и расходы по ремонту оплачивает фирма...

Они сидели на открытой веранде только что построенного дома Хондачева. Два с половиной этажа, итальянский кирпич, рижская черепица, европейский проект – словом, все по стандартам «новых русских». Аккуратно спланированный участок, клумбы, газон – сразу видно, что садовник работал параллельно со строителями. У самых ворот – небольшой затейливый домик под высокой крышей. В нем жил охранник – стандартный шкафообразный верзила в камуфляже и высоких омовских ботинках. Хондачев, здороваясь, назвал его Вовой.

– И еще, – продолжил банкир. – У вас проблемы с жильем... разместитесь пока здесь.

– Где «здесь»? – Лис ткнул пальцем в сторону ворот. – С Вовой? Как он ходит в ботинках в жару? У него должны жутко вонять ноги...

– Здесь, в доме. Я не спешу с переездом. Когда угнетающая меня проблема будет решена, я куплю вам квартиру и машина тоже перейдет в вашу собственность.

Молодая миловидная девушка бесшумно появилась в дверях.

– Можно убирать посуду?

– Давай, Верочка. И подай кофе.

Пока девушка находилась на веранде, они не разговаривали. Хондачев курил набитую

душистым табаком трубку, пуская дым то тонкой струйкой, то облачком, то кольцами. Лис, развалившись в удобном кресле, рассматривал темно-голубое с оранжевыми красками заката небо.

Он не собирался наниматься на работу к частному лицу. Байков с трудом уговорил его встретиться с банкиром. Но в огромном, с обтянутой черной кожей офисной мебелью кабинете майор услышал фамилию Шамана – и переменял решение. Потом Хондачев привез его в свой новый дом, накормил ужином и наконец предложил решение всех жизненных проблем. За это Лис должен делать то, что он и так собирался делать – без всякого вознаграждения и заманчивых условий. Однако банкир четко не сформулировал его задачу. В принципе это дела не меняло, Лис все равно работает по своему плану. Но он любил определенность.

– Что вы называете решением проблемы? – спросил Лис, когда Верочка вышла.

– Знаете, почему я обратился именно к вам? – вопросом на вопрос ответил хозяин дома.

– Почему?

– Обычные, правильные и законные методы охраны не защитят меня от пули. В современных условиях они совершенно неэффективны...

Хондачев придвинул хрустальную пепельницу и осторожно принялся выбивать трубку. Это занятие позволило ему отвести взгляд от лица собеседника.

– Мне нужны эффективные меры защиты. Их законность меня совершенно не интересует. Важен результат.

– Какой?

– Личная безопасность.

– И все же почему я?

– Вы сумели на сто процентов обезопасить свидетельницу.

Внимание банкира полностью сосредоточилось на хрупком хрустале и твердой трубке.

– Ее фамилия Федотова.

Банкир поднял голову и посмотрел прямо в глаза Лису.

– Вспоминаю, – не сразу ответил тот. – Я спрятал ее в вендиспансер.

«Однако он хорошо информирован», – отметил Лис про себя.

– Неважно, как вы этого добились. Главное – результат!

Хондачев не отводил взгляда.

– Вы хотите, чтобы я таким же образом решил и вашу проблему?

– Да. Хотя вендиспансер как промежуточный этап можно опустить.

– Хорошо, – после паузы медленно проговорил Лис. – Охрана лица, которое собираются убить, – дело опасное. Мне может понадобиться оружие.

– Байков в два дня оформит разрешение.

– Специфика вашей проблемы такова, что может понадобиться неучтенный, нигде не зарегистрированный «черный» ствол.

– Дело деликатное... Хондачев подумал.

– Впрочем, вопрос только в цене. И... Если захотите приобрести его сами, я оплачу расходы. Если устроит через третьи руки – заблаговременно дайте заказ.

– Хорошо.

Они поняли друг друга. Дородный, представительный, с импозантной сединой, ворочающий сотнями миллионов председатель правления банка «Золотой круг» и усталый, плохо одетый, не имеющий за душой ни копейки вчерашний заключенный. Ибо каждый из них мог дать другому то, что ему необходимо.

Хондачев встал.

– Располагайтесь как дома. А это аванс.

На стол упала перехваченная контрольной лентой пачка десятитысячных купюр.

– Один миллион, – пояснил банкир. – Сейчас все жутко дорого. Только человеческая жизнь дешевле... Лис тоже встал.

– Тогда я приступаю к работе немедленно.

Он спустился с веранды, по выложенной разноцветной плиткой дорожке прошел к воротам. Вова мгновенно обозначился на пороге своей «сторожки».

– Какое у тебя оружие? – спросил Лис.
– Газовый пистолет и «помповик», – нехотя ответил тот, исподлобья рассматривая новичка. – А что?
– Ноги в ботинках здорово потеют?
Маловыразительное лицо охранника напряглось.
– Прилично... А что?
– Возьми ружье! – резко приказал Лис. – Надо контролировать выезд. Выгляни на улицу!
– Так там ребята...
– Вот и посмотри, живы ли они еще...
Вова метнулся внутрь домика и тут же выскочил обратно, держа наизготовку «Мосберг» с пистолетной рукояткой. Приоткрыв калитку, он выглянул наружу и перевел дух.
– Чего волну гонишь!
Калитка распахнулась, зашел телохранитель банкира.
– Закончили? Можно ехать?
Хондачев неторопливо шел по дорожке.
– Поедем, Витек.
Лис вышел первым.

Вокруг джипа с распахнутыми дверцами стояли четыре охранника. Черная «волга», сменившая разбитый «вольво», ожидала хозяина. В ней сидел Байков. Лицо его было печально. В Лисе он видел конкурента и тревожился за свое будущее.

Через несколько минут Хондачев с охраной скрылись из вида. Лис наверняка знал, что ни Вова в тяжелых, с высокой шнуровкой ботинках, ни Байков со своими молодцами не смогут спасти жизнь банкира в случае покушения. Инициатива всегда на стороне убийцы. А тот, кто наносит первый удар, как правило, и выигрывает. Эффективная защита предполагает упреждающие действия.

* * *

Крест поселился в небольшом двухэтажном домишке на тихой окраинной улице. Предложение купить роскошный двухэтажный особняк он отверг:

– Не дело общаковые деньги на себя тратить. Вор скромным быть должен. Жить везде можно, а мне так привычней.

Приехав к Черномору, он огляделся, сплюнул и в дом не вошел.

– Говорили мне, что он «закон» забыл, теперь сам вижу... Что ж, соберемся, потолкуем...

Сел обратно в машину, развернулся и уехал. Через несколько дней стало известно, что Крест собирает городскую сходку. Хотя он недавно вернулся на волю, вокруг него уже сколотилась довольно крепкая кодла: бывшие зэки, воры старшего поколения, те, что считали важными «идеи» уголовного мира, дацаны, тянущиеся к зоновской «романтике».

Неожиданно для всех к Кресту примкнул Хромой. Все чаще заезжал в невзрачную хатенку Король. Члены тиходонской общины ощущали нарастающую напряженность и понимали: стычка между паханами неизбежна. Каждый прикидывал – чью сторону взять?

Север решил вообще отделиться. Чем участвовать во внутренних расправах, лучше сделать свою игру. Как раз в это время к нему обратился Баркас, пригласил на обед в небольшое кафе на территории «Супермаркета». Накрыли им стол в невзрачном кабинете заведующего, но обслуживание и кухня были как в лучшем столичном ресторане.

– Есть проблема, братуха, – сказал Баркас, когда обед подходил к концу и заканчивалась вторая бутылка водки. – Шаман хочет меня замочить и толкучку забрать. Без разбора не обойтись. Но у него людей больше. Мне твоя «подписка» нужна. А за мной не заржавеет.

Север отодвинул Тарелку, вытер салфеткой губы, закурил «беломорину» – особый воровской шик в эру повального увлечения «Мальборо» и «Лаки Страйк». Надолго задумался.

– Вот-вот у нас разборки начнутся, – наконец сказал он. – Не знаю, чем обернется. А менты совсем оборзели: кабаки чистят, на улицах хватают, на хатах, машины стопорят, шмонают. Зря их лучше не злить.

- Чего же, ждать пока он меня мочканет? – ощерился Баркас. – Нет, братуха, давай подумаем, как сделать, чтобы и тебе, и мне хорошо было!
- Север усмехнулся.
- Мы уже сделали. Я своего пахана кинул, ты – своего. Но у нас порядки строгие: без сходняка меня никто мочить не станет. А у вас беспредел.
- Хочешь сказать: моя жизнь – мои проблемы?
- Баркас тоже закурил, но – «Пэл Мэлл».
- Тут ты ошибаешься, братуха. Крепко ошибаешься.
- Снаружи послышался шум, оба насторожились. Матерщина и глухие удары успокоили – дело обычное. Тут же рывкнули телохранители, еще удары, вскрики – и все утихло.
- Шамана вашу кодлу ненавидит. Он один хочет хозяйничать в городе: И если сумеет меня убрать – твои люди сразу вылетят из «Супермаркета». И с прилегающей территории. Да и вообще вас зажмут со всех сторон. Он с властью заодно, даст деньги в ментовский фонд, подмажет кого надо – и пересажают од кого за другим... Баркас сухо бросал короткие фразы, губы нервно сжимались.
- Кого не посадят, того ликвидируют. Выбирай, что лучше!
- Север задумчиво сжал кулаки. Татуировки он свел, только свежие шрамы напоминали о двух синих перстнях с шестью лучами.
- Слыхал я, чего он хочет, – нехотя процедил вор. – Но посадить или пришить меня не так просто...
- Брось, – Баркас махнул рукой. – Засадят жало под лопатку – и амба! Хочешь не хочешь, а сдохнешь!
- Они чем-то были похожи – бывший морской пехотинец и профессиональный вор. Телосложением, уверенными манерами, неторопливым веским разговором и четко угадываемой способностью, добиваясь своего, идти до конца.
- Ядовитый дым «беломорины» смешивался с душистым запахом заокеанской сигареты. В маленьком помещении сложилось сизое облако, лица собеседников время от времени скрывались в мутной пелене.
- Нутром чую, скоро много крови прольется, – сказал Север, – Влезть не хочется и в стороне не отстояться.
- А давай вместе кашу варить!
- Баркас затушил окурок.
- Ты за меня «подписку» кинешь, я – за тебя! Начнем с Шамана, потом за ваших возьмемся... Север прищурил раздраженные дымом глаза и надолго задумался.
- Сколько у тебя человек? – неожиданно спросил он.
- Пятьдесят соберу за час. – Баркас не удивился вопросу. – Если есть день на подготовку, еще найду тридцатьсорок. Но главное в другом – очень много людей, которые работают на Шамана, против меня никогда не пойдут!
- Это еще вопрос... – пробурчал Север.
- Никогда не пойдут! – убежденно повторил Баркас.
- Снова наступила длительная пауза.
- Ладно, давай попробуем, – наконец сказал Север. – Пожалуй, так будет лучше!
- По приказу Баркаса шустрый официант принес еще водки. Следующий час вор и бригадир обсуждали тактику совместных действий.
- Да, вот еще что, – сказал напоследок Север. – У ментов есть пистолет, тэтэшник, из которого стреляли в председателя банка да в «Погребке» людей побили. На нем пальцы одного дебила по кличке Рында. Слыхал?
- Баркас кивнул.
- За ним целый хвост всякого, – продолжил Север: – Розыск объявили, рано или поздно найдут. Тогда он «запоет».
- Не должен.
- Мало ли что не должен. Мой тебе совет: избавься от него. Чем быстрее, тем лучше.
- Баркас думал недолго. Север мог не говорить того, что сказал. Это жест доверия и заботы о партнере.
- Хорошо, спасибо.

Они дружески пожали друг другу руки.
Судьба Рынды была предрешена.

* * *

Крепкие, строго одетые мальчишки, охраняющие вход в казино «Пиковая дама», вытянулись в струнку, когда швейцар распахнул зеркальную дверь, выпуская дородного седовласого мужчину, сопровождаемого двумя телохранителями.

Озабоченно взглянув на часы, Король сбежал по ступенькам и погрузился в объемистый салон новенького джипа «чероки». Назревало открытое столкновение Креста и Черномора, надо было окончательно определиться: на чью сторону стать.

Чутье подсказывало, что зоновский авторитет возьмет верх. Отец слишком привык к спокойной размеренной жизни и вряд ли способен на решительные поступки. Ведь не сделал укорот Шаману, дал вырасти, укрепиться... Крест правильно сказал: о своем благе думает больше, чем о делах братвы... А сегодня Отец позвал его к себе. Для чего? Узнал про контакты с Крестом и решил на нем продемонстрировать решительность и силу? Может, не так он и выдохся, как кажется?

Джип мчался к дому, где Короля ожидал обед: чанахи в керамическом горшочке – сочное, тушенное с картошкой и овощами мясо. Вспомнив о любимом блюде, Король отвлекся от мрачных размышлений, но тут же раздосадованно крикнул.

– Сворачивай, надо к Нахичеванскому спуску подъехать, – сказал он водителю и пояснил: – Вчера в ателье к Артему два бритоголовых сопляка зашли: кожу шьешь, денег много, будешь нам пол-лимона отстегивать! Артем объясняет: место занято. Король здесь все получает. А они свое: нам будешь платить! Короче, через полчаса «стрелка».

Водитель и телохранители расхохотались.

– Видно, залетные, не знают что к чему, вот и прут...

– Молодые... Они сейчас наглые...

– Учить надо...

– Сейчас разберемся по-быстрому, – сказал Корольки вновь взглянул на часы. Он надеялся, что чанахи не успеет остыть. Да и к Отцу опаздывать нельзя.

Нахичеванский спуск являлся частью давнего проекта «повернуть город лицом к Дону». Проект заглох. От него остался высоченный обелиск с несуразной золоченой бабой на вершине и спускающийся к реке пустырь – бывшая будущая величественная лестница с сотными домами по сторонам. Место находилось в центре города, но было пустынным, а потому идеально подходило для «стрелки».

В ожидании назначенного времени джип несколько раз объехал вокруг площади и прилегающих кварталов. Как и положено, минута в минуту широкие ребристые колеса вцепились в землю у подножия обелиска. В тот же миг рядом затормозила «девятка».

Король рассмотрел за притемненным стеклом две бритых головы.

– А ну вылазьте, сосунки! – рявкнул он, распахивая большую, как ворота, дверцу джипа. – Совсем оборзели! Не знаете, на кого бочку катите!

Респектабельный владелец сети городских казино исчез. Вместо него материализовался бывалый урка, оттянувший на лесоповале почти пятнадцать лет и одним своим видом внушающий ужас любому зэку.

Король был уверен, что инцидент исчерпан. Один из авторитетов тиходонского воровского кодлана способен разогнать целую толпу бритоголовых фофанов. Так велось издавна и до сих пор правило не знало исключений. Вопрос лишь в том, какой способ отступления изберут наглецы, попытавшиеся влезть в чужую епархию. От этого зависел вид и размер штрафа, который им придется платить.

Обращенные к «чероки» двери «девятки» раскрылись одновременно, два пистолетных ствола уставили черные бездонные зрачки на пассажиров джипа.

– Ты что, пес! На кого! – бессвязно выкрикнул Король последние в жизни слова.

Пистолет Макарова морально устарел и имеет немало недостатков. Совсем отстал от современного уровня оружейного дела давно снятый с вооружения ТТ. Но при стрельбе с двух метров все это роли не играет. Даже если ТТ имеет техническую неисправность.

«Бум! Бум! Бум!»

Держа «пээм» двумя руками, Амбал колотил в широченный проем двери вездехода. Тупая пуля, имеющая скорость триста пятнадцать метров в секунду, угодила Королю в глаз, пронзила мозг, пробила височную кость, вырвалась наружу, пересекла просторный салон и врезалась в стойку кузова, разлетевшись на несколько осколков.

Простреленная голова запрокинулась назад, брызнувшая из двух отверстий кровь обдала кабину. Вторая пуля пробила наискосок грудину и застряла в легком. Третья прошла мимо – оружие увело отдачей, – пронизала крышу, пролетела двадцать метров по кривой траектории, щелкнула о мраморную плиту облицовки монумента и с визгом ушла в сторону.

«Бах! Бах!»

Веретено вел огонь с заднего сиденья, не забывая вручную передергивать, затвор. Звук ТТ был громче и раскатистее, пули имели скорость четыреста двадцать метров в секунду и более заостренную форму, поэтому пронизали насквозь и Короля, и сидящего рядом телохранителя.

«Бум! Бум! Бум!» «Бах! Бах! Бах!»

Дымящиеся гильзы сильно цокали о лобовое стекло и открытые дверцы, отлетали обратно, обжигая лица и руки стреляющих.

Водитель молча повалился на рулевое колесо, второй телохранитель коротко вскрикнул, подскочил и обмяк в удобном кожаном сиденье. Все было кончено, но работа подобного рода требует избыточного запаса надежности. Поэтому бритоголовые дегенераты продолжали вдавливать спусковые крючки.

«Бум! Бум!» Затвор «макара» заклинило в заднем положении.

«Бах! Бах! Бах!» Тоже произошло и с израсходовавшим магазин «токарем».

– Рвем когти!

Хлопнули дверцы, «девятка» резко сорвалась с места. «Стрелка» продолжалась ровно полторы минуты.

Изрешеченный, набитый окровавленными телами «чероки» остался у подножия обелиска. Дома у Короля остывало чанахи.

* * *

Составленные у мясного павильона прилавки были застелены белой бумагой. Через каждый метр на импровизированной скатерти возвышались башни из пустых тарелок, между ними лежали ложки, горки ломтиков черного и белого хлеба, упругие, в сизой кожице зубочки чеснока.

Бедно одетые граждане – в основном старики и старушки – робко подходили к столу, брали тарелку, и стоящие по другую сторону люди в чистых белых халатах и отглаженных колпаках с приветливой улыбкой наполняли ее густым наваристым борщом из тридцатилитровых фляг-термосов.

Фотоаппараты и телекамеры фиксировали куски мяса в тарелках и умиротворенное выражение лиц утоливших голод неимущих жителей Тиходонска. Кадры получались пристойными, их не портила давка и толкотня, злые пропитые физиономии рыночных бомжей и обычная здесь матерщина. За благочинность происходящего отвечал новый начальник охраны – бывший старший опер, а потом недолгий и.о. начальника УР Центрального РОВД Бобовкин.

Подчиненные ему молодчики с волчьими глазами отбирали из бурлящей толпы голодных людей тех, кто имел приличную внешность и манеры, а остальных отгоняли подалеже коротким движением губ или столь же коротким тычком кулака под дых. Они же зорко следили, чтобы допущенные к бесплатному обеду не приблизились к правому краю длинного стола, где угощалась вовсе не оголодавшая публика: глава областной администрации Лыков, генеральный директор Воронцов, городские и областные начальники, редакторы газет.

Многочисленные репортеры рыскали вдоль стола, задавая одни и те же идиотские вопросы:

– Вкусно? Хороший борщ? Наваристый?

И, получив утвердительные ответы, задумчиво морщили лбы и переходили к «проблемной» части интервью:

– А что вы вообще думаете об этом? Хорошая инициатива?

Неимущие не хотели вступать в дискуссии и плотнее припадали к тарелкам, приходилось делать вопрос доступней:

– Хорошо, если вас всегда будут так кормить – вкусно и бесплатно?

– Конечно! – в сладостной, хотя и малореальной надежде улыбались старики.

Эти улыбки жадно схватывала пленка, а в следующем Кадре уже появлялся кандидат в депутаты Иван Павлович Воронцов, обещающий, что надежды оправдает и вкусно накормит всех: бедных бесплатно, остальных дешево.

Воронцов и Лыков с аппетитом хлебали дымящийся борщ и сообщали в телекамеры о своих гастрономических пристрастиях.

– Лучше мозговой косточки ничего нет, – делился Иван Павлович, высасывая содержимое толстой кости. – Конечно, тут без стопки водки не обойтись, но сейчас нельзя – работа!

– А с борщом чесночок люблю, – откровенничал Лыков. – Еще в детстве бабушка приучила. И для здоровья полезно!

Милые подробности утепляли образы руководителей, которые, оказывается, имеют такие же привычки и маленькие слабости, как и любой работяга.

Словом, все шло хорошо и замысел Воронцова реализовывался вполне успешно. Тщательно протерев жирные губы, он обратился к Лыкову:

– А не принять ли нам и вправду по сто грамм? У меня есть «Абсолют», от него никакого запаха!

– Ну разве что по сто, – не стал упорствовать глава администрации.

В это время сквозь толпу пробилась возбужденная Надька.

– Хасьянов пропал! – с ходу выпалила она. – Вчера ночевать не пришел, сегодня тоже не объявился! Там, в приемной, жена ревмя ревет... Уловивший возникшую напряженность Бобовкин вмиг оказался рядом.

– Наш юрист пропал, – обратился к нему Воронцов. – Тщательно разберитесь, подключите милицию, надо найти... У нас уже пропадали люди, и мне это сильно не нравится. Очень сильно не нравится!

Настроение у Воронцова испортилось. Но в приемной поджидал еще один неприятный сюрприз.

– Иван Павлович! – почтительно окликнул Шамана молодой человек в спортивном костюме и внимательно оглядел Лыкова.

– Меня прислал Баркас. Он хочет с вами переговорить и просил назначить на завтра встречу. В каком месте вас устроит?

Когда-то вызываемый на дуэль выбирал оружие. По сегодняшним «понятиям» ответчик имеет право определить место «стрелки».

Лыков ничего не понял. Обычное деловое обращение к руководителю. Сколько их бывает за день?

– Заходите, Виктор Семенович, я сейчас...

Воронцов распахнул перед главой администрации обитую, с затейливыми головками гвоздей, дверь кабинета. Потом повернулся к посланцу Баркаса.

– В пять, на Левом берегу, у озера! – оскалившись, сказал он. – Скажи, что я его съем!

– Кто такой Баркасов? – поинтересовался Лыков, когда директор зашел в кабинет. – Я такую фамилию, по-моему, не встречал.

– Это не ваш уровень! – беззаботно ответил Воронцов, скручивая стальную пробку «Абсолюта». – Когда-то работал у меня, потом ушел, не знаю, чего он хочет...

Но беззаботность его была наигранной. Схватка с Баркасом сулила неприятности для обоих.

Прозрачная жидкость до половины наполнила хрустальные стаканы.

– За твой успех на выборах, Иван Павлович, – торжественно провозгласил Лыков.

– Спасибо! – механически произнес Воронцов.

До выборов следовало дожить. И он лихорадочно обдумывая, как это сделать.

* * *

А юрист Хасьянов сидел за маленьким столиком в подвале дачи Байкова и быстро писал, время от времени испуганно поглядывая на стоящего рядом Лиса. Тот брал каждый заполненный лист, читал, задавал уточняющие вопросы, и адвокат продолжал писать. Иногда в подвал озабоченно заглядывал хозяин дачи, но почти сразу же исчезал.

Лис был непривычно для самого себя респектабелен: легкие серые брюки, голубая рубашка с короткими рукавами, мягкие туфли серой замши. В отдалении на стуле висел удлиненный пиджак с двумя шлицами и красный, с абстрактным узором галстук. Он разделся перед тем, как приступил к убеждающей части беседы с адвокатом.

– Все! Теперь точно все!

Хасьянов положил ручку, размял дрожащие то ли от напряжения, то ли от страха пальцы.

– И про судью? – грозно спросил Лис.

Адвокат кивнул.

– Но я-то ничего не делал! Я юрист – мне поручили, я пошел! Что мне теперь будет?

– Не станешь хвостом крутить – отделаешься легким испугом. Посидишь, конечно, немного – от трех до десяти дней, пока разберутся, кто за тобой стоит. В изоляторе я тебе нормальные условия обеспечу. Не санаторий, ясное дело, но зато останешься жить... Поползешь назад – сдохнешь! Ты меня понял?!

– Понял, понял!

Хасьянов сжался на стуле.

– Только мне все равно конец... Иван Павлович не простит. А у него такие головоломки...

– Все правильно, – согласился Лис. – Поэтому ты теперь кровно заинтересован, чтобы твой Иван Павлович отправился за решетку. Или куда подальше. А значит, должен мне помогать не по обязанности, а от всей души. Ведь с этой минуты мы с тобой самые лучшие друзья, почти братья... Лис протянул руку, адвокат шарахнулся в сторону, но на этот раз зря.

– Не бойсь, дурашка, – Лис обнял его за плечи. – Я-то и есть твой защитник. А Воронцов – наоборот, злейший враг. Так?

Вместо ответа юрист зарыдал навзрыд.

– Успокойся, – привычно произнес новый друг, наливая в стакан теплую мутноватую воду.

– Когда по твоим наводкам судью убивали, банкира расстреливали, акции у людей отнимали, ты же не плакал?

Давясь, Хасьянов выпил противную воду.

– Вот и хорошо. А сейчас откровенно, без записи расскажи мне, своему лучшему другу, обо всем, что происходило в вашем кубле за последнее время... В кабинете Хондачева музыкально промурлыкал телефон.

– Ну и охранника ты себе подобрал! – не здороваясь, выпалил Одилян.

– Корнев? Он не охранник. Он старший консультант службы безопасности, – спокойно уточнил Хондачев, не обращая внимания на возбужденный тон члена правления.

– Он ничуть не уступает тому бандиту, который заставил меня продать акции! – возмущенно кричал невидимый собеседник.

– Вряд ли. Уверен, что старший консультант не требовал ничего противозаконного.

– Он заставил меня написать заявление!

Хондачев усмехнулся. Одилян мог обратиться в милицию только под стволом пистолета.

«Интересно, как Филипп его убедил?» – подумал банкир и тут же получил ответ на мысленный вопрос.

– Ткнул в зубы пистолет и пообещал вышибить мозги! И он не шутил!

– Скорей всего это была детская игрушка. Но почему тебя надо заставлять? Ведь у тебя угрозами отняли акции...

- А теперь меня вообще прихлопнут! – истерически взвизгнул Одилян.
- Старший консультант этого не допустит, – вразумительно произнес председатель правления. – К тому же аналогичные заявления написали Петровский, Басилов и Трефилов...
- Он и их заставил?!
- Убедил. Коренев обладает даром убеждения. Я тоже письменно рассказал об угрозах и вымогательстве. А сейчас письменные показания дает тот хорек, что приходил нас запугивать.
- Одилян помолчал.
- Вот даже как! Ты решился на войну... Но имей в виду, я в этом не участвую! И когда меня вызовут, откажусь от того, что написал!
- Дело твое, – голос председателя оледенел. – Но старшему консультанту это не понравится.
- Угрожаешь?
- Нет. Но, отказавшись от заявления, ты срубишь сук под самим собой. Причем окончательно.
- Что за намеки?
- Никаких намеков, объясняю предельно прямо. Кто ты такой?
- Как кто? Член правления «Золотого круга», и ты это знаешь!
- А где твои акции?
- Одилян растерянно замолчал.
- Акции утрачены. Потеряны или проданы – значения не имеет. Хотя согласишься, только законченный идиот может в таком положении добровольно продать свой пакет!
- Молчание в трубке продолжалось.
- Значит, ты – бывший член правления! Мы созываем внеочередное собрание акционеров и тебя переизбирают в связи с утратой акций. Конечно, учредительный взнос ты получишь обратно. Целых двести тысяч!
- Меня вынудили их продать, – голос Одиляна теперь звучал удрученно.
- Тогда ты должен добиваться признания продажи недействительной! Жаловаться, возмущаться, писать заявления...
- Но...
- И твердо придерживаться показаний, которые дал старшему консультанту!
- Наступила долгая пауза.
- Хорошо. Извини, я немного погорячился...

* * *

На сверхконтрастном, с повышенной разрешающей способностью и углубленной цветностью экране метрового «Хитачи» Иван Павлович Воронцов выглядел чрезвычайно респектабельно. И говорил веско, уверенно, не пользуясь текстом. Тядом стоял Лыков, и каждый зрительно понимал: кандидат вхож в коридоры власти, а значит, сможет выполнить обещание и сделать то, что среднему россиянину обещали десятки лет – накормить вкусно, сытно и дешево.

Сидящий напротив «Хитачи» настоящий Воронцов совсем не походил на свое изображение. Помятый, унылый, явно чем-то удрученный.словно размытая черно-белая картинка допотопного «Темпа».

Двухцветного Воронцова заботила предстоящая разборка. По «понятиям», он должен лично участвовать в ней и имел реальный шанс получить в живот заряд картечи из «помповика». Накануне выборов, в успехе которых никто не сомневался. Спрашивается: на хер ему это надо?

Заботили и пропажи людей. Вначале Толстяк со своими бойцами, теперь юрист... Кто-то подбирается все ближе и ближе. Кто? Баркас? Воры? Валет? На хер они ему нужны?

Генерального директора тиходонских рынков уже давно стал тяготить страшноватый, с осязаемым запахом крови и параша мир криминала. Душой он жил в другом измерении – ярком и красивом, как на экране «Хитачи», его окружали первые лица города и области, ру-

ководители, почтительные подчиненные. А кто такой Баркас, с которым он должен завтра делить власть? Обычный уголовник! Но неписанные законы черно-белого мира сводят их как равных и предписывают умереть тому, кто менее ловок в обращении со смертоносными железяками. Нет, к черту!

Ему вообще не нужны эти грязные людишки. Не нужен рэкет, наркотики, похищения, выкупы. Те отчисления, которые он получает с торгующих почти легально, позволяют жить безбедно, связи дают возможность пускать капитал в оборот, многократно приумножая его. Послать этих долбанных бандитов подальше?

Но кто защитит, когда «наедут» дагестанцы, чечены, донецкие воры, да мало ли кто еще? Кто поможет прибрать к рукам банк, необходимый для «отмывания» доходов? Кто будет держать в повиновении тысячи торгующих на рынках?

Шаман тяжело вздохнул. Далекие друг от друга измерения бытия пронизывали его самого, и отделаться от одного он, конечно, не мог, как не в состоянии был кентавр избавиться от лошадиной половины. Да если бы и сумел, что бы вышло? Два беспомощных обрубка...

Криминальные возможности Шамана усиливали должностное и финансовое могущество Воронцова, а положение и связи директора рынков укрепляли авторитет руководителя крупнейшей в городе группировки.

– Давай выпьем шампанского!

Затомившаяся Надька попыталась прервать его размышления. Прозрачный халатик она расстегнула до пояса, расчесала длинные волосы, сняла сланцы

– все как он любил.

Но стандартный набор ухищрений любовницы сейчас не произвел на Шамана никакого впечатления.

– Спрячь сиськи, дура! – огрызнулся он. – И позови Центуриона. Бобовкин сам придумал себе прозвище, но оно не пристало, и за глаза его звали Мордачом.

– Значит, так! – властно сказал Шаман, когда Бобовкин вошел в комнату. – Позвони своим бывшим коллегам и сообщи, что завтра в пять у озера, на Левом берегу, назначена разборка Баркаса с Шаманом. Предупреди, что будет много бойцов и оружия. Но наши, скажи, придут «чистыми», для беседы, а не для пальбы. На руках у них будут белые повязки. Пусть их не трогают. А банду Баркаса зато свободно смогут упрятать за решетку.

Бобовкин стоял как истукан. Он плохо разбирался в «понятиях» и боялся горячих ситуаций. Надеялся заниматься только охраной без всякого криминала, не понимая, что так не бывает. Ничего, один шаг, второй... А потом втянется!

– Кому позвонить? В РУОП?

– Тебе лучше знать. Чья это линия работы? Тем и звони...

– Крылову, – решил Центурион, набирая номер. Он подозревал, что тут что-то нечисто. В разборках все должно быть честно. Однако подлянок заделывают немало. Устроят засаду на дороге или перемочат всех без предупреждения. Но чтобы сдавать конкурентов милиции! Такого еще не бывало!

– Александр Семенович? Это Бобовкин. Располагаю интересной информацией...

Как раз в это время Крылов изучал принесенные Лисом документы. Он выслушал сообщение, черкнул координаты «стрелки» на календаре и вновь погрузился в бумаги.

– Это хорошо, – задумчиво произнес подполковник, откладывая последний лист. – Хотя потерпевшие называют вымогателем Хасьянова. И только он один указывает на Воронцова. А тот, естественно, от всего отопрется. И кого привлекать? Юриста?

– Давай еще подработаем, – предложил Лис.

Начальник оперативного отдела кивнул.

– Можно. Есть выходы на пишущую машинку, на которой печатались угрозы.

Лис встрепенулся.

– Кто печатал?

– Одну – Толстяк. Его не спросить, он куда-то пропал. Вторую – Надька, секретарша.

– Я ее спрошу... Но надо пока возбудить уголовное дело по факту. Начать их дергать, разворошить осиное гнездо! Тогда и разработку проводить легче, много нового выплывет.

– В общем, да, – без энтузиазма сказал Крылов.
– А чего ты такой вялый?
– Воронцов вот-вот станет депутатом. И Нырков не хочет лезть в это дело, – откровенно объяснил подполковник. – Говорит, шуму много, а толку никакого.
– Вот как! – Лис зло усмехнулся.
– Скорей всего так и получится. Твоего юриста засудят, еще какую-то мелочовку. Шаман все равно выкрутится. Он, видно, курс меняет: только что сдал мне группировку Баркаса.

– А ну, расскажи подробней! – оживился Лис.

Крылов пересказал сообщение Бобовкина. Коренев задумался.

Начальник оперативного отдела потянулся к телефону внутренней связи, но наткнулся на жесткую ладонь.

– Сообщу Ныркову, подготовим СОБР, – пояснил он, отводя руку Лиса.

– Не надо, – ладонь легла на аппарат.

– Почему? – Крылов не понимал бывшего сослуживца.

– Если их никак прищучить нельзя, то хоть помогать не надо! Пусть вцепятся друг другу в глотки, городу это только на пользу!

Начальник оперативного отдела возражал, но как-то неуверенно и в конце концов согласился с предложением Лиса. Наверное потому, что с самого начала хотел согласиться.

Выйдя из здания РУОП, Коренев направился к небольшой улочке, на которой жил Леший. Если тот не изменил своих привычек, то скоро выйдет выпить вечернюю кружку пива. А в его возрасте привычек не меняют. Поэтому Лис неторопливо прогуливался от трамвайной остановки до аптеки и обратно. Идущий человек привлекает меньше внимания, чем ожидающий кого-то.

В начале шестого Леший выскочил из подворотни, огляделся и быстро направился к пивной. Когда он поравнялся с Лисом, тот негромко сказал:

– Здорово, Петруччо! А зря ты форму пошить не хочешь!

Леший вертанулся вокруг оси как ужаленный, но увидел только спину своего куратора. Подчиняясь правилам конспирации, он перешел на противоположный тротуар и медленно двинулся следом, часто заглядывая в витрины и поправляя шнурки видавших виды туфель. Так они добрались до одного из обычных мест контактов – захламленного безлюдного скверика, примыкающего к стадиону и кладбищу. В случае необходимости уйти можно было в любую сторону.

– Здорово, дружище! – преувеличенно радостно офицер обнял агента.

– Вышли все-таки, – тихо пробубнил Леший и отвернулся.

– Чего ты?! – удивился Коренев. – Радоваться надо!

– Так я от радости... Бывалый карманный вор вытер повлажневшие глаза.

– Ваша дамочка говорила, что скоро выпустят, да я не особо верил... А дамочка хорошая...

– Ладно! – резковато перебил Лис. – Как тут жизнь без меня проходила? Какие новости?

– И-и-и, много всего, – махнул рукой агент. – Крест вернулся. С Отцом они не поладили. Крест городской сходняк собирает, зимой общий грозятся... А главное... Леший огляделся, придвинулся вплотную и зашептал в самое ухо:

– К отцу москвичи наезжали. Метла и еще кто-то... Он обещал им Креста отдать.

– Да? А чьими руками?..

– Пришлют человека, Отец его наведет и потом «отмазывать» станет.

– Хорошо, молодец Петр Батькович! – похвалил Лис. Агент довольно улыбнулся.

– Теперь давай дальше. Подробно, обстоятельно, по порядку...

Больше часа Коренев впитывал выдаваемую Лешим информацию. Как всегда ничего не записывая, полностью полагаясь на память. В столь щекотливых делах попавшая кому не надо запись могла стоить жизни информатору или куратору. А могла – обоим.

Хондачев, несмотря на позднее время, ожидал его в банке.

– Байков напуган, – вместо приветствия начал он. – Говорит, с тобой и он может влететь. Очень здорово ты на юриста насел! И компаньоны мои на грубость жаловались.

Председатель правления прошупывал старшего консультанта острым взглядом. Тот оставался совершенно спокойным.

– А что вы обо всем этом думаете?

– Лаской с ними не больше справишься.

– Точно.

– И хотя срок ультиматума истек, меня никто не трогает.

– Ваш хорек сидит в камере, а у Шамана сейчас большой переполох, ему не до вас.

– Такое положение надо закрепить. Кстати, Байков сказал, что титановые пластины в дверцах ничего не дадут: автомат их пробивает...

– Мы поставили их под углом. Стреляют всегда спереди, и пули будут рикошетировать в сторону. Если Байков хочет, я с ним поспорю. Поставим «волгу», я сяду внутрь – пусть полоснет очередь... Конечно, ставка должна быть серьезной.

– Он не очень любит рисковать, – чуть заметно улыбнулся банкир.

– Тогда надо менять работу.

Лис встал.

– Завтра к обеду мне понадобится нарезной карабин с оптикой и четыре патрона. Будет лучше, если он незарегистрированный.

– Криминал? – повел бровью банкир.

– Самый минимальный. Но, может, удастся решить вашу проблему.

Выйдя из банка, Лис сел в выделенную ему красную «девятку» и объехал несколько значных мест. Заглянул в «Якорь», к Вартаняну, тот обрадовался, плеснул в стаканчики «Мартини» со льдом, выпили за возвращение. Но потом отвел взгляд в сторону:

– Пока ты сидел, время хило... Без «крыши» нельзя, а тут подошли ребята... Извини, конечно, но жизнь есть жизнь...

– Я не за этим, – отмахнулся Лис. – Томка Федотова у тебя бывает?

– Редко. Она козырной стала. В «Сапфире» отирается.

– Ну ладно...

Акоп проводил до двери, приглашал заходить и обещал всегда бесплатную выпивку.

В «Спасательном круге» Эдик уже не работал, новый бармен неузнавающим взглядом уставился на приход начальника УР, а сбоку, заподозрив неладное, появился крепкий, приклатненного вида паренек.

– Кого ищем? – покровительственно спросил он.

Корнев усмехнулся. На не отягощенным разумом лице промелькнула тень понимания.

– У нас полный порядок, – буркнул паренек и снова отступил в тень.

Лис выпил еще один «Мартини», на этот раз за свой счет, огляделся, но никого из знакомых не увидел.

У «Сапфира» он появился как раз в тот момент, когда Тамара Федотова вышла из стеклянных дверей и опустилась на мраморную облицовку фонтана. Она была пьяна и, похоже, кого-то ждала.

Лис несколько раз мигнул фарами. Девушка тяжело встала и, чуть пошатываясь, направилась к машине. Он распахнул дверцу.

– Приветик! – Она привычно плюхнулась на переднее сиденье. – Куда поедем? Только без глупостей!

– Как можно, Тамара!

– Ой, кто это?

Девушка пристально всматривалась в сидящего за рулем человека, и на лице медленно проступало узнавание.

– Майор мой вернулся! – Она всплеснула руками и бросилась Лису на шею. Он отстранился. Еще не хватало на пиджаке и рубашке помады, грима, теней, туши, пудры и других компонентов, составляющих лицо ночной Красавицы.

– Ты за меня заступился, закопал эту гадину! Иначе я бы уже сгнила, как Галка... Все решили, что промежду нами любовь. И отскочили, боялись трогать, даже бабки не доили... Они же, падлы, усираются, когда запах смерти учуют!

Лис тронул машину с места. Федотова Откинулась на спинку, запустив руку под сиде-

нье, нащупала рычаг и увеличила угол наклона. Достала сигареты, нажала кнопку прикуривателя, когда он выскочил, раскалившись, привычно зажгла сигарету.

– Музыка нет? – тонкие пальцы скользнули по панели, где обычно стоит магнитофон. – Жаль...

Она не спрашивала, куда ее везут, да, похоже, это ее и не интересовало. Автомобильные маршруты были привычны и заканчивались одним и тем же. Хотя сейчас цель у Лиса совершенно иная.

«Девятка» выскочила на набережную и замерла у ведущих к воде ступеней.

– Кто сейчас в «Сапфире» погоду делает? – спросил Лис. – Слыхал, кое-что изменилось...

– Я в эти дела не лезу, – Федотова совсем опустила спинку сиденья и сейчас лежала на спине. Юбка задралась, открывая крепкие, с широкими шиколотками ноги. Лису не понравилось, что она поставила туфли на обивку, но он ничего не сказал.

– Делятся, скандалят... Баркас от Шамана ушел. У воров тоже каша заваривается. Ездил недавно с одним, он рассказывал... А вот эти, ты их небось и не знаешь, Амбал, Валек, Ржавый – совсем оборзели! Ржавого убили, Вальку легкие продырявили, лучше бы Амбала, сволочь, завалили!

– А чего он тебе?

Федотова молча задрала юбку до пояса, ловко спустила трусы.

– Эй, ты чего!

– Смотри! – Она ткнула пальцем в бритый лобок, провела по внутренней поверхности бедер.

– Сигаретой жгет, падла! И у самого аж пена на губах – кайф ловит! Прижег – и залез! На белом теле чернели следы ожогов.

– Оденься!

– Да знаю! – Она привела одежду в относительный порядок. – Конечно, смотреть противно! Я почти и не работаю, только в рот...

А каждый хочет туда залезть, я не даю, а они думают – больная... Слух пошел – уже и не подходят, шарахаются. Вот ведь гнида!

Корнев вспомнил Веретено, Ржавого и Рынду. Главарем их команды и был Амбал.

– А чем он вообще занимается?

– Мочит всех подряд, вот чем! То двоих, то троих, одного аж в больнице добил... А недавно крупного авторитета завалил и троих с ним. Весь город на ушах стоит...

– Откуда знаешь-то?

– Да он сам рассказывает! Как затащит к себе, так и запугивает!

– Может, гонит?

– Нет, все в цвет...

– А ты кому-нибудь эти разговоры пересказывала?

– Что мне, жить надоело?" Вон в воскресенье молодая баба в «Аксинье» в ванне утонула. Красивая! Она с кавказцами Тасовалась да с ка-ким-то военным. Важная шишка, из Москвы. Раз ушел от нее – попал под машину! А она девчонкам сказала по пьянке: «Его убили...» Два дня прошло – и она утопла! Не надо болтать!

– Чего только в жизни не бывает! – вежливо удивился Лис. – А каким девчонкам она рассказывала?

Федотова потянулась и положила ноги на панель.

– Мент остается ментом. Я тех девчонок не знаю и влазить в говно не хочу. Давай лучше потрахаемся. Для тебя – бесплатно.

Женская рука умело скользнула Лису в штаны. Он перехватил ее. Наступила пауза. Воспитанная многими годами оперативной работы щепетильность курирующего офицера, обязывающая соблюдать дистанцию с информаторами, боролась с естественным инстинктом мужика, свыше шести месяцев лишенного женского общества. Неизвестно, какое бы из чувств победило, но Лис вспомнил изуродованную струпьями ожогов кожу и выдернул руку обратно.

– Настоящий мент различает работу и развлечения. Куда тебя отвезти?

– К «Сапфиру», куда же еще... Сегодня этот ублюдок вроде не появлялся. Послу-

шай... – Федотова на миг протрезвела и внимательно посмотрела на своего спутника. – Ты можешь еще раз мне помочь? Я заплачу!

– То есть?

– Убери Амбала! Как того... У меня есть три тысячи баксов – все отдам!

Лис присвистнул.

– За кого ты меня держишь? Я что – киллер?

– Но того-то закопал!

– Нет, милая! Я – антикиллер! И если дам укорот твоему Амбалу, то не за деньги.

На следующий день с утра педантичный Лис позвонил в Управление ФСК.

– Пырьев слушает! – отозвался энергичный голос.

– Здорово, Иван. Коренев.

В трубке помолчали.

– Я вернулся. Дело сфальсифицировано, наконец разобрались.

– Да? – Тон был недоверчивым. Подполковник помнил, какое заключение по пленке дала первая экспертиза.

– Да. Но сейчас речь не обо мне. Бсть информация, возможно, она по вашей части.

– Да? – На этот раз контрразведчик заинтересовался. Он знал возможности Лиса по добыванию информации.

– В воскресенье в «Аксинье» утонула в ванне девчонка.

– Так...

– Она путалась с важным военным из Москвы.

– Так...

– Он ушел от нее и попал под машину...

– Так... – Каждое «так» звучало все разочарованнее.

– А она болтала, что его убили.

На этот раз никакой реакции собеседника не последовало.

– И через два дня сама утонула. Кроме военного, у нее был какой-то кавказец.

Пырьев молчал.

– Все, – подытожил Лис.

– При чем здесь мы? Это дело милиции, – вяло отозвался подполковник.

– Я пока работаю не в милиции. Но спускать оперативные данные в канализацию не люблю. Хочешь – проверяй, используй, закручивай. Не хочешь – забудь. Дело твое!

– Спасибо за содействие ФСК, – казенным голосом сказал Пырьев. – Всего доброго.

«Какой-то он напряженный», – подумал Лис. Он сделал то, что считал необходимым, и сейчас переключался на предстоящую задачу.

Подполковник Пырьев был напряжен потому, что в условиях отработки мероприятий, связанных с планом «Зэт», телефонные переговоры сотрудников выборочно прослушивались сектором внутренней безопасности по скользящему графику. Контакты со вчерашним осужденным вряд ли могли украсить послужной список, а неиспользование поступившей информации свидетельствовало о снижении бдительности, что тоже не способствует карьере контрразведчика. Звонок Коренева принес одни хлопоты. Тяжело вздохнув, подполковник принялся писать рапорт.

Через час генерал Лизутин начертал на рапорте косую резолюцию: «Т. Карнаухов! Не идет ли речь о смерти майора Малинкина? Совместно с представителем ГУО проверьте этот факт и доложите результаты».

* * *

От случайностей не застрахован никто. Случайности позволяли раскрыть самое хитроумное преступление, они же проваливали всесторонне продуманные операции уголовного розыска. Нелепые смерти очень часто есть проявление неблагоприятных случайностей.

Подполковник Крылов все это хорошо знал. После ухода Коренева он доложил материалы Ныркуву, и тот без особого энтузиазма передал их следователю. Крылов дождался, пока Хасьянова отправят в камеру, дал несколько указаний подчиненным и отправился домой.

Он чувствовал усталость и, что хуже всего, угнетенность. Криминальная жизнь в Тихондонске развивалась сама по себе, деятельность подразделений милиции, в том числе и Управления по борьбе с организованной преступностью – сама по себе. Процессы шли параллельно и практически не пересекались.

Даже самый добросовестный опер выполнял повседневную работу, понимая, что практического результата не наступит. Ну накопят толстую папку оперативной информации, ну возьмут с поличным двух-трех быков... Потом вступает в действие отлаженная машина разрушения дела: судья освобождает задержанных под залог или подписку о невыезде, свидетели и потерпевшие отказываются от показаний, следствие приостанавливается либо прекращается вовсе. Иногда какую-то «шестерку» все же отдают под суд. Но издевательски мягкий приговор выглядит насмешкой над рывшими землю оперативниками.

Эта новая система уже стала привычной, желающих бороться с ней, подставлять грудь под ножи и пули становится все меньше, тем более что и ножи, и пули, и гранаты в окно не заставляют себя ждать. Убийство мента уже никого не удивляет, коллеги не объявляют, как когда-то, кровную месть всему преступному миру, не отбивают почки убийце и не подводят под «вышку». Нынче менты, как и все граждане, – каждый сам по себе.

Рыба воняет с головы. Если тем, наверху, ничего не нужно, то и внизу настроения соответствующие. Что руководителей Системы беспокоит? Один приказ грознее другого спускается: происходят потери оружия, усилить контроль, принять меры к недопущению! А сколько приказов о недопустимости потерь личного состава издано? За двадцать пять лет службы Крылов ни одного не припомнит! Выходит, железяки, которые сотнями тысяч по стране гуляют, важнее жизни сотрудника!

Вот начальники на местах и «усиливают контроль»: запрещают постоянное ношение – и баста! Мало ли что по закону положено – если пистолет лежит в оружейке, то его точно не потеряют. И не применяют лишний раз, не будет прокуратура копать да уголовным делом грозить. Значит, начальнику спокойней.

Вот и Нырков распорядился оружие посядовать. «На операции – берите, а просто так – незачем». У бандитов такого приказа нет, каждый второй – с пушкой, а то и с автоматом или гранатой.

Сотрудники, понятно, свои выводы сделали. Умирать никому неохота, зачем встречать в горячие ситуации? И не встречаются. Отвернутся и мимо проходят. Раз прошел, два... И все – нет офицера милиции. Есть чиновник – в погонах, но без рефлекса пресечь преступление.

А если начальник боится своим людям оружие выдать, то как он сможет острые решения принимать? Коренев отличный материал собрал, но кто его раскрутит? Воронцов мало что без пяти минут депутат. Все знают: зять Лыкова у него директор Северного рынка. Казалось бы: при чем зять, при чем глава администрации, если сам Воронцов – матерый преступник по прозвищу Шаман?

Когда-то можно было его законопатить: партию подключить, Москву, приехала бы бригада, так раскрутила, что и Лыков костей бы не собрал – за одни только компрометирующие связи... Сейчас каждому ясно – дело дохлое. Не будет Нырков за него биться, да и никто не будет. Толку нет, а себе дороже! Вот Лис им, гадам, закрутит подлянку на Левом берегу! Может, так оно и правильной!

Надоело! Может, действительно подать рапорт? Коренев к себе зовет, должность начальника охраны обещает, вместо Байкова, тот ни рыба ни мясо... Зарплата вдвое выше плюс пенсия. А задачи куда конкретней...

Погруженный в тягостные размышления, Крылов подходил к своему дому. Вдруг из проулка раздался отчаянный женский крик.

– Помогите! Люди, на помощь!

– Садись, сука! Кто тебе поможет, кому ты нужна!

Раздалась грубая брань, хлестнул звук удара.

«Как не везет!» – подумал подполковник и, двинулся на шум, отработав бросив руку под пиджак, к левому бедру. Но привычной тяжести кобуры на поясе не было.

«Сволочи! Уйду на пенсию!»

Он заглянул в проулок. Здоровенный лоб в спортивном костюме за руку тащил молодую, приличного вида девушку к «мерседесу-100» с хищно распахнутой дверцей. Затем-

ненные стекла не давали рассмотреть, сколько человек в салоне. Но в проем двери нетерпеливо тянулась чья-то рука, да один должен быть за рулем...

И чего он не прошел пятью минутами раньше? Сейчас зашел бы в квартиру и не видел всего этого.

– Помогите! Мужчина, помогите!

Крылов пытался зацепиться за что-то, оправдывающее невмешательство. Может, это одна компания? Иногда шалавы по пьянке поднимают хипеж, а потом царапают физиономию пришедшему на помощь «спасителю». Но сейчас ситуация явно другая. Парень уже подтащил будущую жертву к машине. Он не обращал на Крылова внимания, не принимал его в расчет и никого не боялся. Он был здесь хозяином. А подполковник милиции с двадцатипятилетним стажем оперативной работы мандражировал и искал причину, чтобы ему не мешать! Да, мир перевернулся.

Крылов сделал шаг вперед, другой... Оставался шанс, что эти псы побоятся связываться с сотрудником милиции, но вероятность такого исхода представлялась ничтожной. Правда, кто-то может его узнать, тогда пятьдесят на пятьдесят!

– Помогите!

Еще рывок, ожидающая рука дотянулась до девчонки. Через пару секунд «мерседес» уедет. Ее могут обработать прямо в машине и выбросить где-нибудь на окраине, могут завезти на кладбище, стройку, пустырь и потом убить, чтобы не оставлять свидетеля.

– Стоять, милиция!

Крылов бросился вперед. В данной ситуации такой окрик, не подкрепленный тяжестью готового к бою «макара», мало чего стоил. Система вынуждала его становиться героем. Возможно, посмертно. Когда-то Крылову приходилось драться одному против троих. Но тогда ему было двадцать восемь, еще не выскакивала из сустава выбитая правая кисть, а у противника не могло быть никакого оружия, кроме ножей. Да и окрик «милиция!» деморализовывал правонарушителей.

– Милиция, я сказал! Отпустите ее!

Хищная рука быстро спряталась в затемненном салоне. Но «спортсмен» локтевым сгибом зажал девушке горло, и стало ясно, что отпускать ее никто не собирается.

– Уебывай, пока цел! – с холодной угрозой процедил он. Литой торс, могучая шея, чугунная челюсть. Нечеловеческие глаза, смотрящие на Крылова как на пустое место. Или на покойника.

«В глаза!» – опер напряг чуть согнутые указательный и средний палец и сделал последний шаг.

«Бах! Бах!»

Из темного салона сверкнули вспышки, сильно ударило в плечо и левую часть груди.

«Не может быть, не может быть...» – билась отчаянная мысль, но асфальт встал на дыбы и больно ударил в лицо, не дав додумать.

– Садись, сука, а то и тебя пришьем!

«Спортсмен» легко запихнул переставшую сопротивляться девушку в остро пахнущий порошком салон. Захлопнулась дверца.

«Номер, номер!» – подсказывал спинной мозг, и Крылов оторвал разбитое лицо от тротуара. Задние фонари «мерседеса» неторопливо удалялись.

«22–37 ТД» – буквы и цифры намертво врезались в гаснущую память.

Этим же вечером произошла еще одна случайность. Патруль милиции общественной безопасности преследовал бомжа, укравшего палку колбасы с лотка на набережной. Деваться было некуда, и бомж прыгнул в воду. Когда сержанты перевесились через чугунное ограждение, то увидели, как беглец, подтянувшись на руках, скрылся в жерле канализационной трубы.

Один из патрульных на ремне товарища спустился к трубе, начал преследование и догнал вора. О случившемся милиционеры, как и положено, написали подробные рапорты.

Начальник райотдела подчеркнул слова о попытке убежать через коллектор и наложил резолюцию своему заму: «Использовать при внесении информации по профилактической работе».

Так, наряду с предложениями о сносе создающих криминогенную ситуацию развалин,

выделении помещения под инспекцию по делам несовершеннолетних, финансировании программы «Забота», отпуске средств из местного бюджета на патрульно-постовую службу, в исходящий из РОВД документ включили бесхитростный и не требующий существенных расходов пункт: «Закрывать решеткой выход канализационного коллектора в стенке набережной на уровне четвертого причала».

Именно этот пункт подчеркнул глава районной администрации, наложив теми же чернилами резолюцию: «Исполнить».

О безопасности Президента при этом никто не думал.

Благодаря случайности избежал неминуемой гибели Рында.

– Забирай вещи, переезжаем, – сказал Баркас. Он регулярно перевозил разыскиваемого милицией бойца с места на место, так что ничего удивительно в предложении не было. Но, укладывая сумку с вещами в багажник новенького «БМВ» Баркаса, Рында заметил большой мешок с завернутым булыжником. Такие штуки применялись при ликвидации, чтобы спрятать концы в воду. Тоже дело обычное. Готовясь к ликвидации, Баркас прятал оружие в специальные петли под водительским сиденьем. Когда необходимости не было, он ходил «пустым» – менты наводили большой шмон, и шеф старался зря не рисковать.

Первым прыгнув в салон, Рында быстро сунул руку под сиденье, нащупав гладкую деревянную ручку кинжала. Значит, ликвидация планируется в ближайшее время. Но почему он об этом ничего не знает? Странно...

– Поживешь за городом на даче, – небрежно сказал Баркас, трогаясь с места.

Еще одна странность! На дачах посторонний человек сразу бросается в глаза да и ОМОН регулярно шерстит садовые участки.

– А дел никаких не намечается? – спросил Рында будто между прочим.

Баркас качнул головой.

– Какие дела! Знаешь, что в городе творится? Пересидеть надо... Рында все понял.

– Останови, живот болит.

– Потерпи немного, скоро доедем...

Действительно" через пару километров начинался безлюдный участок дороги, прижимающийся к высокому, густо заросшему кустарником берегу.

– Понос у меня. Жалко, если новую тачку обхезаю.

Выругавшись, Баркас нажал тормоз и быстро осмотрелся. На обочине стояла голубая фура «Дальавтотранса». Дальнобойщики обедали.

– Я сейчас.

Рында скрылся за кустами, пригнулся и на четвереньках побежал к роще. Затерявшись между деревьев, он выпрямился и рванул в сторону от дороги. Петляя, как заяц, и обходя трассу, он два часа добирался до города. И остановился в раздумье. Идти ему было некуда.

Глава восьмая УБИТЬ ПРЕЗИДЕНТА

Ты можешь быть Могуществен, как сам Господь Бог, но стоит найтись кому-то, у кого хватит смелости продырявить тебе голову, и ты отправишься на тот свет, как и все прочие смертные.

Аноним. Мафия изнутри (исповедь мафиози).

Группа «Ад» Главного управления охраны прибыла в Тиходонск вечером. Следовавший литерным рейсом транспортный борт, закончив рулежку, выкатился на отдаленную тупиковую полосу, предназначенную для проведения операции «Набат», отправки и приема специальных грузов и других мероприятий, не предназначенных для посторонних глаз.

Турбины смолкли, наступила степная тишина, только издали доносилось гудение прогреваемых двигателей. Распахнулся люк, крутая металлическая лестница уткнулась в бетон, на верхней ступеньке появился человек в аккуратном гражданском костюме, при галстукке и в черных очках.

Он привычно осмотрелся по сторонам, вдохнул пряный аромат высушенной солнцем травы и остановился взглядом на железобетонном капонице, к которому, как он хорошо

знал, ведет скрытый ход сообщения. Сверху на бетоне, широко расставив ноги, стоял плотный большоголовый мужчина, тоже в костюме, галстук и темных очках. Оба вскинули руки над головой в приветствии, обозначающем одновременно, что никаких осложняющих обстоятельств ни у одной из сторон нет. Если бы кто-то из них находился под прицелом террористов, приветствие выглядело бы по-другому.

– Разгрузка! – бросил прибывший в черный проем люка и мгновенно оказался внизу. Фиников поспешил навстречу.

– Как обстановка? Как Папа?

– Ничего. Несколько дней посидит на даче, чтобы не было «раздвоения». «Раздвоение» означало, что Президент и двойник одновременно фиксиру-

ются в разных местах. Это было бы серьезным промахом охраны. Когда-то покойный Леонид Ильич путешествовал по стране, газеты подробно освещали маршрут, первые полосы пестрели фотографиями: престарелый генсек выходит из салона-вагона и очередной местный вождь, льстиво улыбаясь, ведет его под руку вдоль сонма руководителей рангом поменьше. Особо отличался вечный и в те времена Гейдар Алиев: всенародное ликование встретило дорогого гостя в Баку, три дня длились празднества и встречи с жителями и активом республики, газеты фиксировали каждый миг на гостеприимной земле. Одновременно те же газеты публиковали указы с подписью «Л. Брежнев», местопребыванием «Москва, Кремль» и датой... посещения столицы «широко шагающего» Азербайджана. Впрочем, в те времена не было охотников обращать внимание на подобные казусы.

Специальная полоса ожила: из чрева транспортника посыпались бойцы группы активных действий – половина в грозном камуфляже, половина – в стандартных гражданских костюмах.

В хвостовой части самолета откинулась аппарель и на бетон съехали два набитых оружием, техникой и другим снаряжением микроавтобуса и три бронированных легковых автомобиля. Группа «Ад» была полностью оснащена для автономной работы.

– А что здесь? – в свою очередь, спросил командир группы.

Фиников зачем-то оглянулся.

– Вы прибыли вовремя. Я тут никому не доверяю. Очень уж странные у них происходят вещи...

При проверке информации, изложенной в рапорте Пырьева, странностей действительно обнаружилось немало. Фиников вернулся к гибели Малинкина, когда он изучил акт судмедэкспертизы, то оказалось, что смерть майора наступила в результате скручивающего перелома шейных позвонков. Тогда он и Пырьев поехали к эксперту.

– Разве такие травмы характерны для наезда автомобилем?

– Конечно, нет, – отозвался толстяк с крупным острым носом и маленькими, глубоко посаженными рачьиими глазками.

– При наезде обязателен перелом ног на уровне бампера, разрывы внутренних органов и черепно-мозговая травма.

– Почему же...

– Не знаю! – Рачьи глазки ушли в глазницы. – Я не следователь, я констатирую факт. А он делает выводы.

Следователь группы, специализирующейся на дорожно-транспортных происшествиях, оказался милостивой женщиной, немногим старше тридцати, со стажем, достаточным для полной утраты любознательности и выработки «философии» самого простого объяснения.

– Дело простое, усложнять его не надо, – улыбаясь, объяснила она. – Два свидетеля видели, как человека сбила машина. Что еще требуется? Эксперт определил перелом шейных позвонков. Все ясно!

– Но механизм причинения смерти не характерен для аварии! – возразил Фиников.

Женщина поскуцнела и перестала улыбаться.

– Когда наезжает автомобиль, может сломаться что угодно: шея, грудь, ноги... Я ведь не врач. Свидетели дали показания, эксперт – заключение, наши розыскники ищут машину. Следствие приостановлено. А что мне делать? Играть в Шерлока Холмса? Некогда – у меня сорок дел в производстве!

– И все расследуются точно так же! – не выдержал Пырьев.

– Если можете лучше – забирайте и расследуйте! – раздраженно бросила следовательша.

Фиников подумал, что три-четыре года назад капитан милиции не посмел бы так разговаривать с подполковником госбезопасности.

Столь же равнодушным оказался и следователь прокуратуры.

– Таисия Попцова, смерть от утопления в воде, состояние опьянения, телесных повреждений нет, – процитировал он заключение судмедэксперта. – Вывод: несчастный случай. Я отказал в возбуждении уголовного дела.

«Парень совсем молодой, а уже все ему до... дверца», – подумал Фиников.

– Кто к ней ходил, какие отношения...

– Мне это не надо, – перебил следователь. – Криминала нет, расследовать нечего. А у меня, между прочим, восемь дел!

– Что же, спасибо! – сдерживаясь, Фиников попрощался.

– Придется самим отрабатывать все пробелы, – сказал он Пырьеву, когда они вышли из прокуратуры.

Инициатор рапорта чертыхнулся про себя. Ну и задал ему Лис работы своим неожиданным звонком! Но нюх у него отменный: здесь явно что-то нечисто!

– Поедем в «Аксинью», – со вздохом предложил подполковник. – Может, что-нибудь и зацепим...

Прибыв в гостиницу, они показали дежурной по этажу и горничной фотографии Малинкина.

– Точно, этот и ходил, – в один голос подтвердили женщины. – И кавказец ходил. Вроде как в разные смены... Фиников извлек Несколько фотографий из своей папки.

– Не тот, нет, не этот... Вот он! – указала дежурная.

– Да, точно, – согласилась горничная. – Вот бабы! Один уходит, другой приходит...

Фиников отложил снимок Гарегина Петросова. Его подозрения начинали обретать почву.

– Не хотят работать, – выругался Пырьев. – Ни милиция, ни прокуратура... А у нас следствие отобрали, кадровый костяк разбомбили! Сейчас обещают вернуть следственные отделы, да люди-то уже поуходили! Кто на пенсию, кто в частный сыск, кто – куда-то еще. Может, это нарочно делают?

– Кто делает? – строго спросил представитель Главка охраны, и контрразведчик ступешался.

– Да это я так... Пойдем швейцару фотки покажем.

Краснолицый дородный отставник МВД в зеленой ливрее Петросова не опознал.

– Их тут много сшивается, и все на одно лицо. А этого знаю, видел... Толстый морщинистый палец ткнул в лицо Малинкина.

– Его человек увел...

– Что за человек?! – одновременно спросили Фиников и Пырьев.

– Человек... Солидный, с выправкой! Должно – военный. Точно, военный! Он же сказал: «Вас вызывает полковник...» Как там его... Клевцов или Концов, или...

– Может, Гревцов? – напряженно спросил Фиников.

– Точно! Гревцов! – обрадовался швейцар. – И пошли куда-то... Меня как раз ужинать позвали, так я дальше не видел.

Смерти Малинкина и Попцовой явно сплелись в один клубок. Фиников решил приглядеться к очевидцам гибели майора. Их адреса он выписал из дела раньше. Граждане Попов и Котов приехали в командировку из Перми, жили в гостинице «Тиходонск».

Рассказав командиру «Ада» о результатах собственного расследования, Фиников подчеркнул:

– Я не стал задействовать местных, Никого. Сейчас сделаем две вещи: я передам по твоей связи запрос в Центр – пусть проверят их по Перми. А ты выдели людей, пусть пару дней походят за ними.

Командир кивнул.

– Поднимись на борт, отбей шифровку, а потом примем под наблюдение твоих фигурантов.

Фиников улыбнулся.

– Вначале разместимся и пообедаем.

– Можно и так.

Командир улыбнулся в ответ.

* * *

Похоронный кортеж растянулся на три квартала. Все происходило как обычно: несколько сотен автомобилей, в большинстве иномарок, перекрытое движение, рев клаксонов.

Крест поначалу втянул голову в плечи.

– Разве ж можно в наглуую ментов дразнить!

– Все привыкли, – успокоил Хромой. – Уже давно так делаем.

Их «волга» пристроилась в середине процессии. Кроме Хромого, никто из людей Черномора к Кресту не подошел: внезапная гибель Короля послужила для многих предостережением.

– Они же срисуют всех!

– Конечно. Пусть лишний раз рисуют. Нас и так все знают – и уголовка, и руоповцы.

– И что?

– Да ничего. Что они могут сделать?

Крест даже закашлялся.

– В былые времена налетели б, раздраконили палками да в камеры покидали...

– Нет, – усмехнулся Хромой. – Сейчас ведь демократия.

Крест озадаченно молчал. Он никак не мог привыкнуть к изменившемуся миру, так как не верил, что происходящее может продолжаться долго. Сам Крест строго исповедовал криминальные «законы» не из-за слепой веры в воровскую «идею». Ему так было проще удерживаться на вершине зоновской иерархии. Но увиденное на воле поражало: здесь не действовали никакие – ни воровские, ни государственные законы!

Как могли никому не известные «бакланы» вот так запросто взять и завалить Короля? Как могли сейчас несколько сот воров парализовать движение в центре крупного города?

– Узнали, кто это сделал?

– Узнать-то узнают, – нехотя ответил Хромой. – Да что толку? С этими отморозками связываться никто не захочет. Близких друзей или родственников у Короля нет, а братве нет смысла затевать бойню. Заставят заплатить семье, тем и кончится.

– Совсем с катушек съехали! – Крест брызнул слюной. – Вот сродняк соберу – разберемся! В городе хозяин должен быть, он за порядок отвечает. И если не может – с него и спрос!

В голове колонны в новом «мерседесе-600» ехали Черномор с Севером и Гангреной.

– Калинка и Плойка с ними ушли и сгнули. А у тех появились тэтэшники с задержкой перезарядки, – сипло докладывал Гангрена. – Потом лотки забрал Возле железной дороги, а контролеров холодными нашли. Баркас посылал своих, устроили в «Погребке» мочилову, но он уцелел. А кто Калинку в больнице добил? Он – больше некому!

– Да кто он вообще такой?! – Черномор раздраженно повернулся к Северу. – Кто его знает, кто за ним стоит?!

– Никто. Кусок говна. Набрал шоблу таких же отморозков и мочит всех подряд, без разбора! Калинку с Плойкой, баркасовских парней, Короля... Север задумчиво покусал губу.

– Самое смешное: авторитета нет, уважения не заработал, а страх навел! Артем ему за месяц вперед заплатил, часовщики тоже деньги отнесли... Как будто Короля никогда не было и всю общину перебили...

– Страх навел, говоришь? – Отец тяжело дышал, словно астматик. – Ладно.

И приказал Гангрене:

– На куски падлу! И разбросать, чтоб все видели!

– Сделаем, – буднично отозвался тот.

Гробы были не рядовые – из тяжелых сырых досок, обтянутых дорогой материей. Полированное, покрытое лаком дерево, тяжелые медные ручки, золотая бахрома. Король

курировал бюро ритуальных услуг, и там его помнили. Телохранителю И шоферу повезло – за компанию и их хоронили по высшему разряду. Второму телохранителю повезло еще больше – он выжил. Помня о судьбе Калинки, Север посадил у больничной палаты двух бойцов.

У разрытых ям долго звучали прочувствованные речи, обычно нетерпеливые могильщики скорбели вместе со всеми, изредка озираясь на лица окружающих их людей.

Наконец на груду свежей земли вскарабкался Крест.

– Золотых наших друзей провожаем в последний путь, – надрывно, со слезой начал он. – Остались вдовы, детишкисироты, мы их, конечно, без помощи не оставим. О тех, кто это сделал, не здесь говорить и не сейчас...

Толпа провожающих стояла безмолвно. Бесшумно работали две скрытые видеокамеры, несколько чувствительных микрофонов фиксировали каждое слово. Но Крест это учитывал.

– Я себя виню за то, что недоглядел. Правда, недавно прибыл, не осмотрелся, не успел... И все равно – моя вина.

Черномор понял, куда клонит зоновский авторитет.

– Если в доме нет хозяина или хозяин плохой, только о себе думает, тогда и хоронят замечательных людей. В нашем доме много дел накопилось, много мусора и грязи собралось, пора уборку делать. И о хозяине настала пора поговорить... Нужен ли нам такой, при котором порядка нет?

По толпе прокатился сдержанный шумок.

– Будем девять дней отмечать по христианскому обычаю, соберемся все вместе и поговорим о делах и заботах наших. А пока простимся с друзьями и предадим их земле...

Через полчаса Черномор возвращался домой. Север сел в другую машину. Он давно держался независимо и вроде как сам по себе. Но сейчас Черномор связал это с выступлением Креста.

«Дал понять, кто виноват, и сходку назначил... Да так неожиданно и ловко... Язык у него подвешен, права качать умеет, как бы его не взяла»,

– мрачно размышлял пахан. Чувствуя настроение хозяина, Гангрена тоже угрюмо сопел.

– Никуда не денется, тварь! – с ненавистью сказал он. – Шкуру на ремни распушу, яйца сожрать заставлю!

Он неправильно истолковывал причину озабоченности пахана, но искренне хотел его успокоить.

Черномор дружески похлопал человекоподобное существо по плечу.

– Давай по стаканчику водки пропустим под борщок! – расчувствовавшись, предложил он.

Гангрена радостно осклабился.

– Когда они приехали и шустрая Даша сноровисто собирала на стол, раздался телефонный звонок.

– Я от Метлы, – не здороваясь, произнес низкий, уверенный голос. – Адрес и наиболее удобное время.

Черномор закашлялся, прикрывая трубку ладонью. Гангрена стоял в двух шагах, настороженно пытаясь определить, кто беспокоит хозяина.

– Принеси воды!

Кивнув, тот бросился вниз.

– Пирамидная, шестьдесят два. Утром, от восьми до двенадцати.

Раздались короткие гудки.

Когда Гангрена принес стакан нарзана, Отец уже не кашлял, да и настроение у него улучшилось.

А звонивший тиходонскому пахану человек вышел из будки телефона-автомата и медленно пошел через вокзальную площадь. Он прибыл десять минут назад и хотел уехать как можно быстрее. Опытным взглядом человек определил, что в городе неспокойно: на перроне, в здании вокзала, на прилегающей площади ему уже встретились шесть, патрулей. Омоновцы, обычная милиция, внутренние войска... Они внимательно осматривали приез-

жающих и покидающих город, некоторых останавливали, проверяли документы, осматривали багаж. В основном внимание патрульных привлекали кавказцы, плохо одетые граждане и владельцы больших чемоданов, объемистых тяжелых сумок, крупногабаритных коробок.

Прибывший имел славянский тип лица, одет неброско, но добротно, а в руке нес не большой кейс. В нем находились спортивные брюки, электробритва «Braun», полотенце и одеколон. В другом отделении лежали не менее нужные вещи: белые трусы и майка, прикрывающие малогабаритный пистолет-пулемет «Клин», игрушечную на вид машинку длиной всего двадцать пять с половиной сантиметров и весом в килограмм шестьсот граммов. Здесь же находился пятнадцатисантиметровый глушитель и магазин, снаряженный тридцатью девятимиллиметровыми патронами.

«Клин» был создан для спецподразделений МВД, большинство сотрудников милиции видели его только на картинке в ведомственном журнале. Несмотря на игрушечный вид, автомат рассчитан на дальность поражения не менее ста пятидесяти метров. Откидной приклад позволял вести на такой дистанции прицельный огонь, разумеется, при наличии определенных навыков.

Обладатель кейса такие навыки имел. Ему довелось много стрелять: в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии. В конце концов он решил, что предпочтительнее делать это в мирных городах: риска меньше, а индивидуальные заказы оплачиваются гораздо выше, чем массовая работа.

Он сменил много фамилий, сейчас в нагрудном кармане рубашки лежало удостоверение майора Смирнова, сотрудника Управления ФСК Ленинградской области. С таким прикрытием можно не опасаться случайной проверки. А «хвоста» за ним не было, он всегда работал чисто.

В примыкающем к зданию вокзала переговорном пункте толкался распаренный дорожный люд, атакующий автоматы южного направления.

– Самолет нэт, толко суббота, – кричал небритый парень, тараша жгуче-черные глаза. – Не билетов нэт, рэйса нэт, его долларами не купишь!

– Самвельчик, как мама? Я плохо слышу! Как мама? – толстуха в цветастом платье затыкала толстым мизинцем свободное ухо. – Самвельчик, я ничего не слышу! Ничего не слышу, говорю!

«Так положи трубку, дура», – раздраженно подумал «Смирнов», пробираясь через сумки и чемоданы к пустой кабине прямой связи с Москвой.

Метла снял трубку после первого звонка.

– Слушаю.

– Я на месте. Позвонил, узнал адрес. Советует завтра с утра.

«Смирнов» положил трубку и вновь вышел на привокзальную площадь. Система обеспечения личной безопасности включала информацию заказчика о своем местонахождении. Если произойдет какой-то сбой, они попытаются его вытащить. Не по дружбе или подобным сентиментальным причинам: чтобы он не начал их сдавать. А «отмазать» человека, сидящего в тюрьме, легче, чем убить.

Он остановил частное такси – потрепанный красный «жигуленок» с желтым плафоном на крыше, повалился на продавленное сиденье и сказал такому же потрепанному жизнью водителю:

– Пирамидная, точно дом не помню, на месте узнаю.

Улочка располагалась на окраине. Частный сектор, разбитая – яма на яме – дорога. Неказистые, старой застройки домики. Шестьдесят второй номер не отличался от окружающих, только деревянный забор недавно отремонтировали и не успели покрасить.

– Не вспомнил, – пояснил водителю «Смирнов». – Один раз был у бабы по пьянке, забыл начисто. Придется в гостинице ночевать. Давай куда-нибудь в центр.

– К «Аксинье»? – спросил водитель. – Это у нас лучшая.

– Давай, – кивнул приезжий.

Устроиться на ночь в шестидесятитысячный номер удалось без труда. Поужинал в буфете, купил в киоске бесцветный лак для ногтей, заперся, подпер дверь наклоненным на две ножки стулом и быстро заснул.

Проснулся по заданной самому себе программе в семь утра. Умылся, побрился, протер

щеки одеколоном" Долго рассматривал фотографию, явно переснятую с какого-то Документа. Мощный раздвоенный подбородок, узкие губы, перебитый нос, нависающие надбровные дуги... Ну и рожка! Не перепутаешь...

Изорвав снимок на мелкие кусочки, он спустил их в унитаз. Присев ближе к окну, нанес слой лака на подушечки пальцев. Когда лак отвердел, он повторил процедуру. Привинтил к автомату глушитель, оттянул затвор и Пальцами аккуратно вставил толстенький желтый патрон в ствол. На всякий случай. С приткнутым магазином оружие в кейсе не умещалось, а так он получил на случай непредвиденной ситуации лишний шанс. Правда, всего один. Но когда шанс неожидан, быстр, точен и бесшумен, то это немало.

В семь сорок пять «Смирнов» упругим целеустремленным шагом вышел из гостиницы. Он никогда не завтракал перед «делом», но не ощущал голода. Он не обращал внимания на чистое голубое небо с восходящим золоченым кругом солнца, свежесть промытого поливальной машиной асфальта, шумных автотуристов, загружающих свои автомобили перед очередным участком пробега.

Он не видел девушек в соблазнительно коротких шортах, не замечал сверкающего мощного «порше» с откинутым верхом, из которого южного вида молодцеватые парни махали красавицам руками. Мир вокруг него вообще перестал существовать. Он шел по черному туннелю с Четырьмя пологими нарезками и впереди маячило лицо с уничтоженной фотокарточки.

Как шварценеггеровский терминатор, он был настроен на конкретную работу и двигался к цели с неотвратимостью самонаводящейся тепловой ракеты.

* * *

Прибывшая в Тиходонск группа «Ад» состояла из сорока трех человек. Они расположились в казарме пустующего учебно-тренировочного центра дивизии внутренних войск. По легенде это было подразделение связи и информации, задействованное в проводимых учениях. Впрочем, легенду никто не проверял: комдив знал об обстановке в городе и, получив шифротелеграмму, отдал соответствующий приказ.

Группа развернула свою радиостанцию, кухню, выставила часовых и сразу же приступила к работе.

Фиников, заехав в УВД, зашел к генералу Крамскому.

– Хотим помочь, – улыбнулся он в ответ на настороженный взгляд начальника УВД.

– Это как? – Настороженности в голосе не убавилось. Еще ни разу приезжающие из столицы не облегчили работу местной милиции. Наоборот – требовали содействия, обеспечения, поддержки. А вся «помощь» сводилась к проверкам бумаг и составлению разгромных справок.

– Нам выделено двадцать человек для обеспечения режима безопасности в городе. Прошу включить их по одному в патрульные машины.

«Что-то новое», – подумал генерал.

– И что – они будут нести службу всю смену наравне с моими людьми? – спросил он, подозревая какой-нибудь подвох.

– Да. Всю смену и наравне, – подтвердил Фиников. – Конечно, пьяных им таскать не надо. А контроль серьезных ситуаций – за ними. И особенно – пресечение правонарушений должностных лиц. Знаете, как бывает, начнет какой-нибудь начальник красной корочкой махать – ваши и тушуются...

– Потому что потом виноватыми оказываются, – перебил Крамской.

– Вот именно, – кивнул Фиников. – А наш человек добьется, чтобы виноватым был тот, кто виноват! Это способствует усилению режима законности!

Крамской по селекторной связи соединился с командиром полка патрульно-постовой службы.

– Завтра к тебе придут двадцать офицеров ФСК из Москвы, для усиления экипажей ПА. Проинструктируй своих и включи их в наиболее ответственные маршруты.

– Так кто к нам приезжает? – спросили на другом конце провода. – Такой свистопляски еще никогда не было!

– Думай, на то и голова! – Крамской отключился.

– Спрашивает – кто приезжает, – пояснил генерал, вопросительно глядя на Финикова.

Тот молчал.

– Неужели, спрашивает, Президент?

Фиников усмехнулся.

– Вы правильно ответили. Голова есть, пусть думает, – он встал. – Спасибо за содействиие.

«Не проболтался, – размышлял генерал. – Значит, точно Президент. Иначе не стали бы столичных контрразведчиков в патрульные автомобили сажать...»

Крамской размышлял правильно, допуская лишь одну ошибку: двадцать выделенных на усиление милицейских патрулей офицеров не имели никакого отношения к ФСК. Но ошибка была извинительной, потому что о существовании в составе Главного управления охраны группы активных действий никто не знал. Как не знали и о той работе, которую развернул «Ад» в Тиходонске.

В столь же автономном и секретном режиме функционировало подчиненное ФСК России спецподразделение «Тантал». Сотрудники, имеющие документы прикрытия на фамилии Котов и Попов, докладывали «Седому»:

– К следователю опять вызывали. Как его машина ударила, да как он упал... Не сходится там одно с другим...

– Чего вдруг они схватились? – мрачно поинтересовался «Седой».

– Местная безопасность влезла. И в гостиницу приходили, наши карточки смотрели...

– Пинкертоны... Лучше бы предателей своевременно выявляли!

Командир задумался.

– Значит так! Из гостиницы выпишитесь, скажите, что командировка закончилась. Паспорта замените. Поживете пока в офисе, вместе с охраной. Кажется, все... Да, а за вами не следили?!

– Вроде нет. Мы проверялись...

– Вроде! Меры контроля усилить! Как там на рынке?

– Большое оживление. Директор в депутаты готовится, Под телекамерами народ бесплатным борщом кормил. И у кавказцев в цветочном павильоне каша варится; уходят, приходят, докладывают. Как в штабе...

– Ладно, вы несколько дней не вытыкайтесь. Пусть забудут Котова и Попова... Но сотрудники «Тантала» ошиблись, полагая, что за ними никто не наблюдал.

– В Перми они никогда не проживали, – пересказывал содержание шифротелеграммы командир «Ада». – Паспорта на их фамилии не выдавались. Хотя номера и серии закреплены За Пермской областью. Из гостиницы они направились в какую-то хитрую фирму, называется «Тантал», о ней никто из местных ничего не знает. А толкуются в ней" несколько десятков крепких мужиков, то ли спортсменов, то ли военных. И еще: полковник Гревцов никого за Малинкиным не посылал. А с Попцовой майор путался еще в Москве.

– О том, что Гревцов – Начальник Малинкина в Тиходонске никто не знал, – задумчиво сказал Фиников.

– Я, думаю так: понаблюдаем за этой конторой, а потом проверим – кто такие да чем занимаются, – предложил командир.

Фиников кивнул.

– Я только доложу начальнику Главка.

Действующие в обстановке секретности спецподразделения «Тантал» и «Ад» готовились к боевому столкновению.

* * *

Когда Крылова нашли, он находился – без сознания, пульс еле прощупывался. Одна пуля пробила плечо под ключицей, вторая прошла сквозь грудную клетку в двух сантиметрах от сердца.

Рядом с телом кровью были криво написаны цифры «22–37».

– Как в кино, – сказал один из понятых.

Нырков услышал.

– В кино не так. Там камеру выключили, он встал и пошел...

Сотрудники обходили окружающие место происшествия дома. Свидетели не объявлялись: никто не смотрел в окно и не слышал выстрелов. С большей степенью вероятности можно было предположить, что очевидцы трагедии просто не хотели «влипать в историю».

Крамской распорядился ввести оперативный план «Перехват»: обнаружение и задержание вооруженных преступников. Всем экипажам патрульных машин и стационарным постам ГАИ передали кровавые цифры. Их же искали в оперативно-справочной картотеке ГАИ.

Работа предстояла кропотливая: карточки стояли по сериям, а поскольку буквы госномера известны не были, следовало перелопачивать вручную десятки тысяч картонных прямоугольников.

Гаишники всегда отбрыкивались от этой тягомотины, требуя людей от заинтересованных служб. Сейчас по приказу генерала к алфавитным деревянным ящикам сели пятнадцать сотрудников из УР, РУОП, ГАИ.

Как только четыре нужные цифры отыскивались, специальная группа выезжала по адресу владельца. Серая «волга», стоит в гараже, хозяин месяц в больнице. Красный «москвич», владелец дома с шести вечера, есть свидетели. И так далее...

Поиск вслепую длится очень долго и не всегда приводит к цели. Далеко не всегда! Если бы Крылов очнулся... Об этом думали все.

– Посадить опера в палату, – приказал генерал. – Придет в себя – сразу назовет машину, приметы. Я Сашу знаю!

Мигая синим маячком, подъехала «скорая».

– Давайте быстрее! – заорал Нырков. – Вам только дрова возить!

Молодой врач наклонился над Крыловым.

– Чего вы кричите? – оскорблено сказал он, выпрямляясь. – Это вообще не по нашей части!

– Как так?!

– Он мертвый... Диагноз соответствовал действительности.

– Суки! Вот суки! – Нырков лупил кулаком по ладони. – Я их найду! Из-под земли вытащу!

К утру стало ясно: по картотеке машину преступников не найти. Либо она иногородняя, либо угнанная и ходит под чужими номерами.

– Свяжитесь с Корневым, – сказал Нырков, когда ему доложили об отрицательном результате. – Он знает, что можно сделать...

Волошин отыскал Реутова. Тот назвал телефонный номер, сообщенный Лисом для экстренной связи. Волошин позвонил.

Лис не спал с шести часов. Он сидел в огромном кресле у камина и занимался странным делом: аккуратно прокалывал шилом литровую пластиковую бутылку из-под пепси-колы. Дырочек было уже не меньше сотни. Но он продолжал работу, стараясь, чтобы ближе к горлышку диаметр отверстий сохранялся поменьше, а к доньшку увеличивался.

Он испытывал сосущее чувство то ли страха, то ли дурного предчувствия, но относил это к предстоящим в пять часов событиям. Когда ожил телефон и он услышал голос Волошина, то понял, что дурное предчувствие его не обмануло.

– Крылова убили, – оглоушила ужасная весть. – Вчера вечером, прямо рядом с домом. Два выстрела в грудь, гильз не нашли, скорее всего из машины. Он кровью написал номер: 22–37.

– Без серии? – спросил опытный Лис. – А эти долбачи из картотеки не смогли найти?

– Да нет, Крамской целую бригаду посадил, все перешерстили...

– И без толку! – догадался Лис. – Я займусь. Если что получится – перезвоню.

Сейчас ему было крайне некогда. Но когда бандиты убивают подполковника милиции, старого товарища Сашку Крылова! А чего не убивать, если риска почти никакого! Скорей всего не найдут, а найдут – не докажут, а докажут – не осудят... А если и осудят – то не шлепнут, сейчас гуманисты в почете, разные пидоры, жизни не знающие, вообще жопу рвут, чтобы расстрел отменили!

Нет, товарищи бандиты! За Сашку никакой гуманности не ждите!

Бросив исколотую бутылку в сумку вместе с отрезком мягкой медной проволоки. Лис прыгнул в машину. Сменивший омоновские ботинки на кроссовки Вова открыл ему ворота. Восемь тридцать. Лакировщик уже должен быть у себя. Лис вдавил педаль газа и понесся по знакомому маршруту.

Дважды его остановили гаишники. Смутно знакомый лейтенант, очевидно, помнил его: небрежно взглянул в документы, козырнул и пожелал счастливого пути. Второй раз проверка затянулась, сержант осмотрел салон, заглянул в вещевой ящик, пощупал под сиденьями.

– Обязательно надо проверять багажник, – нравоучительно сказал Лис. Но он уже не был майором милиции.

– Не умничайте, – сержант сделал отмашку жезлом. – Проезжайте.

«Мало чего стоит такой контроль», – подумал Коренев, продолжая путь.

Ремонтную базу огораживал добротный каменный забор, железные ворота наглухо закрыты. Он сунулся в калитку.

– К кому? – рыкнул мордатый парень в тельняшке с закатайными рукавами, открывающими мускулистые татуированные руки.

– Вызывал? – Сторож бесцеремонно осматривал незнакомца с головы до ног.

– Это кум к себе вызывает, – Лис подмигнул. – Да ты и сам знаешь. Скажи: Коренев в гости пришел.

Через пяток минут появился Лакировщик в черном рабочем комбинезоне. Он любил собственноручно перекрашивать «тачки» и делал это с таким мастерством, что к нему обращались не только угонщики, но и вполне уважаемые автовладельцы, причем принимал он заказы лишь по солидным протекциям.

– В гости, да? – Невыразительное лицо, белесые веки и ресницы, редкие бесцветные волосы. Человек без возраста, броских признаков, особых примет.

– В гости – это хорошо... наверное, дело есть?

– Надо «тачку» перекрасить, – Лис ткнул пальцем в свою «девятку». – Быстро и чтоб никто не знал.

– Чего?! – вскинулся Лакировщик.

– Шутка. Почему на улице разговариваем? Нельзя заглядывать? Новые поступления?

– Мне шутить некогда, работать надо, – недовольно сказал «король угонов».

– Лады, шутки в сторону! – Лис построжал. – Какие к дьяволу шутки, если вчера вечером нашего товарища убили на Подбельском! Из машины. Скорее всего угнанной. Номер двадцать два – тридцать семь.

Называя цифры, Коренев впился взглядом в физиономию Лакировщика. У того была фотографическая память. И хотя пресное выражение лица не изменилось. Лис понял, что номер ему известен.

– Разве упомнишь? Вон их сколько угоняют!

– На угон мне плевать! Сашку Крылова убили! Кто?!

По выражению лица бывшего опера Лакировщик понял, что лучше не перегибать палку. Он насупился, но явно не собирался говорить то, что знал.

– Ты уже не в Конторе... На кого работаешь?

– Сейчас на себя. Объяснил ведь – товарища убили!

Лакировщик вздохнул.

– Времена меняются. Все грызутся между собой, подлянки заделывают, Я никуда лезть не хочу. Лишнее слово болтнешь – кровью захлебнешься... Он повернулся к калитке.

– Постой! – Лис схватил его за плечо, рывком развернул. – Ты не понял, что я сказал?!

– У Отца спрашивай. Если разрешит – буду с тобой говорить. Нет – извиняй. Я тебе не друг, не брат и не стукач.

От возмущения у Лиса перехватило дыхание.

– Вот так значит? А если я твою лавочку переверну вверх дном да все кузова и агрегаты по номерам проверю?!

– Раньше мог, сейчас нет. У нас частное предприятие, охрана. Посторонних не пускаем. Будет удостоверение и санкция прокурора – тогда приходи.

Лакировщик повернулся, с лязгом захлопнул калитку. Ржаво проскрипел засов.

Взбешенный Лис снова прыгнул за руль и так газанул, что колеса взвизгнули, прокручиваясь. Возле дома Черномора было пустынно. Во дворе, у входа, Грелся на солнышке Гангрена, блаженно развалившись на стуле под ослепительно отсверкивающей золотой тарелкой.

– Хозяин у себя? – с ходу спросил Лис.

Гангрена вскочил.

– Да. Сейчас скажу... Он вбежал в дверь, затопал по лестнице и тут же скатился вниз.

– Заходите.

Лис отметил, что Гангрена держится почтительно, как и раньше. Черномор ждал наверху, откинувшись на мягкую спинку дивана. У него был то ли сонный, то ли больной вид.

– Слышал, какое горе у нас? – встретил он бывшего опера. – Короля убили. Старый товарищ, хороший семьянин. За что, почему, кто? Неизвестно. Милиция ничего не знает. Может, ты сможешь?

Лис понял, что Лакировщик уже позвонил пахану. Обращаясь первым с аналогичной просьбой, Черномор пытается выбить почву из-под ног просителя. Не станешь же отвечать: «Мол, кто убил Короля не знаю, а вот вы не знаете, кто убил Крылова?» Получится чистый балаган.

– Милиция не знает, а я знаю. Я ведь все знаю...

– Так редко бывает. Просто счастливый дар...

Из кармана домашнего пиджака Черномор извлек маникюрную пилочку и принялся старательно обрабатывать ногти. Так он делал, чтобы расслабиться и снять напряжение. Некоторые для тех же целей перебирают четки. Лис знал, что пилочка в руках Черномора – верный признак отказа просителю.

– И помочь могу. Но за ответную помощь. Вы уже в курсе, что мне надо... Пахан не счел нужным изображать удивление.

– Если человек и так все знает, чем мы ему поможем? Тем более, мы с частными сыщиками вообще дел не имеем...

– Сказать, кто убил Короля? – напрямую спросил Коренев.

– Лучше напиши, – Черномор дотянулся до тумбочки, взял лист бумаги, сложил и пилочкой аккуратно разрезал на две части. Одну протянул посетителю.

– Ты напиши, и я напишу. А потом сравним.

Лис замешкался.

– Да тут же и спалим все, – усмехнулся хозяин.

Лис написал. Черномор не дотронулся до карандаша.

– Я и так скажу – кто. Амбал! Верно?

Лис разорвал листок, смял обрывки и сунул бумажный шарик себе в карман.

Черномор внимательно разглядывал ногти.

– Значит, не будет разговора? – Коренев встал.

– Почему же? – Пилочка вновь пошла в дело. – О погоде, футболе, скачках – давай поговорим. Скучно старику сидеть в четырех стенах.

– Ну, если так... Хмыкнув, Лис не прощаясь вышел из комнаты.

Черномор продолжал опиливать ногти, снимая напряжение ожидания; с минуты на минуту должны позвонить и сообщить о смерти Креста. Но телефон почему-то молчал.

Не отвлекаясь больше ни на что, Коренев поехал в «Золотой круг». Лишь один раз он сделал остановку. Из телефонаавтомата набрал полученный от Лешего номер Креста.

– Приветствую, Олег Васильевич! Не узнали? Богатым буду. Это Лис. Советую поберечься. Черномор тебя сдал москвичам. Метлу знаешь? То-то. В любой день... Он вдруг по-новому оценил владевшее Черномором напряжение.

– Может, даже сейчас. Очень может быть!

Лис положил трубку и уехал, а Крест долго сидел, будто прикованный к телефону.

В первой половине дня он выходил прогуливаться по тихой улочке к роще, потом между деревьев, вдоль стены военного завода, к маленькому озерцу и обратно. Сейчас он как раз собрался и два телохранителя ждали во дворе.

– Серый, слышь, Серый!

Блатной в доску парень в надвинутой на лоб кепке вбежал в комнату.

– Выдь, походи, понюхай, чтоб все чисто было...

Серый ушел. Крест, побряхтывая, опустил на четвереньки, сунул руку под старинный шифоньер. В прибитых к днищу ременных петлях висел завернутый в тряпицу «наган». Достав оружие, Крест развернул его, прокрутил, заглядывая в гнезда, барабан, сунул «наган» под диванную подушку. И стал ждать.

* * *

Темный туннель с четырьмя полосками нарезов временами прорывался, открывая взгляду то, что могли способствовать или наоборот – препятствовать выполнению задачи.

Постовой милиционер, безразлично глазеющий по сторонам... Незапертая «волга», владелец которой забежал в магазин... Молодые парни, недобро осматривающие прохожих...

«Смирнов» знал о роковой роли случайностей и, выйдя на «линию прицела», избегал любых недоразумений и конфликтов. Но ему необходим транспорт, поэтому приходилось идти на риск.

«Волга» не годилась – ее немедленно хватятся, а следует иметь хотя бы час-два форы.

А вот «москвич», припаркованный у небольшой фабрики, – то, что надо. Неказистый, неприметный, хозяин вряд ли выйдет до конца смены. К тому же эту модель не угоняют, значит, вряд ли она так уж сильно защищена.

И точно – заглянув внутрь, он не увидел скобы на педалях или крюка на руле. Универсальной отмычкой легко открыл замок двери, сунув руку под приборный щиток, рывком оборвал провода, соединил напрямую. Двигатель тяжело затарахтел.

Проехав квартал, он вывернул на широкую улицу и сразу же наткнулся на поднятый жезл гаишника. Черт! От резкого торможения машину занесло: тормоза хватают неравномерно. Вот она – оборотная сторона неказистости! Неизвестно, сколько еще обнаружится здесь технических неисправностей...

– Документы! – небрежно бросил молодой лейтенант, не подозревающий, что стоит на краю могилы.

– А что, по новому приказу здороваться уже не надо?

Вопрос не характерный для рядового автолюбителя. Лейтенант подтянулся и по-новому взглянул на водителя замызганной колымаги. Угрюмый сорокалетний мужчина, жесткие складки у рта, тяжелый взгляд много повидавшего человека. И едва уловимое излучение опасности.

Инспектор растерялся. Это либо большой начальник, либо один из «крутых», а попросту говоря – бандитов. И в том, и в другом случае неприятностей не оберешься.

Неожиданно водитель улыбнулся. Будто на миг дернули за ниточки, ведущие к углам рта.

– Ладно, бывает, – примирительно сказал он и извлек удостоверение Федеральной службы контрразведки.

«Майор Смирнов», – прочел лейтенант и улыбнулся в ответ.

– Проезжайте, товарищ майор, счастливого пути.

Надсадно взревел мотор.

«Майор ФСК, а ездит на такой таратайке», – подумал инспектор.

«Москвич» тяжело стронулся с места. Взгляд инспектора случайно упал на приборную панель. В замке зажигания н е б ы л о к л ю ч а!

Лейтенант заторможенно смотрел вслед уходящему автомобилю, понимая, что упускает драгоценные мгновенья.

Без ключа машину заводят угонщики! Он положил руку на кобуру. Но и хозяин при неисправности замка может соединить провода напрямую... Поднять шум и оказаться в дураках? Ему не понравился этот майор. Подозрительные несоответствия, странности... Да и взгляд... Надо основательно разобраться... «Москвич» скрылся из виду.

Инспектор взялся за рацию, но передумал и опустил микрофон. Вряд ли дежурный

воспримет всерьез его подозрения. Одно дело самому заглядывать в гипнотизирующие зрачки, другое – слушать по радиосвязи какую-то ерунду про нехороший взгляд! Мало ли у кого какие глаза, мало ли кто на чем ездит! Ты-то сам почему не разобрался? И все – в любом случае виноват тот, кто нарушает нормальный ритм службы!

Лейтенант вскинул жезл, останавливая щеголеватую «восьмерку» со шторками на окнах. Молодой водитель, заискивающе улыбаясь, выскочил из кабины.

– Документы! – скомандовал инспектор, пропуская мимо ушей обычные оправдания. Он ощутил привычную почву под ногами, но настроение все равно было испорчено.

«Смирнов» проехал по Пирамидной до самой рощи, развернулся и заглушил мотор. Открыл кейс, извлек удлинённый глушителем автомат, вставил магазин и откинул приклад. Все. Оставалось ждать. Ворота шестьдесят второго номера просматривались хорошо, рано или поздно из них выйдет человек с массивной челюстью и перебитым носом. Скорей всего он будет с телохранителями – это никакой роли не играло.

Из рощи появился приклатнённый парень в надвинутой на глаза кепке. Он сразу направился к «москвичу». «Смирнов» поспешно прикрыл «Клин» курткой.

– Слышь, кореш, дай курнуть! – Парень бесцеремонно сунул физиономию в окно.

– Не курю, – недружелюбно отозвался «Смирнов».

– Жаль. Ну подвези до центра, десять штук плачу!

– Не могу, товарища жду.

– Из рощи, что ли? – усмехнулся парень.

– Нет, – терпеливо объяснил «Смирнов». – Из этого дома.

И указал на крайний пятистенок.

– Так я их всех знаю, – не унимался парень. – Ваську или Петьку?

– Кто раньше выйдет.

«Смирнов» уже решил: еще несколько вопросов, и он уложит не в меру любопытного хрена под ближайший кустик. Но у Серого было отменно развито чутье.

– Ладно, кореш, бывай! Хочу пивка попить...

Беспечной походкой он двинулся по улице... не задержавшись, миновал ворота, из которых вышел четверть часа назад.

«Смирнов» перевел дух. Если бы парень скрылся в шестьдесят втором доме, пришлось бы уезжать.

Серый свернул за угол, прошел несколько кварталов и из автомата позвонил Кресту.

– Только что подъехал в «москвиче», стоит возле рощи. Мурый! Набрехал, что друга ждет из углового дома. А там и нет таких.

Крест помолчал.

– Сделаем его? – спросил Серый.

– Нет. Ты лучше вот что... Позвони в ментовку. Скажи – у него волына! Они сейчас на это сразу кидаются. И мы поглядим.

Патрулю автомашины номер восемь не повезло: им, как и еще двадцати несчастливцам, добавили «для усиления» столичного офицера.

«Какое там усиление – контроль, хронометраж службы, – шептались сержанты. – Видно, решили набрать компматериалы и бабахнуть приказ, всей России для примера... Когда-то так делалось...»

Москвичи прибывали, как и положено, за полчаса до развода, вместе со всеми строились, слушали инструктаж и привычно занимали места в видавших виды УАЗах. Они были в светлой камуфляжной форме без знаков различия, импортных защитных жилетах скрытого ношения, в карманах-кобурах угадывалось оружие, но какое – никто не видел.

Усиливающий ПА-8 офицер представился коротко:

– Лейтенант Иванов.

Старший патруля старший сержант Махов – рослый парень с наглыми голубыми, навывате, глазами сразу же попробовал взять быка за рога.

– Ходят слухи, что вы из контрразведки. Правда?

– Нет, – ответил Иванов. – Это неправда.

Он не отличался многословием, но несколько раз помогал в сложных силовых задержаниях, и экипаж ПА-8 отметил, что действует он умело, решительно и бесстрашно.

Так же отзывались и о других москвичах.

Прошел даже слух, что это проходят «обкатку» выпускники спецшколы внутренних войск. Но все же чужаков побаивались, потому несли службу усердно, без обычных «зигзагов» и «расслаблении». У усиленных экипажей резко возросло число задержаний.

А сотрудники «Ада» изучали город, его улицы и переулки, специфические отношения между жителями, криминальную обстановку, практику несения милицейской службы. В подробных отчетах, составляемых после дежурства, освещалось совсем не то, чего опасались сержанты патрульных нарядов.

Неизвестные рации, объявлявшиеся на милицейской волне. «Неподтвердившееся» заявление об ограблении пьяного в вытрезвителе. Закончившееся стандартным «разобрались на месте» сообщение о стрельбе в загородном ресторане. Бесхозная пачка денег в одной из ПА. Безрезультатные, без единого задержания вызовы в ресторан "Сапфиры. И многое другое, тщательно процеживаемое для извлечения информации, интересующей Главное управление охраны.

– ПА-8, на связь! – ожила рация.

– ПА-8 слушает, – отозвался Махов.

– Улица Пирамидная, в конце, возле рощи, стоит автомобиль «москвич», в нем вооруженный человек. Как поняли?

– Вас понял! – Махов отключился и скомандовал водителю:

– Давай на Пирамидную!

Половина поступающей в дежурную часть информации не подтверждается, половина оставшейся половины выглядит совсем не так, как в заявлении. Тем более сообщение о вооруженном человеке... Сколько раз бывало: выедешь – а это пугач, или игрушка, или газовый, вон их сколько развелось! А то свой брат – мент или военный переложит из кобуры в карман табельное оружие, а случайный наблюдатель поднимет тревогу.

Поэтому в ПА-8 большое внимание полученному вызову придавал лишь офицер усиления.

«Москвич» они увидели сразу, милиционер-шофер подъехал вплотную, загородив дорогу, Махов вышел разбираться. Иванов, расстегнув карман-кобуру, тоже выпрыгнул и обошел «москвич» сзади.

– Старший сержант Махов, полк патрульно-постовой службы, – по всем правилам представился старший наряда и бросил руку к козырьку фуражки. – Попрошу документы.

– Второй раз за час, – сказал мрачный, уверенный в себе мужик с грубым лицом. – Тот лейтенант, правда, обратился не по уставу. Пришлось поправлять.

Он протянул раскрытую красную книжечку, и Махов понял, что произошла очередная ошибка. Водитель ПА-8 тоже расслабился и достал сигареты.

Старший сержант механически просмотрел документ. Делал он это по инерции, чтобы соблюсти формальности. Ясно, что приехали они зря – если даже майор контрразведки «засветил» случайному взгляду свою «машинку», то никаких последствий это иметь не будет.

– Пожалуйста, – Махов хотел вернуть документ владельцу, но тут вмешался офицер усиления.

– Дайте мне! – властно приказал он и, сделав несколько шагов вперед, почти выхватил удостоверение из рук милиционера, после чего шагнул назад и, не спуская глаз с проверяемого, быстро пробежал текст.

– Ленинградское управление?

– Там же написано, – недовольно отозвался «Смирнов». Ему не понравилась резкость и решительность третьего патрульного, необычность его экипировки и то, как он стоит – вплотную к левой задней дверце. Приходилось выворачивать голову и разговаривать почти развернувшись, из такого положения невозможно быстро выстрелить.

– Командировочное удостоверение имеется?

Лейтенанту Иванову тоже показалось подозрительным нахождение иногороднего контрразведчика на глухой улочке Тиходонска в задрипанной машине.

– С каких это пор милиция проверяет правильность оформления командировок сотрудника ФСК? – возмутился мрачный мужик.

– Ладно. Тогда предъявите документы на автомобиль.

У сотрудника ГУО совсем другая психология, чем у милиционера. Ценность жизни Первого лица настолько велика, что по сравнению с ней ничтожны любые авторитеты. И «перегиб палки» вполне допустим, во всяком случае, никаких неблагоприятных последствий он не порождает. А террористы всегда запасаются мощными документами прикрытия, и охрана это знает.

В тот момент, когда водитель потянулся к лежащей на соседнем сиденье куртке, офицер «Ада» увидел, что в замке зажигания нет ключа. Для него все стало предельно ясно.

– Возьмите свое удостоверение, а мне дайте техпаспорт, – повторил он, ослабляя напряженность ситуации.

Прервав движение, «Смирнов» высунул в окно руку. Лейтенант захватил кисть, рванул на излом, но неудачно – водитель напряг могучие мускулы, провел контрприем и освободился.

Милиционер-шофер ПА-8 сосредоточенно прикуривал. Газ в зажигалке заканчивался и очень важно было не загасить крохотный шарик голубоватого пламени. Старший наряда отвлекся от происходящего: когда чекисты выясняют отношения между собой, ментам лучше не ввязываться. Видя возникшую у напарника проблему, он полез в карман за спичками.

«Смирнов» отбросил куртку, и среагировавший на резкое движение Махов увидел в его руках то ли пистолет с толстым стволом, то ли обрез.

– Сволочь! – почему-то крикнул он, хватаясь за кобуру. «Москвич» стоял так, что «достать» его с водительского сиденья было трудно. Зато экипаж ПА-8 находился прямо перед черным отверстием дула. Старший сержант понял, что они являются отличными мишенями, и вспомнил многочисленные наставления по мерам предосторожности, которые на практике никогда не выполнялись. В памяти промелькнули и случаи гибели сотрудников милиции, последний произошел вчера – убили какого-то подполковника из РУОПа. Всегда убивали других, а сейчас убьют их... Тугая кобура раскрывалась медленно, а надо еще достать патрон, на контрольных стрельбах в четырехсекундный норматив никто не укладывался, химичили как могли: заранее отстегивали ремешок, выключали предохранитель, проверяющий закрывал на это глаза, но сейчас никого не обхитришь, только себя...

Стремительная фигура в светлом камуфляже разворачивалась в прыжке, и непривычной формы большой пистолет уже нацеливался на вооруженного бандита, может, он успеет – давай, родной, давай!!!

Из стекла «москвича» вырывались маленькие кружочки и шелкали о патрульный УАЗ, Махов замороженно следил за остающимися круглыми дырочками, которых становилось все больше и больше...

«Клин» производил шум, напоминающий клокотание воды, закручивающейся в кухонной раковине. На его фоне оглушительно прозвучал выстрел девятимиллиметровой «Беретты» – штатного оружия группы «Ад». «Смирнов» падал вправо, чтобы с разворота перенести огонь на последнюю цель, но коническая пуля вошла в голову за левым ухом и, пройдя сквозь череп, вырвала правую височную кость.

– Сволочь! Сволочь! Сволочь! – еще продолжал кричать Махов, но, поняв, что все кончено, рукой прижал челюсть. Руки и ноги дрожали, тело вспотело, хотелось лечь и отключиться от всего окружающего. А особенно из изрешеченной ПА-8, в которой лежал так и не сумевший прикурить напарник.

Офицер усиления аккуратно вынул из рук преступника малогабаритный автомат, положил на заднее сиденье. Старший сержант находился в прострации и в контакт не вступал. Поэтому он сам вызвал по рации подмогу.

Вокруг места происшествия собирался народ, одним из первых подбежал Серый. Осмотревшись, он вернулся в дом и доложил:

– Точно, по твою душу приехал! С автоматом коротким, бесшумным... Мента завалил, а другой ему башку разнес! Как ты это учуял?

Крест намертво сжал челюсти.

– Учуйал! Ты вот что, позвони другу моему лучшему, Черномору. И скажи: только что Креста завалили возле дома. Из автомата...

Через несколько минут заждавшийся Черномор нетерпеливо схватил телефонную трубку.

– Прямо возле дома! – взволнованно орал Серый. – Из автомата всю грудь разворотили, сразу и кончился!

Черномор провел сухой ладошкой по влажному лбу.

– Горе-то какое! А кто сделал?

– Залетный, видно. Менты его грохнули.

– Сейчас приедем.

Несколько минут Черномор сидел неподвижно, стараясь справиться с волнением. Никто ничего не знает, посланец Метлы мертв. Главное, не выдать себя интонацией, взглядом, жестом. Он кликнул Гангрена.

– Собери наших, Креста убили, – скомандовал он.

Кортеж из четырех машин прибыл на Пирамидную через полтора часа, когда о случившемся напоминала лишь постепенно рассасывающаяся толпа зевак. Захлопали дверцы. Для вора смерть – событие куда более значимое, чем рождение. Появление на свет голого маленького лоха – факт естественный и никого, кроме заделавших его мужика и бабы, не затрагивающий. Да и родителям часто он на фиг не нужен – сдадут в дом малютки, и дело с концом.

Другое дело – уход из жизни. К этому времени уже имеется какой-то багаж: авторитет, связи, положение. Есть «пристяжь», друзья, враги. Каждый с болезненным интересом примеряет обстоятельства случившегося на себя: как сделать, чтобы тоже не сыграть в ящик, чем подстраховаться, от чего поберечься... Да и изменения в соотношении сил происходит: кому-то кончина покойного выгодна, кому-то нет... Опять же, похоронить надо по-человечески, чтобы и братве показать, и лохам – не зря жил усопший!

Когда такой козырной вор, как Крест, уходит, то со всех концов страны авторитеты съезжаются, часто вопросы важные заодно решают и превращают поминки во всеобщий сходняк.

Прибывшие на Пирамидную, 62 двадцать членов тиходонской общины в полной мере осознавали важность предстоящего ритуала и старались ему соответствовать. Все обрядились в темные костюмы, каждый держал букет из четного числа гвоздик. Лица выражали сдержанную мужскую печаль.

Во дворе находились люди Креста. Они тоже выглядели мрачно, но одеты были в повседневную одежду, что сразу ставило их на ступень ниже свиты Черномора. Воры очень ценят внешние проявления чувств, поэтому отступление от традиций является нетерпимым.

Черномор первым вошел в дом. За ним Север, Лакировщик, Хромой, Гангрена. Остальные остались во дворе, заведя обычные в таких случаях разговоры с кодлой убитого: как получилось да кто мог послать убийцу, когда похороны...

В просторной, но небогатой горнице с завешанными зеркалами, на раздвинутом, словно на большую компанию, обеденном столе лежал Крест в единственном своем, купленном после освобождения черном костюме, белой рубашке и новых черных штиблетах. В скрещенных на груди руках горела свеча.

Вокруг скорбели пять ближайших помощников. Хромой с каждым поздоровался за руку, и Черномору это не понравилось. Чувствовалось, что Хромой свой в доме Креста.

«Надо и от него избавиться», – подумал Черномор. Случай играл ему на руку, расчищая дорогу: Король, Крест... Но постоянно рассчитывать на случай нельзя, надо и самому заботиться о своих делах.

– Скорбное дело привело нас сюда, братья, – прочувствованно сказал Черномор, остро ощущая, что именно на нем сосредоточено всеобщее внимание.

– Недавно мы хоронили нашего замечательного друга Короля, и вот теперь нет с нами Креста...

Черномора не оставляло ощущение какой-то неправильности, странности происходящего, но сосредоточиться он не мог, и мысль ускользала.

– Мы все знали его как верного хранителя наших законов и обычаев, кристально чистого, богатейшей души человека, настоящего вора...

Черномор не мог заставить себя смотреть на убитого и боялся приблизиться к нему. По поверью, виновный в смерти вызывает истечение крови из ран покойника...

Пахан запнулся. Он вдруг понял, в чем заключалась странность обстановки. Тело Кре-

ста должно находиться в морге. Когда его успели забрать, обмыть, переодеть? Да и кровь еще не свернулась, если вся грудь разворочена, она бы пропитала рубашку и костюм...

– Мы, мы...

Слова вылетели из головы. Полнейшая растерянность овладела Черномором. Овеянное величием смерти, происходило то, что заведомо не могло происходить. Он пересилил себя и посмотрел на покойника. Расплавленный воск свечи скатывался – на скрещенные руки, ему показалось, что один палец чуть заметно подрагивает.

Пауза затянулась. Кодла Черномора с тревожным недоумением смотрела на побледневшего, явно выбитого из колеи пахана.

– Что же ты замолчал, иуда?! – раздался страшный голос, хотя никто из живых не открывал рта. Получалось, что говорил убитый.

Холод пробежал по спинам, шевельнулись волосы. Даже Север подался назад.

«Покойник» резко сел.

– Мочкануть Креста надумал?! Мокродела подослал?!

Обличающий перст уткнулся в Черномора. Тот обмяк.

– Нет, что ты, нет... Никто бы не поверил, что властный пахан может так жалко лепетать.

– Нет? – Крест презрительно улыбнулся. – Серый успел его ошмонать! И вот что нашел...

Он вытащил из кармана пиджака бумажку, развернул, показал всем, кто находился в комнате.

– Откуда у него твой телефон?!

У профессионала не могло быть при себе такой улики. Телефон Черномора Крест сам написал на листке, чуть изменив почерк. Но Черномор этого не знал.

– Откуда у него твой телефон? – повторил Крест. – Ну, говори!

Черномор молчал.

Каждая минута молчания, растерянная поза и бегающие глаза красноречиво подтверждали его вину. Причем настолько убедительно, что Гангрена первым махнул рукой и вышел во двор. За ним двинулись остальные, но Крест остановил их.

– Останьтесь, чтобы все видели... И, подойдя к Черномору, сунул тому в руку «наган».

– Давай сам!

Бывший пахан лихорадочно вцепился в оружие, словно в спасательный круг. Взвел курок, вздрогнув от громкого щелчка, зажал ствол в ладони и приставил к сердцу. Тоскливым взглядом посмотрел на Креста, потом на Севера, будто собираясь что-то сказать. Но не сказал.

Сухо ударил выстрел.

Вскоре Крест вышел на крыльцо.

– Заходите, попрощайтесь... Теперь на обеденном столе лежал Черномор. Он был мертв по-настоящему.

* * *

Менты трясли город. На каждом шагу встречались патрули, гаишники проверяли документы у водителей, осматривали салоны и багажники. Контрольно-пропускные пункты на выездных магистралях жестко контролировали транспорт. Втюхаться с оружием было очень легко, и Баркас лихорадочно размышлял, как доставить «стволы» на «стрелку». И наконец придумал.

Из остановившихся на набережной иномарок веселая компания перегружала в катер снаряжение для долгого путешествия – палатку, сумки, коробки... Смеялись девицы, звякали бутылки, напрягались мускулы у Кента, принимавшего замаскированные и надежно упакованные «волыны». Потом вниз спустился Баркас, завел движок, катер отвалил от гранитной стенки.

– Ставьте палатки, мы скоро подъедем! – кричали с берега девицы. Баркас смотрел на удаляющийся берег, гуляющий за чугунным парашетом

люди, мост, по которому сплошным потоком шли на левый берег и дальше, на южную

трассу, автомобили. Все они проследуют через КПП ГАИ, но лодки и катера никто контролировать не додумался. Река свободна! Яркие вспышки электросварки заставили его прищурить глаза. Несколько рабочих приварили решетку к жерлу нацеленной на водную гладь бетонной трубы. Тюремная атрибутика испортила настроение бригадиру.

– Давай быстрее! – прикрикнул он на Кента.

Тот прибавил обороты и круто заложил штурвал.

Катер стремительно пересекал фарватер, приближаясь к противоположному берегу.

У условленного места пришлось прождать около получаса. Наконец появились те же иномарки, только девиц в них не было.

– Причаливай! – скомандовал Баркас. И когда под днищем закрипел песок, огромным прыжком вымахнул на пляж. – Что так долго?

– Шмонали, – недовольно ответил Рэмбо. – Чем-то мы им не понравились. Даже карманы ощупали.

Оружие перегрузили обратно в машины.

– Глаза не мозольте, внимания не привлекайте, заезжайте на какую-нибудь базу отдыха и ждите времени, – инструктировал Баркас. – Сбор в шестнадцать тридцать на развилке шоссе. Ясно?

– Ясно, – кивнули, Рэмбо и Тренер.

Баркас вернулся в город. Его беспокоило, что Север не выходит на связь. Он не знал о смерти Черномора и о тех изменениях, которые она вызвала в воровской общине.

– Место пустовать не должно, – размеренным тоном говорил Крест, и Север внимательно слушал.

– Я один город не удержу. А у тебя авторитет есть, я организую коронацию, станешь вместо этого, – Крест кивнул в сторону небрежно сброшенного на пол трупа Черномора. Театр кончился. Когда наступит темнота, тело перевезут домой, а утром Гангрена «обнаружат» самоубийцу.

– Нам делить нечего, – продолжал Крест. – Я уйду – займешь мое место...

Север кивал. Действительно, ему с Крестом нечего делить. Значит, нет нужды объединяться с Баркасом и подставлять себя и своих людей под пули.

– Надо будет с Шаманом что-то решать... Крест недобро усмехнулся.

– Решим. По нашим законам. Эти долбаные спортсмены и прочая чешуя под ворами должны ходить. И будут ходить под нами, если жить хотят...

В кабинет к Воронцову без стука вошел Метис – грузчик мясного павильона, он же один из верховых авторитетов группировки.

– Что там за херню твой мент придумал? – зло спросил он. – На «стрелку» без «стволов»! Чтобы перемочили всех?

– Делай, что говорят! – отрезал Шаман. – Центурион действует по моей команде!

– «Центурион», – передразнил Метис. – А кто ответит, если ребят положат?

– Может, ты вместо меня командовать будешь? – угрожающе процедил Шаман, но тут же сменил тон. – В городе сплошные засады. Сгореть хочешь? Те тоже без «стволов» явятся!

Недовольно бурча, Метис вышел.

Генеральный директор и кандидат в законодательное собрание задумчиво смотрел ему вслед. При Толстяке таких демаршей быть не могло. Но Толстяка подбирал Шаман, а Центуриона – Воронцов, прежний и новый начальники службы безопасности отражали разные половины личности руководителя группировки.

И если Центурион был более респектабельным и вхожим во многие служебные кабинеты, то Толстяк умел выполнять грязную, а если нужно – кровавую работу.

Сейчас Воронцов отчетливо понял, что Бобовкина нужно срочно менять. Он не привык собственными руками лезть в дерьмо. И если бы предстоящую «стрелку» пришлось проводить по-настоящему, он бы наверняка ушел в сторону.

«Ладно, – подумал Шаман. – Посмотрим, как он сумеет использовать своих бывших коллег».

В оживленном потоке идущих через мост автомобилей «ниссаны», «тойоты» и БМВ бойцов Баркаса почти не выделялись. Только то, что они были битком набиты явными говорорезами, привлекало внимание дежурящих на КПП гаишников, усиленных омонотцами. Машины тормозили, обыскивали под автоматами поставленных в раскорячку к капотам молодчиков, досматривали салоны, выворачивали багажники. Все было «чисто». Через несколько минут они продолжали путь.

На двенадцатом километре левобережья шоссе раздваивалось: основная дорога уходила дальше вдоль берега, к многочисленным базам отдыха, узкая полоска асфальта сворачивала вправо, пронизывала снегозащитное «кольцо зеленых насаждений» – рошу, шириной в полтора километра – и выходила к искусственному озерцу, окруженному чахлыми посадками.

Сейчас на развилке стояли «тачки» Рэмбо и Тренера. Прибывающие экипажи спешно получали оружие: кто «наган», ТТ или ПМ, кто обрез двустволки, кто помповый «мосберг» или «реммингтон». Потом они продолжали путь и выкатывались на берег озера, спугивая многочисленные парочки, устроившиеся в окрестных кустах.

Руководил размещением Баркас, Он был погружен в мрачные размышления. Север уклонился от встречи и даже к телефону не подошел, нарушив тем самым джентльменское соглашение. Значит, приходилось менять первоначальный сценарий.

Первоначально предполагалось устроить засаду на подъезде к озеру и по сигналу расстрелять людей Шамана. Такой метод противоречил правилам и «понятиям» их мира, но был достаточно эффективным, что позволяло плюнуть на «понятия» и прибегнуть к нему, решив проблему раз и навсегда. Но без поддержки воров Баркас не решался действовать столь решительно и коварно. К тому же на «стрелку» прибыло двенадцать машин – около шестидесяти человек. Вряд ли удастся обеспечить численное превосходство над противником. Поэтому Баркас возвращался к обычной процедуре «разборки».

Вначале стороны посмотрят друг на друга: кто чего стоит. Потом руководители начнут «толковище», причем тот, у кого меньше реальных сил, вынужден будет идти на компромисс и делать уступки конкуренту. Если же общего языка найти не удастся и никто не захочет уступать, кто-то может показать свою «крутизну» – возьмет и завалит противника. И в этом случае исход неоднозначен: то ли его победу признают сразу, то ли станут валить в ответ и начнется всеобщее «мочилово». А тут уже вступают в силу законы войны – кто больше уничтожил противника, тот и победил!

Ровно в семнадцать ноль-ноль к озеру подкатила кавалькада автомобилей соперничающей стороны. Баркас насчитал десять экипажей. Силы примерно равны. Значит, победит тот, кто более дерзок, решителен и беспощаден.

Баркас привычно нащупал за поясом пистолет и неторопливо двинулся к первой машине, в которой должен был находиться Шаман. Он не подозревал, что за происходящим с высокой железнодорожной насыпи наблюдает главный режиссер происходящего спектакля.

Лис лежал на животе, чувствуя, как острая щебенка сквозь одежду впивается в тело. Ширины насыпи не хватало, поэтому ноги пересекали белый, раскаленный солнцем рельс. Приходилось поминутно оглядываться по сторонам – бывший начальник УР знал много случаев, когда минутная беспечность на железнодорожных путях превращала человека в исходящий утробным воем окровавленный обрубок.

В такой ситуации нельзя отвлекаться, но события, разыгрывающиеся на берегу озера, полностью поглощали внимание, и Лис понимал, что здорово рискует. Не говоря о том, что его могли увидеть случайные прохожие – грибники, рыболовы, срезающие путь к воде, парочки, подбирающие место, чтобы заняться сексом. Правда, лежащий с биноклем мужик вовсе не повод, чтобы бежать звонить в милицию. Даже если в его руках будет винтовка, найдется немного желающих, бросив свои дела, отыскивать редкий на левобережье телефон. Людей отучили вмешиваться не в свои дела.

В мощные окуляры Лис хорошо видел лицо Баркаса. Тот направился к головной машине противника, из которой должен был выйти Шаман. Лис напрягся. Он не знал, сможет ли удержаться... Под коленями, вдоль рельса, лежал укрытый мешковиной карабин СКС. Один лишний выстрел решит мучающую его проблему! Но нарушит тщательно продуман-

ный сценарий...

Вновь приехавшие упруго выпрыгивали из машин, на вытоптанном берегу свинцово-серого озера образовались две группы людей, в расположении и позах которых отчетливо читалось выраженное противостояние.

Двери первой машины медленно открывались. Отложив бинокль, Лис извернулся, потянувшись за оружием и одновременно осматриваясь. Отсверкивающие рельсы втягивались в ажурную конструкцию моста и сквозь него уходили к грузовой станции Тиходонска. С противоположной стороны стальные полосы плавно искривлялись к востоку и просматривались не больше, чем на километр.

«Самое опасное направление, – мелькнуло в напряженном сознании. – Если выскочит товарняк, то будет здесь через минуту. Не прозевать бы...»

Он сбросил мешковину. Самозарядный карабин Симонова – изящная игрушка, известная миллионам российских граждан, как инструмент, которым виртуозно манипулировали у мавзолея солдатики отдельного кремлевского полка. Конверсия и всеобщее смягчение ограничений перевели его в категорию охотничьего оружия и выставили на прилавки специализированных магазинов без штыков, но зачастую в комплекте с оптическими прицелами.

На карабине Лиса стоял восьмикратный прицел, а на срез ствола была надета и прикручена тонкой медной проволокой пластиковая бутылочка из-под пепси-колы, испещренная сотнями дырочек.

Сдвинув флажок предохранителя, Лис приник к окуляру. Щебенка колола локти, ограниченное поле обзора затрудняло наводку. Стиснув зубы, Лис пошарил стволом, отыскивая цели. Прицел был вдвое слабей бинокля, выражение лица Баркаса теперь не различалось, но фигура выражала недоумение.

Из первого автомобиля вместо Шамана вылез грузный Бобовкин.

– А где твой шеф? – непонимающе спросил Баркас.

– Он занят. Все переговоры веду я...

Наступила пауза. Неявка на «стрелку» руководителя одной из сторон – грубейшее нарушение «понятий». Это личная обязанность, она не переуступается.

– А кто с тобой будет говорить? – презрительно спросил Баркас. Бобовкин закусил губу. Он уже давно понял, что влез не в свои сани.

Раньше он оказывал услуги Шаману на совершенно иных основаниях. Одно дело – иметь прикрытием милицейские погоны и использовать возможности занимаемой должности, а совсем другое – самому копаться в грязи. И сейчас он совершенно не знал, как вести себя с мятежным бригадиром – наглым, крепким и опасным парнем, для которого даже Воронцов не являлся авторитетом. Единственная надежда на вмешательство милиции. СОБР должен уже сидеть в засаде...

На самом деле дежурный взвод СОБРа находился на месте постоянной дислокации. Майор Литвинов демонстрировал бойцам приемы работы ножом. Отстегнув клапан длинного узкого кармана на правом бедре камуфляжного комбеза, он извлек из обшитого кожей нутра привезенный из Афгана боевой нож американского производства. Остро отточенный клинок матовой стали с многочисленными клеймами, удостоверяющим сверхвысокое качество и надежность, через чуть загнутый вверх полированный ограничитель переходил в черную ручку из небьющейся пластмассы, с четырьмя выемками для пальцев и выступом-упором посередине.

– Вся хитрость состоит в том, – буднично рассказывал командир, – чтобы, скрывая нож, приблизиться к противнику вплотную. А потом внезапно и резко нанести удар в одну из уязвимых точек: шею, сердце, солнечное... Если же так не вышло и предстоит схватка, надо уметь менять направление клинка – вперед-назад, перебрасывать нож из руки в руку и, сокращая дистанцию, выбирать момент для выпада. Смотрите...

Нож ожил. Он вращался в одной руке майора, перелетал в другую и возвращался назад, но уже за спиной, прилипал к раскрытой ладони и неожиданно выскакивал между пальцами...

Бойцы с интересом наблюдали. СОБР явно не собирался участвовать в разборке между Баркасом и Шаманом, выполняя роль, которую определил ему последний.

В это время Волошин и Королев осматривали кабинет Крылова.

– Его убили из-за какой-то информации, полученной в самое последнее время, – говорил Волошин, осторожно перебирая обрывки бумаги в мусорной корзине.

Королев проглядел стопку листов на столе, перелистнул календарь.

– Смотрите! По-моему, это интересно...

– Где? – Волошин подскочил к столу.

«Озеро на лев. бер., „стрелка“ Баркас – Шаман, 17.00» – резким почерком Крылова написано на листе с сегодняшней датой.

– Вот тебе и причина! – Возбужденный Волошин подтянулся к телефону внутренней связи. – Сейчас шестнадцать тридцать. Поднимем СОБР и возьмем гадов! А потом начнем крутить по убийству!

Через десять минут поднятый по тревоге дежурный взвод на двух автобусах выдвигался к месту разборки. Закономерность частенько пробивается через случайности. Но не тогда, когда их слишком много. И не тогда, когда развитием событий руководит бывший майор милиции Коренев по прозвищу Лис.

Сбитый с толку Баркас не знал, что теперь делать. Отсутствие Шамана лишало смысла всю «разборку». Ни жирный отставной ментяра, ни шамановские «быки» сами по себе ничего не значат. «Мочить» их, рискуя жизнью, – полная дурость. Разве что дать пару раз по толстой харе... Да и то злости нет, надо себя «заводить».

– Кто с тобой, вонючкой, говорить будет? – повторно спросил Баркас и шагнул вперед.

Увидев в окуляре прицела грузную фигуру Бобовкина, Лис ощутил такой прилив ярости, что чуть не нажал на спуск. «Нет!» – приказал он сам себе. «Валить» надо кого-то из вооруженной стороны, иначе задуманный спектакль не состоится. А когда начнется бойня, можно свести счеты с бывшим подчиненным...

Из-за поворота показался сдвоенный локомотив, вытягивающий за собой череду цистерн, открытых платформ и товарных вагонов. Но, поглощенный делом, Лис этого не заметил.

Позади Баркаса стоял на изготовку худой парень в спортивном костюме. Руку он держал под курткой. Лис прицелился ему в ноги и выстрелил.

Пороховые газы, разогнав пулю до семисот тридцати пяти метров в секунду, выбросили ее из ствола и рванули следом. Обычно в подобном случае происходит звуковой удар, безошибочно распознаваемый, как выстрел с нескольких сот метров. Но сейчас газы оказались в замкнутом объеме пластиковой бутылки, ударились о ее стенки и через мелкие отверстия множеством почти бесшумных струек продавились в атмосферу. Часть прорвалась сквозь оставленное пулей отверстие в доньшке – будто хлопнуло открываемое шампанское.

До озера было около двухсот метров, конечно, там выстрела не услышали, только вдруг заорал Доска, падая наземь и хватаясь за набухающую кровью штанину. Тут же прижал ладони к животу Тихоня, пал на колени и, поскуливая, ткнулся лицом в вытоптанную жухлую траву. «Солдаты» Баркаса шарахнулись в стороны, доставая замаскированные до поры «стволы».

– Суки рваные! – истерично выкрикнул Доска и открыл беспорядочный огонь в сторону отряда Бобовкина.

Это послужило сигналом. Хладнокровно прицелившись, полоснул из своего «узи» Кент. Выстрелил из ТТ Рэмбо, передергивая цевье «мосберга», посылал во врага снопы картечи Тренер. В тихой роще грохотала настоящая канонада. Среди людей Шамана началась паника, они метнулись к машинам, но только одной удалось выскочить из зоны огня. Пули и картечь пробивали стекла, кузова, сиденья, одежду и человеческие тела.

Расстрел безоружных и растерянных врагов – дело захватывающее и увлекательное: сорок стволов раскалились, выбрасывая десятки пуль подряд. Противостоял им один «парабеллум» Метиса, который не выполнил команду и вооружился. Завалив нескольких баркасовцев, Метис сменил позицию и продолжил огонь. Кент пытался нащупать его свинцовой струей «узи»...

Грузовой состав на приличной скорости несся к мосту. Прогибались, вибрировали рельсы. Лис ощущал это, но не отвлекался от основного дела: он старался выцелить Бобовкина. Тот получил от Баркаса удар в челюсть, упал, тут же вскочил и побежал. Пенек при-

цела уперся в поясницу, карабин дернулся" но Центурион продолжал бежать.

Машинист тепловоза заметил лежащего на рельсах человека и включил ревун. Сопровождавший движущуюся цель, Лис вздрогнул, и очередная пуля ушла в сторону. Основательно продырявленное донышко пластиковой бутылки уже не удерживало звук, но его поглотил грохот надвигающегося товарняка.

Лис рванулся с опасного места и покатился под откос, крепко прижимая к телу карабин. Наверху лязгала, гудела и гроыхала бесконечная вереница цистерн, платформ и вагонов.

– Он с винтовкой, что ли? – удивленно спросил помощник машиниста. Тот перевел дух.

– Идиот! Еще бы чуть-чуть... Может, и с винтовкой – чего удивительного!

От шоссе, включив маячки и сирены, неслись автобусы СОБРа. Приблизившись к месту происшествия) они резко затормозили, затянутые в камуфляж с черными масками вместо лиц, бойцы высыпались наружу и цепью стали охватывать пятачок у озера.

– Атае! – зычно крикнул Баркас. Спортивные костюмы врассыпную кинулись в заросли кустарника. Люди Шамана, избегнувшие прицельного огня конкурентов, тоже бросились бежать. Но таких было мало. Многие могли только сидеть или ползти, а некоторые вообще лежали без признаков жизни.

СОБР преследовал убегающих. Камуфляжные комбинезоны догоняли бандитов, сбивали с ног, оказывающих сопротивление били ногами или прикладами.

Литвинов бежал за Баркасом. Бывший морпех имел хорошую физическую подготовку, но образ жизни не способствовал ее сохранению. Расстояние сокращалось.

– Стой! Стреляю! – крикнул майор, хотя не собирался применять оружие. Зато Баркас, не останавливаясь, выстрелил назад из-под руки – раз, второй, третий... «Бах! Бах! Бах!» Литвинов слышал, как свистнула пуля, но это только раззадорило его.

– Стой! Я – Литвинов!

Единственный в отряде, он почти не надевал маску на операции. Врагов у него и так – больше некуда, а лицо командира СОБРа действовало на многих как наведенный в упор пистолет.

Услышав фамилию преследователя, Баркас понял, что уйти не удастся. Затвор пээма заклинило в заднем положении – кончились патроны. И хотя запасная обойма в кармане имелась, проку от нее было немного – времени на перезарядку не оставалось. Бригадир понимал: через несколько секунд выполненный в прыжке удар кованого ботинка бросит его на землю, обязательно повредив позвоночник.

Именно так Литвинов и собирался задерживать убегающего. Он уже выбрал точку – на спине между лопатками, но понял, что усталость не позволит выпрыгнуть настолько высоко, и сконцентрировал взгляд на пояснице Баркаса. Однако тот вдруг остановился, развернулся и швырнул в лицо майора пистолет с нелепо торчащим стволом. Литвинов успел нырнуть под семисотграммовый кусок металла и тоже резко затормозил, взрыв землю твердыми рубчатými подошвами высоких шнурованных ботинок.

– Иди, ментяра, возьми меня, – процедил бригадир. В мощном кулаке была зажата финка с длинным узким клинком.

– Может, ты и заточенным электродом умеешь? – непонятно спросил Литвинов и потянулся к нагрудному карману кобуры. – Значит, сдохнешь прямо здесь!

В это время финка дернулась: только что клинок торчал в сторону большого пальца, а теперь отсверкивает из-под мизинца. Еще рывок, и хищно заточенная «щучкой» сталь вернулась в прежнее положение. Баркас вытянул руки перед собой, и посверкивающая полоска перепархивала из одной в другую.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Литвинов. Час назад именно это он демонстрировал своим бойцам. САКОНБ – специальный армейский комплекс ножевого боя. Владели им только прошедшие службу в специальных подразделениях вооруженных сил.

– Знаешь САКОНБ? Где служил? – Майор не дотронулся до застежки кармана-кобуры, опустив руки к правому бедру.

– Разведывательно-диверсионный взвод отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота! – оскалился Баркас. – Иди, возьми меня!

– Щас! – криво улыбнулся Литвинов, и в его руке тоже появилась остро заточенная матовая сталь. – Щас и возьму!

Медленно и очень осторожно два знатока САКОНБа сходились. Присев на широко расставленных ногах, выставив вперед напряженную левую руку и отведя назад расслабленную правую с зажатым клинком. Точь-в-точь как на картинке в армейской книжке с грифом «секретно».

В это время на оцепленном пятачке у озера работа заканчивалась. С шамановской стороны одиннадцать человек были убиты и двадцать пять ранены. У Баркаса пострадали семеро – кроме Доски и Тихони, двух убил и троих ранил Метис. Задержанные в наручниках сидели на земле под чуткими стволами автоматов СОБРа.

– Оружия мало, – удивлялся рослый спецназовец. – Успели повыкидывать, что ли? Надо доложить командиру. Кто его видел?

Задышающийся после долгого бега, Бобовкин лежал в стогу сена. «Ну ее к дьяволу, такую работу! Что я, бандит какой-то?! На одной доске с уголовниками?! Да и ухлопать могут в любой момент! Нет, все!»

Он вылез из стога, тщательно отряхнулся, принял важный и независимый вид. Многие сотрудники знают его в лицо, да если и задержат – ничего страшного: именно он предупредил о предстоящей «разборке». И не его вина, что СОБР опоздал... Бобовкин распрямился, перевел дух. Ничего, есть много мест, где бывший оперативник может заработать на кусок хлеба с маслом. А в происшедшем он не виноват: выполнил все, что приказал Шаман. Пусть Шаман и расхлебывает кашу...

Бобовкин двинулся к дороге. Надо было пересечь небольшую лесополосу, он зашел под шелестящие кроны деревьев, спугнув стаю больших черных ворон.

– Стой! Руки на голову! – раздался откуда-то сбоку грубый окрик.

«Все оцеплена», – подумал Центурион, выполняя команду, а вслух сказал:

– Да свой я! Бобовкин моя фамилия!

Он медленно, не вызывая подозрений, повернулся, чтобы показать лицо. И увидел Метиса с пистолетом в руке!

– Это ты им свой. Я говорил, что ты подсадной, но Шаман не послушал. Вот и подставил ребят под пули!

– Я...

– Заткнись! Меня одно интересует: на кого сработал? На Баркаса или на ментов? И тем, и тем это мочилово выгодно!

Бобовкин весь взмок. Он знал, что надо сохранять уверенность и солидность, но не мог совладать с собой.

– Все не так! Это план Шамана – заманить их и сдать милиции! Я лично позвонил, собщиц время и место, – язык сам собой выбалтывал сокровенные секреты. – Потому наши и должны быть без оружия! наших выпустят, а тех упакуют – вот какой план! Понял?

Метис сплюнул.

– Не знаю я, что вы там планировали. Я знаю, что половину наших ребят положили. Кто за них ответит?

– Это случайность... Случайность... – растерянно повторял Бобовкин. Он понимал, что никакие ссылки на непредвиденные обстоятельства не оправдывают понесенных потерь. Друзьям и родственникам убитых ничего объяснить невозможно. В той игре, в которую он ввязался, действует лишь одно простое и понятное правило: смерть за смерть! Но ему не верилось, что сейчас он умрет – не будет есть, пить, спать, дышать... Такого просто не могло быть! Умирать могут другие, но не он!!

– Ты, сука ментовская, и ответишь! – с непоколебимой твердостью произнес Метис, и палец на спуске напрягся.

– Подожди! – Бобовкина осенила спасительная, как ему показалось, мысль. – Спроси Шамана, если мне не веришь!

Губы Метиса презрительно скривились.

– От страха совсем ум потерял! Шаману и так придется за убитых ответ держать. Как думаешь – кого он виноватым выставит? Неужели не тебя? Может, на себя все возьмет? И в той подлянке, про которую ты проболтался, признается? Мудак ты – и больше никто!

Раздался выстрел. Пуля пробила Бобовкину шею, он двумя руками зажал рану и повалился на пружинистый ковер из опавшей листвы, скребя ногами по податливой скользкой поверхности. Еще мерещилось спасение: подоспевшая милиция, «скорая», больница...

Метис нагнулся и, прикрываясь левой ладонью, чтобы не забрызгаться, выстрелил в голову. Бобовкин перестал существовать, так и не узнав, что спасение было совсем близко.

СОБР прочесывал территорию, четверка бойцов бесшумно рванулась на выстрелы.

Метис увидел полукольцо камуфляжных комбинезонов и побежал в степь. «Парабеллум» он не бросил, допустив тем самым серьезную ошибку: закон разрешает стрелять в вооруженного человека без предупреждения и спецподразделения всегда используют это право.

Два автомата нацелились в убегающего убийцу.

«Ду-ду-ду!» «Ду-ду-ду!»

Короткие очереди попали в грудь. Пятимиллиметровые остроконечные пульки пронизали грудную клетку и брюшину, кромсая внутренности в клочья. Захлебываясь кровью, Метис рухнул на землю, «парабеллум» отлетел в сторону.

Чтобы избежать недоразумений, один из бойцов вставил ребристую рукоятку в еще теплую ладонь убитого.

– Где командир? Надо доложить, – боец щелкнул предохранителем автомата.

– Запроси по рации, – приказал сержант.

В отличие от кинематографических поединков на шпагах ножевой бой не является зрелищным. Да и зрителей на квадрате распаханной земли Между лесополосами не было. Только двое близких по возрасту и с похожими фигурами мужчин – один в темно-зеленом камуфляжном комбинезоне, другой – в дорогом спортивном костюме. Литвинов и Баркас медленно кружили друг вокруг друга, иногда делая ложные выпады, которые, впрочем, не обманывали противника.

Время работало на Литвинова и против Баркаса, оба это понимали, но майор не желал использовать свое преимущество и не ожидал подмоги, он вел схватку так, будто находился в скалистых горах близ Кандагара, где рассчитывать можно было только на себя.

Баркас же испытывал безумную надежду уйти и хотел закончить бой как можно быстрее. Прыгнув вперед, он вцепился в руку майора и рванул на себя, чтобы всадить клинок в незащищенный левый бок. Но Литвинов вырвался, ударил костяшками напряженных пальцев по лицу и отскочил, восстанавливая дистанцию.

Баркас повторно атаковал безоружную руку, но в ней вдруг оказался нож, и он едва успел отпрыгнуть. Майор перешел в контратаку: выпад, еще, еще, переброс ножа, снова выпад, удар ногой, опять выпад... Полукруглый мах... Кончик матового клинка достал до тела. Если бы нож или рука Литвинова были на два-три сантиметра длиннее, то из распоротого живота Баркаса вывалились бы кишки. Сейчас же он отделался кровоточащей царапиной чуть повыше пупка да испорченной адидасовской курткой.

Литвинов любил маховые удары, когда-то он до позвоночника рассек горло здоровенному моджахеду так, что страшная бородатая голова запрокинулась за спину. Но при взмахе приходится раскрываться, поэтому предпочтительнее короткие колющие выпады.

Именно так ударил Баркас, целясь в солнечное сплетение майора, но тот ногой отбил финку и пырнул пролетающего по инерции мимо человека в правый бок. Бригадир повезло еще раз: высококачественная сталь вновь лишь порезала кожу. Тем не менее кровь текла по телу, пропитывая широкие штаны и оказывая угнетающее воздействие на психику Баркаса. Его боевой дух был сломлен, хотелось бросить финку и сесть на землю.

Литвинов ощутил перемену в состоянии противника. Наступил тот самый момент, когда можно заставить его выполнить любую команду.

«Бросай нож! Руки за голову, сесть на землю!» – уже просились на язык стандартные многократно выкрикиваемые за годы службы фразы. Но в памяти вдруг появился заточенный электрод, торчащий из округлившегося плодом живота женщины.

– Сдыхаешь, сука? – яростно спросил майор. – А как же САКОНБ? Забыл, что там написано? Работай!

Он ударил Баркаса в колено. Тот взвился от острой боли и нахлынувшей ярости. Специальный армейский комплекс ножевого боя предписывал сражаться до конца, но сейчас

бригадиром руководило просто животное бешенство, накатывавшее после давней травмы черепа.

Раз! Раз! Раз!

Финка с силой рассекала воздух. Оскалившийся Баркас пер как танк, Литвинов пятился, пытаясь длинными выпадами увеличить дистанцию. Вдруг нога провалилась в сусличью или кротовую нору, отступающий майор упал на спину. Баркас бросился вперед для завершающего выпада, но Литвинов успел свободной ногой ударить его в промежность.

Действия бригадира утратили четкость и целенаправленность. С утробным стоном он повалился на опрокинутого майора, тот отбил финку и выбросил свой нож, мягко вошедший в грудь до самого ограничителя. Теплая, с характерным запахом струя крови обдала Литвинова. Он сбросил с себя обмякшее тело, на всякий случай проверил рану. В сердце, наповал. Потом осмотрел ногу. Высокий шнурованный ботинок спас щиколотку от перелома. Небольшой вывих – и все.

Литвинов встал. Он тяжело дышал, руки и ноги дрожали, комбинезон залит кровью. Но мучившая последнее время галлюцинация – электрод, торчащий из не успевшего родиться ребенка, – исчезла. И майор чувствовал, что навсегда. А потому испытывал облегчение.

* * *

Кровавая бойня на левом берегу многое изменила в расстановке сил криминального мира. Место Баркаса на «Супермаркете» занял Север. Воронцов поспешно уехал в Испанию заключать договоры о поставках мяса и цитрусовых. Ослабевшая обезглавленная группировка молча наблюдала, как по торговым рядам уверенно ходят Хромой и его люди.

Рынду известие о смерти Баркаса застало на «пяточке», где он время от времени подкармливался по старой памяти.

«Сдох, туда и дорога, – с облегчением подумал он. – Надо искать другого хозяина...»

Теперь он ходил ссутулившись и глубоко засунув руки в обвисшие карманы. В правом находился пружинный нож с острым клинком, в левом – граната «РГД-5».

Хондачев пригласил Лиса к себе, угостил кофе с коньяком и всячески демонстрировал свое расположение.

– Вижу, я в вас не ошибся, – удовлетворенно произнес он. – У моего недруга настолько большие неприятности, что ему не до меня. Может, с него достаточно?

Лис качнул головой.

– Надо всегда доводить дело до конца.

– Что ж, вы специалист, вам видней... Что там в прокуратуре?

– Дело прекращено за отсутствием состава преступления...

– То есть?

– Я полностью реабилитирован, – пояснил Лис. – Против следователя и бывшего сослуживца возбудили уголовное преследование за фальсификацию доказательств. Но... Он вздохнул и развел руками.

– Бывшего сослуживца убили. Он работал начальником охраны у Воронцова.

– Вот как...

– Да. Следователь скорее всего выкрутится. Но нервы ему помотают.

Хондачев несколько напряженно улыбнулся.

– Рад, что у вас все хорошо. Возьмите документ о реабилитации. А то эти бюрократы в УВД отказываются выдать разрешение на оружие.

Лис кивнул.

– Но вы озабочены, – заметил банкир. – О чем вы думаете?

– Да так... Проблем много, – отговорился Лис. На самом деле он думал о Натахе.

«Интересно, кого она себе нашла? – размышлял он, вспоминая пепел у хорошо знакомой двери. – Кто у нее был тогда?»

* * *

Человеком, который находился у Натахи во время визита Лиса, был Мастер. Не потому, что профессиональный киллер имел склонность заводить интрижки во время подготовки к ответственной операции либо совершенно не мог обходиться без женщин. Просто его план включал в себя незамужнюю жительницу Тиходонска, имеющую отдельную квартиру. Молодость и привлекательность не являлись обязательными условиями, но помогали легче переносить «романтическую» сторону отношений с контактом.

Мастер встретил Натаху совершенно случайно. Она выходила из больницы, и снайпер обратил внимание на женщину, полностью отвечающую его вкусовым пристрастиям. Изящная, длинноногая, с красивым задумчивым лицом и мечтательным взглядом. Он решительно подошел:

– Проведывали родственника? Ах, вы тут работаете... А как вас зовут? Она пошла на контакт охотней, чем он предполагал. После совместного

ужина в небольшом частном ресторанчике стало ясно, что Натаха полностью подходит для задуманной операции.

– Я уже так давно в командировке, что озверел без домашней пищи, – пожаловался Мастер. – Все бы отдал за куриный бульон и свежие котлеты.

Натаха с загадочной улыбкой кивала, но инициативы не проявляла.

– Не сочтете ли вы нахальством, если я попрошусь на домашний обед? – Он сам взял быка за рога. – Все расходы, разумеется, оплачиваю я.

Мастер положил на стол две пятидесятитысячные купюры.

– Зачем? – неуверенно возразила Натаха. – И потом, это слишком много...

Но деньги взяла. Через день Мастер отобедал у новой знакомой и позанимался с ней сексом. Приручая Натаху, Мастер старался заезжать к ней каждый раз, когда не было «хвоста», и всегда оставлял деньги «на хозяйство». Он чувствовал, что одинокая женщина привязалась к нему. Она была нелюбопытной и достаточно скрытной. Мастер даже подумывал о том, чтобы оставить ее в живых.

Как-то раз заглянув в шифоньер, он увидел форму майора милиции.

– Это моего знакомого, – пояснила Натаха. – Сейчас он сидит в тюрьме. Давать обратный ход было поздно, но судьба женщины определилась од – нозначно.

Однажды, когда Мастер с Натахой ужинали, в дверь позвонили. Хозяйка, явно озабочившись, решила не открывать, но звонки настойчиво повторялись. Сбросив тапочки, она на цыпочках подкралась к двери, выглянула в глазок, так же бесшумно вернулась на кухню.

– Это он. Освободился. Я должна с ним поговорить.

Натаха выскользнула за дверь, а Мастер напряженно ждал, зажав в кулаке рукоять выкидного ножа. Он очень боялся случайностей, если освобожденный из тюрьмы мент захочет разобраться с человеком, занявшим его место, – неприятностей не оберешься. Натахи не было довольно долго.

– Он ушел и больше не придет, – сообщила она, вернувшись. Она казалась огорченной, глаза беспокойно шарили по сторонам, и у Мастера мелькнуло подозрение, что она трахнулась со своим старым приятелем. Он тут же отогнал такое предположение: не на лестничной же площадке... И потом, у нее менструация...

– Про меня разговор был? – безразлично спросил он.

– Короткий. Я сказала, что сейчас не одна. И все.

– Чем он сейчас занимается?

– Не знаю... Ему, наверное, некуда идти... И он на меня рассчитывал. Я поступила нехорошо?

Натаха искренне переживала и ждала утешения.

– Он же не думал, каково тебе одной, – Мастер скользнул рукой по гладкому бедру и уперся в прокладку под трусами. – Иди помойся.

– Ага... Утешить Натаху можно было легко.

Сейчас Мастер заперся у себя в номере, разложил на газете необходимые инструменты и занялся делом.

Обмотав лейкопластырем гильзу большого винтовочного патрона, он зажал ее в тисочки часовщика, затем обмотал пулю и вцепился в выскальзывающий конус пассатижами. Вначале раскачивал из стороны в сторону, чтобы ослабить круговую завальцовку, потом

несколько раз прокрутил в бутылочном горлышке и, наконец, аккуратно вытащил. На листок чистой бумаги высыпал заряд. Черная горка бездымного пороха, состоящая из крохотных блестящих цилиндриков, казалась вполне безобидной, хотя и бросала пулю почти на четыре километра. Все дело в том, что горение зерен пороха дает относительно медленное нарастание давления.

А вот тетрил... Мастер осторожно засыпал в гильзу желтый порошок. Он взрывается мгновенно, разрушая все вокруг. Теперь поставить на место пулю, наложить на горлышко гильзы два стальных полукольца и обжать в тисках... Готово!

Размотав лейкопластырь, Мастер тщательно осмотрел патрон. Конечно, полностью избежать царапин не удалось, но они почти незаметны, так что Свистун ничего не заподозрит...

Спрятав патрон, Мастер убрал инструмент, высыпал в унитаз порох, потом вызвал Виста.

– Менты шерстят город, ты переложи взрывчатку в сумку и занеси ко мне, а коробку выброси. Понял?

Вист кивнул.

– Исполни. А ко мне давай Свистуна.

Через несколько минут в номер зашел присвистывающий содельник.

– Ну, как квартира? – спросил Мастер.

– Нормально, – в голосе Свистуна чувствовалось сомнение. – Обзор хороший и вообще... Только...

– Что «только»? – быстро переспросил Мастер.

– Как-то очень легко все у нас получается... Сняли квартиру, долбанули из окна – и ушли! Да что они, все дураки? Охрана, комитетчики... У них небось все на сто ходов вперед продумано... Мастер с досадой взмахнул рукой.

– Опять – двадцать пять! Я же тебе сколько раз объяснял. Неужели непонятно?

– Да понятно-то оно понятно...

– Ну!

Свистун прямо посмотрел Мастеру в глаза.

– Я вот думаю: стрельну, выбегу на крышу, а никакого вертолета нет... Кому я нужен, чтобы меня вытаскивать?

– Страховку хочешь? – Мастер понимающе кивнул. – Твое законное право. Я тебе самую верную гарантию дам. Свою собственную шкуру. Хочешь?

– Как это?

Мастер полез в портфель, извлек паспорт, издали показал.

– Твой настоящий? – Свистун облизнул сухие губы.

– Да. Перед «делом» передам тебе. Не выташу – отдашь первому же менту.

Свистун интуитивно почувствовал – паспорт подлинный. Значит, шеф не собирается бросить его на произвол судьбы.

– Ну, успокоился? – усмехнулся Мастер.

Напарник кивнул.

– Теперь поговорим о деталях...

Закончив со Свистуном, Мастер прошел в конец коридора и постучал в дверь триста одиннадцатого номера.

– Открыто, – послышался голос с сильным кавказским акцентом.

Мастер вошел.

– Добрый день, Тофик. Предупреждал же – лучше запирайся, вещи целей будут.

– А-а-а, – беспечно махнул рукой маленький полный азербайджанец. – Какие у меня вещи! Когда девочку привожу – запираюсь. А так – зачем?

– Как знаешь...

– Когда поедет? Брат звонит, дядя звонит, у них все готово, ждут. Место хорошее нашли, доволен будешь...

– Спасибо, брат, – прочувствованно сказал Мастер.

Тофик знал, что он ждет большую сумму денег и хочет перейти иранскую границу. За три тысячи долларов кавказец обещал отвезти к себе на родину и устроить переход. Скорее

всего он с родственниками собирается прикончить русского лоха и забрать все деньги.

– Уже скоро. На, чтобы скучно не было... – Мастер бросил на кровать несколько десятитысячных купюр.

– Спасибо, брат, – столь же прочувствованно сказал Тофик, не подозревающий об истинной задаче, которую ему предстоит выполнять.

Потом Мастер выглянул на улицу. Желтая «шестерка» как всегда стояла возле входа. Людям Керима осточертела бессмысленная слезка, они пили прямо в машине, курили анашу, даже иногда подсаживали дешевых уличных проституток. О бдительности наблюдения не могло быть и речи.

Оставив в своем номере Свистуна, Мастер спустился в подвал и через черный ход вышел на параллельную улицу. Взяв такси, он поехал к Натахе, по пути прихватив гостинцев – хурму, гранаты, шампанское, ликер и шоколадку.

После фруктов и шампанского наступило время секса, между сексом и ликером Мастер сказал Натахе, чего он от нее хочет, и дал подробный инструктаж.

– Чемоданчик не пытайся открыть, – особо подчеркнул он. – Там сложный цифровой код и сирена, завоюет – всех соседей переполошит!

– Что ты, – Натаха округлила глаза. – Зачем мне это надо? Я не роюсь в чужих вещах!

– Хорошо, хорошо... – Мастер погладил женщину по голове. Он был на сто процентов уверен, что она не станет связываться с кодовым замком и сиреной.

Они выпили кофе с ликером и уже настраивались на продолжение секса, когда зазвонил телефон.

– Алло, – сказала Натаха. – Здравствуй... Да нет. А что? Можешь зайти забрать...

– В чем дело? – резко спросил Мастер.

– Филипп хочет забрать свою форму.

Черт!

– Он что, снова в милиции?

Женщина пожала плечами.

– Наверное. Но ты не волнуйся, он на минутку. А хочешь, я вас познакомлю?

– В другой раз.

Он быстро собрался.

– Я пошел.

Натаха кивнула.

Выходя из подъезда, Мастер встретился с быстрым худошавым парнем, царапнувшим его профессионально запоминающим взглядом. Так и влипнуть недолго! Не оглядываясь, киллер пошел к троллейбусной остановке.

Лис сложил форму, сунул в большой пластиковый пакет, достал разобранный ружье, завернул стволы и приклад в газету, уложил туда же.

– Как ты это все понесешь? – поинтересовалась Натаха.

– У меня машина, – коротко ответил Лис. Он явно был чем-то озабочен.

– А где ты живешь?

– Частный дом. Скоро перееду в свою квартиру.

Лиса что-то насторожило во встреченном человеке. Высокий, под сто девяносто, вес – около восьмидесяти пяти, уверенный взгляд. Он не похож на затраханного хмыря, спокойно сидящего в комнате, пока его женщине дадут минут. Так вести его может заставить лишь необходимость скрываться и избегать скандалов. Кстати! Рост и вес подпадают под ориентировку об убийце сотрудника УФСК! Если он приезжий и живет в гостинице...

– Как зовут твоего... – он замешкался. – Приятеля?

– Коля. Он хороший...

– У тебя все хорошие. И я был хорошим!

– И ты хороший, – подтвердила Натаха.

– Кто он? Где живет?

– Ты ревнуешь?

– Отвечай! – резко приказал Лис. – Дело может быть очень серьезным. Давно его знаешь?

– Больше года, – соврала Натаха. Она вряд ли смогла бы объяснить, почему это сдела-

ла. Скорее всего потому, что не любила серьезных историй. И хотела, чтобы всем всегда было хорошо.

– Он работает на «Приборе», а живет в Южном микрорайоне...

– Вот так, да? – Сомнения не оставляли Лиса. Но, в конце концов, он уже не сотрудник милиции, данные ориентировки узнал случайно... Какое ему дело до всего этого?

Натаха сидела на диване, короткий халат высоко открывал ноги. Она перехватила его взгляд и улыбнулась.

– Оставайся, попьем чаю... – целомудренно предложил один из Близнецов.

Лис недолго подумал.

– Ладно.

* * *

Василий Петрович собирался в дорогу.

– Вылет завтра, – сообщил контактирующий с ним офицер охраны. – Ориентировочно на день-два.

Короткая поездка без Самого – такого еще никогда не было. Василий Петрович ощутил смутное беспокойство.

Он собрал личные вещи: бритву «Харьков», одеколон «Свежесть», белье. Личный минимум помещался в небольшой кожаный портфель, подаренный начальником ГУО на шестидесятилетие. Все остальное он получал с казенного склада: костюмы – точные копии президентских, рубашки, галстуки, обувь, даже одеколон, использованный Самим сегодня.

Эта всесторонняя продуманность и полная обеспеченность всем необходимым очень нравились Василию Петровичу. Не надо ни о чем думать, ни о чем заботиться, нет риска допустить ошибку, попасть впросак, опоздать на поезд или не достать билет на самолет. Все уже решено и организовано, каждый раз тебе дают подробный инструктаж, понятный любому кретину. От него требовалось лишь одно: точность и дисциплинированность.

Получив сигнал о дате вылета, Василий Петрович уже не отходил от телефона. В любой момент могли позвонить: «Машина ждет». Он садился в неприметную «волгу» или «жигуль», его везли на одну из баз Главного управления охраны, экипировали, и происходило превращение: Василий Петрович исчезал, вместо него появлялся Сам. Теперь он ехал лишь на спецавтомобилях или в особом салон-вагоне, летел на президентском самолете, его окружала охрана, большая часть которой не знала, кого она охраняет.

Часы воплощения в Самого являлись звездными для Василия Петровича. А вот ожидание последнего сигнала было тягостным и мучительным. Но ничего не поделаешь: точное время начала поездки необходимо хранить в глубокой тайне, ибо это необходимо для безопасности Первого лица.

Но информация, даже самая секретная, имеет обыкновение утекать по каналам, высланным деньгами, сумма которых прямо пропорциональна важности получаемых сведений.

Приказ готовить президентский самолет к вылету в 14 часов следующего дня привел в оживление все службы специального правительственного авиаотряда. Техники, механики, инженеры, буксировщики, заправщики, авиадиспетчеры, экипажи – основной и резервный, сотрудники службы безопасности

– десятки людей занимались ответственной работой, которую следовало завершить к 14 часам завтрашнего дня. Сверх этого рядовые исполнители ничего не знали, как и требовал режим обеспечения секретности.

Поэтому двадцатипятилетний водитель керосиновоза Миша Медников, позвонив своему приятелю Артему, сказал немного:

– Завтра в четырнадцать.

– Молодец, малыш! – обрадовался Артем. – Вечером мы играем, приходи. Долг я тебе прощаю, начнешь опять с нуля.

– Класс! – Миша пришел в восторг. – Ты настоящий Друг!

Артем перезвонил Рубену.

– Завтра днем, в два.

– Отлично, отлично, заходи – получишь, что причитается.

Закончив разговор, Рубен тут же набрал код Тиходонска. В «люксе» цветочного павильона снял трубку Петросов.

- Завтра в два, – не здороваясь, сказал Рубен.
- Кто передал? – без каких-либо эмоций поинтересовался тот.
- Картежник. У него свой человек прямо там.
- Если здесь все пройдет гладко, их надо спустить. Обоих.
- Понял.

Собеседники положили трубки.

В стоящем у забора Центрального рынка напротив павильона «Цветы» специальном радиофургоне отряда «Тантал» перестали вращаться катушки магнитофона, но, на автоматическом определителе номера продолжал высвечиваться московский телефон Рубена.

Старший группы оперативного прослушивания по радиации соединился с «Седым».

- Зафиксирован звонок из Москвы, с телефона... Сообщение короткое: «Завтра в два».
- Продолжайте слушать, – приказал «Седой». – Сейчас будет много звонков. И передайте наблюдателям: усилить бдительность!

В пятидесяти метрах от фургона стоял нашпигованный аппаратурой радиоперехвата автобус группы «Ад». Диалог «Седого» с подчиненным с отменной четкостью лег на сверхчувствительную пленку.

С тыльной стороны цветочного павильона у обитой деревянными рейками стальной двери толклись несколько крепких молодых кавказцев. Они почтительно приветствовали Керима, вытянулись в струнку перед Ашотом Геворкяном, а через несколько минут стойкой «смирно» встретили Абдуллаева.

Перед проходом – в гостиницу лежал пьяный в расхристанной грязной рубашке. Он что-то бормотал себе под нос.

– Все собрались. Абдуллаев последний, – чуткий радиомикрофон, приклеенный лейкопластырем прямо к телу, передал сообщение в фургон «Тантала». Одновременно его принял и оператор «Ада».

На пустых торговых прилавках у павильона «Цветы» два человека играли в карты. Это были наблюдатели «Ада», которые не знали в лицо никого из прошедших мимо людей. Дело в том, что ГУО не имело своей оперативно-справочной картотеки с установочными данными, фотографиями и дактилокартами лиц, представляющих оперативный интерес.

Несколько фотографий у Финикова были результатом его собственной инициативы. Рядовых сотрудников с ними не знакомили. Поэтому наблюдатели только фиксировали происходящие события, сути которых не понимали.

- Прошли трое. Судя по поведению охраны, важные шишки, – передали они.

В просторном двухкомнатном номере Петросова собрались четверо. За большим полированным столом на правах сопредседателей восседали Абдуллаев и Геворкян. В кресле, стараясь не разваливаться, а оттого напряженно, с прямой спиной застыл Керим. Хозяин апартаментов сидел на стуле по правую руку от Геворкяна.

Заведующий павильоном Гуссейн Мехти-заде не был допущен на совещание. Он очень переживал этот факт, так как изо всех сил старался сблизиться со знаменитыми гостями.

Не подозревая, что затевают прибывшие, он был уверен, что речь пойдет о сбыте наркотиков или еще каком-нибудь столь же выгодном деле, в котором хорошо бы получить хотя бы небольшую долю. Но раз советоваться не зовут, значит, и долю не дадут! Вот она, человеческая благодарность... Уж как старался: шашлыки, водка, баня, девочки... Все напрасно! Хотя нет, не напрасно: с высокими авторитетами сблизился, может, когда и пригодится. Мало ли как в жизни бывает... А слово Эльхана Абдуллаева очень много значит! Да и к этому, иноверцу – Геворкяну можно обратиться, если нужда придет.

Успокоив сам себя, Гуссейн вышел из павильона. Чужая охрана смотрела на него как на пустое место. Плевать! У него своих «быков» полный рынок! Да и сам по себе Гуссейн еще может страх навести...

Распрявившись и гордо поглядывая по сторонам, Мехтизаде начал обход территории, прилегающей к его павильону.

Он старался не думать о встрече, проходящей сейчас на втором этаже административной части здания.

– Вылет в два, плюс час тридцать, плюс дорога из аэропорта – в четыре он будет в городе... – считал Геворкян.

– В шестнадцать, – мягко поправил Абдуллаев. – В военных операциях двадцатичетырехчасовое время.

– Извини, Эльхан, я военных училищ не кончал...

– Давно было, – снисходительно махнул тот рукой. – Все забыл. Только про время помню. С пятнадцати до семнадцати – время действий!

– Ты готов, Керим? – строго спросил бывший офицер.

– Готов, – кивнул толстяк. – Очень хорошо готов!

– А чего такой бледный? Боишься?

– Не боюсь. Живот немного болит. Поел несвежее...

– Надо свежее есть, – назидательно сказал Эльхан, а Геворкян подтверждающие кивнул.

– Как с деньгами будет?

– Все очень хорошо будет. Из рук не выпущу.

– Смотри... Мы на тебя рассчитываем. Кто с таким делом справится, если не ты...

– Спасибо, – слабо улыбнулся Керим. – Большое всем спасибо.

– Иди. Готовься, отдыхай. Завтра тяжелый день.

Утерев пот с лица, толстяк вышел из номера.

– А что нам твоя информационная служба скажет? – повернулся Эльхан к Геворкяну.

Тот кивнул Петросову.

– Какие новости, Гарегин?

– На днях у местных большая разборка была. Побили многих. Скорей всего рынок в другие руки перейдет. Надо быстро уходить отсюда.

– Завтра и уйдем, – Эльхан доброжелательно улыбнулся. – Что-нибудь еще есть? Нет? Тогда... Он вопросительно посмотрел на Петросова.

– Свободен, Гарегин. Отдыхай.

Оставшись вдвоем, авторитеты задумчиво молчали.

– На всякий случай надо не в Москву возвращаться, а дома пересидеть,

– как бы размышляя вслух, сказал Ашот.

– На Баку самолет в тринадцать, на Ереван – в пятнадцать. Гуссейн билеты достанет, – Эльхан понял его с полуслова.

Геворкян провел рукой по лицу. Скрипнула иссиня-черная щетина.

– А чего Керим такой? Чувствует?

– Наверно. Пусть им твои люди займутся, так лучше. Мы с тобой понимаем: дело главней национальности. А они, – Абдуллаев провел ладонью в метре от пола, – те, кто ниже, по-другому считают. Мол, пока общий бизнес, я тебя терплю, как он кончится – я тебя зарежу. Вот и пусть режут. А мои могут о Гарегине позаботиться.

– По нему я решать не могу, – Геворкян, словно защищаясь, поднял руку с растопыренными сильными пальцами. – Петросов не мой подчиненный. Он на штаб нашей армии работает. Мне помогает, но что с того?

Абдуллаев тяжело вздохнул.

– Так не годится. «Зачищать» всех надо.

– И нас?

Эльхан усмехнулся.

– Нас нет. Слишком высокий уровень. А всех, кто ниже, – обязательно.

– Я должен посоветоваться.

– Давай, но не слишком долго.

Абдуллаев хлопнул ладонью по столу.

– Хватит о делах! Пора обедать. Где там Гуссейн?

Гуссейн дважды обошел павильон. Ему не понравились играющие в карты парни. Во-первых, он их не знал, во-вторых, в этом месте никогда не «катали».

Придется подойти поговорить... Но тут Гуссейн перехватил совершенно трезвый взгляд лежащего пьяного. В следующую секунду глаза его закатились, раздался утробный храп. Но у Мехти-заде появилась твердая уверенность, что человек притворяется.

Он подошел вплотную, тронул распластанное тело ногой.

– А ну вставай!

«Пьяный» замычал.

– Ты кто такой? Давай, поднимайся!

Гуссейн рванул лежащего за рубаху, ткань с треском лопнула. В открывшуюся прореху он увидел прикрепленную к телу коробочку и круглый микрофон.

«Милиция, – мелькнула тревожная мысль. – И он, и те, с картами. Облава! Что делать?»

Додумать Гуссейн не успел. Что-то щелкнуло, и он повалился рядом с тем кого только что пытался поднять.

«Пьяный» тяжело поднялся и, пошатываясь, направился к выходу с рынка, продолжая бормотать в радиомикрофон:

– Гуссейн увидел передатчик. Применен вариант ноль. Двигаюсь к фургону.

Вокруг тела Гуссейна собрались завсегдатаи цветочной торговли...

– Что с ним? Переверни...

– Сердце не бьется... И пульса нет. Мертвый!

– В «скорую» звоните!

Наблюдатели группы «Ад» переглянулись.

– «Стрелка»?

– Похоже на то. Давай уходить!

* * *

Командир отряда «Тантал» собрал руководящий состав – своих заместителей и командиров групп.

– Организаторы террористического акта базируются в здании цветочного павильона на рынке. Они получили информацию о времени вылета президентского самолета и провели совещание. Учитывая особую опасность всех четверых, предлагаю провести упреждающую акцию. Начало – в пять ноль-ноль. Какие есть мнения?

– Мы же не знаем исполнителей, – сказал командир третьей группы.

– «Выпотрошим» Абдуллаева и его дружков, вот и узнаем, – ответил «Седой». – Еще вопросы?

Больше вопросов не было.

Примерно в то же самое время проходило оперативное совещание в группе «Ад».

– Наблюдение за фирмой «Тантал» показало, что это «крыша» для вооруженного и оснащенного специальной техникой отряда террористов. Они подобрались к группе «Зет», убрали майора Малинкина и его девушку, сегодня ими получена информация о времени вылета президентского самолета, – докладывал командир «Ада». – На рынке у них то ли филиал, то ли еще одна конспиративная база. В силу малочисленности персонала она не представляет первоочередной угрозы. Поэтому все внимание должно быть сосредоточено на самом «Тантале»! Считаю необходимым провести упреждающую боевую акцию. Лучшее время – раннее утро, четыре ноль-Ноль. Вопросы?

– Меня смущают два обстоятельства, – сказал Фиников. – Люди, забравшие Малинкина у гостиницы, знали, кто такой полковник Гревцов из Министерства обороны. Сегодня на рынке наблюдатель «Тантала» применил секретное оружие чрезвычайно ограниченного распространения – «стрелку». Уж не относится ли «Тантал» к секретным государственным структурам? А с другой стороны, любовницу Малинкина скорее всего убрал Петросов – известный националистический террорист. Правда, он может работать и на ФСК...

– Гм... – командир осмотрел своих заместителей и руководителей боевых пятерок. – Что вы думаете по этому поводу?

– Определенный резон есть, – сказал первый зам.

– А может, и нет, – возразил другой. – Информация утекает сейчас из любых кабинетов. И любое оружие попадает к преступникам. К тому же неизвестно, что это была действительно «стрелка». Раз террорист с ними – значит, и они террористы.

– Гм... – еще раз кашлянул командир. – Я проведу необходимые согласования. Если не

откроются новые обстоятельства, в четыре ноль-ноль мы атакуем «Тантал»!

* * *

Телефон правительственной связи на столе директора Федеральной службы контрразведки ожил в девятнадцать тридцать, оторвавшись от бумаг с грифом «государственной важности», директор привычным жестом поднял трубку.

– Слушаю!

– Добрый вечер, коллега! Поздно работаем!

Узнав голос Коржова, директор поморщился. По логике вещей и практике предыдущих десятилетий начальник Главка охраны должен находиться у него в подчинении. Поэтому панибратский тон обретшего самостоятельность генерала несколько раздражал.

– Много работы, – недружелюбно буркнул он в ответ.

– Мои люди работают в Тиходонске по плану «Зэт» и наткнулись на подозрительную фирму, – не обращая внимания на голос собеседника, сообщил Коржов. – Вам что-нибудь говорит название «Тантал»?

«Черт бы вас, идиотов, подрал!» – подумал директор. А вслух произнес:

– Абсолютно ничего. А почему оно должно мне что-то говорить?

– Да так... Мы думали, это ваша «крыша».

«Пронюхали! Вот тебе и плоды конкуренции! Они – на коне, а нас – мордой в грязь!»

– Впервые слышу, – Голос директора звучал равнодушно. – Поинтересуйтесь на всякий случай у военных, в МВД... У вас опыта немного, чтобы дров не наломать...

– Опыт – дело наживное, – хохотнул Коржов и отключился.

* * *

В конце лета в Тиходонске рассветает около пяти. В четыре еще темно, только чуть начинает сереть черное небо. Тридцать танталовцев с автоматами, черными масками и касками в руках, в усиленных бронежилетах, надетых поверх камуфляжных комбинезонов, слушали последние инструкции...

– Кто-то из главных нам нужен для «потрошения», – говорил «Седой». Он тоже был в полной боевой экипировке.

– Абдуллаев, Геворкян, Петросов или Керим Гуссейнов.

Остальных можно не принимать в расчет...

За ближайшим углом бесшумно затормозили два микроавтобуса и два автомобиля. Тридцать пять бойцов группы «Ад» в камуфляжных комбезах, усиленных бронежилетах, касках, черных масках, с автоматами в руках выпрыгнули на пустынную улицу и цепью побежали к «Танталу», охватывая его в кольцо.

Фиников в операции поучаствовал. Характер его деятельности на протяжении всей службы не был связан с боевыми действиями, и он резонно посчитал, что в сорока три года учиться воевать поздно. Тем более что остается такая важная сфера, как согласование и координация.

Ровно в ноль-четыре майор Фиников позвонил домой Лизугину.

– Сообщаю, что Главное управление охраны проводит задержание раскрытой нами террористической группы. Их прикрытые-фирма «Тантал».

Ошалевший от столь острой информации, начальник УФСК, тяжело ступая босыми ногами, прошел в ванную", умылся холодной водой, промассировал виски.

«Тантал», – вспоминал он. – Что-то знакомое. В администрации города поднимался вопрос о законности получения ими помещения. Как будто в основном квадратные метры под офисы выделяются исключительно честно и безупречно справедливо... Но тут городские чиновники были настроены непримиримо, натравив на никому не известное акционерное общество все контрольные и ревизионные службы. Но вместо того, чтобы перекрыть кислород «Танталу», грозные контролеры как-то незаметно отвалили в сторону. И санэпидемстанция, и налоговая инспекция с полицией, и милиция. Кстати, и сами чиновники поджали хвосты... Да, очень темная фирма! Но – террористы! Чушь!"

В сознании генерала догадки и подозрения выстраивались в цепочку, но телефонный звонок оборвал очередное звено.

– Что там у тебя происходит, Матвей Фомич? – Голос, у Крамского был недовольным. – Почему москвичи делают на нашей территории какие-то захваты, а Мы ничего не знаем? Они перестреляют людей – кто будет отвечать?

– Президентская охрана теперь нам не подчиняется, – поморщился Лизутин. – Об их операции я узнал пять минут назад.

– Ну и что мы должны делать?

Генералы подумывали об одном и том же. Раньше все было ясно: ставишь в известность секретаря обкома и действуешь по его указанию. К тому же раньше не существовало параллельных силовых структур и все приказы отдавались из одного центра.

– Не знаю, – проговорил Лизутин.

– И я не знаю! Но знаю одно: все силовые акции в Тиходонской области должны проводиться с моего ведома!

– Послушай, Иван Васильевич, ты официально уведомлен об основаниях, целях и задачах операции? – вдруг спросил Лизутин.

– Нет.

– Значит, нет оснований суетиться. А если начнется стрельба, надо принимать законные меры...

– Законные меры, – саркастически повторил Крамской. – Значит поднимать ОМОН, СОБР и бросать их против Главка охраны? Устроить бойню в центре города, положить своих сотрудников и служащих Президента?

– Откуда я знаю, – раздраженно сказал Лизутин. – Тем более, пока еще никто не стреляет!

– Пока, да! – бросил Крамской и отключился.

Группа «Ад» теперь могла самостоятельно действовать в Тиходонске. Двадцать офицеров, «оказывающих помощь» полку патрульно-постовой службы, изучили улицы и переулки, расположение криминогенных точек, дислокацию постов и маршруты патрулей милиции, оперативную обстановку в городе и возможности местных властей. Но сейчас все эти познания не требовались. Для того чтобы захватить объект, достаточно выдвинуться на рубеж атаки.

Две боевые пятерки взяли под контроль фланги и заднюю стену «Тантала» с запасным выходом. Четыре снайпера прицелились в окна, из которых можно было ожидать ответного огня. Пятерка прикрытия – залегла в пятидесяти метрах. Штурмовая группа ползком приближалась на дистанцию последнего броска. Две пары взрывников подползли к главной двери и черному ходу. Они бесшумно наклеивали на прикрывающую сталь деревянную обшивку огневой шнур прожигающей системы «Контур». Под рукой у взрывников лежали шокирующие свето-звуковые гранаты «Заря» и газовые комплекты «Дурман».

За наглухо запертыми стальными дверями «Седой» заканчивал инструктаж.

– Каски и необходимая амуниция получены? Вопросы есть?

В складывающейся ситуации бойцам «Тантала» были крайне необходимы противогазы. Но они находились на складе.

– Получено! Вопросов нет! – как обычно ответил за весь отряд самый бойкий парень.

– Привести оружие в боевую готовность!

Здрав стволы к потолку, бойцы оттягивали затворы и резко отпускали. Сильные пружины возвращали их на место, при этом движущийся вперед затвор захватывал и досылал в ствол очередной патрон. Характерный металлический лязг наполнил помещение.

– А вы почему оставили пост? – сурово спросил «Седой», заметив в зале часового, который должен был стоять у входной двери. – Быстро на место!

Обиженно насупившись, молодой прапорщик вышел.

«К чему эти строгости? Мы же не в Афгане, не в Анголе, – думал он. – Тем более, сейчас четыре утра...»

Товарищи шли на первую крупную операцию, ему же приходилось торчать в осточертевшей, наглухо задраенной кирпичной коробке.

«Успею еще настояться...»

Прапорщик замер. Снаружи, у самой двери, что-то происходило. Он ничего не слышал, но интуиция подсказывала: За пятимиллиметровой сталью таится опасность... Прапорщик включил наружные микрофоны.

"Шурк, шурко, – чувствительная электроника передала слабые шорохи, как будто на внешней обшивке что-то разглаживали.

«Может, собака трется? Или пьяный...» – мелькнула успокаивающая мысль, но в глубине души прапорщик понимал, что дело гораздо серьезней и нарушение правил несения службы сейчас может вылиться в нечто страшное и непредсказуемое.

Все еще надеясь на безобидную причину непонятных звуков, часовой включил телекамеру. При этом он старался не производить шума, как будто там, за Дверью, его могли слышать.

На мониторе возникла темная пустая улица, прапорщик хотел направить объектив на дверь, но передумал: движение камеры могли заметить. Кто? Он бы не смог ответить. И все же менять положение телекамеры не стал.

Вдруг в темноте что-то шевельнулось... Еще... И еще... Короткими перебежками неясные тени приближались к зданию.

– Шнур оставь длиннее, – прошептали за дверью.

Прапорщику показалось, что это происходит во сне. Пришлось сделать усилие, чтобы выйти из оцепенения. Он вбежал обратно в зал, где еще лязгали затворы.

– Какие-то люди! – нелепо перекосив рот, выкрикнул он. – Окружают! Минируют дверь!

Тяжело роясь в собственном сознании, генерал Лизутин нащупал звено цепочки размышлений, которое оборвал звонок Крамского.

Щифротелеграмма директора ФСК о специальной группе с легендированным прикрытием!

Лизутина бросило в пот. Он прошел в кабинет к домашнему аппарату ВЧ-связи и вызвал Центр.

– Директора, срочно! – властно бросил он оперативному дежурному. Во время малого бардака начальника управления соединяли с председателем в любое время суток. Сейчас на другом конце правительственной линии замешкались.

– Может быть, вопрос решит ответственный дежурный?

– Вот-вот погибнет десяток наших сотрудников, – хрипло сказал генерал. И закашлялся.

– Соединяю...

Услышав сонный голос директора, Лизутин вдруг оробел. А если его догадка ни на чем не основана? Но отступить некуда.

– Извините, товарищ директор... У нас действует группа Главка охраны... Сейчас они начнут захват фирмы «Тантал»... Вроде это прикрытие террористов...

– Идиоты! – рявкнул директор. – Остановите их!

– Я не могу... У меня даже связи с ними нет...

– Черт бы вас всех побрал! «Тантал» – наше подразделение! Сейчас там такое начнется!

Директор нажал рычаг и набрал номер на белом, с золотым гербом на диске аппарате АТС-1.

– Слушаю!

Голос был бодрым и энергичным, как будто Коржов не спал.

– «Тантал» – подразделение ФСК! Остановите ваших людей! Иначе получится такая бойня, что ни вы, ни я не усидим в своих креслах.

– Да? – судя по тону, Коржов был абсолютно спокоен за свое кресло. – Но, когда я обращался за разъяснениями, вы меня дезинформировали!

Директор выматерился про себя.

– Думаете, поэтому вы сможете избежать скандала? И после него получить полк с самолетами в придачу? И Федеральное Собрание будет на вашей стороне, и пресса, и Президент?

– Я беспокоюсь только о безопасности Президента, – озабоченно отозвался начальник

ГУО. – Сейчас я дам отбой своим. А вы передайте в «Тантал», чтоб не открывали огня...

«Седой» всегда отличался мгновенной реакцией. Он не стал переспрашивать, уточнять и проверять.

– Первая группа – к черному ходу, вторая – к главному, закрыть дублирующие двери, третья – на крышу, четвертая. – К окнам второго этажа, – приказал он. – Действовать по пункту первому инструкции.

Этот пункт предусматривал прямое нападение на базу спецотряда и разрешал стрельбу на поражение без предупреждения и дополнительных команд.

По коридору и лестницам загрохотали тяжелые ботинки. Лязгнули, входя в стальные проемы, дублирующие двери, расположенные на расстоянии пятидесяти сантиметров от основных.

Сам «Седой» бросился к складу вооружения и принялся надевать ранцевый огнемет – очень эффективное средство борьбы с атакующим укрепленным объектом противником.

– Начали! – сказал в рацию командир «Ада», и в тридцати пяти наушниках прозвучали три безобидных слова, могущих означать очень серьезные вещи.

По плану операции начинать атаку следовало отвлекающим маневром с тыльной стороны здания. Поэтому первый ход был сделан именно там.

Взрывники дернули прикрепленные к концам прожигающего шнура кольца иницирующих устройств и откатились в стороны. Послышалось шипение воспламенителя, через несколько секунд раздался гудящий треск, сопровождающий большие пожары, повторяющий контур двери. Шнур стал розовым, потом вишневым, потом красным, оранжевым, белым... Из-под него летели искры, горела деревянная обшивка.

Через минуту шнур погас. Язычки пламени заканчивали слизывать прикрывающее сталь дерево. Один из пары взрывников подскочил и ногой ударил в центр двери, одновременно бросая «Зарю» в открываемый проваливающимся стальным листом овальный проем. В таких ситуациях следует действовать быстро, как только выжженный стальной лист начал уходить внутрь, второй взрывник метнул желтый конус «Дурмана». Но в данном случае быстрота пошла им во вред. Потому что обугленный по краям кусок прожженной двери не упал вовнутрь, как ожидалось, а подавшись назад, уперся в дублирующую дверь. И «Заря», и «Дурман», ударившись о преграду, отскочили обратно.

Оглушительный взрыв и ослепительная вспышка грянули под ногами взрывников, и тут же их окутало облако раздражающего газа «си-эс».

То же самое произошло и у главного входа. Здесь дело усугублялось тем, что вслед за гранатами к проему двери устремилась штурмовая группа, а потому под действие Шокирующего взрыва и слезоточиво – удушающего газа попали сразу двенадцать человек.

Атака захлебнулась. Пострадавшие отбежали подальше от газового облака, у них текли слезы и сопли, тела бил мучительный надрывный кашель. Некоторых рвало, у некоторых шла носом кровь и наступила глухота.

– Всем надеть противогазы, – выкрикнул в рацию командир «Ада». – Доигрались! Говорил: надевать заранее!

Штурмующие мгновенно облачились в легкие маски с большим стеклом и торчащим сбоку фильтром. Сейчас они стали похожи на подводных пловцов.

– Гранатомет на прямую наводку, – искаженный переговорным клапаном противогаза голос командира ворвался в наушники тех, кто еще был способен воспринимать команды.

Между тем «Седой», приготовив огнемет к бою, направился к одному из окон. Оставалось повернуть раму с бронестеклом, выставить наконечник с раструбом и нажать спусковой рычаг.

«Фау-у-у...» – струя огня длиной тридцать-сорок метров слизнет все на своем пути.

Правда, окна держали на прицеле снайперы «Ада», но на крыше здания уже заняли позиции снайперы «Тантала», так что неизвестно, кому улыбнется удача.

На базе «Ада» Фиников снял трубку прямой специальной связи.

– Нашли террористов, мудаки! Это отряд Степашкина! Отбой! Да быстро, под суд пойдете! – яростно кричал Коржов.

– Есть! – Фиников принялся вызывать командира группы активных действий.

«Хорошо, что нет жилых домов», – подумал «Седой», мысленно прокладывая путь ог-

ненной струи. Слева длинный забор завода, справа – антенное поле радицентра. Место выбиралось специально безлюдным, хотя никто не думал, что придется отражать подобные атаки.

«Пусть немного рассеется газ», – «Седой» задержал руку на запорном рычаге рамы.

– Командир! Командир! – истошно крича, из комнаты Связи бежал дежурный радист. – Сообщение Центра: это ошибка! Это люди Коржова! Огня не открывать!

Сквозь рассеивающееся желтоватое облако «Седой» увидел, что нападающие вдруг развернулись и побежали в обратном направлении. Около десятка бежать не могли и уныло плелись, пошатываясь и едва переставляя ноги. За ними вернулись, подхватили, потащили на себе.

Минуту спустя на улице никого не было.

Только запах гари, щиплющий глаза «Си-Эс», в малой концентрации все же просочившийся сквозь плотно пригнанные рамы, да тяжелый ранец огнемета напоминали о происшедшем.

Ноги ослабли, «Седой» сполз на пол, обхватил голову руками.

– Долбоебы, какие же все долбоебы! Будет хоть когда-то у нас порядок?

– спросил он сам себя.

Перед глазами стояла струя огня, метущая улицу, и слышался звук выходящей под давлением смеси и треск горящих человеческих тел.

* * *

В десять часов утра Керим получил от Абдуллаева и Геворкяна чемоданчик, набитый стодолларовыми купюрами. При запланированном «Седым» развитии событий эти люди и их многочисленные приспешники находились бы в душных камерах изолятора временного, содержания, а скорее всего лежали бы на мраморных столах и кафельном полу местного морга.

Нападение «Ада» на «Тантал» явилось той случайностью, которая дала им отсрочку и позволила раскручивать механизм покушения на Президента.

– За деньги отвечаешь головой, – предупредил Эльхан.

Керим кивнул.

– У тебя все готово?

– Готово! Очень хорошо готово, – кивал Керим с преувеличенной кавказской старательностью.

– Тогда иди. Да поможет тебе Аллах, – сказал Абдуллаев.

Геворкян скривился и потянулся к телефону. Абонент ответил, когда дверь за Керимом закрылась.

– Он вышел. Все должно пройти четко. Чемоданчик принесете мне. И не вздумайте открывать!

Не прощаясь, Ашот положил трубку.

– Надежные ребята? – спросил Абдуллаев, кивнув в сторону телефона.

– На сто процентов, – ответил Ашот. И тут же добавил:

– Но такой суммой они еще не проверялись... Вряд ли их надежность перевесит «зеленый лимон».

– Это верно.

– Ты можешь спокойно лететь, – Геворкян закурил, выпустил тонкую струйку дыма. – Я дождусь своих, заберу деньги...

– Зачем спешить? – Абдуллаев тоже закурил. – Подождем вместе...

В соседнем номере лежал на кровати Гарегин Петросов. Он был одет и положил туфли прямо на белую простыню. Гарегин понимал, что после столь громкой акции будет произведена широкая расчистка. И хотя Геворкян не мог решать его судьбу, спокойней бы находиться в каком-нибудь другом месте, километров этак за тысячу...

Петросов входил в руководящее ядро основной оппозиционной партии Армении – Дашнакцутюн. Но, и это было известно лишь узкому кругу лиц, он являлся одним из лидеров тайной военизированной организации «Дро», существующей внутри партии. «Дро» за-

нималась сбором секретной информации, она проникла во все силовые министерства Армении, президентский аппарат, во все структуры власти республики. Сильные позиции имела организации и в России.

Звякнул телефон, стоящий рядом с кроватью. Петросов протянул трубку. Он поделился своими сомнениями с организацией и сейчас ждал инструкций.

– Ты жив? – раздалось в трубке. – Немедленно уходи на базу номер семь.

Петросов положил трубку, встал и вышел в коридор.

– Ты куда, Гарегин? – выглянул из своей двери Ашот.

– Пойду пива возьму. И пройдусь – голова разболелась, – совершенно спокойно отозвался Петросов.

Он спустился вниз, раздвинул охранников и вышел на улицу.

– Мы с вами, шеф? – сунулись следом два личных телохранителя.

– Нет, ждите, я сейчас.

Ребят было жалко. Хорошие парни.

Геворкян заглянул в номер земляка. Вещи Гарегина разбросаны в обычном беспорядке, дорожная сумка выглядывает из-под стола, Ашот успокоился, но все же прошел к постели и сунул руку под подушку. Нащупав пистолет, Геворкян успокоился окончательно.

Петросов вышел через западные ворота рынка. В ту же минуту к восточным воротам подъехал мощный грузовик с затянутым брезентом верхом.

– Куда? – развязно спросил теневой контролер – наглый мордатый парень с татуированными руками. – Что везешь? Пойди заплати и получи разрешение!

Сидящий рядом с водителем молодой человек в легкой летней одежде вышел из кабины и подошел, как будто хотел объяснить, что все уже заплачено и проезд разрешили. Но вместо объяснений он резко, без замаха, саданул контролера в живот, разорвав поджелудочную железу и отбив селезенку.

Мордатый без признаков жизни упал под забор, а его напарник немедленно открыл ворота.

Грузовик сквозь густую толпу пробрался к цветочному павильону и перегородил проход к его тыльной части. Два десятка бойцов «Тантала» в гражданской одежде выпрыгнули на землю. Просторные рубашки навывпуск скрывали подвешенные к поясу Пистолеты, семеро держали бумажные пакеты, в которых находились автоматы «Кипарис». Все оружие было снабжено глушителями.

Человек, сидевший рядом с водителем, и с ним еще один направились ко входу в гостиницу. Остальные нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Сегодня они пережили стресс, и им была необходима разрядка.

Два спеца по рукопашному бою стремительно появились перед тремя охранниками. Черноусые молодцы сразу заподозрили неладное и дернулись, пытаясь достать оружие, но танталовцы их опередили. Каждый боец ударил один раз, но после таких ударов исключены долгие кинематографические драки. Впереди у травмированных многие месяцы стационарного лечения и инвалидность.

Третьего кавказца, получившего наглядный и впечатляющий урок, а потому мгновенно утратившего боевой дух, человек, сидевший рядом с водителем, поймал на прием, заломил руку к затылку и, приставив лицом к обзорному глазку, нажал кнопку звонка. Пленник прекрасно понял, чего от него хотят.

– Откройте, живот схватило! Откройте! – вытаращив глаза, просил он.

За дверью засмеялись.

– Не надо свинину жрать! Валяй теперь в штаны!

– Откройте, прошу, умоляю, всем стол накрою! – лопотал кавказец, чувствуя, как хрустит сустав.

За дверью засмеялись еще сильнее.

– Ну, если не врешь...

Щелкнул замок, дверь распахнулась, и смех мгновенно смолк. При численном превосходстве противника рукопашники предпочитали работать ножами. Находившиеся в вестибюле семь охранников были заколоты за несколько минут. Ворвавшиеся бойцы помогли закончить дело, затем семерка автоматчиков, выставив удлиненные глушителями короткие

стволы, поднялась на второй этаж.

По сторонам коридора располагались три двери. У каждой стал боец. Все они видели фотографии тех, кто был нужен живым.

Одновременно выбив замки, автоматчики ворвались в номера.

«Пх-пх-пх!» «Пх-пх-пх!» Автоматы били почти бесшумно.

Два номера пустовали, в трех находились личные телохранители Геворкяна и Абдуллаева, которые были убиты, даже не успев достать оружие. Сами руководители криминальных землячеств столицы готовились коротать время за нардами. Автоматчик узнал обоих и в последний миг сдержал указательный палец.

– На пол, живо! – грозно крикнул он.

– Кого на пол? Меня?! – Абдуллаев медленно поднимался с кресла. – Я твою маму делал!

Оскорблять сотрудника спецотряда во время задержания, когда попытка сопротивления позволяет стрелять, не следует. Потому что «попытка сопротивления» может быть истолкована очень широко.

«Пх-пх-пх!»

Короткая очередь прошла Эльхана наискось – от правого бедра к левому плечу. Он явно не ожидал такого исхода. Привычка к контактам с обычной милицией и возможность безнаказанно куражиться над ее сотрудниками на этот раз обернулась против самого авторитета. Схватившись за расползающиеся по рубашке красные пятна, он удивленно вытаращил глаза, но отмеренное Аллахом время жизни истекло, и то, что миг назад являлось могущественным Эльханом Абдуллаевичем, бесформенным кулом повалилось на дорогой ковер.

– Лечь, я сказал! – крикнул автоматчик, и Геворкян поспешно выполнил команду.

Через несколько минут в комнату вошел «Седой».

– Здорово, Ашот! – буднично поздоровался он, пристально глядя в землистое лицо. – Говори: кто, где, как...

– Занимается Керим Гуссейнов, у него своя группа. Они уже ушли... Ашот косил взглядом на труп соратника и время от времени икал.

– Ты лично сколько человек убил? – неожиданно спросил «Седой».

– Мало. Тринадцать. Или пятнадцать...

– Тогда не дрожал?

Авторитет молчал.

– Еще что скажешь?

– Больше ничего не знаю...

– Проверим, – «Седой» сделал знак стоящему сзади человеку. – Два кубика скополamina.

Но и под действием «сыворотки правды» Ашот повторил то, что сказал ранее.

– Ладно, уходим, – приказал «Седой».

Автоматчик замешкался.

– А с этим что?

– Что положено за тринадцать убийств? – задал встречный вопрос командир и вышел.

«Пх-пх-пх!» – донеслось из номера.

Мощный грузовик протиснулся через бурлящую толпу и выехал в те же ворота. Операция заняла пятнадцать минут. Теневой контролер лежал в прежней позе, прохожие не обращали на тело никакого внимания: у каждого свои проблемы. Напарник убежал, оставив ворота без присмотра. Он хорошо знал: если начинается крутая разборка, лучше находиться в безопасном месте.

– Если бы не коржовские идиоты, мы бы обезвредили всех, – с досадой сказал «Седой». – А сейчас где их найдешь?"

* * *

Керим подъехал к «Южной» ровно в одиннадцать, как и договаривались с Мастером. Свистун встретил у входа.

– Помочь? – Он с усмешкой кивнул на увесистый чемоданчик.

– Донесу, друг, – добродушно улыбнулся Керим.

– Хозяин переехал в другой номер, у него туалет засорялся, – сказал Свистун, подводя азербайджанца к триста двенадцатой комнате.

Мастер сидел за столом, просматривая газету.

– Здравствуй, дорогой!

– Добрый день, дружище!

Они сердечно приветствовали друг друга, точно зная, что второй не доживет до сегодняшнего вечера.

– Давай проверим, – Мастер кивнул, и Свистун запер дверь.

Керим положил на кровать объемистый кейс с цифровым шифром и тревожной сигнализацией, повозившись, открыл.

– Проверяй дорогой!

Мастер наугад повыбирал несколько пачек, чиркнул по каждой толстым карандашом-маркером. Желтая линия свидетельствовала о том, что банкноты настоящие.

Керим внимательно наблюдал. В сорока метрах от гостиницы сидят в джипе верные люди. Пятеро. И каждый стоит трех. После операции, чем бы она ни закончилась, и Мастер, и его приятели-телохранители умрут. А он с мощным прикрытием беспрепятственно доберется до цели.

В шестистах километрах Чечня – там никакие законы не действуют. Кроме одного – закона силы. Но сила у них есть, к тому же единоверцев чечены не трогают. Потом Дагестан, они тоже не очень любят центральную власть, затем – родные края. Конечно, у Абдуллаева длинные руки, но Керим не станет сидеть в республике: махнет через иранскую границу – и ищи-свищи! В мире много мест, где можно хорошо устроиться, имея миллион долларов.

Внезапно Керим покрылся липким потом. В последнее время его часто мучил страх и дурные предчувствия. Но сейчас он понял, что непоправимое уже происходит.

На улице к красному джипу с двух сторон подошли люди в масках из черных чулок. Синхронным движением извлекли пистолеты – размером с ПМ, но непривычной формы. Специалист опознал бы модель ПСС – пистолет самозарядный специальный. Эффект в нем достигается за счет специального патрона, бесшумного и очень мощного.

«Пх-пх...»

Мозги водителя вылетели на лобовое стекло, сидящего рядом с силой бросило лицом на панель.

«Пх-пх – пх...» Трое на заднем сиденье дернулись и раскинулись в позах смерти.

Рассмотрев, что происходит, истошно закричала какая-то женщина. Посланцы Геворкяна спокойно вернулись к недавно угнанной «тройке» и

без особой спешки укатили. Сделав круг, они бросили автомобиль и пересели в неприметную серую «волгу», где их поджидали два товарища.

– Все в порядке?

– Даже не пикнули!

Сидящий за рулем одноглазый бородач громко высморкался и тронул с места.

– Интересно, что в чемодане...

– Ашот запретил открывать.

– Мало ли что он запретил! Если там опий или морфин, то мы можем по-своему решить!

– Ладно, посмотрим... «Волга» остановилась так, чтобы был виден вход в «Южную».

– Порядок! – Мастер закрыл чемодан.

Керим не успел ничего сказать: в тот же миг Свистун ударил его в висок, и толстяк потерял сознание.

Мастер извлек из кармана ампулу с морфием, отломил горлышко платком, набрал шприц, но не выпустил воздух, как обычно.

– Давай жгут!

Вогнав наркотик вместе с воздухом в вену, Мастер обыскал Керима. Пистолет он забирать не стал и деньги оставил, а вот поддельный паспорт вытащил из кармана, положив на его место паспорт Тофика, который числился проживающим в триста двенадцатом номере и

к тому же был здорово похож на убитого. И ключи от машины взял.

Керим вздрогнул, захрипел и, обмяк. Поток крови донес пузырек воздуха до сердца, сосуд закупорился. Воздушная эмболия – обычный конец наркоманов. Именно такая версия появится у того, кто будет первым осматривать труп.

– Оставайся, убери лишнее, сотри отпечатки! – приказал Мастер. – Через девять минут зайдешь ко мне в номер!

– Слушай, мы же про вертолет не узнали! – всполошился Свистун.

«Дебил!»

– Его вертолет – это туфта. Потому мы и его и кончили. Тебя заберет мой вертолет!

Будто вспомнив. Мастер хлопнул себя по лбу.

– На твою «страховку», – он протянул свой паспорт.

Свистун внимательно изучил его и с удовлетворением сунул в карман.

«И вправду дебил...»

Взяв кейс с деньгами, Мастер вышел из триста двенадцатого номера, но вместо того, чтобы идти к себе, повернул в другую" сторону, по лестнице спустился в подвал и вышел из черного хода.

Натаха стояла рядом с подъездом. В руках она держала большой пластиковый пакет.

– Иди сюда! – Он готов был разорвать женщину за медлительность.

Поставив кейс «на попа», он сунул его в пакет.

– Прикрой сверху газетой.

– Когда ты придешь?

– Скоро. Да, скоро, – Мастер с трудом изобразил улыбку.

– Расскажешь, что это за документы?

– Обязательно. Да, обязательно. А теперь иди!

Потом он направился в свой номер, заперся и достал из шкафа кейс, точно такой же, как отдал Натахе. Выставив шифр, открыл крышку. Десять аммоналовых шашек, туго связанных изоляционной лентой, два взрывателя. Мгновенного действия, если попытаются вскрыть кейс, и с трехминутным замедлителем, если выдернуть пропущенный в щель возле ручки шнур. Он взвел оба.

Мастер еще не знал, как использует эту бомбу, но сильно подозревал, что она ему пригодится. Самое простое и наиболее вероятное применение: оставить чемоданчик на хранение Кролу и Висту. Они сами решат проблему свидетелей... В номер постучали.

– Кто?

– Я, – отозвался Свистун.

Мастер впустил под ельника.

– Отправляйся на точку и жди, – распорядился он. – С пятнадцати будь в полной готовности. Винтовка заряжена, остается нажать спуск. Я ударю с другой стороны, Сразу уходи на крышу...

– Буду ждать вертолет, – Свистун многозначительно похлопал по нагрудному карману, где лежал паспорт Мастера, и подмигнул.

– Давай! – Мастер крепко пожал обреченному руку.

Выждав десять минут после ухода Свистуна, Мастер с кейсом зашел в соседний номер. Тофик, как всегда полупьяный, играл с Вистом в карты.

– Как дела, друг? – вскинул он на вошедшего черные, как маслины, глаза.

– Порядок. Привезли, – Мастер показал кейс.

– Тогда едем! Засиделись здесь, дома ждут...

Тофик с интересом рассматривал чемоданчик и его хозяина, жить которому оставалось два-три дня.

Мастер посмотрел на часы. Одиннадцать Пятьдесят. Крол уже должен сидеть в лодке.

– Мы поехали, – сказал он Висту. – Выйдешь через полчаса...

«И действуй по плану», – хотел добавить он, но передумал, чтобы Тофик не заподозрил неладного. Вист и так знал свою задачу.

В одиннадцать пятьдесят пять Мастер и Тофик вышли из гостиницы. Хотя Тофик не был двойником Керима, но фигурой, прической и наиболее броскими чертами лица походил на него. Если кто-то ожидает увидеть Керима, то вполне примет Тофика за него.

Неподалеку собралась толпа.
– Что там? – полубопытствовал Тофик, но Мастер пресек его порыв.
– Там сейчас будут менты. Мне они ни к чему. А тебе?
Керим приехал на старом БМВ. Мастер сел за руль. Пусть наблюдатели думают, что он капризничает, не доверяя спутнику. Но наблюдателей Мастер не обнаружил.
Сзади раздался звук милицейской сирены.
– Вовремя уехали, – порадовался Тофик. – Если что – деньги отберут?
– Конечно! И нас в каталажку!
– А меня за что? Мы так не договаривались.
– Шучу...
На центральной улице через каждые сто метров стояли гаишники в парадной форме.
– Видно, какая-то шишка приезжает, – догадался Тофик. – Плохо – в любой момент остановят!
– Да, лучше переждать.
Объехав несколько кварталов, Мастер зарулил на территорию стройки.
– Посиди здесь, я сейчас... Перед тем как убрать Тофика, Мастер хотел осмотреться.
– А вдруг ты уйдешь? А мне что делать?
Мастер усмехнулся.
– Я тебе чемодан оставлю. Только не открывай, там сигнализация.
Начав подъем по неогороженным лестничным маршам шестнадцатиэтажной свечки, Мастер не видел, как развивались дальнейшие события.
Серая «волга» притерлась к забору, двое проскользнули в щель, подкрались сзади к БМВ, вскинули руки. ПСС вообще не давал никаких звуков, только тренькнула обшивка машины да глухо вскрикнул Тофик.
Достав чемоданчик, двое вернулись в «волгу».
– Давай!
Бородач бросил машину вперед.
– Куда ты?"
– Заедем в тихое место и посмотрим, что внутри... Они остановились на пустыре, недалеко от вокзала.
– Если морфий, сядем в поезд – и в Москву, – сказал бородач. – У меня там есть барыги знакомые...
– Он не открывается, – пожаловались с заднего сиденья.
– Давайте мне!
Бородач приготовил отвертку.
– Аккуратно, вдруг отдавать придется...
– Ладно.
Раздался скрежет, крышка откинулась. Бородач успел рассмотреть, что находится внутри, черты его лица стали искажаться от ужаса, но в следующий миг тела четырех боевиков Ашота Геворкяна разнесло в клочья вместе с машиной, чемоданом и обнюхивающей колесо бродячей собакой.

* * *

Рында стоял перед стендом «Их разыскивает милиция» и рассматривал собственную фотографию. Она казалась неудачной – какая-то зверская уродливая харя. Нарочно менты подобрали такую, что ли? Может, еще и подретушировали... «Сволочи! Все сволочи!»

Он медленно двинулся по тротуару. Встречные прохожие его обходили или уступали дорогу. Гибель Баркаса ничего не изменила. В группировку обратного хода не было, попытка собрать дань на «Супермаркете» закончилась суровой разборкой с двумя новыми контролерами. Те считали себя блатными и сразу достали ножи, только граната сумела их обречь. Но все равно путь туда заказан.

Последние дни Рында жил на хате у Косого, где мышей и тараканов водилось без счета, а спирта и наркоты бывало больше, чем жратвы. К тому же в любой момент его могли сдать, ментам. Сегодня возвращается из ЛТП пахан Косого, значит, надо искать новое место

ночлега. Неплохо найти и жратву – он больше суток не ел. На «пяточке» уже не угощают бесплатной шаурмой и пивом, к тому же там свой контролер... Грабануть какого-нибудь лоха? И что дальше? Если бы была команда, хотя бы как у Амбала...

В мозгу у Рынды что-то замкнуло. Амбал! Это и есть виновник всех его бед! Они с Попугаем и Веретеном разъезжают на «мерее», быкуют, трахают девок и довольны жизнью. Ну, суки! Тогда повезло, не дострелили... Но еще не поздно эту ошибку исправить!

Рында свернул направо. До «погребка» десять минут неспешной ходьбы. Грохнут Амбала и его компанию! Сразу все узнают, кто такой Рында! И уважение придет, и деньги...

Не обращая внимания на окружающих, Рында достал гранату, свел проволочки и вытащил чеку. Теперь подпружиненный ударник удерживался только предохранительной скобой, зажатой в потных пальцах. Он вновь сунул увесистый овальный предмет в карман, лаская согревшийся металл горячей ладонью.

«Сейчас этого сраного Амбала бояться, – как всегда тяжело шевелились простые мысли. – А будут меня бояться. Я стану главней Амбала! Как... Как Баркас!»

Сравнение с бригадиром пробудило неприятные воспоминания, загнанные глубоко в подсознание. Пустынная роща, белеющие девичьи ноги, орел с железным клювом, теплые брызги... Впереди, на уровне лица, мелькнула тень. Неужели тот самый орел?

Нос у Рынды был забит, и он очистил его естественным и привычным образом: заткнул ноздрю и сморкнулся, лишь на миг оторвав руку от округлого бока «РГД-5». В кармане щелкнуло. Он попытался сообразить, что это означает, но проклятый орел кружил вокруг головы, не давая сосредоточиться. Замедлитель запала горит четыре секунды, поэтому отогнать опасную птицу Рында не успел. Сотни стальных когтей вцепились в тело и рванули в разные стороны, отрывая большие и маленькие куски. Руку забросило на крышу торгового павильона, внутренности повисли на электрических проводах. Со звоном полетели стекла.

– Еще один взрыв, на Гоголевской, – доложил Крамскому оперативный дежурный. – Самоподрыв. – Один убитый, один легко раненный.

– А что на Центральном рынке? – устало спросил начальник управления.

– Бойня. Пятнадцать трупов. Все наповал. Похоже, мафиозная разборка.

– Еще что?

– Труп в гостинице «Южная». Наркоман. Первичное заключение – передозировка.

– А у тех, в машине? Тоже передозировка?!

Крамской бросил трубку. Город словно взбесился И по роковому стечению обстоятельств – в день приезда Президента! Это грозило очень серьезными неприятностями.

* * *

Президентский борт приземлился в пятнадцать тридцать, точно по графику.

Сосредоточившись и подтянувшись, Василий Петрович появился в проеме люка, осмотрелся и неторопливо спустился по трапу.

Здесь его со счастливой улыбкой встречал Лыков, окруженный целым сонмом начальников меньшего ранга.

– Борис Николаевич, уборку урожая закончили, результат я вам докладывал, – привычно начал рапортовать Лыков после процедурных приветствий.

– Все потом, – отстранив главу администрации, двойник направился к открытому лифту.

«Какой-то он странный», – подумал Лыков, продолжая преданно улыбаться.

«Почему открытый автомобиль? – подумал Василий Петрович. – В таком Папа ездит очень редко...»

* * *

Свистун ходил по комнате взад-вперед. Ему хотелось пить, но он почему-то не мог выйти на кухню. Окно завораживало его. Внизу редкие милицейские цепочки вяло сдерживали не очень многочисленную толпу.

Кавалерийский карабин с оптическим прицелом лежал на расстеленной вдоль стены

тряпке. Квартира сдавалась без мебели.

Справа донесся шум приближающегося кортежа.

* * *

Снайпер первой категории старший лейтенант Виктор Акимов обеспечивал дальний круг охраны. Он находился на крыше девятиэтажного здания и осматривал в бинокль закрепленный за ним сектор. Собственно, осматривать особенно нечего, ни одной точки, пригодной для производства выстрела, здесь не было: маршрут кортежа перекрывал длинный двенадцатиэтажный дом, на крыше которого находился снайпер СОБРа и два сотрудника ФСК. Ему же достался «слепой сектор».

Обычный идиотизм: чиновник, не выходя из кабинета, расчертил по карте зоны ответственности, поставил точки и утвердил дислокацию у начальства. На крыше при этом никто не лазил. Одна из точек оказалась в «слепом секторе».

Развернувшись, Акимов стал осматривать дальние объекты, которые не считались потенциально опасными, а потому не перекрывались. Господствующее положение занимала недостроенная «свечка» обкома партии. Пятьсот метров до улицы движения кортежа, триста пятьдесят до точки «слепого сектора». Точкой являлся старший лейтенант Акимов.

Он перевел бинокль дальше.

* * *

На реке оказалось вовсе не так спокойно, как в день «генеральной репетиции». Крол уже дважды встретил глиссер водной милиции, пронесшийся вдоль фарватера. Улучив момент, Крол заложил вираж и прошел вдоль набережной, примеряясь к месту, где предстояло забрать Мастера. То, что он увидел, полностью выбило его из колеи: канализационный коллектор перекрывала железная решетка!

* * *

Кортеж автомобилей въехал в город и, приближаясь к центру, снизил скорость.

Василий Петрович стоял за водителем, держась одной рукой за специальную ручку в спинке сиденья, а второй приветствуя встречающих его тиходонцев. Двойник отмечал, что ликующих лиц стало заметно меньше, чем раньше. Основную массу составляли любопытные, пришедшие поглазеть на руководителя государства.

Открытый лимузин шел третьим. Кроме Василия Петровича, в нем ехали три офицера личной охраны, но не те, что постоянно находятся при Президенте. Василий Петрович очень хотел пить. стакан пузырящегося нарзана прямо стоял перед глазами.

* * *

Акимов имел богатый опыт снайперской работы на войне, поэтому расстояние в пятьсот метров не расслабляло его, как любого сотрудника ГУО. Он вновь вернулся к каркасу недостроенного здания. Очень подходящее место! Проложив линию к маршруту кортежа, он обнаружил, что она попадает в широкий просвет между домами, открывающий достаточный сектор обстрела.

На свой страх и риск старший лейтенант решил контролировать «не представляющий потенциальной опасности» объект. И вскоре он увидел в окулярах бинокля появившегося на верхней площадке человека.

* * *

Если хочешь выжить, надо уметь менять планы, на ходу. Мастер переиграл всех, кого хотел. Деньги в надежном месте, паспорт в кармане человека, которому через – несколько минут оторвет голову. После этого для всех Мастер перестанет существовать. Так зачем

стрелять в Президента, лететь по тросу с Шестнадцатого этажа, катиться по бетонному желобу?

Можно спокойно спуститься вниз по лестнице, на такси приехать к этой дурехе, выпить и потрахать с ней для снятия стресса, потом придурить и уйти.

Этот вариант был слишком хорош, чтобы не иметь изъянов. Мастер стал их отыскивать. И нашел. Если Свистун не выстрелит, его план лопнет. Киллер, не выполнивший заказ, обречен на неминуемую гибель. Куда более неизбежную, чем киллер, не позволивший забрать обратный честно заработанное вознаграждение. Значит, надо ждать...

Мастер навел бинокль на Большой проспект, прошелся по желтому фасаду старинного четырехэтажного здания, нашел нужное окно. За ним должен находиться Свистун. Если он нажмет спуск, Мастер это увидит и сможет спокойно уйти в новую жизнь. Если струсит – придется стрелять самому и проделывать головокружительный путь к устью бетонного коллектора. Про установленную недавно решетку киллер ничего не знал. Как и не подозревал о снайпере СОБРа Вите Акимове, рассматривающем его сквозь сильную оптику.

* * *

Обычному обывателю на вершине недостроенного здания делать нечего. Особенно в день приезда Президента. К тому же милиция безуспешно искала убийцу водителя УФСК. Тот тоже действовал в недостроенном здании, подходящем для выстрела по кортежу. Привыкший из нескольких объяснений выбирать самое худшее, Акимов предположил, что видит в свой бинокль готового к покушению террориста.

Конечно, мировая практика терактов не имеет прецедентов выстрела с пятисот метров. Но в боевых условиях приходилось поражать цель и с большей дистанции. Винтовка посылает пулю почти на четыре километра, убийность ее сохраняется практически до конца пути. Все дело в том, чтобы совместить конический девятиграммовый снарядик с целью. Причем террорист, в отличие от бойца пехоты, должен попасть только в голову, шею или грудь. К тому же цель находится в движении и, как правило, прикрыта телами личной охраны.

Более-менее подготовленный снайпер способен выполнить задачу со ста – ста пятидесяти метров. Потом пуля становится все более «капризной»: сила тяжести, сопротивление воздуха, отклонение в сторону вращения и другие законы внешней баллистики стараются «развести» ее с точкой попадания. Теперь все зависит от личностных особенностей стрелка. Чисто физиологических: остроты зрения, крепости нервов, реакции, чуткости указательного пальца, интуиции, именуемой «чувством выстрела». Степени подготовки: умения вносить коррективы на все виды отклонений, качества пристрелки оружия, правильного подбора боеприпасов и еще десятков премудростей, хитростей и уловок, зависящих от опыта и уровня профессионализма.

Эти особенности определяют личную дальность каждого снайпера. И если у стоящего на верхней площадке «свечки» человека личная дальность составляет пятьсот метров, то успех покушения вполне реален.

Старший лейтенант покосился на прямоугольник портативной рации. Заметив что-то подозрительное в секторе наблюдения, он должен сообщить в штаб руководства операцией, откуда направят на место группу проверки. Но как будет воспринято сообщение о подозрительном человеке на объекте, не входящем в зону охраны и расположенном в противоположном от закрепленного сектора направлении? Да еще если он окажется не террористом, а каким-нибудь прорабом или монтажником, изучающим фронт предстоящих работ!

Акимов настолько наглядно представил реакцию начальства, что даже втянул голову в плечи.

– Внимание, кортеж приближается к участку номер шесть, – сообщила рация.

Участок номер шесть являлся зоной оперативной ответственности той группы, в состав которой входил старший лейтенант Акимов. Он добросовестно осмотрел свой сектор наблюдения. В нем ничего не изменилось: по-прежнему двенадцатиэтажный дом перекрывал Большой проспект, точек, превышающих преграду: зависших вертолетов, выдвинутых телескопических вышек, летающих блюдец или черт его знает чего еще, – не появилось.

Старший лейтенант Акимов вновь повернулся к «свечке». Человек наверху держал в

руках снайперскую винтовку!

* * *

Свистун ощутил, что если немедленно не напьется, то скорей всего умрет. Это было явно нервное: шум кортежа слышался все ближе... Он метнулся на пустую кухню, открыл кран, сунулся лицом под слабую струйку тепловатой, с привкусом хлорки воды, жадно сделал несколько глотков и бросился обратно в комнату.

Схватил карабин – накануне Мастер сам зарядил его, проверил прицел.

– Наведи и выстрели, – напутствовал он. – Наведи и выстрели. Тут пятьдесят метров. Промахнуться невозможно. Все получится само собой. Наведи и выстрели!

Свистун взглянул на небо. Вертолета видно не было. Но Мастер знает, что делает, и Свистун многократно в этом убеждался. Раз уж он оставил свой паспорт...

Карабин удобно приложился к плечу. Как только появится головная машина, он откроет окно и повторит изготовку.

* * *

Ночью Крол спрятал оружие в полости бетонной стены и замаскировал сверху кусками рубероида и бетонной крошкой. Мастер достал плоский ящик, открыл и извлек девятимиллиметровую специальную снайперскую винтовку с толстым из-за охватывающего его глушителя стволом. Массивный прицел включал в себя мощную снайперскую оптику и лазерный целеуказатель. Лазерный луч совмещался с точкой попадания, рассматривая через увеличивающие окуляры красное пятнышко на цели, стрелок видел, куда ударит пуля, и мог вносить необходимые поправки.

Мастер присел на колено, собираясь опереть винтовку о бетонный выступ, но вдруг ощутил опасность. Она исходила откуда-то слева... Мастер поднял бинокль. На половине дистанции между ним и Большим проспектом, чуть в стороне стоял девятиэтажный панельный дом. За возвышающейся лифтовой шахтой прятался человек в камуфляжном костюме. Одной рукой он наводила него снайперскую винтовку, другой держал рацию и что-то говорил в микрофон.

Мастера бросило в жар. Он вскинул «ВСС», включил лазер, красное пятнышко вспыхнуло на черном рубероиде, покрывающем лифтовую шахту. Он быстро двинул его к голове врага. Но тот отбросил рацию и нырнул за укрытие.

По Большому проспекту шел президентский кортеж. Первая машина вынырнула из-за ограничивающих обзор зданий и поравнялась с желтым фасадом.

* * *

Резко распахнув окно, Свистун одним взглядом окинул обстановку. Толпа, милиция, кавалькада автомобилей, лимузин, в котором человек в светлом костюме машет рукой встречающим. Уложив карабин на подоконник, он навел прицел. Светлый костюм легко удерживался на острие пенька, Мастер был прав: все получится само собой. Он нажал спуск.

Патронник карабина не способен выдержать взрыв тетрила. Рванувшиеся в стороны газы разорвали казенную часть оружия, затвор со страшной силой вылетел назад и размозжил голову Свистуну, осколки ствольной, коробки тоже вбило ему в лицо.

В одном направлении газы имели выход: через ствол – на пути стоял только конический кусочек металла. Его прогнало по нарезам и выбросило из дула со скоростью, в полтора раза превышающей обычную.

Василий Петрович улыбался. Приветствовал народ поднятой рукой, словом, добросовестно исполнял свои обязанности. Он не вертел головой по сторонам и потому не видел распахнувшегося окна и человека с винтовкой. Зато телохранитель, отвечающий за этот сектор, обнаружил опасность. Все произошло очень быстро: стрелок высунулся, прицелился и тут же окутался облаком пламени.

В такой ситуации телохранитель обязан сбить с ног охраняемое лицо, прикрывая од-

новременно своим телом. Если бы в машине находился Президент, скорей всего офицер охраны выполнил бы свой долг до конца. Но пересилить инстинкт самосохранения, защищая дублера, он не смог. Характер выстрела говорил о том, что террорист использует какое-то новое, скорей всего реактивное оружие. Офицер шарахнулся в сторону, чуть не выпав из машины.

Пуля ударила Василия Петровича в голову, кровь обильно залила светлый костюм...

* * *

Краем глаза Мастер увидел вспышку в окне дома с желтым фасадом, тут же донесся довольно ощутимый звук взрыва.

Свистун сделал свое дело. Можно уходить. Можно бы... Но, стоит только встать, и милицейский снайпер влупит в него пулю. Каркас здания позволяет просматривать этажи и лестничные марши насквозь. Да и пристегнуться к тросу он не успеет... Остается только одно: застрелить противника. Причем времени очень мало – он вызвал подмогу... Мастер прильнул к прицелу.

Акимов тоже услышал взрыв со стороны Большого проспекта. И хотя не мог видеть, что там произошло, понял – террорист не один. Он не знал, возьмут ли остальных, но был уверен, что не даст уйти «своему». Старший лейтенант на миг выскочил из-за укрытия и тут же прыгнул обратно: враг целился в него. Ладно... Посмотрим, кто кого!

Снайперский поединок имеет свою специфику. Противники не видят искаженных лиц друг друга, не слышат надрывного тяжелого дыхания и сдавленных ругательств. Они часами и сутками могут неподвижно сидеть в засаде, ожидая движение, которое демаскирует врага и позволит послать в него пулю. Здесь не расходуется боезапас, как в обычном бою: исход определяет всего один выстрел. В снайперской дуэли не бывает раненых: слишком убойное оружие и точный прицел у обоих.

Сейчас картина складывалась нетипичная. Местонахождение врагов обоюдно известно, времени – по крайней мере для одного из них – нет совсем, все решат быстрота и точность выстрела.

Мастер занимал господствующее положение, и Акимов, выходя из-за укрытия, становился хорошей мишенью. Но стоило Мастеру оставить позицию и попытаться скрыться, как в отличную мишень превращался он сам.

Из лежащей наверху рации доносились тревожные голоса:

- Окружайте дом, первая группа – перекрыть чердак...
- «Скорую», быстро «скорую», рана очень тяжелая... Да, к резиденции...
- Резерв, выдвигайтесь к Большому проспекту...
- Вытесняйте людей, очистите прилегающую территорию...

Акимов понял, что каша заварилась крутая. И в поднявшейся сумятице никому нет до него дела. Скорей всего группа проверки получила другое задание, поэтому помощи ждать не приходится. Оперативный штаб создан для обеспечения безопасности Президента, и если ее обеспечить не удалось, то все усилия бросят на устранение допущенных ошибок. Если связаться с Литвиновым, он пришлет людей, но до рации не добраться.

Вознесенные над городом снайперы были оторваны от остального мира и находились один на один.

Мастер водил стволом вдоль укрытия Акимова, выжидая, пока он снова выглянет, чтобы осмотреться. Но тот не появлялся.

Старший лейтенант скатился по лестнице на девятый этаж. Стучать в квартиры бесполезно: никто не пустит в дом человека с винтовкой, хоть десять удостоверений покажи. Остаются окна лестничной клетки...

Фрамуга была открыта, он положил ствол на упор и заглянул в окуляр. Левый бок Мастера от плеча до пояса, находился в поле зрения. Акимов прицелился. Он хорошо знал нрав своей винтовки и с учетом всех возмущений взял чуть выше и левее. После чего привычным плавным движением нажал на спуск.

В замкнутом пространстве мощная армейская винтовка ударила, как пушка. Со скоростью восемьсот сорок метров в секунду пуля вылетела из ствола и понеслась к цели. Воздух

перед носовой частью уплотнялся, она с силой рассекала его, издавая характерный, чуть дребезжащий звук. Сзади образовывалось разреженное пространство, обтекающий пулю воздух с силой врывается туда, создавая завихрение. Полет продолжался недолго – меньше половины секунды. Чтобы представить этот отрезок времени, надо быстро произнести «двадцать один». Продолжительность произношения и составит половину секунды.

Пуля опередила скорости звука, поэтому Мастер даже не услышал выстрела. Страшный удар в левый бок выбил из него жизнь.

* * *

Местная газета сообщила о гибели Президента, в центральной информация была задержана, но слухи начали гулять по Москве. Пресс-служба Президента их опровергла, а еще убедительней опроверг Сам, появившись перед журналистами.

Тиходонского редактора сняли вместе с репортером, который не разобрался в ситуации и перепутал Президента с офицером охраны.

Коржов отчитался о проделанной работе: его служба обнаружила и уничтожила наемного убийцу, пользовавшегося вымышленной фамилией «Смирнов», обезвредила террориста, взорвавшегося "на собственной гранате, раскрыла незаконное секретное подразделение ФСК, на месте задержала стрелявшего в Главу государства, при задержании покушавшийся погиб.

Крамской удачным выстрелом Акимов нейтрализовал взрывы и групповые убийства.

Меньше повезло директору ФСК – «Гантал» расформировали, переведя сотрудников в спецподразделения МВД и Минобороны.

Оценивая результаты плана «Зэт», пришли к выводу, что в целом все правоохранные органы, спецслужбы и подразделения вооруженных сил показали хорошую выучку и высокую боевую готовность.

Глава девятая ПАУТИНА ЛИСА

Есть только один эффективный способ предотвратить убийство. Для этого надо убить убийцу.

Бывший майор милиции Коренев по прозвищу Лис.

Лис нашел тайник почти сразу. За год местность не изменилась, и расположенные треугольником березки также весело шумели под порывами донского ветра.

Сориентировавшись и осмотревшись. Лис принес из машины лопату и принялся рыть влажно пахнущую землю. Вскоре металл уткнулся в какое-то препятствие, порывшись руками, он достал небольшой деревянный ящик и вскрыл его.

В полиэтиленовом пакете лежал окуроч Горского. Важняку повезло: Лис не успел использовать его в одной из своих дьявольских комбинаций. Сейчас он окаменел и ни для чего не годился. Лис отбросил его в сторону.

Тщательно завернутые в клеенку два паспорта на разные фамилии, но с фотографией Коренева. Теперь они тоже ни к чему. Лис сжег их прямо в яме.

В третьем свертке, замотанный в полиэтилен и промасленные тряпки, ждал своего часа пистолет. Необходимость в нем не отпала и вряд ли когда-либо отпадет. Лис тщательно обтер вороненую машинку, бросил тряпки в огонь, посмотрел, как они медленно сморщиваются и обугливаются, потом засыпал яму и вернулся к машине.

Пистолет он привычно сунул в плечевую кобуру. На днях гражданин Коренев получил лицензию частного охранника и разрешение на служебное оружие. При случайном досмотре ни один патруль не станет сличать номера в разрешении и на пистолете.

Лис сел в машину, на соседнем сиденье лежала газета «Вечерний Тиходонск». На первой полосе вновь красовалась фотография Шамана, с момента его избрания это уже третья публикация о свежеиспеченном депутате. Несколько раз он выступал по телевидению. Яс-

ное дело: набирает очки. Очевидно, собирается двигаться дальше. Теперь он неприкасаем. К телохранителям добавился депутатский иммунитет, любая акция против него вызовет дикий шум. Недаром уголовное дело прекратили, даже этого хоряка-юриста выпустили...

Лис тронулся, по проселку выбрался на шоссе и, набрав скорость, помчался в город. Леший ждал недалеко от въезда за большими портовыми складами.

– Привет, Петруччо, – Лис открыл дверь. – Прыгай!

Тот даже не поздоровался, чувствовалось, что он предельно взвинчен.

– Эти молодые отморозки совсем оборзели! Короля грохнули, его «точки» отобрали... Крест послал Гангрена разобраться, а через пару часов ему приносят мешок, там три головы: Гангрены, Черта и Фомы!

– Неужели Гангрена пришили? – удивился Лис. – Это же монстр уголовного мира, символ тиходонского воря!

– А потом их главный к Кресту заявляется – Амбал, – продолжал Леший.

– Обставил дом тачками с бритоголовыми уродами – рыл пятьдесят с собой привез, а сам гранату вынул, кольцо сорвал и говорит: «Хочешь жить – живи у не хочешь – умирай!» Ну, Крест жить захотел, тот гранату спрятал, условия свои выставил и уехал.

– И что Крест?

– Думает. Сходняк собрал, советовались. Те никаких правил не признают и ничего не боятся. Как с ними быть? Никто и не знает. Раньше с Таким никогда не встречались.

Леший озабоченно помолчал.

– Это же беспредел какой-то!

«Дожили, – подумал Лис. – Преступники на беспредел жалуются! А что тогда честные граждане сказать могут?»

– А что по моему заданию? Неужели никто с Шаманом рассчитаться не захотел?

Леший крикнул.

– Не до него сейчас. Он-то на другом уровне. А ребят бритоголовые беспокоят. Нахрапом ведь лезут, территории отбирают.

– А кто нашего подполковника завалил?

– Не знаю. Нет про то разговоров.

Лис кивнул.

– Ладно. Что-нибудь узнаешь – звони!

Леший вяло ответил на рукопожатие, тяжело выбрался из машины. Он как будто внезапно постарел.

Лис отправился на механический завод.

– Наш банк дал крупный кредит одной строительной компании, – объяснял он заведующему лабораторией гамма-дефектоскопии. – У них возникла проблема: заказчик засомневался в целостности фундамента. Мы заинтересованы в скорейшем возвращении денег, поэтому вызвались помочь. Специалисты подсказали, что проблему можно решить с помощью вашей установки.

– Передвижной гамма-излучатель? – Молодой человек с голодными глазами понимающе кивнул. – Мы можем выполнить эту работу. Вы перечислите на наш счет сто пятьдесят тысяч...

– Зачем затевать бюрократическую волокиту? – перебил Лис. – Мы заплатим лично вам пятьсот тысяч, и вы одолжите нам установку на два часа.

– Что ж, давайте обойдемся без бюрократизма, – согласился молодой человек.

* * *

Депутат Воронцов на скромной черной «волге» ехал в городскую администрацию. На углу Большого проспекта и Соборного переулка днем всегда образуются долгие пробки. Рядом с черной «волгой» томился в ожидании зеленый микроавтобус с красной надписью «Изотопы» и знаками радиоактивности по каждому борту. За рулем сидел Леший.

– Чуть вперед, – сказал Лис, и Леший продвинулся на полметра.

– Вот так...

Конус излучателя теперь направлен прямо на Шамана. До него было менее метра. Об-

лаченный в прорезиненный фартук и перчатки, Лис нажал кнопку. Свинцовая заслонка ушла в сторону и жесткое гамма-излучение, пронизав тонкую обшивку микроавтобуса и борт «волги», вонзилось в тело депутата, прошло сквозь него и лизнуло Кабана – нового начальника службы безопасности, сидящего за рулем.

В отличие от пули гамма-излучение не оказывает мгновенного действия. Воронцов вообще не ощущал происходящего. Жесткие лучи разрушали кровяные тельца и поражали костный мозг совершенно безболезненно.

Поток автомобилей двинулся вперед, Лис вернул заслонку на место.

– По первому переулку сверни вправо, – скомандовал он. – Отгони фургон и заплати всем за сохранение коммерческой тайны.

– Понял, – сказал Леший. – А чего ты такое делал?

– Пленку ему, гаду, засветил. Потеряет на этом десяток «лимонов».

– Ото! – присвистнул Леший. И тут же поправился:

– Это нам «ого»! А ему – плюнуть и растереть.

– Ничего, ничего, – Лис снял фартук и перчатки, положил в специальный ящик. – Ему еще перед кое-кем за эту пленку отчитываться придется! Может и на нож налететь!

Леший довольно рассмеялся.

– Другое дело! Это я понимаю! Ну ты даешь, Михайлыч!

И после паузы сказал:

– Из тебя бы хороший пахан вышел для нашей коды. Жалко, зоны толком не знаешь.

Но по воле бы – цены тебе не было!

Лис хмыкнул.

– Ты всерьез, что ли?

– Конечно. У тебя мозги здорово работают. Ты бы насчет этих бритоголовых козлов что-нибудь сразу придумал!

– Тогда предложил своим. Пусть меня назначат или выберут, как там у вас принято...

Леший так замотал головой, что закрипел позвоночник.

– Не-е-е... Разве овчарка может стать вожаком в волчьей стае? Вор есть вор, мент есть мент. Если они настоящие, целые внутри. А если двоедушные... Такие, как я, вам стучат, твое гнилье блатным помогает. Только кому они нужны...

* * *

Лис положил газету с портретом депутата Воронцова на стол Хондачеву. Банкир бегло пробежал крупный шрифт.

– Прет, как на дрожжах, – Хондачев отбросил газету. – Не только уголовники его уважают и поддерживают. Смотри: сколько статей, интервью. Неужели журналисты, редакторы, тот же Лыков ничего не слышали о его делишках? И растят. Чего доброго в областные начальники выбьется...

– Нет, – Лис печально покачал головой. – Он умрет.

– Убьют? – насторожился банкир.

– Нет. Сам умрет. От болезни. В течение месяца. А активной деятельностью не сможет заниматься уже через десять дней.

– Откуда это известно?

– От верблюда. У меня есть хороший агент – верблюд в зоопарке... Лис посмотрел в лицо своему работодателю и решил сменить тон.

– Извините. Я сообщил вам стопроцентно верные сведения. Такой исход вряд ли случаен. Скорее всего это результат реализации взятых мною на себя обязательств. Сообщаю заранее, чтобы вы могли подготовиться к исполнению своих.

Он встал.

– Ничего не понимаю, – развел руками банкир.

– Главное – результат, а не способность объяснить его. Кстати, вам никто не угрожает?

– Абсолютно. Больше того – изменилась атмосфера вокруг меня. Все доброжелательны, предупредительны...

– Отлично. Так и должно быть.

Лис вышел.

На улице у машины его ожидал хорошо одетый человек лет тридцати пяти-сорока.

– Здравствуйте. Вы Филипп Михайлович?

Лис быстро осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил. Тогда он шагнул к человеку вплотную.

– Да, я.

– Очень приятно. Я – Борис. Вон, видите, – человек показал на вывеску нового ночного бара напротив банка. На вывеске крупно сверкало позолотой название заведения: «Борис».

– Завтра открываемся, – сообщил Борис.

– И что?

– Хочу попросить быть нашей «крышей». Тут рядом, вам удобно... Байков охотно брал ближние... – он осекся.

– А почему меня, если Байков занимается этими делами?

– Раньше вас не было, теперь вы вернулись. Мне посоветовали вас.

– Кто посоветовал?

– Акоп. Помните его? И еще несколько человек. Полмиллиона в месяц вас устроит?

– Я подумаю, – Коренев хотел обойти Бориса, но тот заступил дорогу.

– А если уже завтра на меня «наедут»?

– Скажите, что Лис думает, и направьте их ко мне: Вот телефон, – Коренев протянул визитку.

– Спасибо, – улыбнулся Борис.

Лис заехал в РУОП.

Волошин развел руками.

– Пока глухо. Боюсь, дело зависает.

Лис выругался.

– Если я раздобуду информацию, дашь людей для ее отработки?

– Без вопросов, – кивнул Волошин.

Лис направился к месту убийства. Переулок Подбельского был застроен старинными домами, многие пережили революцию.

Он постоял там, где обнаружили труп Крылова, внимательно осмотрел окна четырехэтажного здания, что-то прикинул. Зашел к уполномоченному дома, недолго переговорил, после чего поднялся на третий этаж и позвонил у высокой темной двери с тусклой металлической цифрой «восемь».

– Кто там? – послышался старушечий голос.

– К вам, Марфа Никитична. Из собеса.

Дверь приоткрылась на длину цепочки, и Коренев сунул в образовавшуюся щель пятидесятитысячную купюру. Деньги мгновенно выпорхнули из рук и дверь захлопнулась, но вскоре открылась уже без цепочки.

– Заходите, – маленькая пухлая старушка с живыми любопытными глазами провела Коренева в комнату. Он сразу прошел к окну. Лучшего наблюдательного пункта не придумаешь.

– Марфа Никитична, вы всегда дома, много времени проводите у окна и наблюдаете все необычные происшествия.

– Что за глупости! Ничего я не наблюдаю! – оскорбилась старушка.

Коренев извлек еще пятьдесят тысяч.

– Я частный сыщик. Меня интересует убийство. Помните, со стрельбой? Не услышать ее было невозможно. Вы расскажете мне, только мне, все что видели. Повторять это нигде и никому не надо. Ходить к следователю и в суд тоже не надо.

Марфа Никитична внимательно слушала.

– За свой рассказ вы получаете сто тысяч. Если ничего не расскажете, то и денег не получите. Кстати, где та купюра, что я вам дал?

Добывший за всю жизнь миллионы битов информации, Лис впервые покупал ее и сразу почувствовал преимущество нового метода.

– Ехал «мерседес», кажется, желтый. Потом остановился. Вышел такой здоровый, с

бритой башкой, в спортивном костюме. Что-то сказал девушке, она проходила мимо. Схватил ее, потащил в машину...

Марфа Никитична сосредоточенно свела брови и как будто пересказывала наблюдаемые сию секунду события.

– Девушка вырвалась, кричала. Тут появился мужчина. Ему не хотелось вмешиваться, но он все же вмешался. Из машины его застрелили. Потом они уехали.

– А девушка?

– Что «девушка»?

– Куда она пошла?

– Да куда! Они увезли ее с собой.

«Прямо фашистская оккупация! – подумал Лис. – Средь бела дня, в центре города... Убили сотрудника милиции, довели дело до конца и спокойно уехали...»

– Убитый говорил, что он из милиции?

– Да, крикнул... Но сейчас никто ничего не боится.

«Ладно, увидим».

Лис задал еще несколько вопросов, потом прямо от Марфы Никитичны позвонил Волошину.

– Саша заступился за девушку, но ее все равно увезли. Надо проверить больницы в тот день и два последующих. Пострадавшая с травмами, характерными для изнасилования.

– Сделаем.

Лис распрощался со старушкой.

– А почему про собес сказали? – спросила она напоследок.

– Потому, что иначе вы вообще дверь не открываете.

– Ух ты! Откуда знаешь-то?

Но Лис не ответил. Мыслями он был уже в другом месте.

На этот раз железные ворота ремонтной базы оказались открытыми. Не сбавляя скорости, Лис влетел на территорию и резко затормозил у небольшого домика, в котором размещалась контора Лакировщика. Скрипнула резина, коротко вякнул клаксон. Лис выскочил из машины.

Лакировщик стоял на пороге, испуганно глядя в прибывшего. Казалось, волос у него стало еще меньше.

– Это ты... – хозяин перевел дух.

– А ты у кого ждал? Бритого мальчика с автоматом?

Лис подошел вплотную. Лакировщик почувствовал себя неуютно и отступил.

– В прошлый раз вы с Черномором не захотели мне помочь. И где теперь Черномор?

Лис снова шагнул вперед.

– Тогда ты сослался на него, сейчас придется говорить от себя. И за себя отвечать....

– "22–37 серия «ТД», – сказал Лакировщик без напоминаний. – Номер с разбитой «волги». Он снят с учета. А купил его один клоун, кликуха Попугай. Поставил на угнанный «мерс».

– Что за Попугай?

Лакировщик презрительно взмахнул рукой.

– Кто его знает! Держит коммерческие ларьки где-то в Нахичевани...

– Ладно, – Лис холодно улыбнулся. – Сегодня ты мне больше понравился, чем в прошлый раз.

С почтительного расстояния за беседой наблюдали подручные Лакировщика.

Лис похлопал хозяина по щеке и направился к машине.

– Что вылупились? – заорал Лакировщик. – По местам и работайте!

Девушку нашли в гинекологическом отделении больницы «Скорой помощи». Надя Мелентьева, двадцать лет. Множественные ожоги бедер, разрывы половых органов, ушибы мягких тканей лица.

Гусаров с Лисом прочли историю болезни, при этом Лису что-то смутно вспоминалось.

– В милицию сообщили? – спросил Гусар.

– Сообщали, – лечащий врач пожал плечами. – А что толку? Приехали из уголовного

розыска, она им говорит: «Упала, как раз на палку». – «А ожоги?» – «Супом облилась». Ну, те и уехали. Сейчас никто заявлять не хочет: боятся, не верят, что виновных накажут, только нервы вымотают да ославят. И потом, сознание у людей изменилось: ее убили, считают, и хорошо! Так это наши пациентки, с тяжелыми травмами! А если без переломов и разрывов – вообще никто не пойдет...

Гусар и Лис переглянулись. По статистике, изнасилований с каждым годом становится все меньше. Начальники выдают это за успехи в борьбе с преступностью. Они не ходят по больницам, не видят потерпевших. К тому же частности руководителей не интересуют.

В палату Лис прошел один. Шесть кроватей, блеклые женские лица, стойкий больничный запах. Две пары глаз настороженно уставились на него.

– Надя, к тебе, – сказал доктор, и настороженность осталась только в зеленых глазах девушки с синяками на челюсти, скуле и под глазами.

– Я ничего не заявлю и заявлять не буду, – сказала она и отвернулась.

– Мне заявлений, протоколы и показания не нужны. Я друг человека, которого застрелили из-за тебя. Скажи, кто это сделал, и я уйду.

– А что дальше?

– Дальше я найду их и сам разберусь с каждым.

– Без меня?

– Да. От тебя больше ничего не потребуется.

Надя заплакала.

– Тащить в машину стали, ваш друг подбежал, крикнул: «Я из милиции», в него сразу выстрелили. А меня отвезли за город, в рошу и... Она разрыдалась навзрыд.

– Сколько их было?

– Трое. Один тощий, дерганый какой-то, другой поздоровей, у него голова вытянутая, а третий – вообще зверь! Он меня сигаретами жег, его это возбуждало и рычал, как волк... А тощий потом палку засунул, я сразу сознание потеряла от боли...

– Стрелял кто?

– Ах да, для вас это главное! Тощий, он сзади сидел. А что со мной сделали, показать?

Она откинула одеяло, и Лис увидел усеянные гнойниками ожогов бедра. Точь-в-точь, как у Томки Федотовой.

– Полюбуйтесь! У меня таких друзей, чтобы найти и заступиться, нету. Может, вы и за меня слово скажете или дело сделаете? Или вон за Вальюшку,

– девушка показала на соседку, чьи глаза настороженно встретили Лиса при входе.

– Она к жениху спешила, остановила машину, села, а очнулась уже здесь, после операции. Ее вообще пополам разорвали!

– Выздоровливайте, девчонки, – выдавил Лис и поспешно выскочил из палаты.

Теперь надо найти Федотову...

– Ну что? – спросил Гусар. – Не дала показаний?

– Официальных – нет. А так пошептала кое-что... Гусар разочарованно махнул рукой.

– Сейчас и по официальному заявлению трудно гада в камеру затолкать.

– Посмотрим, что получится, – туманно бросил Лис на бегу.

Федотову Лис нашел на рабочем месте – у «Сапфира».

– Как заработки? – спросил он, сажая девушку в машину.

– Не жалуюсь. Одно время был спад, сейчас люди бабок насбивали, а развлечься многим охота. В сезон можно лимонов пятнадцать-двадцать за месяц срубить. Я себе квартиру купила, обставила... Правда, сейчас «наезжать» стали. Тот же Амбал половину требует. Вот же сука! Давай я лучше тебе платить буду...

– Кстати об Амбале, – перебил проститутку Лис. – Он тебя все еще жжет?

– Перестал. Говорит, теперь чужих баб подпаливает. Ко мне он вроде «неровно дышит». Что б он сдох!

– А с кем он сейчас тасуется?

– Как Ржавого убили и Валька на инвалидность перевели, он с Попугаем и Веретеном катается. Попугай недавно «мере» взял. По-моему, «темный».

– Какой он из себя, Попугай-то?

– Тощий, соплей перешибить можно, глаза дурные, круглые... Да бошки у всех обри-

ты...

- Это он ларьки держит в Нахичевани?
 - Он там подставной. Хозяин – Амбал.
 - Какое прикрытие у Амбала?
 - Всегда целая банда вокруг. У них разборка большая с ворами, так сейчас все насто-
роже.
 - А когда он с тобой едет? Берет кого-нибудь?
- Федотова засмеялась.
- Нет, тут он свидетелей не любит.
 - Куда он тебя обычно возит?
 - Природу любит, сволочь! На левый берег в основном. К озеру или в рощу.
- Лис насупился.
- Слушай, что тебе надо сделать...

* * *

Во двор РУОП, где располагался СОБР, Лиса не пустили. Часовой повертел удостоверение службы безопасности «Золотого круга» и равнодушно вернул.

- Для нас это не документ.

Лис вздохнул. Всем своим нутром, до самого костного мозга он оставался государственным служащим, майором милиции, сотрудником УР. Статус частного охранника, пришедший на смену властным полномочиям, воспринимался им как прозрачный пеньюар, надетый вместо стальных рыцарских доспехов. Особенно обострялось это ощущение в подобных ситуациях, когда бывшие коллеги не признавали его за своего.

- Доложите Литвинову, что к нему пришел Коренев.

– Коренев? – На лице рослого молодого парня отразилось усилие воспоминания, но тут же погасло. Он набрал короткий номер внутреннего телефона, сообщил, выслушал ответ.

– Приказано пропустить без сопровождения, – удивленно сказал он. Это была высшая форма доверия к посетителю.

Литвинов находился в хорошем настроении.

– Знаешь, какого зверюгу мой парень завалил? Матерый киллер, за ним двадцать ликвидаций – это только те, что известны.

Литвинов бросил на стол несколько фотографий.

– Он такую штуку придумал: положил двойнику в карман свой паспорт и подменил патрон – с толом вместо пороха. Двойник подорвался, лицо изуродовано, документ – вот он! Ловко? Надеялся, что розыск прекратят... Его и прекратили!

Литвинов подвинул фотографии поближе к Кореневу.

- Ты посмотри, посмотри!

Лису было не до фотографий. Его заботила другая проблема, в которой помощь майора являлась не только желательной, но и необходимой. Но из вежливости он взял один из глянцевых листков.

Мастер лежал на спине, раскинув руки, под правой валялась «ВСС». Слева на груди угадывалось большое темное пятно.

- Хорошее попадание, – одобрил Лис и скользнул взглядом по лицу убитого.

– Черт!

– Что?

– Да нет, ничего. Это я вообще. Можно взять фотку? Ребятам покажу...

– Возьми. И скажи, что это с трехсотпятидесяти метров, в условиях дуэли!

– Обязательно скажу. Но я за другим. Знаешь, кто убил Сашку?

Челюсти командира СОБРа плотно сжались, губы превратились в тонкие бескровные полоски.

– Три ублюдка. Амбал, Веретено и Попугай. Стрелял Попугай.

– Где они? – процедил майор.

– Гуляют. Никаких доказательств для суда нет. Официальных свидетелей нет. Девчонка, которую они изнасиловали и искалечили, отказывается дать показания.

– А зачем нам суд? – ледяным тоном произнес Литвинов. – Там, «за речкой», без всяких судов прекрасно обходились! Главное, чтобы всем понятно было. И справедливо.

– Я тоже так считаю.

Они посмотрели в глаза друг другу.

– Самый крутой среди них Амбал. Он Короля замочил и Креста напугал гранатой. Говорят – ничего не боится, все ему по колено!

– Так-таки и ничего? – нехорошо улыбнулся майор. – Что ж, посмотрим!

Спускались сумерки, в шелесте лесополосы появилось что-то зловещее, донимали комары. Лис был одет в старый спортивный костюм, Литвинов облачился в выцветший камуфляж, – привезенный с афганской войны. «Девятку» Лиса замаскировали вдаль от дороги, сами засели в окружающих озеро кустах. Оставалось ждать. Они ждали молча.

Наконец по проселку запрыгали огни фар. Амбал любил менять машины, сегодня, он приехал на БМВ, входившем все в большую моду у «крутых».

Хлопнули дверцы.

– Хорошо-то как! – довольно естественно восхитилась Федотова. – Давай выкупаемся... Она принялась быстро раздеваться.

– Мы что, купаться приехали? – мрачно ответил Амбал.

– Все успеем! Я тебе прямо в воде сделаю, доволен будешь!

– Что-то ты сегодня добрая, – он стянул рубашку. – Хочешь процент снизить? Вот тебе!

– Сейчас не о делах говорить надо, – щебетала девушка. Она знала, что произойдет через несколько минут, но это знание не сковывало ее поведения.

– Дура! Купаться... А куда я это дену?

– Положи свои железки в машину. Зачем вообще ты их возишь?

Несмотря Амбал бросил на сиденье пистолет и гранату.

– Аида! – как и было условленно, Федотова первая побежала к воде. Белое тело девушки отчетливо выделялось на фоне черной массы деревьев. Она нырнула в чахлый кустарник, окружающий озеро.

– Скорей иди, мне страшно одной, – выкрикнула она и, опустившись на теплую землю, зажала уши.

Амбал не спеша шел следом. Мощный бочкообразный торс, длинные руки. Орангутанг.

– Где ты? – Он раздвинул кусты.

– Здесь! – крикнул Литвинов, хватая его за руку и ударяя коленом в пах.

Неожиданное нападение всегда парализует человека. Если он голый, парализующий эффект усиливается. Но Амбал отскочил, вырвал руку и неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы выпрыгнувший сбоку Лис не ударил его в висок. Могучее тело орангутанга обмякло. Литвинов с удивительной сноровкой связал ему руки и ноги, вытащил из кармана специальный кляп.

– Оттуда привез, – пояснил он. – Десятки пастей им затыкал.

– А мне что делать? – сзади бесшумно приблизилась Федотова.

– Одевайся и иди по дороге. Метров тридцать от машины пройдешь – стой и жди.

– Сто метров, – уточнил Литвинов.

– Там темно, мне страшно...

– Сто метров! – повторил майор.

– Так ты, дешевка грязная, меня нарочно подставила?! – Амбал рванулся, но веревки держали надежно. – Я тебя на куски порежу!

– Иди, там оденешься! – приказал майор.

Когда шаги девушки смолкли, он "поднес блестящий изогнутый клинок к лицу захваченного.

– Душманский кинжал. Им много людей на куски порезали. Вначале наших, потом – тех... Уже десять лет не пил кровь, соскучился...

– Петух сраный!

Клинок рассек воздух, и ухо Амбала отделилось от головы. Густая темная кровь обдала голое тело.

– А-а-а... Истошный крик захлебнулся: майор мастерски вогнал кляп.

– Знаешь, что такое справедливость? – спросил майор. – Это когда каждый знает: причиненное зло вернется к нему в точно таком же виде. Я справедливости «духов» учил. И научил! Там, где наш батальон стоял, солдат хоть и убивали, но никогда не глумились, тела не уродовали. Догадываешься, почему?

– Давай заканчивать, – сказал Лис. Происходящее было ему почему-то неприятно.

– Успеем. Мне его испытать охота. Слышал, что он ничего не боится. Девчонку обещал на куски порезать. Друга нашего убил! Вот сейчас глянем: не забойтся, когда я его на куски резать буду?

Литвинов вынул кляп.

– Что скажешь?

– Он сумасшедший, – Амбал обращался к Лису. – Уберите его! Или хотите с ним вместе в тюрьме сидеть?

– Про тюрьму вспомнил, – удивился майор. – А когда Сашу Крылова убивал, про тюрьму не думал?

Моджахедский кинжал взметнулся еще раз. Второе ухо отлетело в сторону.

И снова захлебнулся истошный вопль раненого.

– Хватит! – Лис достал пистолет.

– Зачем свой ствол «светить»? Возьми в машине его пушку. И отвези девку за теми двумя. А я хочу до истины дойти. Не может такая тварь ничего не бояться! У меня были бесстрашные ребята, и «духи» попались крепкие... А это мразь...

Лис повернулся и пошел к машине. Сзади опять свистнул кинжал и раздался утробный всхлип.

Черт побери! Лис не считал себя сентиментальным или слабонервным, но сейчас он понял, что в оболочке хорошего товарища и коллеги скрывается какое-то другое существо, со своими представлениями о справедливости и мере искупления. Он бы не взялся судить его, просто скрытое в Литвинове существо видело то, чего не видело большинство людей, и знало то, чего почти никто не знал.

Он вывел «девятку» и отвез Федотову в город, к «Погребку».

– Скажи, что его развезло, вести машину не может, послал за Веретеном и Попугаем. А ты добралась на попутке.

Проститутка кивнула. Естественность в поведении пропала, она была зажата и напряжена.

«Как бы не провалила дело...» – подумал Лис, глядя, как она заходит в подвальчик.

Но вскоре Тамара вышла, за ней, покачиваясь, шел Попугай, следом – Веретено. Они погрузились в желтый «Мерседес-100» и поехали, Лис держался сзади.

«22–37 ТД»! Этот номерной знак – последнее, что видел в своей жизни Саша Крылов.

А ведь, пожалуй, литвиновский вариант справедливости наиболее доступен и понятен для этих тварей!

Когда «Мерс» подкатил к БМВ, у машины никого не было. Федотова незаметно отошла в сторону, а Попугай и Веретено подошли и заглянули в салон, подсвечивая себе небольшим фонариком.

Тут же фонарик упал на землю. Попугай забился в рвоте. Веретено застыл, как соляной столб.

Лис осветил их фарами. Сбоку появился Литвинов в насквозь мокрым комбинезоне. В руке он держал кривой кинжал. Попугай упал на колени. Веретено закрыл голову руками и сел прямо на землю. Хотя оба были вооружены, ни один не потянулся за пистолетом.

– Ну, песики, расскажите, как моего друга убивали... Литвинов, поигрывая кинжалом, приближался к убийцам.

* * *

Почти до утра Лис и Литвинов пили водку в кабинете командира СОБРа.

– Нет, говно есть говно, – скрипел зубами майор. – Этот хваленый Амбал готов был мне ноги лизать. И сдавать всех подряд. Они крутые, пока на крутость не наткнутся! А те

двое... жаль ты их сразу пристрелил...

– Я зверства не люблю...

– А как зверей укрощать? Добрыми словами и благостными напутствиями?

Лицо Литвинова было страшным. Лис отвернулся.

– Давай еще выпьем! – Майор звякнул бутылкой о стакан.

– Мне хватит, – Лис встал. – Надо еще одну «чернуху» запустить по нашему делу.

– Сейчас?!

– Самое подходящее время.

Лис постучал в окно Лешего осторожно, чтобы не испугать агента. Но тот все равно выглядел так, будто приготовился к немедленному аресту.

– Новость слышал? Амбала с дружбанами пришили. Не надо было Короля убивать и Кресту гранатой грозить. А уж Гангрена вообще нельзя было трогать. Доигрались! На куски попластовали!

Леший зевнул.

– Не наши! Сходняк не собирался и Крест не решал...

– А говорят – ваши! – Лис не выглядел пьяным и, хотя водочный дух исходил от него крепкий, взгляд был как всегда твердым и пронизывающим.

– А-а-а... Ты мне только это и хотел сказать? Проинформировать о последней оперативной сводке? Или в сводку это еще не попало?

– Спокойной ночи, Петруччо! – Лис захлопнул за собой хлипкую латаную дверь.

Проснулся Лис около одиннадцати. Он бы спал еще, если бы не телефонный звонок.

– Минутку, сейчас с вами будут говорить, – пробасил мужской голос. Следом прозвучал другой, властный, вначале показавшийся незнакомым.

– Здравствуйте, Филипп Михайлович! Это Калашников.

– Кто? – Лис спросонок ничего не понимал. К тому же болела голова, мутило.

– Крест, – пояснил голос. – Вы мне помогли, жизнь спасли, я ваш должник. Да и вообще, с вами в городе порядка больше. Если что от меня понадобится – обращайтесь.

– Пойдите, – спохватился Лис. – Телефон-то откуда знаете? Я тут временно, никому его не давал...

– Телефон? – удивленно переспросил Крест. – Так я просто сказал ребятам, они и соединили... Все знают, чертяки! Ну, бывай!

Приняв душ, Лис позвонил Хондачеву.

– Какие новости?

– Только что с актива в администрации. Ночью трем бандитам головы отрезали. Они с ворами что-то не поделили.

Банкир помолчал, ожидая вопросов, но Лис их не задал.

– А Воронцова сегодня не было. Заболел, говорят, тяжело. Ты не в курсе?

– Я же не доктор, – равнодушно ответил Лис. – Хочу сегодня отгул взять. Устал немного.

– Гуляй, – разрешил Хондачев.

Лис набрал номер Натахи.

– Как дела? Почему не на работе?

– Ох, это ты? – В голосе слышалась радость. – У меня отгулы за переработки.

– Совпадение! И у меня отгул.

– Хочешь – приезжай, – нейтральным тоном предложила Натаха.

Лис прислушался к своим ощущениям.

– Очень хочу!

– Ну, давай... – он почти видел улыбку на лице Близнецов.

– Еду!

Пепла на ступенях не было. Он позвонил, и дверь открылась очень быстро.

– Я думала, ты про меня забыл... Лис молча развязывал поясок легкого халата.

– Давай попьем чаю, – предложил целомудренный Близнец.

Лис распахнул шелковые полы. Второй Близнец предусмотрительно снял белье. Он уже отвык от Натахиного тела и сейчас жадно рассматривал белые отвисающие, но с торчащими сосками груди, тонкую талию и округлые бедра, пышный кучерявый лобок и ноги с

большими ступнями.

– Чаю, говоришь?

Лис развернул Натаху спиной к себе.

– А как ты пол моешь?

– Давай хоть в комнату войдем, – сказала она, нагибаясь.

Отработав Натаху прямо у входной двери, Лис перевел дух.

– Теперь можно и чаю...

Натаха хлопотала на кухне, он молча смотрел на нее, размышляя. Она еле сводила концы с концами, жила от зарплаты до зарплаты. Любовники не баловали ее дорогими подарками, да и сама она не просила ничего взамен секса. А ведь в принципе... Томка Федотова профессионально занималась тем, что Натаха делает из любви к искусству, решила все финансовые проблемы. Конечно, это явно постыдное занятие. Но сейчас существует множество облагороженных форм... Секретарь в процветающей фирме. Уколы на дому для солидных пациентов. И так далее, и тому подобное.

Натаха просто не умела извлекать с помощью своего тела материальную выгоду. Как-то она рассказала, что встретила старого приятеля и тот назвал ее непрактичной. «Другая на твоём месте уже бы и должность хорошую получила, и упаковалась. Сейчас время такое...»

Лис не стал уточнять ни степени близости приятельских отношений, ни предмета разговора, но с выводом Натахиного знакомого согласился. Сейчас время блядей. А она действительно непрактична...

– Какой чай: индийский заварной или английский в пакетах?

– Французский, – ответил Лис.

Второй Близнец откровенно улыбнулся. Они Изредка практиковали такую игру: минет с чаем. Натаха отхлебывала от чашки янтарную дымящуюся жидкость, неторопливо глотала, а дальше делала все как обычно, но рот становился горячим – это обостряло ощущения.

– Соседка пришла с базара, там рассказали кошмарную историю, – скромный Близнец поспешил уйти от неприличной темы. – Молодые преступники напали на старых, стали чего-то требовать. А те их убили, разрезали на мелкие куски, положили в машины, а машины подогнали к милиции.

Рассказывая страшные вещи, Натаха смешно округляла глаза.

– А к милиции-то зачем?

– Наверное, чтоб страшнее...

Лис лучше кого бы то ни было знал, что «мерседес» и БМВ остались в лесополосе, но он хорошо знал и механизмы разрастания слухов.

– Да, я хотела тебя спросить, – женщина даже отставила чайник и всем телом повернулась. – Президента убили или нет? Люди разное болтают...

– А чего ты у Коли не спросишь? – прищурился Лис.

– Он куда-то пропал, – печально сообщила Натаха. – Я уж думаю, не случилось ли с ним чего... И потом, откуда он знает?

Глаза у нее были чистые и озабоченные.

– Уж он-то знает, – усмехнулся Лис. – Ведь это он и убил Президента. Правда, зовут его не Коля, а Витя.

– Ты шутишь? Да?

Озабоченность сменилась вопросом. Глаза Натахи легко меняли выражение.

– Его тоже шлепнули. Прямо на месте.

Лис бросил на стол фотографию убитого Мастера. Натаха медленно опустилась на стул, всмотрелась в снимок, неверяще покачала головой.

– Не может быть... Какой ужас!

– В чем, по-твоему, ужас? В том, что ты скрыла профессионального убийцу и благодаря этому он застрелил Президента страны? Или в том, что негодяя обезвредили?

– Почему я скрыла? – Теперь глаза стали испуганными и наполнялись слезами.

– Если бы ты правильно ответила на мои вопросы, его арестовали бы в тот же день! – «нагонял колоду» Лис. – А ты соврала! Значит, кто виноват в убийстве Президента?

У Натахи начали дрожать губы. Сейчас она разревется, а Лис не выносил женских

слез.

– Что мне теперь будет?

– Придется искупить вину перед органами правопорядка и трахнуть со мной немедленно! – победно закричал Лис и, вскочив, закружил Натаху по кухне.

– Подожди, дай я в себя приду, – Натаха терла глаза. – Но я же ничего не знала. Я не хотела его укрывать, правда-правда!

– Забуди, – Лис поставил женщину на пол. – Он мертв.

Насколько я понимаю, все нити, ведущие к тебе, оборваны.

– А как же... – Натаха осеклась. – Как же... Глаза Близнецов беспокойно бегали.

– Он тебе что-то оставил? – спокойно, как о само собой разумеющемся, спросил Лис, –

Неси, посмотрим.

Натаха долго возилась в шифоньере, извлекая укрытый тряпьем кейс.

– Вот! – Она положила чемоданчик на стол.

Не прикасаясь, Лис тщательно осмотрел кейс, обнюхал, прижавшись ухом, долго вслушивался.

– Кажется, ничего... Но лучше на балконе. Дай дрель и удлинитель.

– Почему на балконе?

– В замкнутом пространстве взрыв опасней, – пояснил Лис. И добавил:

– Но для того, кто открывает, это значения не имеет.

– Так может не надо?

– Неси дрель!

Аккуратно просверлив тонким сверлом по кругу с десяток отверстий, Лис осторожно выломал кусок пластмассы.

– Так-так-так, – удовлетворенно проговорил он и повторил операцию с другой стороны кейса.

– Бояться нечего. Сделай музыку погромче, – сказал Лис, возвращаясь с балкона в комнату.

Натаха включила магнитофон.

Лис рассверлил замок и распахнул крышку. Включилась тоненькая немощная сирена, замигала красная лампочка. Оборвав проводок питания, он выключил сигнализацию.

– Смотри!

Натаха, осторожно ступая, подошла, близоруко наклонилась.

– Ой, доллары! Сколько же здесь?

– Думаю, миллион, – прикинул Лис. – Это гонорар твоего Коли-Вити. Цена головы Президента.

– Кому их надо отдать?

Лис молчал. Он тоже был непрактичным. Много зная и умея, он понятия не имел, как превратить лежащее перед ним богатство в счет в швейцарском банке, особняк на Кипре или виллу во Флориде. Купить «мерседес-600» за сто сорок тысяч – дело не хитрое, но это прямая «засветка» и пристальное внимание обеспечено. Еще одна крупная трата, и обязательно найдутся люди, желающие эти деньги забрать. В современных условиях он вряд ли сумеет удержать столь жирный кусок или хотя бы сохранить жизнь.

– Они не фальшивые?

Он посмотрел на Натаху.

– Не похоже. И потом, видишь, желтые полосы? Их проверяли не так давно...

– И чьи они теперь?

Лис впился взглядом в ее глаза. Действительно, непрактичная баба. Она явно не могла представить, что гигантская сумма принадлежит ей. И не понимает, что если бы он решился оставить деньги, то вынужден был сразу же избавиться от свидетельницы. То же, сто-процентно, собирался сделать и Мастер.

– Государственные, конечно!

Похоже, иного ответа она и не ожидала.

– Надо отнести, или они сюда приедут?

– Не спеши...

Лис размышлял, какую пользу можно безопасно извлечь из свалившегося богатства.

Занывать пачку-другую? Но неполнота суммы вызовет подозрения, хотя они и недоказуемы, однако породят сплетни, домыслы, пересуды, вокруг его имени поднимется волна информационного шума, что не способствует жизни и здоровью. Отдать чудом свалившееся богатство, не попользовавшись, тоже глупо... Внезапно он придумал.

Натаха непонимающе смотрела, как Лис раскладывает денежные пачки по широкой тахте.

– Что ты делаешь?

– Ты когда-нибудь трахалась на миллионе долларов? Нет! И я нет. Такой случай выпадает раз в жизни. Грех им не воспользоваться...

– Ну ты и придумщик, – сказала Натаха, расстегивая халат.

Шаман умер в больнице от лейкемии. Его хоронили с почетом и уважением. Траурная церемония получилась такой же величественной и торжественной, как у Короля и Черномора.

То, что осталось от Амбала и его дружков, зарыли в дальнем углу кладбища без цветов и оркестра. В криминальном мире, несмотря на разные слухи, склонялись к мысли о том, что менты отомстили за убитого Крылова. Это способствовало законности и правопорядку в городе, так как авторитет сотрудников милиции возрос, число неповиновений и сопротивлений им резко снизилось.

Север стал хозяином рынка, воры подмяли группировщиков и молодых, хотя все понимали: это временное явление. Жизнь изменяет ситуации, перевешивает чаши весов, меняет расстановку сил. Подрастает новое племя – голодных, жадных, малограмотных и жестоких, плюющих на любые законы и не признающих никаких авторитетов.

Лис отыскал Вартадяна.

– Знаешь, друг, я подумал, подумал и решил: ты – моя крыша! Своим ребятам сказал – они сразу отскочили: «Какие разговоры!» И Левон хочет тебе платить, и «Спасительный круг», все хотят! Потому что уважают!

Лис как раз переезжал в трехкомнатную квартиру: Хондачев сдержал слово.

– Давай, чтоб у меня голова не болела, организуй все: мебель, сантехнику, – сказал он. – Если не трудно, конечно.

– Какой «трудно»! – обрадовался Вартадян. – Все сделаем.

И хотя жизнь Лиса обустроилась, но одно чувство жгло душу, не давая покоя. Любой выкинутый из Системы сотрудник милиции считает необходимым в ней восстановиться. Чтобы доказать торжество справедливости. Завтра он может уйти, но уже по собственному желанию: с пенсией, выходным пособием, торжественными проводами, правом пользования спецполиклиникой и правом на бесплатные похороны с залпом комендантского взвода. А главное

– с чувством удовлетворения.

С рапортом о восстановлении и постановлением о прекращении уголовного дела Лис явился в кадры.

– У меня к тебе никогда претензий не было, – прогудел толстенький низкий подполковник Федундов. – Мы решение прокуратуры исполняли. А раз оно отменено – сыграем обратно. Жди приказа!

В коридоре Лис столкнулся с Нырковым.

– Восстанавливаешься? – Колорадский Жук крепко взял его под локоть и отвел в сторону, к большому окну, выходящему на Центральный проспект. – Это хорошо. Есть предложение. Пойдешь ко мне на место Крылова? Подполковничья должность и перспектива... работу ты нашу знаешь.

Коренев молчал.

– Так что?

– Я подумаю.

– Давай! – Нырков крепко пожал ему руку. – Думай. Двух дней тебе хватит?

В тот же день серьезный разговор завел и Хондачев.

– Вы полностью решили мою проблему. И насколько я осведомлен, много своих. Сейчас «Золотой круг» будет расширять сферу деятельности. Открывать филиалы, выпускать ценные бумаги, расширять инвестиции. Это связано с вторжением в зоны чужих интересов и

вызовет определенные противодействия.

Банкир закурил, предложил Лису, но тот отказался.

– Я хочу предложить вам создать силовую структуру, гарантирующую банк от любых неожиданностей. Придется решать и другие задачи: многие не возвращают кредиты, а деньги обесцениваются... Арбитража сейчас никто не боится, зато боятся людей, способных к решительным действиям.

Лис чему-то улыбался.

– Новая работа повлечет и новые условия оплаты. Вы станете соучредителем, будете получать дивиденды. Банк выделит ссуду на строительство дома и организует работы так, что через год справите еще одно новоселье. Это предварительный разговор. Все условия мы позже оговорим подробно. Вы согласны?

– Мне нужно подумать, – сказал Лис.

Хотя на самом деле он уже принял решение.

Переделкино – Ростов-на-Дону 1994–1995 гг.